ПАМЯТНИКИ МІРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

НАРОДНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ

ЭДДА. Т. I.

ЭДДА

СКАНДИНАВСКІЙ ЭПОСЪ

ПЕРЕВОДЪ

ВВЕДЕНІЕ, ПРЕДИСЛОВІЕ И КОММЕНТАРІИ

С. СВИРИДЕНКО

ПОЛНЫЙ ПЕРЕВОДЪ СЪ ДРЕВНЕ-СКАНДИНАВСКАГО ЯЗЫКА
ВЪ СТИХАХЪ РАЗМѢРОМЪ ПОДЛИННИКА,
УДОСТОЕННЫЙ БОЛЬШОЙ ПРЕМІИ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

МОСКВА
ИЗДАНІЕ М. И С. САБАШНИКОВЫХЪ
1917

Типо-литографія Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°. Пименовская ул., соб. д.
Москва—1917.

ЭДДА

ВВЕДЕНІЕ.

Въ статьѣ профессора Ѳ. А. Брауна, предпосылаемой моему труду, читатель найдетъ рядъ спеціальныхъ историко-филологическихъ свѣдѣній относительно того литературнаго памятника, которому присвоено названіе Старшей или Стихотворной Эдды. Уважаемый ученый, въ настоящее время являющійся въ Россіи авторитетнѣйшимъ знатокомъ германской филологіи, по моей просьбѣ изъявилъ согласіе (за которое онъ позволитъ мнѣ въ этомъ мѣстѣ печатно выразить ему мою глубокую признательность) взять на себя общедоступное изложеніе филологической характеристики памятника. Такъ что мнѣ нѣтъ надобности останавливаться на ней въ моемъ введеніи.

Въ настоящемъ очеркѣ я ограничусь лишь необходимыми сжатыми указаніями.

Древне-скандинавская (норвежская по своему племенному источнику) литература получила свое настоящее развитіе въ Исландіи, колонизированной въ IX—X вв. христіанской эры, на ряду съ представителями другихъ племенъ, и норвежскими выходцами, не желавшими подчиниться королевскому произволу объединителя Норвегіи Гаральдра Гарфагра.

Въ XII вѣкѣ положено начало мѣстной исландско-норвежской письменности, основателемъ которой считается Ари Торгильссонъ (ум. 1148 г.), первый начинатель исландской исторіографіи, а въ извѣстномъ смыслѣ и всей прозаической литературы своихъ единоплеменниковъ, достигшей въ сравнительно короткій срокъ богатаго расцвѣта. Обособленные на своемъ одинокомъ сѣверномъ островѣ, лежавшемъ у границъ тогдашняго обитаемаго міра, не

безпокоимые крупными внѣшними врагами, не подвергавшіеся— по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ—истребительнымъ походамъ христіанскихъ фанатиковъ, безпощадно искоренявшихъ всѣ продукты народной языческой литературы у тѣхъ (южныхъ) германскихъ племенъ, на которыя распространялась сфера ихъ дѣятельности, — обитатели Исландіи свободно могли пользоваться досугами долгихъ, почти полярныхъ зимъ, чтобы записать перешедшія отъ предковъ повѣсти о родныхъ богахъ и герояхъ, исторіи своихъ и норвежскихъ вождей и королей, свои обычаи, вѣрованья и народные законы. Древніе исландскіе авторы оставили богатое прозаическое наслѣдіе, въ которое входитъ, кромѣ произведеній миѳологическаго и фольклорнаго характера, множество историческихъ біографій (прежде всего норвежскихъ королей, затѣмъ выдающихся вождей, а послѣ принятія христіанства въ Исландіи— епископовъ), также монографій, относящихся къ исторіи Исландіи, Норвегіи, Даніи и островныхъ колоній, наконецъ, разсказы о путешествіяхъ, объ открытіяхъ Гренландіи и Сѣверо-Американскаго материка, произведенныхъ около 1000 г. отважными скандинавскими мореплавателями, и т. д. Къ этому времени относится рядъ сагъ, описывающихъ судьбы отдѣльныхъ исландскихъ родовъ, повѣствуя о нихъ въ повседневно-реалистическомъ тонѣ, хотя и съ примѣсью легендарныхъ элементовъ, что побуждаетъ Геринга назвать саги этого типа своего рода „историческими романами", служащими однако превосходнымъ источникомъ для изученія культурно-бытовыхъ условій той эпохи [1]). На ряду съ развитіемъ исторіографической литературы надо упомянуть о другихъ попыткахъ научнаго изслѣдованія со стороны исландскихъ представителей средневѣковой образованности: въ области математики, астрономіи, реторики, грамматики и возникавшей лингвистики. Переводная прозаическая литература Исландіи также отличалась значительнымъ богатствомъ, включавшимъ средне-европейскіе и греческіе элементы, даже восточныя вліянія.

---

[1]) Лица, владѣющія нѣмецкимъ языкомъ, могутъ познакомиться съ древними исландскими сагами въ прекрасномъ художественномъ переводѣ Артура Бонуса (Arthur Bonus) въ его сборникахъ Isländerbuch, I, II—München, 1907, 1908; дополнительный томъ III съ обширнымъ историко-литературнымъ введеніемъ.

Поэтическая литература Исландіи, выросшая на почвѣ норвежской поэзіи, далеко выдвинулась по своимъ результатамъ надъ первоначальнымъ норвежскимъ источникомъ.

Въ Норвегіи изслѣдователи предполагаютъ еще до IX вѣка широкое развитіе поэтическаго творчества, первоначально несомнѣнно всецѣло остававшагося въ области устной передачи, такъ какъ начало его относится къ эпохѣ, предшествовавшей распространенію письменъ. Да и когда появились, перейдя на сѣверъ отъ южныхъ германскихъ племенъ, письмена—древніе руническіе знаки (происхожденіе которыхъ до сихъ поръ еще не можетъ считаться опредѣленнымъ съ увѣренностью, но по всей вѣроятности коренится отчасти въ заимствованіи и приспособленіи знаковъ греческой и латинской азбуки, отчасти въ видоизмѣненіи еще болѣе древнихъ, исконно германскихъ письменъ) [1]), даже и тогда они лишь изрѣдка могли служить для записыванья поэтическихъ произведеній, поскольку послѣднія не представляли собою заклинаній. Надмогильныя надписи и изреченія, помѣтки на оружіи и уборахъ, сообщающія имя собственника или мастера въ слѣдующемъ родѣ „Меня (мечъ) сдѣлалъ такой-то",—вотъ на что обыкновенно употреблялись руническія письмена. Могкъ считаетъ однако несомнѣннымъ, что нѣкоторыя изъ древнихъ пѣсенъ были уже записаны и въ руническую эпоху, хотя и высказывается противъ предположенія Б. Ольсена, чтобы такія записи могли быть многочис-

---

[1]) Въ настоящее время достаточно выяснено, что древнія „унаслѣдованныя отъ Óдина" руны, о которыхъ говорится въ пѣсняхъ и сагахъ, несомнѣнно, не тождественны съ тѣмъ, что стали называть рунами впослѣдствіи, т.-е. простыми письменами. Но считать послѣднія сплошь заимствованными изъ латинской или греческой азбуки мѣшаетъ то обстоятельство, что не относительно всѣхъ знаковъ рунической азбуки можно съ несомнѣнностью показать, изъ какихъ именно латинскихъ или греческихъ буквъ они получились. Вѣрнѣе всего, что къ иноземнымъ заимствованіямъ присоединено было нѣсколько видоизмѣненныхъ древне-германскихъ письменъ. Новѣйшія изслѣдованія выводятъ происхожденіе руническаго алфавита отъ греческаго курсива (См. Friesen. Om runskriftens Härkomst. Uppsala, 1904). Съ этой теоріей, однако, невозможно согласиться безъ оговорокъ. Интереснѣйшія данныя, хотя радикально расходящіяся съ ходячими научными воззрѣніями, относительно рунической письменности — имѣются въ замѣчательномъ трудѣ Г. Листа. G. List. Das Geheimnis der Runen. Wien, 1908.

ленны и заключать не только пѣсни, но и значительную часть прозаической литературы [1]).

Во всякомъ случаѣ руническія записи пѣсенъ до насъ не дошли [2]). Сохранившіяся записи пѣсенъ Эдды принадлежатъ уже эпохѣ, когда руническій алфавитъ былъ замѣненъ новымъ, близко воспроизводившимъ латинскій, что совершилось къ XII вѣку въ Исландіи, гдѣ къ тому времени развилась и процвѣтала возникшая въ норвежскомъ отечествѣ исландцевъ народная поэзія.

Поэтическія произведенія норвежско-исландской литературы многочисленны и разнообразны. Въ числѣ ихъ были и древнія сказанія о богахъ и герояхъ, и дидактическія стихотворенія, и пѣсни въ честь современныхъ авторамъ вождей и конунговъ, прославлявшія ихъ доблести, подвиги и побѣды; были и короткія стихотворенія въ видѣ отдѣльныхъ строфъ, lausar visur, вызванныхъ впечатлѣніемъ минуты и имѣвшихъ разнообразное содержаніе — любовную лирику, эпиграммы, загадки и т. п. [3]). Тѣ произведенія, которыя вошли въ поэтическій сборникъ, ставшій извѣстнымъ подъ именемъ Эдды, стоятъ въ извѣстномъ смыслѣ особнякомъ въ исландско-норвежской литературѣ; авторы ихъ намъ неизвѣстны; первоисточникомъ ихъ, несомнѣнно, являлось первобытное народное творчество, безыскусственное, почерпавшее свое содержаніе изъ древней сокровищницы народнаго самосознанія. Частью, быть можетъ, нѣкоторыя изъ этихъ пѣсенъ подвергались литературной переработкѣ отдѣльныхъ позднѣйшихъ авторовъ; но первоначальные ихъ элементы—сказанія и миѳы, составляющіе ихъ содержанія — являются созданіемъ безымяннаго вдохновенія древняго племенного духа. Лица, впослѣдствіи написавшія эти пѣсни, были лишь поздними пересказчиками, а не авторами ихъ. По духу своему и стилю эти пѣсни отличаются

---

[1]) Björn Ólsen. Runerne i den oldislandske Literatur. Kbh., 1890.

[2]) Что онѣ дѣйствительно существовали, достаточно доказывается приводимою Могкомъ цитатою: fa fannsk visa þessi á Sauctafelli ristin à kefli (найдена „пѣсня, врѣзанная на круглой палкѣ"), за чѣмъ слѣдуетъ самая „врѣзанная" пѣсня, о которой идетъ рѣчь. (Sturlunga sag. I. 341. 15).

[3]) По характеру замысла и содержанія, эти стихотворенія нѣсколько напоминаютъ испанскія народныя cantares—короткія строфы, обыкновенно въ 4 строки съ болѣе или менѣе случайнымъ содержаніемъ, передаваемымъ въ сжатой и тщательно округленной формѣ.

отъ произведеній тѣхъ болѣе позднихъ скандинавскихъ стихотворцевъ, которые намъ поименно извѣстны; видно, что онѣ принадлежатъ иному кругу творчества. Прежде, однако, чѣмъ обратиться къ ихъ характеристикѣ, надо сказать нѣсколько словъ о другихъ, отличныхъ отъ нихъ, продуктахъ исландской литературы.

Въ то время какъ тѣ древнія пѣсни, которыя потомству суждено было узнать изъ сборника Эдды, еще переходили, видоизмѣняясь и перерождаясь, изъ устъ въ уста, продолжая свое постепенное поэтическое развитіе,—въ это же время развивалось и крѣпло въ Исландіи новое поэтическое творчество, уже не безымянное и коллективное, а имѣющее своими носителями опредѣленныхъ авторовъ,—творчество литературное въ болѣе тѣсномъ смыслѣ, —принадлежащее опредѣленной категоріи лицъ (куда могъ попасть всякій, обладающій соотвѣтствующими способностями, отъ пастуха до короля,—но которая фактически не распространялась на всѣхъ) въ противоположность древнему, не сосредоточивавшемуся въ подобной категоріи, народному творчеству.

Связь съ послѣднимъ имѣлась, несомнѣнно, и въ литературныхъ произведеніяхъ историческихъ исландскихъ скальдовъ, но въ гораздо меньшей степени и съ меньшею непосредственностью, нежели въ эддической поэзіи.

Относительно литературы скальдовъ, общей по своему племенному источнику съ пѣснями Эдды, но проникнутой иными принципами и отлившейся въ иныя формы, я ограничусь здѣсь лишь самыми сжатыми указаніями. Можно назвать рядъ именъ извѣстнѣйшихъ исландскихъ скальдовъ [1]), оставившихъ крупное поэтическое наслѣдіе, сохранившееся частью и до нашихъ дней. Въ X вѣкѣ знаменитый Эгиль Скаллагримссонъ, Эйнаръ Скалагламмъ, Ульфръ Уггассонъ, произведенія котораго носили извѣстный архаическій характеръ, сближающій ихъ съ про-

---

[1]) Въ этомъ сжатомъ перечнѣ я сознательно обхожу одного изъ талантливѣйшихъ скальдовъ: ирландца Кормака. Его національность, выразившаяся очень опредѣленно въ содержаніи и духѣ его произведеній, не позволяетъ включить его въ характеристику норвежско-исландскихъ пѣвцовъ той поры.

изведеніями старѣйшихъ норвежскихъ скальдовъ. Въ XI вѣкѣ Гуннлаугръ Ормстунга (Змѣиный языкъ) и Сигвватръ Тордарссонъ, во всѣхъ отношеніяхъ выдающаяся личность, крупный поэтъ и образованный по тому времени человѣкъ, сподвижникъ и совѣтникъ короля Олафа Святого, собравшаго вокругъ себя цѣлую плеяду скальдовъ, а затѣмъ его сына Магнуса; затѣмъ Торариннъ Лофтунга, Арнорръ Ярласкальдръ, Тйодольфръ Арнорссонъ, одинъ изъ придворныхъ пѣвцовъ короля Гаральда Гардради, который и самъ обладалъ поэтическимъ дарованіемъ, достаточно богатымъ и самобытнымъ, чтобы признать этого энергичнаго завоевателя однимъ изъ наиболѣе выдающихся скальдовъ той эпохи. Въ XII вѣкѣ, несмотря на замѣтный качественный упадокъ искусства скальдовъ, оно еще имѣло достаточное число представителей, изъ которыхъ можно назвать Эйнара Скуласона, а также авторовъ стихотворной поэтики Háttalykill ярла Рогнвальда и Галльра Тораринссона. Въ концѣ XII вѣка приходившая въ упадокъ поэзія скальдовъ пережила эпоху новаго краткаго процвѣтанія благодаря произведеніямъ Снорри Стурлусона, крупнаго исландскаго ученаго, историка и автора знаменитой поэтики Háttatál — стихотворной, какъ и Háttalykill, и задающейся цѣлью исчерпать всѣ возможные виды и формы тогдашняго стихосложенія. Снорри создалъ и рядъ другихъ поэтическихъ произведеній (пѣсни, прославляющія короля Сверрира, и др.), но его слѣдуетъ признать скорѣе искуснымъ версификаторомъ, чѣмъ поэтомъ, хотя и настоящимъ мастеромъ въ области художественной прозы; несомнѣнно, онъ по природѣ былъ гораздо болѣе ученый-энциклопедистъ, нежели скальдъ, и ученый крупный, едва ли не первый настоящій историкъ средневѣковья, оставившій въ своей Heimskryngla образецъ во всѣхъ отношеніяхъ выдающагося историческаго повѣствованія.

Въ XIII вѣкѣ поэзія скальдовъ приходитъ въ окончательный упадокъ.

Темы этой поэзіи, въ большомъ количествѣ образцовъ дошедшей до насъ, отличались, какъ видно уже изъ предыдущаго, значительнымъ разнообразіемъ: прославленіе вождей и королей, описаніе битвъ и въ особенности морскихъ походовъ, впослѣдствіи христіанскіе гимны и славословія христіанскимъ божествен-

нымъ личностямъ, дидактика, лирика, въ томъ числѣ любовная, подчасъ памфлетъ, а также короткія, въ нѣсколько строкъ, стихотворенія, сочиненныя на всевозможные жизненные эпизоды—все это нашло въ скальдической поэзіи многообразное выраженіе. Характернымъ для этой поэзіи является то обстоятельство, что въ ней, почти съ самаго ея возникновенія, а съ теченіемъ времени все замѣтнѣе и сильнѣе—господствуетъ такое соотношеніе между формою и содержаніемъ, при которомъ на первомъ планѣ оказывается форма. Выборъ эпитетовъ, построеніе фразы, взаимное соотношеніе метафоръ—играютъ главную роль, при чемъ возрастающее стремленіе къ возможно большей изысканности осложняетъ стихотворную форму до такой степени, что содержаніе, по большей части несложное, совершенно стушевывается передъ этой замысловатой оболочкой. Ритмы, довольно простые въ древнѣйшей поэзіи, различнымъ образомъ развиваются и комбинируются, достигая большой сложности. Эпитеты становятся все вычурнѣе, метафоры нагромождаются одна на другую и переплетаются между собою, распространяясь на всѣ образы, почти на всѣ слова какого-нибудь стихотворенія, такъ что въ немъ не оказывается почти ни одного слова, которое надо было бы понимать въ прямомъ смыслѣ: всѣ они употреблены въ переносномъ значеніи, при чемъ ближайшій фигуральный смыслъ зачастую тоже оказывается метафорой, снова требующей разгадки, и т. д. Поэтъ, напр., называетъ змѣй „рыбами равнины“; сигъ (sikr) есть видъ рыбы, поэтому „сигъ равнины“ означаетъ змѣю; драконы, змѣи, согласно повѣрію, стерегутъ золотыя сокровища и лежатъ на нихъ, поэтому золото называется мѣстопребываніемъ, „краемъ змѣй“, отсюда „край сиговъ равнины“ означаетъ „край змѣй“, т.-е. золото. Далѣе, женщина украшаетъ себя золотомъ, и поэтому обозначается словами „страна золота“, а поставивъ вмѣсто „золота“ обозначающую его метафору, поэтъ говоритъ: „страна края сиговъ равнины“, что означаетъ „женщина“. Вдобавокъ слова не ставятся въ ихъ естественномъ порядкѣ—laut lyngs sikiar—а дѣлается соединеніе: lautsikiar lyngs, и связанныя другъ съ другомъ слова не находятся рядомъ, а, такъ сказать, разсѣяны по всему стихотворенію,—въ промежутки же между ними вста-

влены другія подобныя же метафоры [1]). Трудно даже себѣ представить, какую невѣроятную запутанность вносятъ подобные реторическіе пріемы въ произведенія скальдовъ. Въ стихотвореніяхъ, подобныхъ цитируемому мною, оказывается головоломное нагроможденіе всевозможныхъ образовъ и понятій — за исключеніемъ только тѣхъ, о которыхъ на самомъ дѣлѣ должно говориться въ стихотвореніи — такъ какъ они скрываются за многосложными комбинаціями метафоръ. Конечно, сложность не всегда одинаково велика; и надо помнить, что для современниковъ скальдовъ было сразу понятно большинство тѣхъ метафоръ, которыя приводятъ въ недоумѣніе теперешняго читателя. Для тогдашнихъ цѣнителей, поэзія скальдовъ не обладала тою ребусообразною головоломностью, которую она получаетъ въ нашихъ глазахъ. Но отъ этого она была не въ меньшей степени искусственна и условна; и невозможно отрицать въ ней ту гипертрофію стилистическихъ украшеній, то чудовищное развитіе формы за счетъ содержанія, которое всегда понижаетъ художественную цѣнность произведенія,—въ особенности цѣнность общечеловѣческую, выходящую за предѣлы данной эпохи и данной культурной среды.

Несмотря на отдѣльные положительные элементы поэзіи скальдовъ, несомнѣнно имѣющіеся и въ ней, въ особенности у старшихъ ея представителей (Эгиль Скалагримссонъ)—на красивыя эпическія черты, на яркое и самобытное вдохновеніе единичныхъ образчиковъ болѣе здороваго творчества, на удачные лирическіе мотивы и мѣткія сатирическія выходки, на выразительные афоризмы и глубокіе подчасъ отголоски извѣстнаго міросозерцанія, характернаго для соотвѣтствующей культурной эпохи—несмотря на все это, поэзія скальдовъ, въ общемъ, представляетъ собою нѣчто въ высшей степени искусственное и мало причастное настоящему искусству, продуктъ извѣстнаго литературнаго жонглерства, доведеннаго порою до высокаго техническаго совершенства, но рѣдко заключающаго въ себѣ тѣ жемчужины духа, которыя во всѣ времена составляютъ принадлежность истинной поэзіи. Съ культурно-исторической точки зрѣнія, продукты этой литературы

[1]) Въ Сагѣ о Гуннлаугрѣ—Gunnlaugs saga Ormstungu 11-е изъ приводимыхъ стихотвореній.

въ высшей степени интересны; какъ произведенія міровой поэзіи — они, за единичными исключеніями, не поднимаются выше уровня посредственности [1]).

Совершенно инымъ духомъ, иными пріемами творчества вѣетъ отъ тѣхъ безымянныхъ древнихъ пѣсенъ, посильная передача которыхъ на русскій языкъ является задачею настоящаго труда.

Именно къ XII вѣку (къ концу его или началу XIII), когда поэтическое творчество скальдовъ постепенно вырождалось и угасало—относится первая, не сохранившаяся до нашего времени запись пѣсенъ Эдды. Сохранились лишь списки съ этой записи, изъ которыхъ самый древній, Codex Regius, принадлежитъ вѣроятно концу XIII вѣка. Что и оригинальная рукопись XII вѣка была именно запись (а не созданное въ ту эпоху произведеніе)—давно съ полною несомнѣнностью установлено изслѣдователями Эдды. Только относительно нѣкоторыхъ отдѣльныхъ пѣсенъ можно предполагать, что онѣ сложились приблизительно въ эпоху составленія сборника, этой эпохѣ могутъ принадлежать также интерполяція, въ особенности прозаическія вставки, введенныя мѣстами въ древнія пѣсни, дополняемыя и поясняемыя ими. Въ общемъ же, Эдда—сборникъ старыхъ, различныхъ по авторамъ, по времени и мѣсту возникновенія, пѣсенъ.

Своимъ названіемъ Эдда—подобно нѣкоторымъ другимъ выдающимся произведеніямъ міровой литературы [2])—обязана недоразумѣнію.

Въ 1643 году исландскій епископъ Бринйольфъ Свейнсонъ нашелъ рукопись (пергаментъ), принадлежавшую второй половинѣ XIII в. и заключавшую двадцать девять эпическихъ пѣсенъ, заимствованныхъ изъ болѣе древняго сборника, того самаго, о которомъ говорилось выше, относившагося къ концу XII вѣка и

---

[1]) Противоположное мнѣніе пытается защищать Мейсснеръ въ своей горячей, но мало убѣдительной лекціи о поэзіи скальдовъ (вышло отдѣльной брошюрой), гдѣ онъ указываетъ художественныя красоты скальдическихъ произведеній и отстаиваетъ литературные принципы этого вида творчества.

R. Meissner. Skaldenpoesie. Ein Vortrag. M. Niemeyer. Halle 1904.

[2]) Хотя бы „Метафизикѣ" Аристотеля.

утраченнаго. Рядъ отрывковъ изъ этихъ пѣсенъ приводится въ видѣ цитатъ въ прозаическомъ изложеніи миѳологическихъ и героическихъ преданій, принадлежащемъ Снорри Стурлусону и вмѣстѣ съ его Hattatál носящемъ общее названіе „Edda"—что́, вѣроятно, означало: „Поэтика" или нѣчто аналогичное. Бринйольфъ отнесъ это заглавіе къ тѣмъ миѳамъ и сказаніямъ, которые передаются у Снорри; и, рѣшивъ, на основаніи приводимыхъ послѣднихъ строфъ, что источникомъ Снорри послужила вновь открытая безымянная рукопись — назвалъ эту рукопись тоже „Эдда". Бринйольфъ же рѣшилъ, что составителемъ (если не авторомъ) сборника долженъ былъ быть не кто иной, какъ знаменитый исландскій ученый Сэмундръ Мудрый (1056—1133), Saemundr Sigfússon enn fróđe, извѣстный своими путешествіями по Европѣ, своими не дошедшими до насъ историческими трудами и широкими познаніями, а также быстро сложившеюся фантастическою репутаціей чудодѣя и волшебника. Поэтому Бринйольфъ озаглавилъ найденный сборникъ:

„Эдда Сэмундра Мудраго". Новѣйшія изслѣдованія выяснили съ полною несомнѣнностью, что Сэмундръ не имѣлъ рѣшительно никакого отношенія къ рукописи, приписана она ему была безъ всякихъ основаній—просто потому, что легендарная слава Сэмундра давала точку опоры „всегда господствующему въ научныхъ кругахъ [1]) стремленію приписывать крупныя безымянныя произведенія какому-нибудь историческому или даже миѳическому автору".

Такимъ образомъ „Эдда Сэмундра"—на самомъ дѣлѣ очевидно и не Эдда, и не Сэмундра. Но если имя Сэмундра теперь уже можно считать отброшеннымъ, то названіе Эдды укоренилось съ незыблемою прочностью, и даже въ большей степени связалось съ найденною Бринйольфомъ рукописью, чѣмъ съ дѣйствительно носящею это заглавіе Эддою Снорри. Обыкновенно, когда говорится просто „Эдда"—подразумѣвается не Эдда Снорри, а другая, которую иногда также обозначаютъ названіемъ „Старшей или Стихотворной Эдды" (въ отличіе отъ „Младшей" или прозаической, какъ называютъ Эдду Снорри).

---

[1]) По мѣткому выраженію Геринга.

Старѣйшимъ и наиболѣе цѣннымъ спискомъ Эдды является найденная Бринйольфомъ рукопись, получившая названіе Codex Regius и находящаяся въ Кор. Копенгагенской Библіотекѣ. Относительно другихъ списковъ, а также позднѣйшихъ печатныхъ изданій Эдды—читатель найдетъ общія свѣдѣнія въ Указателѣ литературы, и въ статьѣ Ѳ. Брауна.

Какъ сказано, Эдда представляетъ собою сборникъ поэтическихъ произведеній: сказаній о богахъ и древнихъ герояхъ.

Вопреки прежней теоріи, считавшей эти сказанія продуктомъ обще-сѣвернаго народнаго творчества и относившей ихъ возникновеніе къ эпохѣ между 400 и 800 гг., новѣйшіе изслѣдователи признаютъ ихъ созданіемъ исключительно древне-скандинавскаго творчества; наиболѣе раннія изъ нихъ относятъ къ IX вѣку, большинство къ X, а нѣкоторыя даже къ болѣе поздней порѣ. Разумѣется, этому нисколько не противорѣчитъ то обстоятельство, что въ Эддѣ фигурируютъ миѳическіе и сказочные мотивы, принадлежащіе глубочайшей древности—уже не только обще-скандинавской, но и обще-германской, даже обще-арійской. Самыя пѣсни принадлежатъ скандинавскому міру; сюжеты ихъ зачастую получены отъ другихъ германскихъ племенъ. Народныя преданія могли цѣлыми столѣтіями странствовать изъ устъ въ уста, пока не закрѣпились окончательно въ формѣ пѣсни. Если не подлежитъ сомнѣнію, что эти пѣсни, отдѣленныя другъ отъ друга вѣковыми промежутками, не могли быть созданіемъ одного автора—то многія данныя говорятъ въ пользу того, что нѣкоторыя изъ нихъ были въ свое время продуктомъ индивидуальнаго литературнаго творчества. Такова, напр., „Пѣснь объ Áльвиссѣ“, гдѣ искусственность построенія, выдержанность плана и техническое мастерство выполненія заставляютъ предполагать единоличнаго автора. Напротивъ, другія пѣсни (Пѣснь о Тримрѣ, напримѣръ) архаичностью, наивностью замысла, эпическимъ спокойствіемъ и ровностью тона, подчасъ и первобытною грубостью деталей—побуждаетъ видѣть въ нихъ элементы старѣйшаго народнаго творчества, лишь пересказанные, быть можетъ, устами позднѣйшаго пѣвца. Наконецъ, возможна и коренная обработка единичнымъ авторомъ мотива, заимствованнаго изъ народной поэзіи. Такъ, рѣзко замѣтное соединеніе народнаго и литературнаго элемента представляетъ собою, по моему мнѣнію,

Пѣснь о Ги́мирѣ, гдѣ крайне простой и наивный, мѣстами почти нескладный древній миѳъ вдвинутъ въ рамки уже вполнѣ опредѣлившагося явно-искусственнаго, даже слегка манернаго литературнаго стиля.

При всемъ своемъ разнообразіи, пѣсни Эдды имѣютъ, до извѣстной степени, общее содержаніе. За исключеніемъ немногихъ произведеній дидактическаго характера (Hǫvamǫl), это—поэтическія повѣствованія о древнихъ герояхъ и о богахъ.

Своеобразный, оживленный и красочный міръ открывается намъ въ этихъ пѣсняхъ: сжато, но сильно и правдиво очерченные образы, яркіе характеры, полные драматизма конфликты личностей и страстей въ божескомъ и человѣческомъ существованіи, трагическія повѣсти побѣды и гибели, въ томъ числѣ величавая эпопея о міровыхъ судьбахъ, о возникновеніи и разрушеніи міра, въ которомъ непрестанно осуществляется борьба между разрушительными силами первобытнаго хаоса и воплощенными въ богахъ началами устроенія и гармоніи—все это на фонѣ суровой мощной сѣверной природы, населенной безконечнымъ множествомъ таинственныхъ стихійныхъ обитателей, и исполинскихъ чудовищъ, и нѣжныхъ ласковыхъ духовъ... Одинъ изъ новѣйшихъ изслѣдователей скандинавской древности Александръ Бугге [1]) въ удачныхъ выраженіяхъ характеризуетъ типичныя черты Эдды: „Это поэтическое произведеніе, которое по глубинѣ мысли и ясности въ изображеніи человѣческаго, по драматической сжатости дѣйствій—стоитъ на одной высотѣ съ благороднѣйшими созданіями искусства этого типа, какія существуютъ. Здѣсь надъ нами не раскидывается, какъ въ безсмертномъ эпосѣ Гомера, вѣчно радостное, ясное, безоблачное небо; мы не плывемъ, въ сіяніи „Зари съ розовыми перстами“, по тихимъ волнамъ „пурпурнаго моря“ мимо цвѣтущихъ береговъ, населенныхъ прекрасными, гармоническими людьми. Здѣсь нѣтъ роскошнаго дѣвственнаго лѣса образовъ, тропической фантазіи индійскаго героическаго эпоса. Здѣсь нѣтъ дикости и кипящихъ страстей ирландскихъ сказаній... Въ этихъ пѣсняхъ какъ бы звучитъ битва—гдѣ мечи встрѣчаются съ меча-

---

[1]) Котораго не надо смѣшивать съ извѣстнымъ С. Бугге, о чьей теоріи будетъ рѣчь ниже.

ми, гдѣ клинки какъ молніи разрѣзаютъ воздухъ; все рѣзко и сжато; вездѣ обмѣнъ словъ и драматическое движеніе—нѣтъ пространныхъ картинъ, длинныхъ описаній, нѣтъ замедляющихъ отступленій, какъ почти во всѣхъ эпическихъ произведеніяхъ... Образы словно изваяны рѣзцомъ, они стоятъ передъ нами, выпуклые и полные жизни"... [1])

Для Эдды въ высшей степени характерна эта жизненность, яркость и ясность, рѣзко отличающія ее отъ такихъ, проникнутыхъ мистической фантастикой, произведеній, какъ нѣкоторыя индійскія поэмы и нѣкоторыя кельтскія сказанія. Въ самыхъ сказочныхъ элементахъ Эдды всегда проявляется извѣстный здоровый реализмъ, органическая близость къ живому человѣчному бытію. По этому поводу я позволю себѣ повторить здѣсь сказанное мною въ другомъ моемъ трудѣ и объ эпическомъ мірѣ Эдды, столь не похожемъ на призрачную, туманную обстановку мистическихъ легендъ позднѣйшаго христіанскаго средневѣковья—которую иногда несправедливо навязываетъ мнѣніе читающей публики и языческимъ германскимъ преданіямъ, проникнутымъ совершенно инымъ духомъ:

Это міръ реальной жизни, міръ подчасъ грубой, но могучей человѣчности, здоровой силы и буйныхъ страстей, міръ дѣятельной воли и мужества.

Удары боевыхъ мечей объ крѣпкія брони, гордый бѣгъ корабля къ чужимъ берегамъ за добычей и славой, шипѣніе пѣннаго меда въ тяжелыхъ заздравныхъ рогахъ, скрипъ зерна подъ увѣсистымъ ручнымъ жерновомъ—вотъ образы и обстановка этихъ сказаній: битвы, походы, тяжелый трудъ, опасныя охоты, шумные пиры... Все сильно и ярко, все дышитъ жизнью.

Боевыя раны до костей, праздничныя здравицы допьяна; струны, лопающіяся подъ рукой вспылившаго пѣвца, кольчуга, разрывающаяся отъ порывистаго дыханія разгнѣваннаго витязя... Громкій голосистый хохотъ вмѣсто мистической улыбки полупризрачныхъ героевъ средневѣковой легенды; яркій свѣтъ и вольный воздухъ вмѣсто трепетнаго сумрака, наполненнаго ладаннымъ дымомъ средне-

---

[1]) A. Bugge. Die Wikinger 228. Autorisirte Übertragung aus dem Norwegischen von Dr. H. Hungerland Halle. 1906.

вѣковаго храма. Безстрашное, презирающее смерть мужество, суровая доблесть и бодрая жизнерадостность; міросозерцаніе въ высшей степени положительное и дѣятельное; и, какъ идеалъ посмертнаго блаженства—не туманные чертоги расплывчатаго созерцательнаго рая, а крытая золотыми щитами Валгалла, гдѣ властитель боговъ надѣляетъ своихъ избранниковъ добрымъ оружіемъ и ежедневно водитъ ихъ въ битву, чтобы послѣ жаркаго боя вернуться въ свѣтлый чертогъ для веселаго пира, для пѣсенъ и мудрыхъ бесѣдъ...

Конечно, элементъ отвлеченной сознательности существуетъ и въ этомъ мірѣ: въ загадочныхъ прорицаніяхъ древнихъ вѣдуній, въ вѣщей мудрости Норнъ и Одина.

Глубина и сложность не чужды этой мудрости, въ особенности тамъ, гдѣ дѣло касается вѣчныхъ міровыхъ тайнъ, происхожденія и участи міровъ. Но въ этихъ глубокихъ и сложныхъ созданіяхъ германскаго духа—на первомъ планѣ не мистическія фантазіи, а твердая, послѣдовательная, логичная мысль, ищущая истины. И отвлеченная міровая философія (подразумѣвая подъ философіей, конечно, не науку, а извѣстное идейное построеніе, создавшееся изъ тогдашнихъ взглядовъ на Вселенную и божество или божества) уравновѣшивается богатымъ запасомъ практической жизненной мудрости—ясной, трезвой, мотивированной. Даже въ религіозной области мистицизмъ почти совершенно чуждъ древнегерманскому язычеству: культъ и обрядность просты, доступны каждому, нѣтъ спеціальнаго класса жрецовъ, хранящихъ тайну божественнаго откровенія [1]). Всякій полноправный членъ народной общины самъ приноситъ жертвы богамъ и совершаетъ обряды.

---

[1]) Существуетъ, правда, теорія, расходящаяся съ установившимися въ наукѣ взглядами,—согласно которой у древнихъ германцевъ существовало эзотерическое религіозное ученіе, съ тайнымъ мистическимъ культомъ, хранителями котораго являлись немногіе посвященные. Главнымъ представителемъ этой теоріи можно считать въ настоящее время Гвидо Листа [См. G. List. Die Armanenschaft der Ario-Germanen и др. его сочиненія]. Этотъ даровитый знатокъ германской древности отстаиваетъ свои оригинальные взгляды съ большимъ краснорѣчіемъ и остроуміемъ, проявляя обширную эрудицію и нерѣдко поразительный интуитивный даръ; но доводы его лишены документальной доказательности (Соч. печ. Wien Verlag d. Guido-List-Gesellschaft).

Разумѣется, въ обрядахъ есть символика, въ вѣрованіяхъ есть элементы таинственнаго; но то и другое не на первомъ планѣ, общій тонъ міровоззрѣнія остается реальнымъ и простымъ. Волшебное и сверхъестественное фигурируетъ въ германскихъ преданіяхъ довольно умѣренно и всегда съ сильнымъ реалистическимъ колоритомъ. Символическая подкладка нѣкоторыхъ сагъ отличается, по большей части, строгою простотою, очень далекою отъ той фантастической запутанности, какая характеризуетъ, напримѣръ, легенды древняго Востока.

Излишне распространяться о томъ, какой богатый матеріалъ даетъ сѣверный эпосъ для характеристики не только языческаго міросозерцанія древнихъ германцевъ, но и вообще культурной оболочки древне-германскаго міра во всѣхъ ея формахъ и проявленіяхъ; не только о заоблачномъ существованіи боговъ въ ихъ свѣтлыхъ горнихъ чертогахъ, но и о повседневной, обычной, земной жизни людей съ ея убожествомъ и благополучіемъ, съ ея горестями и радостями.

Изъ этихъ сжатыхъ, по большей части отмѣченныхъ драматическимъ колоритомъ пѣсенъ, мы знакомимся не съ одними образами и характерами боговъ, героевъ, исполиновъ,—но и съ обстановкою германскихъ жилищъ той эпохи, въ которую возникли пѣсни, съ оружіемъ, утварью, одеждой, съ устройствомъ кораблей и охотничьихъ приспособленій, съ обычаями и повѣріями, съ правилами домашняго обихода и предписаніями народной врачебной науки,—словомъ, со всѣмъ матеріальнымъ укладомъ жизни и также съ ея духовными, религіозными и правовыми основами. Мы знакомимся отчасти и съ ландшафтами странъ, гдѣ возникли пѣсни—съ норвежскими лѣсами, скалами и фіордами, съ исландскими вулканическими скалами и скудными порослями, а прежде всего и больше всего: съ моремъ, настоящею родиною древнихъ викинговъ, которую они умѣютъ описывать съ большимъ богатствомъ красокъ, съ большею силою и краснорѣчіемъ, нежели что-либо другое въ природѣ...

Эпоха, въ которую возникаютъ—еще не пѣсни Эдды, но эпическіе мотивы этихъ пѣсенъ—это VI—VIII вв. христіанской эры. Исторія сѣверныхъ племенъ въ эту пору почти совершенно скрыта отъ взора изслѣдователей. Только догадки

позволяютъ говорить о крупныхъ народныхъ передвиженіяхъ, о взаимномъ треніи племенъ—эти условія, вездѣ сопутствовавшія появленію древняго народнаго эпоса, несомнѣнно имѣли мѣсто и въ данномъ случаѣ. Исторически закрѣпленъ свидѣтельствомъ Прокопія обратный переходъ сѣверно-германскаго племени Геруловъ отъ Карпатскихъ горъ въ Скандинавію въ началѣ VI вѣка; это народное движеніе могло занести на сѣверъ мотивы готскихъ преданій объ Эрманарихѣ и Дитрихѣ (Теодорихѣ). Около этой же поры вѣроятно проникли въ скандинавскій міръ южныя сказанія о Зигфридѣ (на сѣверѣ: Сигурдръ) и Нифлунгахъ, о кузнецѣ Виландѣ (Вölундръ), о битвѣ на поляхъ Каталаунскихъ и т. д.—изъ устъ франковъ, впослѣдствіи отдѣленныхъ саксами отъ сѣверно-германскихъ племенъ, постепенно обособившихся отъ другихъ вѣтвей германской расы и въ этомъ обособленіи, какъ указано выше, счастливо сохранившихъ часть сокровищницы миѳа и фольклора, почти всецѣло утратившейся на югѣ.

Отъ этой древнѣйшей поры не осталось ни именъ, ни произведеній; но несомнѣнно, что въ эту эпоху уже возникло поэтическое зерно позднѣйшихъ эддическихъ пѣсенъ,—первобытныя художественныя повѣствованія о герояхъ и богахъ.

Настоящимъ образомъ слагались эти пѣсни уже въ историческое время, въ IX вѣкѣ, въ эпоху викинговъ. И тогда онѣ не писались еще, а устно передавались отъ поколѣнія къ поколѣнію, постепенно принимая законченный обликъ. Родиною пѣсенъ Эдды считается Норвегія—за оговоркою, относящеюся къ единичнымъ побочнымъ вліяніямъ.

Время, когда нарождаются эти пѣсни—бурное, боевое время; его наполняютъ, правда, уже не грандіозные, стихійные перевороты эпохи переселенія, но мѣстныя племенныя распри, острыя, напряженныя. Древній родовой строй съ его своеобразнымъ патріархальнымъ демократизмомъ борется противъ возникающаго своевластія отдѣльныхъ вождей, мелкихъ королей, наполняющихъ всю страну раздорами и смутами—сталкиваясь съ свободолюбивыми представителями прежняго строя, съ вольными норвежскими землевладѣльцами и приводимые взаимнымъ соперничествомъ къ кровавымъ распрямъ между собою. Гаральдръ Гарфагръ, объединитель Норвегіи, положилъ конецъ этой войнѣ мелкихъ деспо-

товъ; и положилъ начало единоличному произволу норвежскихъ конунговъ, отъ котораго независимые духомъ сторонники старой свободы стали спасаться въ Исландію.

Богатыя, интенсивныя силы бродили въ тотъ вѣкъ въ норвежскомъ племени. Самымъ яркимъ, получившимъ всемірно историческое значеніе проявленіемъ этихъ силъ были морскіе походы викинговъ. Огромною энергіею и предпріимчивостью должны были обладать эти люди, чтобы пускаться за добычею и приключеніями въ отдаленнѣйшія моря—на своихъ примитивныхъ судахъ (полупарусныхъ, полу-весельныхъ), безъ картъ, безъ плановъ, безъ компасовъ или какихъ-либо подобныхъ инструментовъ, безъ лоцмановъ на мѣстѣ прибытія (разъ они являлись туда въ качествѣ враговъ); объѣздивъ Сѣверное море и Балтійское море, отправляться въ невѣдомый путь по Атлантическому океану, чтобы оттуда проникнуть въ Средиземное море. Не только до Италіи и до Греціи, но до самаго Іерусалима добирались эти безстрашные мореходы; на западѣ они открыли сѣверо-американскій материкъ, на сѣверѣ Гренландію и рядъ мелкихъ островов.

Отчаянная смѣлость, желѣзная выносливость и независимое, строптивое самосознаніе увѣренныхъ въ своей силѣ бойцовъ; своеобразная „пригодность на всѣ руки“, благодаря которой одинъ и тотъ же человѣкъ умѣетъ и ковать оружіе, и коптить окорока, и тачать обувь, и играть на арфѣ, и варить пиво, а иногда даже подписывать начальную букву своего имени—и кромѣ того, конечно, умѣетъ, какъ это долженъ умѣть всякій, владѣть оружіемъ; на ряду съ этимъ первобытная яркая впечатлительность и необузданность—вотъ типичныя черты скандинавскаго воителя эпохи викинговъ [1]).

Воинственный характеръ этого вѣка своеобразно отразился въ древне-скандинавскомъ языкѣ. Въ богатомъ древне-скандинавскомъ словарѣ оказывается удивительное обиліе словъ для обозначенія оружія (мечъ, напр., называется „hjǫrr“, „glafil“, „sax“, „sverþ“,

---

[1]) Къ характеристикѣ этой эпохи и этого типа см. прекрасную работу А. Бугге (выше, стр. 15).

F. Niedner. Islands. Kultur zur Wikingerzeit. Jena. 1913.

Также K. Weinhold. Altnordisches Leben (обнимаетъ также и болѣе ранній культурный періодъ).

и т. д.) и множество метафоръ и эпитетовъ, заимствованныхъ изъ боевого обихода. Большинство собственныхъ именъ, какъ мужскихъ, такъ и женскихъ, связаны этимологически съ боемъ, битвой, оружіемъ. Слова „hildr", „gunnr"—война, бой—являются распространеннѣйшими элементами женскихъ именъ. Слово sigr „побѣда"—служитъ для образованія цѣлаго множества именъ мужскихъ и женскихъ [1]). Битва была священнымъ дѣломъ,—желаннымъ, угоднымъ богамъ. Въ бою находилъ себѣ просторъ избытокъ жизненной мощи и проявлялась древняя доблесть—въ дѣлахъ суровыхъ и кровавыхъ, но закалявшихъ крѣпость тѣла и духа.

Пѣсни Эдды создавались въ эпоху борьбы, движенія, могучаго размаха силъ—и отсюда этотъ живой духъ, проникающій ее, эта напряженность, яркость, выпуклость, о которой говорилось выше. Эта эпоха была проникнута мощнымъ индивидуализмомъ: сильные характеры въ ней выдѣлялись и властвовали, личности часто отливались въ очень своеобразныя формы, онѣ не нивеллировались обществомъ, не подгонялись къ извѣстнымъ условіямъ—а если условія были не по нимъ, эти люди, недолго думая, разрубали мечомъ всѣ загражденія, возникавшія на ихъ пути. Древнія скандинавскія саги (безразлично, историческаго или легендарнаго содержанія) переполнены образами въ высшей степени самобытныхъ, своеобычныхъ людей, посвоему устраивавшихъ свою жизнь, и почти всегда предпочитавщихъ умереть, нежели поступиться въ чемъ-либо своею индивидуальностью. И по отношенію къ богамъ древніе обитатели Скандинавіи ведутъ себя такъ же независимо, какъ по отношенію къ людямъ. Не существуетъ обособленнаго сословія жрецовъ, всякій полноправный воинъ можетъ приносить жертвы и совершать обряды—молиться какъ и гдѣ ему угодно, когда угодно и кому угодно; или не молиться вовсе. На ряду съ этимъ—неумолимая строгость въ исполненіи долга чести—въ вѣрности слову, обѣту, обязанности кровной мести, въ вѣрности вождю или названному брату; гордая любовь къ славѣ и презрѣніе къ смерти. Этотъ самобыт-

---

[1]) Sigarr, Sigurþr, Sigmundr, Sigrun, Siglinn, Sigtryggr, Sigriþr, Siggeirr, Sighvatr, Sigbjǫrn, etc. Сколько мнѣ извѣстно, ни въ какомъ другомъ языкѣ нѣтъ ничего подобнаго.

ный, подчасъ своевольный и мятежный духъ древнихъ скандинавскихъ воителей наложилъ свою печать на образы Эдды. Тотъ же духъ жилъ и въ норвежскихъ выходцахъ, населившихъ Исландію, гдѣ окончательно создалось и увѣковѣчилось большинство пѣсенъ Эдды. Тамъ, въ болѣе спокойныхъ историческихъ условіяхъ только кристаллизировалось, упрочилось въ поэтическихъ образахъ Эдды то, что кипѣло, бродило, бушевало въ норвежской отчизнѣ. Говоря о художественномъ и культурно-историческомъ значеніи Эдды, нельзя обойти молчаніемъ ту въ высшей степени своеобразную и столь же рискованную теорію, которую выдвинулъ на этотъ счетъ извѣстный ученый С. Бугге, оспаривающій національную подлинность Эдды и попытавшійся показать [1]), что чуть ли не весь пантеонъ миѳологическихъ образовъ и весь циклъ сказаній, заключающихся въ Эддѣ — на самомъ дѣлѣ вовсе не является продуктомъ древне-германскаго міровоззрѣнія, а лишь переработаннымъ до неузнаваемости результатомъ заимствованій изъ христіанскихъ легендъ и изъ классической эллино-римской литературы. Заимствованія эти совершены, будто бы, скандинавскими витязями во время ихъ завоевательныхъ походовъ въ VIII вѣкѣ на Британскіе острова, гдѣ среди мѣстныхъ (ирландскихъ) жителей хранилось, якобы, достаточно богатое наслѣдіе христіанской и эллино-римской культуры.

Противъ этой теоріи, развитой дальше въ томъ же направленіи Эл. Гуго Мейеромъ [2]), справедливо высказались серьезные изслѣдователи Эдды и германскихъ древностей. Герингъ удачно суммируетъ (въ своемъ введеніи къ нѣмецкиму переводу Эдды) главныя соображенія, дѣлающія совершенно недопустимою подобную гипотезу. „Если бы послѣдняя была вѣрна“, говоритъ онъ, „то тѣ ирландцы, отъ которыхъ викинги почерпали свои свѣдѣнія, должны были бы обладать капитальнѣйшими познаніями не только въ латинской, но и въ значительной части греческой литературы, знать во всѣхъ подробностяхъ содержаніе гомеров-

---

[1]) Въ своихъ Studien über die Entstehung der nordischen Götter und Helden-Sagen.

[2]) О книгѣ Эл. Гуго Мейера см. статью А. Н. Веселовскаго „Вѣщаніе Вельвы (Vǫluspǫ) и новѣйшая экзегеза“ (Разысканіе въ области русскаго духовнаго стиха, вып. 6, Спб. 1891 г.).

скаго эпоса и сочиненій Виргилія, кромѣ того знать длинный рядъ старыхъ миѳологовъ, схоліастовъ и комментаторовъ, Гигина, Дареса, Диктиса, Апполодора и Сивиллины книги, затѣмъ на ряду съ Библіей—книгами Ветхаго и Новаго Завѣта — еще и все неисчерпаемое море апокриѳической литературы и т. д., и т. д. Однимъ словомъ, эти ирландцы должны были обладать такою же ученостью, какъ самъ С. Бугге; и вдобавокъ безпрестанно пускать въ ходъ всю эту ученость при своихъ разговорахъ съ сѣверными пиратами (которые вѣдь отнюдь не съ образовательною цѣлью совершали набѣги на Британію). Далѣе, теоріи Бугге противорѣчитъ то обстоятельство, что у старѣйшихъ норвежскихъ скальдовъ IX в. [1]) мы находимъ ту же, вполнѣ развитую миѳологію, что и въ пѣсняхъ Эдды; невозможно, чтобы это развитіе совершилось въ теченіе немногихъ десятилѣтій (что пришлось бы признать, допуская взглядъ Бугге, приписывающаго созданіе эддическихъ образовъ эпохѣ викинговъ). Противорѣчитъ мнѣнію Бугге и то, что при теоріи подобныхъ заимствованій остается совершенно загадочнымъ рядъ образовъ, вполнѣ естественно объяснимыхъ, если смотрѣть на́ нихъ какъ на продукты стихійныхъ миѳовъ"...

Не мѣшаетъ также указать на одно общее свойство теоріи Бугге, и даже всѣхъ вообще „теорій заимствованія". Свои выводы они основываютъ прежде всего на параллеляхъ и аналогіяхъ—считая возможнымъ видѣть заимствованія въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ оказываются тождественные или хотя бы сходные миѳическіе мотивы. Между тѣмъ, нѣтъ ничего рискованнѣе такого способа заключеній. Въ очень многихъ случаяхъ приходится наталкиваться на сходные и даже тождественные миѳы тамъ, гдѣ о заимствованіи явно не можетъ быть и рѣчи. Неосвѣдомленный читатель, встрѣтивъ въ Эддѣ сказаніе о міровомъ потопѣ (превратившаяся въ море и затопившая землю кровь исполина Имира), охотно повѣритъ тому, что здѣсь имѣло мѣсто заимствованіе изъ Библіи; но онъ иначе отнесется къ дѣлу, если ознакомится съ древне-ассирійскимъ сказаніемъ о потопѣ, относительно котораго ясно, что оно не можетъ быть заимствованіемъ изъ болѣе позд-

---

[1]) Герингъ имѣетъ въ виду авторовъ тѣхъ эддическихъ пѣсенъ, которыя относятся къ IX в.

ней Библіи (а развѣ лишь, наоборотъ, первоисточникомъ сказанія); и придется уже совершенно отказаться отъ гипотезы заимствованія по отношенію къ вѣрованію американскихъ караибовъ, гдѣ оказывается тоже преданіе о потопѣ, притомъ съ поражающими на первый взглядъ аналогіями: „когда властитель зла, Эпель, одержалъ верхъ въ мірѣ, то высшій богъ послалъ на землю великія воды, отъ которыхъ могъ спастись только одинъ человѣкъ въ челнѣ... Впослѣдствіи крыса принесла ему колосъ маиса съ вѣстью, что вода убываетъ. И тогда онъ снова населилъ землю тѣмъ путемъ, что бросалъ камни черезъ себя (которые и обратились въ живыя существа)“ [1]... Общее содержаніе преданія явно близится къ библейскому разсказу и его ассирійской параллели, а способъ новаго заселенія людьми сходится съ греческимъ преданіемъ о Девкаліонѣ. Между тѣмъ нечего и думать о какомъ-либо заимствованіи сказанія ассирійцами у караибовъ, или наоборотъ. Если же принять во вниманіе, что аналогичный мотивъ фигурируетъ въ вѣрованіяхъ еще нѣсколькихъ народовъ (и не только, напр., индусовъ, но даже обособленныхъ съ незапамятныхъ временъ въ своей замкнутой культурѣ китайцевъ), то станетъ ясно, что мы имѣемъ дѣло не съ заимствованіемъ, а съ древнѣйшимъ миѳическимъ мотивомъ, общимъ цѣлому ряду племенъ, не связанныхъ между собою рѣшительно ничѣмъ и никогда не приходившихъ въ соприкосновеніе—мотивомъ, по всей вѣроятности отражающимъ въ себѣ воспоминаніе о вполнѣ реальномъ геологическомъ переворотѣ, въ большей или меньшей степени коснувшемся всего современнаго ему человѣчества [2]). У тѣхъ же караибовъ существуетъ преданіе о томъ, какъ верховный богъ (до потопа) сотворилъ человѣка, какъ и другія существа, „изъ отрубленныхъ вѣтвей дерева“. Никто не станетъ отрицать, что аналогія съ эддическимъ сказаніемъ о сотвореніи людей изъ двухъ древесныхъ стволовъ напрашивается здѣсь въ гораздо большей степени, чѣмъ относительно цѣлаго ряда якобы аналогичныхъ мотивовъ у Бугге (укажу для примѣра по меньшей мѣрѣ сомни-

---

1) G. Roskoff. Geschichte des Teufels, B. I. F. A. Brockhaus. Leipzig. 1869.

2) См. Неймайеръ. Геологія. Переводъ съ 2-го нѣмецк. изд. проф. В. Улигомъ. Т. I. ст. 341 „Всемірный потопъ“.

тельную аналогію — вдобавокъ построенную на очень неясной строфѣ „Пѣсни о Фіольсвидрѣ“, 16—между цѣлебными свойствами плодовъ дерева Лэрадръ, которые, будучи положены въ огонь, благотворно вліяли на разрѣшеніе роженицы, и благотворнымъ дѣйствіемъ листьевъ Древа жизни въ Апокалипсисѣ, XXII, 2: „и листья древа для исцѣленія народовъ“) [1]). Однако врядъ ли кому-нибудь вздумается доказывать, что всевѣдущіе ирландцы Бугге были знакомы, кромѣ всего прочаго, еще и съ миѳологіей американскихъ караибовъ—задолго до начала какихъ-либо сношеній между европейскими племенами и Америкой. Но тамъ, гдѣ нѣтъ налицо физической невозможности заимствованія, Бугге строитъ (какъ въ указанномъ примѣрѣ съ Иггдрасилемъ и Древомъ жизни) свои заключенія зачастую на самыхъ произвольныхъ основаніяхъ. Такъ, онъ считаетъ источникомъ миѳа о борьбѣ Торра съ міровымъ Змѣемъ Йормунгандромъ—съ одной стороны, средневѣковую христіанскую легенду о Левіаѳанѣ и борьбѣ съ нимъ Христа, съ другой—греческій миѳъ о борьбѣ Геракла съ Ахелойемъ. Обѣ параллели—если сравнивать христіанское и греческое сказаніе съ соотвѣтствующими отрывками Эдды—оказываются притянутыми за волосы; гораздо болѣе близкую и свободную аналогію можно бы провести между скандинавскимъ миѳомъ о борьбѣ Торра съ Йо́рмунга́ндромъ и древнимъ вавилонскимъ преданіемъ: боги посылаютъ на бой противъ своего исконнаго врага, предводительницы чудовищъ исполинской змѣи Тіаматъ,—представляющей собою не что иное какъ порожденіе или, вѣрнѣе, воплощеніе мірового Океана—храбрѣйшаго изъ боговъ, Мародука, повелителя солнца и грозы, супруга котораго считалась богинею плодородія. Вооруженный молніей, Мародукъ выѣзжаетъ на своей колесницѣ противъ Тіаматъ. Во время поединка съ Мародукомъ подвластные ему вѣтры заставляютъ великую змѣю такъ широко разверзнуть пасть, что она не можетъ закрыть ея... и т. д. [2]).

---

[1]) Bugge. Studien.

[2]) См. C. P. Tiele. Geschichte der Religion im Altertum bis auf Alexander den Großen. Deutsche autorisierte Ausgabe von G. Gehrich. Gotha. 1896, B. I.

Здѣсь аналогіи съ образами Эдды поразительны: Йормунгандръ, заклятый врагъ боговъ и союзникъ чудовищъ, является воплощеніемъ Океана въ образѣ исполинской змѣи [1]); въ послѣднемъ поединкѣ съ Торромъ, она разверзаетъ свою пасть отъ земли до неба; и Торръ, богъ грозы, ѣдетъ на колесницѣ, вооруженъ молніей, и женатъ на Сифъ—богинѣ плодородія. Во всякомъ случаѣ, вавилонскій миѳъ несравненно ближе къ эддическому разсказу, чѣмъ легенды о Левіаѳанѣ и Ахелойѣ. Значитъ ли это, что разсказъ Эдды заимствованъ изъ вавилонскихъ таблицъ, гдѣ клинообразными письменами увѣковѣчена повѣсть о боѣ Мародука съ Тіаматъ? Очевидно, нѣтъ. Въ частности относительно Торра,—руководясь аналогіями, гораздо естественнѣе было бы придти къ указанію филіаціи миѳа отъ древне-арійскаго—сохранившагося въ индусскомъ сказаніи объ Индрѣ, поражающемъ молніею великую змѣю Vritra [2]). Въ этомъ сказаніи тоже гораздо больше сходства съ миѳомъ о Торрѣ и Йормунгандрѣ, чѣмъ въ миѳѣ о Гераклѣ, борющемся съ Ахелойемъ, который на время (чтобы ускользнуть) принимаетъ образъ змѣи. Можно найти множество примѣровъ почти полнаго совпаденія миѳологическихъ образовъ въ такихъ случаяхъ, гдѣ предположеніе заимствованій явилось бы полнѣйшею безсмыслицею. Укажу еще одинъ примѣръ. Одинъ возвращался въ Азгардъ изъ страны исполиновъ въ образѣ птицы-орла; и исполинъ Грэсвельгръ, производящій вѣтеръ взмахами своихъ крыльевъ, сидитъ на сѣверѣ у края неба въ образѣ громаднаго орла. Таковы образы Эдды. Обращаясь къ миѳамъ другихъ религій, мы находимъ у вавилонянъ [3]) указанія на то, что Мародукъ изображался съ орлиною головою; у курдовъ-эзди [4]) (религія которыхъ, быть можетъ, связана съ халдейскими источниками)—преданіе о божествѣ Мелекъ-Таусѣ, который, въ образѣ громадной птицы, летаетъ надъ міровымъ океаномъ, при чемъ другой, высшій богъ, сидитъ на растущемъ посреди этого океана

---

[1]) (Этимологически) именно змѣи (ormr), а не дракона.

[2]) A. Lang. Mythes, cultes et religion. Traduit par Leon Marillier. Felix Alcan. Ed. Paris. 1896.

[3]) Thiele, o. c.

[4]) Journal Asiatique, 1882, 1885.

деревѣ—тоже въ образѣ птицы; наконецъ, что всего замѣчательнѣе, у ирокезовъ, сіу и другихъ американскихъ индѣйцевъ [1])—оказывается повѣствованіе о томъ, какъ Великій Духъ (верховное божество) леталъ надъ міромъ въ образѣ огромной птицы, и касался крылами водъ океана [2]). По системѣ Бугге, подобныхъ аналогій было бы совершенно достаточно, чтобы предполагать заимствованіе; но въ данномъ случаѣ даже трудно рѣшить, какое предположеніе оказалось бы болѣе нелѣпо—то-ли, что скандинавскіе скальды заимствовали у американскихъ индѣйцевъ представленіе о божествѣ въ образѣ птицы, или что ирокезы почерпнули его у курдовъ, или еще какая-нибудь комбинація въ томъ же родѣ. Нельзя не признать, что матеріала для миѳологическихъ параллелей здѣсь гораздо больше, чѣмъ въ цѣломъ рядѣ миѳологическихъ моментовъ у Бугге, гдѣ онъ считаетъ себя въ правѣ видѣть заимствованія—какъ сказано, только потому, что нѣтъ налицо абсолютной невозможности послѣднихъ. Даже если бъ не было всѣхъ приведенныхъ выше доводовъ противъ теоріи Бугге, нельзя не согласиться, что такое основаніе шатко. Изученіе исторіи религіи у различныхъ народовъ уже давно показало, что возникновеніе совершенно аналогичныхъ миѳическихъ мотивовъ возможно безъ всякаго заимствованія у представителей разнообразнѣйшихъ народностей. Это достаточно объясняется однородностью человѣческой психологіи, благодаря которой религіозныя представленія—особенно первобытныя—склонны облекаться въ однѣ и тѣ же формы; въ особенности, когда онѣ слагаются подъ вліяніемъ стихійныхъ явленій, дѣйствующихъ аналогичнымъ образомъ на первобытное сознаніе халдея и караиба, норвежскаго викинга и ирокеза [3]). На

---

[1]) Rosdoff, o. c.

[2]) Уже Лангъ дѣлаетъ сопоставленіе между Одиномъ, похищающимъ въ образѣ орла чудесный медъ пѣсни, и Индрою, похищающимъ въ образѣ сокола священный напитокъ боговъ, сому, и наконецъ Йелемъ—похищающимъ, въ образѣ ворона, священную воду.

Аналогія поразительна, безконечно ярче большинства выдвигаемыхъ Бугге аналогій; заимствованіе же невѣроятно.

[3]) См. на этотъ счетъ интереснѣйшія параллели и обобщенія капитальнаго труда Ланга (см. выше, стр. 25).

ряду съ этимъ не мѣшаетъ указать и на натянутость нѣкоторыхъ лингвистическихъ аргументовъ Бугге—въ родѣ указанія, что имя Bous у Сакса Грамматика должно было получиться изъ „Аякса",—потому что викинги, будто бы слышавшіе его отъ ирландцевъ, смѣшали „Аяксъ" со словомъ aithech, которое въ переводѣ на норвежскій языкъ означало земледѣльца—„bui",—и которому потомъ придана была латинизированная форма Bous. Этотъ Боусъ у Сакса является мстителемъ за смерть Бальдеруса; и Бугге выставляетъ (якобы доказанное такимъ образомъ) тождество Боуса съ Аяксомъ въ качествѣ подтвержденія того, что убитый Боусомъ-Аяксомъ убійца Бальдеруса дѣйствительно Парисъ, убійца Ахиллеса, какъ это пытается вывести авторъ изъ нѣсколькихъ столь же сомнительныхъ доказательствъ; и что все сказаніе о Бальдрѣ заимствовано изъ Иліады и ея классическихъ комментаторовъ. При всемъ остроуміи и при всей эрудиціи, какія проявляетъ авторъ такой аргументаціи—бросается въ глаза ея искусственность. Къ тому же, такой ученый какъ Бугге не могъ не знать, какое шаткое основаніе представляетъ вообще сопоставленіе именъ для какихъ бы то ни было рѣшающихъ выводовъ. Созвучіе греческаго θεός (богъ) и мексиканскаго theotl (имя верховнаго божества ацтековъ) несомнѣнно; однако же изъ этого явнаго созвучія именъ рѣшительно ничего не слѣдуетъ въ смыслѣ установленія связи между эллинскою и мексиканскою миѳологіей; хотя фонетически эти имена можно бы связать легко—гораздо легче, чѣмъ показать происхожденіе имени Hymir изъ Oeneus, какъ это пытается сдѣлать Бугге [1]).

Наконецъ, надо замѣтить, что во многихъ случаяхъ аналогіи, открываемыя Бугге, заключаются въ такихъ общечеловѣческихъ чертахъ, которымъ рѣшительно нѣтъ надобности быть позаимствованными, чтобы одинаково встрѣчаться въ самыхъ различныхъ литературныхъ памятникахъ. Такова аналогія между Торромъ и Геракломъ, что оба бьются съ чудовищами и „могутъ много выпить", такова параллель между Фриггъ, плачущей надъ убитымъ

---

[1]) Эффектную параллель въ стилѣ Бугге можно бы также провести между скандинавскимъ Асаторъ и именемъ армянскаго святого Асатуръ.

Бальдромъ, и скорбящею Богоматерью—точно во всѣ времена и у множества другихъ племенъ не фигурируютъ герои, способные много выпить; и въ особенности, точно образъ матери, плачущей объ убитомъ сынѣ,—не такой общечеловѣческій образъ, который можно найти рѣшительно у всѣхъ народовъ.

Возвращаясь къ Герингу и приводимымъ имъ доводамъ противъ теоріи христіанско-классическихъ заимствованій Эдды, можно привести его же словами и то простое заключеніе, которое лишаетъ данную теорію ея главнаго отрицательнаго доказательства: „Высказывалось удивленіе по поводу богатства сѣверо-германскаго пантеона, по поводу громаднаго обилія миѳическихъ разсказовъ (количество которыхъ, какъ показываетъ рядъ сохранившихся и для насъ неясныхъ ссылокъ, нѣкогда было еще гораздо больше) по сравненію съ относительною бѣдностью южно-германскаго преданія. Между тѣмъ этотъ фактъ объясняется очень просто. Извѣстно, что по отношенію къ южно-германскимъ племенамъ миссіонерская дѣятельность христіанскихъ проповѣдниковъ началась очень рано... въ теченіе цѣлыхъ столѣтій ярый фанатизмъ римскихъ пастырей былъ направленъ на безпощадное искорененіе всего языческаго (прежде всего народныхъ вѣрованій, преданій и пѣсенъ), тогда какъ на сѣверѣ въ теченіе всего перваго тысячелѣтія христіанскаго счисленія германцы имѣли возможность безпрепятственно поклоняться національнымъ богамъ и воспѣвать ихъ дѣла и судьбы въ пѣсняхъ и сагахъ, которымъ и впослѣдствіи, въ христіанскую эпоху, удалось избѣгнуть преслѣдованія и уничтоженія со стороны близорукихъ изувѣровъ“.

Теорія Бугге въ настоящее время представляетъ скорѣе всего интересъ научнаго парадокса [1]); и если мнѣ показалось нужнымъ отвести ея характеристикѣ сравнительно большое мѣсто въ настоящемъ введеніи, то только потому, что, желая дать представленіе объ Эддѣ и такому читателю, который приступитъ къ ней безъ всякой историко-литературной подготовки, мнѣ хотѣлось оградить его отъ понятнаго недоумѣнія, могущаго возникнуть у неподготовленнаго человѣка, если бы онъ случайно

---

[1]) Въ еще большей степени относится сказанное ко взгляду Мейера, доводящаго эту теорію ad absurdum.

натолкнулся гдѣ-нибудь на этотъ парадоксальный, но какъ будто опирающійся на многотомную эрудицію взглядъ.

Научное изученіе Эдды, естественно, привело наиболѣе авторитетныхъ изслѣдователей къ выводу, что она не только является настоящимъ продуктомъ народнаго древне-германскаго творчества (что не исключаетъ, конечно, случайныхъ иноземныхъ вліяній— однако лишь поверхностно и въ частностяхъ, не въ существѣ дѣла), но и продуктомъ въ высшей степени типичнымъ, характернымъ, истиннымъ выраженіемъ духа той эпохи и того племени, которые создали ее.

При этомъ въ культурныхъ и миѳологическихъ элементахъ Эдды замѣтно сказывается первоначальная связь между южно-германскими и сѣверно-германскими племенами. Не только образы, но и въ нѣкоторыхъ случаяхъ самыя имена боговъ остались общими на сѣверѣ и на югѣ: Ло́ки (Логи) = Логе; Тиръ = Тіусъ, Ціу; Фриггъ, Фрéйа = Фрійа и т. д. И цѣлый рядъ миѳологическихъ и легендарныхъ элементовъ сѣверныхъ сказаній всплываетъ въ видѣ различныхъ отголосковъ въ томъ немногомъ, что сохранилось изъ миѳическаго и фольклорнаго наслѣдія не-скандинавскихъ германскихъ племенъ.

То обстоятельство, что сохранилось столь немного благодаря искоренительной дѣятельности христіанскаго фанатизма, еще увеличиваетъ цѣнность сѣверной литературы и въ частности Эдды, какъ религіознаго и культурнаго памятника.

Для ученаго Эдда всегда будетъ являться богатѣйшею сокровищницей миѳологическихъ, лингвистическихъ, культурно-историческихъ данныхъ, открывающей безконечные горизонты изслѣдователю древне-германской жизни и народной психологіи во всѣхъ ея проявленіяхъ. Для обыкновеннаго читателя она останется однимъ изъ величайшихъ поэтическихъ произведеній міровой литературы, способнымъ глубоко привлекать и захватывать духъ—независимо отъ какихъ бы то ни было историко-литературныхъ соображеній.

Герингъ справедливо указываетъ, что разнородное происхожденіе пѣсенъ Эдды обусловливаетъ собою и неравноцѣнное поэтическое достоинство; нѣкоторыя изъ нихъ могутъ представлять лишь умѣренную привлекательность для современнаго вкуса, по

самому своему содержанію (напр., изобилующая сухими перечнями пѣснь „Рѣчи Гримнира“), иныя слишкомъ искажены пробѣлами въ текстѣ или неудачными поздными интерполяціями, чтобы производить цѣльное впечатлѣніе.

Но смѣло можно сказать, что большинство пѣсенъ обладаетъ непреходящею поэтическою цѣнностью, не нуждающейся ни въ какихъ комментаріяхъ, чтобы дѣйствовать на воображеніе всякаго читателя, сколько-нибудь чуткаго къ поэзіи вообще. „Прорицаніе Провидицы“ съ ея грандіозными эпическими образами, съ проникающимъ ее величавымъ трагизмомъ міровой эпопеи, оставляетъ неизгладимое впечатлѣніе даже въ прозаическомъ пересказѣ. Глубоко захватываютъ и мѣстами неотразимо трогаютъ многіе моменты героическихъ пѣсенъ съ ихъ яркимъ, живымъ и правдивымъ поэтическимъ изображеніемъ разнообразнѣйшихъ человѣческихъ страстей. Образцы задушевнаго лиризма можно найти въ такихъ пѣсняхъ, какъ „Пѣснь о Свипдагрѣ“ и „Пѣснь о Скирнирѣ“. Таковы, напр., слова, которыми Фреиръ жалуется на страданіе своей неудовлетворенной любви къ дочери исполина, красавицѣ Гердръ:

Какъ я люблю ее—въ свѣтѣ отъ вѣка
Больше никто не любилъ!
Но нѣтъ никого среди асовъ и альфовъ,
Кто бы нашему браку былъ другъ.

Прекрасны слова Фреира въ концѣ пѣсни, когда Скирниръ обѣщаетъ ему свиданіе съ любимою красавицей „черезъ девять ночей“:

Длинна одна ночь, длиннѣе двѣ ночи!
Не знаю, какъ выдержать три...
Мѣсяцъ не разъ мнѣ короче казался,
Чѣмъ ожиданія часъ!

И глубоко запечатлѣваются въ душѣ образы такой пѣсни, какъ „Смертный путь Брингильдръ“, гдѣ при короткомъ объемѣ заключается столько мощи, истинно-поэтической красоты и драматизма, что простая древняя пѣснь съ этой стороны не уступаетъ, быть можетъ, и геніальной драматической варіаціи Рихарда Вагнера на тему стариннаго сказанія о любви Сигурдра и Брингильдръ. Какъ уже сказано, не во всѣхъ пѣсняхъ Эдды одинаково

много красоты и поэтическаго богатства. Но даже въ наименѣе привлекательныхъ для современнаго читателя разсѣяны цѣннѣйшіе самородки древней народной поэзіи и мудрости. Въ той самой: пѣснѣ „Рѣчи Гримнира“, о которой упоминается выше какъ объ одной изъ менѣе цѣнныхъ для читателя нашей эпохи, невольно приковываютъ вниманіе тѣ строфы, гдѣ перечисляются имена Одина

Назывался я Тайнымъ, и Странникомъ звался я,
Властелиномъ и Шлема Носителемъ.

. . . . . .

Многоликимъ, Правдивымъ, Разгадчикомъ истины,
Разящимъ и Радостнымъ въ браняхъ.
Богомъ съ окомъ благимъ, Богомъ съ огненнымъ взоромъ
Сокровеннымъ, Коварнымъ, Мѣняющимъ образы...

. . . . . .

Побѣды Отцомъ и Сраженій Отцомъ,
Кораблей Повелителемъ, Всадникомъ Грознымъ,
Отцомъ называюсь я всѣхъ и всего...

. . . . . .

Создателемъ, богомъ боговъ.

Это не болѣе, какъ перечень; но изъ этого перечня, если вдуматься въ смыслъ всѣхъ этихъ именъ, вырастаетъ величественный и глубокій образъ таинственнаго бога, поражаетъ то всеобъемлющее внутреннее богатство, какимъ одарила этотъ образъ уже въ древности народная фантазія.

Въ мало популярной пѣсни „Рѣчи Вафтруднира“ на ряду съ суховатыми миѳологическими экскурсами оказывается затронутымъ тонкій и глубокій психологическій моментъ въ поразительномъ вопросѣ Óдина:

Что сказано Óдиномъ на ухо сыну,
Когда на кострѣ онъ безъ жизни лежалъ?

Грозный Властитель битвъ, который, склонившись надъ тѣломъ своего убитаго любимца, ожидающаго огненнаго погребенія, тихо шепчетъ на ухо этому безотвѣтному мертвецу какія-то, никому другому не слышныя слова,—это такой поэтическій, чутко-художественный и неотразимо трогательный образъ, которымъ въ зна-

чительной мѣрѣ искупается дидактическая холодность предшествующихъ строфъ. И врядъ ли будетъ преувеличеніемъ сказать, что во всѣхъ тѣхъ пѣсняхъ Эдды, которыя считаются мало поэтическими и малохудожественными,—можно найти подобныя жемчужины неподдѣльной поэзіи и художественной красоты. Впрочемъ, надо помнить, что такія пѣсни составляютъ весьма незначительное меньшинство; за большинствомъ же давно упрочилась заслуженная слава прекрасныхъ и яркихъ образцовъ языческой поэзіи германскаго Сѣвера.

Характеристика Эдды, какъ поэтическаго произведенія, съ внутренней чисто художественной стороны представляетъ задачу въ высшей степени интересную и до сихъ поръ далеко не выполненную, едва только намѣчаемую всѣми писавшими на эту тему. Критика Эдды принадлежала до сихъ поръ почти исключительно ученымъ спеціалистамъ, сосредоточивающимъ все свое вниманіе на научномъ анализѣ Эдды, какъ литературнаго „памятника", на соображеніяхъ миѳологическихъ, лингвистическихъ, культурно-историческихъ и т. д., и лишь вскользь касаясь художественной оцѣнки, естественно выходившей за предѣлы ихъ компетенціи. Между тѣмъ изъ отзывовъ тѣхъ же спеціалистовъ явствуетъ, насколько цѣненъ долженъ бы быть всесторонній, если не исчерпывающій, то по крайней мѣрѣ возможно болѣе полный и обстоятельный анализъ Эдды именно съ художественной, поэтической точки зрѣнія. Можно вообще сказать, что недостатокъ внутренняго поэтическаго анализа нѣкоторыхъ прекрасныхъ продуктовъ народнаго творчества, по сравненію съ исчерпывающими подробнѣйшими разборами ряда произведеній, принадлежащихъ отдѣльнымъ авторамъ, составляетъ чувствительный пробѣлъ въ исторіи литературы. Тѣмъ болѣе, что во многихъ случаяхъ такой анализъ могъ бы въ видѣ побочныхъ результатовъ дать отвѣты на нѣкоторые изъ вопросовъ, остающихся неразрѣшенными для сухой чисто филологической критики, не считающейся съ поэтическою сущностью даннаго произведенія.

Нечего и говорить о томъ, что всякая попытка подобной—даже частичной — критики содержанія Эдды совершенно не входитъ въ задачи настоящаго труда. Я не считаю возможнымъ и болѣе подробно останавливаться здѣсь на цѣляхъ и методѣ этой

критики; мнѣ лишь хотѣлось подчеркнуть важное значеніе и желательность ея примѣненія къ такимъ памятникамъ міровой литературы, какъ Эдда, по отношенію къ которымъ, на мой взглядъ, обыкновенно отводится черезчуръ первенствующее мѣсто изученію оболочки и слишкомъ мало удѣляется вниманія внутреннему содержанію.

На этомъ я заканчиваю свое введеніе, имѣющее цѣлью дать читателямъ общее представленіе о томъ произведеніи, которому суждено въ моемъ переводѣ впервые полностью появиться на русскомъ языкѣ.

ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ РУССКОМУ ПЕРЕВОДУ ЭДДЫ.

„Предисловіе, которое, противъ обыкновенія, надо прочесть".
Проф. А. И. Введенскій „Курсъ лекцій по логикѣ".

Полнаго перевода Эдды на русскій языкъ до сихъ поръ не существуетъ (не только перевода, сдѣланнаго съ оригинала, но хотя бы перевода съ нѣмецкаго или датскаго перевода) ни въ стихахъ, ни въ прозѣ. Полнаго прозаическаго пересказа не существуетъ также. Имѣются только крайне малочисленные переводы (почти всѣ въ прозѣ) и— въ нѣсколько бо́льшемъ числѣ—пересказы отдѣльныхъ пѣсенъ, еще чаще—отрывковъ пѣсенъ; рядъ пѣсенъ до сихъ поръ не переводился даже въ отрывкахъ.

Въ Исторіи Среднихъ вѣковъ подъ редакціей Стасюлевича [1]) имѣется (т. II, ст. 236) переводъ весьма старательной, но очень устарѣвшей (1835 г.) и наивной [2]) статьи Рено „О характерѣ религіи О́дина" [3]), съ достаточнымъ количествомъ ошибокъ [4]) и въ особенности произвольныхъ обобщеній, не оправдаемыхъ памятниками. Переведена статья не полностью. За нею слѣдуетъ „Извлеченіе изъ старой Эдды"—повидимому долженствующее представлять собою пересказъ нѣкоторыхъ пѣсенъ Эдды; но пересказъ этотъ до такой степени не соотвѣтствуетъ

---

[1]) Исторія Среднихъ вѣковъ, въ ея писателяхъ и изслѣдованіяхъ новѣйшихъ ученыхъ, М. Стасюлевича. Типографія Стасюлевича. Спб. 1906.

[2]) Иначе, какъ наивною, нельзя назвать такую характеристику скандинавскаго міросозерцанія, гдѣ говорится, что скандинавы въ своемъ „равнодушіи" къ смерти „вполнѣ утратили инстинктивную любовь къ жизни".

[3]) Reynaud. La religion d'Odin.

[4]) Вольва оказывается дочерью (!) О́дина.

оригиналу, что дать понятіе о немъ можно, приведя параллельно содержаніе текста Эдды и того, что имѣется въ этой русской передачѣ (сдѣланной, вѣроятно, на основаніи какого-нибудь французскаго [1]) пересказа). Первый отрывокъ озаглавленъ Волу-Спа [2]), что́ могло бы заставить думать, что „Vǫluspǫ“ здѣсь приводится полностью. На самомъ дѣлѣ изъ 66 строфъ имѣется здѣсь 25, притомъ въ слѣдующемъ видѣ:

ЭДДА [3]).	ПЕРЕСКАЗЪ ВЪ ИСТ. СРЕД. ВѢК.
9. Всѣ божества пошли на мѣста [4]) совѣщаній, всесвятые боги, и держали совѣтъ о томъ, кто долженъ создать толпу (племя) карловъ изъ крови Бри́мира, и изъ членовъ Бла́ина?	9. Боги снова сошлись у трона всесвятого божества для совѣщаній. Кто долженъ быть главою и правителемъ божьихъ твореній. (Dvergen — отк. нѣм. Zwergen, маленькіе люди въ противоположность вышеупомянутымъ великанамъ) изъ рода ли Бримера или потомства Длена?
10. И Мо̀тсо́гниръ былъ сотворенъ первымъ изъ всѣхъ карловъ, а вторымъ Ду́риннъ. Они сдѣлали множество человѣческихъ изображеній въ землѣ, какъ сказалъ Ду́риннъ.	10. И былъ поставленъ надъ всѣми людьми Міотъ-Зегнеръ (кормилецъ), а за нимъ Дюринъ (Торръ) [!!]. Люди изготовили множество человѣческихъ изображеній на землѣ и говорили: да будетъ на землѣ Дюринъ.

[1]) Ни въ одномъ изъ извѣстныхъ мнѣ нѣмецкихъ пересказовъ нѣтъ подобныхъ неправильностей. Мнѣ представляется невѣроятнымъ, чтобы такія искаженія могли получиться при переводѣ съ подлинника. Судя по нѣкоторымъ формамъ именъ (Дюринъ, Міотъ-Зегнеръ, Аанъ) можно скорѣе всего предположить, что оригиналомъ служилъ французскій пересказъ датскаго перевода.

[2]) „Прорицаніе Провидицы“. Переводчикъ не переводитъ заглавія (и склоняетъ его по-русски, точно это собственное имя „въ Волу-Спѣ“, ст. 242).

[3]) Стихотворный переводъ и толкованіе см. въ текстѣ.

[4]) „Мѣста“ въ смыслѣ „престолы, сѣдалища“.

11. Нйэ и Ни́ди, Но́рдри и Су́дри, А́устри и Ве́стри, А́льтйофръ, Два́линнъ, Наръ и На́иннъ, Ни́дингръ, Да́иннъ, Би́фурръ, Бо́фурръ, Бо́мбурръ, Но́ри, Аннъ и А́нарръ, А́и, Мйо́двитниръ.

11. Земля была раздѣлена на части: Нордъ (сѣверъ) также Ниде, Нордре, Зюдре, Аустеръ, Вестеръ, высоко пробѣгающій Дуалинъ, Биворъ, также Баваръ, Бумбурръ, Норе, Аанъ, также Аннаръ—Аэ, Міодвитниръ.

12. Вигръ и Га́ндальфръ, Ви́ндальфръ, То́риннъ, Трорръ и Тра́иннъ, Текръ, Литръ и Витръ, Ниръ и Ни́радръ, Ре́гиннъ и Ра́дсвидръ; теперь я въ точности перечелъ всѣхъ карловъ.

12. Правителями этихъ частей были названы: Вейгуръ, Гандольфуръ, Виндальфуръ, Траинъ, Текуръ, Торинъ, Троръ Литуръ и Витуръ, Наръ и Ниродуръ. Вотъ я и назвалъ всѣхъ по порядку людей.

Въ послѣдующихъ строфахъ передача еще болѣе необычайна:

ЭДДА.

20. Оттуда пришли дѣвы, много знающія, три (дѣвы) изъ того чертога, что стоитъ подъ деревомъ: одну зовутъ Урдръ, другую Верда́нди—онѣ рѣжутъ кору—третья Скульдъ. Онѣ налагали завѣты, онѣ избирали жизненные жребіи дѣтямъ живущихъ, возвѣщали судьбы.

21. Я помню, какъ въ мірахъ была первая война, когда они (боги) закололи копьями Гу́лльвейгъ и сожгли ее въ жилищѣ у Гара (О́дина). Трижды сожгли ее, трижды рожденную;

ПЕРЕСКАЗЪ ВЪ ИСТ. СРЕД. ВѢК.

19 (20). Откуда произошли три всезнающія дѣвы: одна называется Урдръ (прошедшее) другая Верданда (настоящее) и третья, родившаяся изъ Черепахи, (?!) Скульда.

20 (21). Я могу разсказать и о первомъ человѣкоубійствѣ на землѣ, когда корысть сошлась съ кровожадностью и господень домъ былъ сожженъ.

часто жгутъ ее снова, но она живетъ.

21. Но онъ три раза былъ сожженъ и три раза спасался, даже чаще! но зло живетъ и теперь.

24. Óдинъ бросилъ копье противъ (вражескаго) воинства—тогда была первая въ мірахъ война—разрушена была ограда крѣпости асовъ, воинственные ваны [1]) попирали поле битвы.

24. Тогда воспрянулъ Одинъ и напалъ на народъ, и такъ начались человѣкоубійства, и у Азовъ разрушены были ихъ укрѣпленія, а побѣдоносныя дружины Ванера (другое имя Одина) одержали побѣду.

Приведенныхъ примѣровъ достаточно. За Vǫluspǫ слѣдуетъ сдѣланное въ такомъ же стилѣ „извлеченіе“ изъ Hǫvamǫl (тоже озаглавленное такъ, точно приводится все произведеніе; на самомъ дѣлѣ 32 строфы—изъ 163-хъ), подписанное,—очевидно bona fide—именемъ легендарнаго „составителя“ Эдды, вдобавокъ, невѣрно [2]) написаннымъ: „Семундъ-Сигфуссонъ“. Далѣе передается, какъ историческій фактъ, легенда о написаніи имъ Эдды. Затѣмъ слѣдуютъ,—сдѣланныя въ такомъ же духѣ, какъ изъ Vǫluspǫ и Hǫvamǫl—выдержки изъ Снорровой Эдды. „Пересказы“ эти мѣстами прямо приводятъ въ недоумѣніе фразами въ родѣ слѣдующей (251):

„Но!.... изъ мозгу вышли грозныя облака“.

(Что имѣлось въ виду при изобрѣтеніи этого страннаго восклицанія „Но!....“ котораго въ подлинникѣ нѣтъ и слѣда?)

Затѣмъ приведено, въ довольно правильной, хотя суховатой передачѣ Грановскаго, содержаніе ряда пѣсенъ изъ эпическаго цикла пѣсенъ о Сигурдѣ.

---

[1]) Стихійныя божества, воевавшія съ асами въ древнее время.

[2]) Неправильно соединеніе обоихъ именъ „тире“,—точно это двойное имя, а не имя и „отчество“, какъ оно есть на дѣлѣ.

Въ Исторіи всеобщей Литературы подъ редакціей проф. А. Кирпичникова [1]) имѣется въ статьѣ Кирпичникова „Германскій національный эпосъ“ пересказъ отрывковъ Эдды, въ переводахъ Грановскаго, а также Грота (о переводѣ послѣдняго будетъ рѣчь ниже, по поводу сборника Чудинова). Съ радостью можно отмѣтить, что общія краткія свѣдѣнія объ Эддѣ, даваемыя этимъ трудомъ, при большой неполнотѣ (неизбѣжной уже въ силу тѣсныхъ рамокъ, поставленныхъ самою задачею труда,— Исторіи всеобщей литературы) и нѣкоторой устарѣлости [2]), по крайней мѣрѣ не грѣшатъ никакими серьезными ошибками и включаютъ указаніе на ложность научнаго миѳа о Сэмундѣ, какъ авторѣ Эдды—столь желанное въ русской литературѣ въ виду того упорства, съ какимъ повторяютъ эту басню немногія русскія изданія, касающіяся Эдды [3]). Какъ крупный промахъ надо только отмѣтить выноску на ст. 161, гдѣ говорится, что „и эти пѣсни (о Нифлунгахъ) и прозаическій пересказъ „Младшей Эдды“ и „Вольсунга Саги“ неоднократно изложены по-русски“. Слѣдуетъ указаніе на Буслаева, Грановскаго и Чудинова. Изъ этой выноски можно заключить, что существуютъ полные и точные пересказы цикла пѣсенъ о Нифлунгахъ и даже всей Снорровой Эдды: ничего подобнаго нѣтъ. Всѣ пересказы представляютъ собою болѣе или менѣе произвольныя переложенія—всѣ они неполны (въ особенности о пересказѣ Снорровой Эдды не можетъ быть и рѣчи), и во всѣхъ сопровождающихъ ихъ статьяхъ и поясненіяхъ

---

[1]) „Всеобщая исторія литературы“, составлена по источникамъ и новѣйшимъ изслѣдованіямъ, при участіи русскихъ ученыхъ и литераторовъ, начата подъ редакціей В. Ѳ. Корша, продолжается подъ редакціей проф. А. Кирпичникова. Спб. изд. Карла Риккера. 1885 (т. II. Исторія средневѣковой литературы).

[2]) 1885. Между тѣмъ, именно за послѣднія десятилѣтія появились капитальные труды Могка, Геринга, Мюлленгофа.

Въ 1908 г. начало выходитъ и лучшее въ настоящее время изданіе текста Эдды, сдѣланное Сіймонсомъ.

[3]) Упомянутое выше изданіе Стасюлевича, сборники Чудинова.

Даже въ большомъ Энциклопедическимъ Словарѣ Брокгауза и Ефрона (I изд.) (т. XII, А) авторъ замѣтки „Земундъ Мудрый“ съ совершенно неумѣстною осторожностью замѣчаетъ, что участіе его въ изложеніи Эдды „сомнительно“ (Спб. 1894).

встрѣчаются—даже иногда у Грановскаго—крупныя ошибки, обусловленныя недостаточнымъ изученіемъ текста Эдды (вообще въ эпоху появленія даннаго труда; или же только у даннаго автора) или недостаточнымъ знакомствомъ съ литературою предмета.

Пересказъ отрывковъ Эдды имѣется также въ „Исторіи всемірной литературы“ Зотова.

Въ другихъ крупныхъ трудахъ по исторіи и исторіи литературы относительно Эдды имѣются обыкновенно только краткія упоминанія или сжатыя общія характеристики.

А. Н. Веселовскимъ сдѣланъ прекрасный прозаическій переводъ Vǫlispǫ—въ его статьяхъ „Вѣщаніе Вельвы и новѣйшая экзегеза“ [1]),—дающій, по поводу книги Э. Г. Мейера, подробный научный разборъ памятника.

Нѣсколько пѣсенъ приведены въ „Сборникѣ скандинавской поэзіи“ подъ редакціей Чудинова. 1875. Для характеристики редактируемыхъ Чудиновымъ переводовъ обращаюсь къ тому его изданію, которое отличается большею полнотою, нежели упомянутый сборникъ, и включаетъ, кромѣ пѣсенъ. вошедшихъ въ послѣдній, еще рядъ другихъ.

Въ 1897 году появилось изданіе (Русская классная библіотека, изд. подъ редакціей Чудинова), озаглавленное „Старшая Эдда (Семунда Мудраго), сборникъ миѳологическихъ, гномическихъ и эпическихъ пѣсенъ въ переводахъ русскихъ писателей“. Изд. Глазунова, Спб. Несмотря на это заглавіе, книга вовсе не заключаетъ въ себѣ полнаго перевода Эдды, а, какъ указывается въ предисловіи, слѣдующее: 2 миѳологическія пѣсни—Пѣснь Валы („Прор. Пров.“) и, говоритъ авторъ предисловія: „къ этому же отдѣлу мы позволили себѣ присоединить оригинальное стихотвореніе А. Н. Майкова „Пѣснь о Бальдурѣ“, прекрасно передающее миѳъ объ этомъ

---

[1]) А. Н. Веселовскій. Розысканія въ области русскаго духовнаго стиха XVIII, XXIV, выпускъ VI.

Аполлонѣ сѣвера". Далѣе приводится въ прозаическомъ переводѣ нѣсколько отрывковъ изъ „Пѣсни Высокаго" (Изр. Выс.), затѣмъ стихотворный переводъ Кудряшевымъ „Пѣсни о Велундѣ" и, наконецъ, всѣ въ прозаическихъ переводахъ, 14 героическихъ пѣсенъ.

Это изданіе, во многихъ отношеніяхъ, въ высшей степени неудовлетворительно. Самое предисловіе (анонимное) съ первой же страницы вызываетъ недоумѣніе, такъ какъ авторъ его, повидимому, недостаточно знакомъ съ Эддой и съ литературой предмета. Онъ высказываетъ въ видѣ безапелляціоннаго утвержденія ложное свѣдѣніе о составленіи Эдды Семундомъ Мудрымъ — легенду, которая издавна оспаривалась, а ко времени изданія этой книги (1897) была уже окончательно опровергнута компетентными изслѣдователями.

Также категорически высказываетъ онъ другую литературную легенду [1]), что заглавіе Эдды означаетъ „Прабабушка"—ни слова не говоря о дѣйствительномъ происхожденіи этого заглавія, котораго вовсе не носила найденная Бринйольфомъ рукопись [2]).

Далѣе, утвержденіе, что стихотвореніе Майкова „прекрасно передаетъ" миѳъ о Бальдрѣ—показываетъ, что авторъ предисловія несомнѣнно не знакомъ съ этимъ миѳомъ. Поэма Майкова — гладко написанная, мѣстами красивая фантазія на эддическую тему, въ нѣкоторыхъ частностяхъ хорошо отражающая древнегерманское міросозерцаніе (во вступительной части, напр., въ словахъ скальда о судьбѣ. Впрочемъ, вся эта часть пропущена въ изданіи Чудинова). Но разумѣется и самъ Майковъ не могъ считать ее „передачею" миѳа о Бальдрѣ, такъ какъ къ послѣднему примѣшаны совершенно посторонніе элементы: произвольныя варіаціи на темы „Прорицанія Провидицы", заимствованныя изъ героическаго эпоса черты. Майковъ сначала переноситъ на своего Бальдура разсказъ о богѣ Фрéирѣ, впервые увидѣвшемъ Гердръ, примѣшивая къ этому разсказу эпизодъ съ волшебникомъ-великаномъ, совершенно не въ стилѣ Эдды, скорѣе въ духѣ „Тысячи

---

[1]) Возникшую въ связи съ собственнымъ именемъ „Эдда" въ „Сказаніи о Ригѣ".

[2]) См. введеніе.

и одной ночи“ [1]); затѣмъ поэтъ передѣлываетъ и по-своему комбинируетъ сказаніе Эдды объ усыпленной Óдиномъ валькиріи Бри́нгильдръ, которую долженъ былъ пробудить и взять въ жены величайшій изъ героевъ Си́гурдръ. Майковъ дѣлаетъ изъ этого какую-то восточную сказку, въ которой злой волшебникъ-великанъ усыпилъ свою дочь Нанну, при чемъ она лежитъ въ ледяномъ дворцѣ, окруженномъ пламенемъ, и на ней неизвѣстно почему надѣтъ доспѣхъ воина (что́ естественно въ Эддѣ у воительницы Бри́нгильдръ, но теряетъ всякій смыслъ въ данномъ случаѣ); въ роли же Си́гурдра является Ба́льдуръ, проникающій сквозь пламя, чтобы взять Нанну въ жены... Ясно, что по меньшей мѣрѣ рискованно называть передачею (да еще „прекрасною“) миѳа о Бальдрѣ произведеніе, гдѣ оказываются подобные эпизоды, не имѣюшіе ничего общаго съ миѳами о Бальдрѣ, каковы они въ Эддѣ и въ сагахъ. Даже въ разсказѣ о смерти Бальдра, гдѣ Майковъ стремится сохранить содержаніе подлинной саги, введены совершенно произвольные элементы, какъ изображеніе поведенія Ло́ки, весьма не соотвѣтствующее его образу и поведенію въ Эддѣ [2]). Достопримѣчательнѣе всего то, что всѣ тѣ отрывки поэмы Майкова, которые приведены въ изданіи Чудинова—написаны частью на сюжетъ сагъ (прозаической Снорровой Эдды), частью на темы героическаго эпоса (какъ показано выше, въ крайне произвольной переработкѣ); изъ „миѳологическихъ пѣсенъ Эдды“, къ которымъ ее присоединяетъ составитель сборника — не заимствовано здѣсь ни одной строки, только мѣстами попадаются отдѣльныя выраженія и образы, выхваченные изъ „Прорицанія Провидицы“ (изъ той же

---

1) ...Вдругъ слышенъ
Точно звѣря ревъ: бѣжитъ косматый
Великанъ—и закричалъ, затопалъ,
Сталъ грозить на Ба́льдура, а дѣву
Вмигъ жезломъ серебрянымъ ударилъ;
И она какъ мертвая упала.

2) Онъ—когда свалился Ба́льдуръ мертвый,
Испугался больше всѣхъ: руками
Ухватившись за голову, мигомъ
Убѣжалъ изъ Асграда. По правдѣ,
И не думалъ онъ, что все такъ выйдетъ...

Vǫluspǫ, которая въ сборникѣ приведена цѣликомъ, и слѣдовательно не могла имѣться въ виду при включеніи поэмы Майкова въ сборникъ). А та единственная часть поэмы, которая дѣйствительно является передачею одной изъ пѣсенъ Эдды („Пѣсни о Путникѣ") и болѣе или менѣе выдержана Майковымъ въ эддическомъ стилѣ—діалогъ Óдина съ Валой—эта-то часть какъ разъ и выпущена. Ясное дѣло, что только человѣкъ, не имѣющій понятія объ Эддѣ, могъ предполагать, что онъ удачно замѣняетъ „миѳологическую пѣснь" „Семундовой" Эдды, — приводя своеобразную поэтическую фантазію Майкова, съ сохраненіемъ всѣхъ ея, чуждыхъ Эддѣ, эпизодовъ, и съ исключеніемъ единственнаго мѣста, дѣйствительно взятаго изъ „Семундовой" Эдды [1]).

Лучше всего дѣло обстоитъ въ сборникѣ съ переводомъ Грота. Тутъ имѣется, по крайней мѣрѣ, добросовѣстный трудъ знающаго человѣка. Однако и его переводъ „Видѣніе Валы или Вёльвы" во многомъ производитъ неудовлетворительное впечатлѣніе. Съ перваго взгляда подавляетъ ужасающая тяжеловѣсность формы и полное отсутствіе какого бы то ни было ритма. Переводъ напечатанъ, какъ стихи—отдѣльными строками съ заглавными буквами; но врядъ ли возможно усмотрѣть хотя бы прозаическій (не говоря уже о стихотворномъ) ритмъ въ такихъ строкахъ (49, 50):

Гримиръ ѣдетъ съ востока, щитъ передъ нимъ;
Змѣй, обвивающій землю, извивается въ ярости,
И взрываетъ глубину морскую, орелъ весело клокчетъ,
Блѣднымъ клювомъ раздираетъ трупы; пущенъ корабль
ногтяной... и т. д.

Можно бы думать, что, при такомъ полномъ пренебреженіи къ формѣ, переводчику удастся по крайней мѣрѣ точная передача содержанія. Но переводъ кишитъ крупными ошибками, начинающимися съ первой же строфы. Въ оригиналѣ: (1, III) „Viltu at

---

[1]) Я не имѣю въ виду отрицать поэтическія достоинства поэмы Майкова an und für sich; мнѣ только надо было показать, что въ качествѣ „передачи" эддическаго сказанія она безусловно недопустима и несомнѣнно никогда не предназначалась самимъ Майковымъ для этой цѣли.

ek, Valfaþér, vel fyr telja...“ т.-е. „Ты, Вальфадиръ [1]), хочешь, чтобы я разсказала...“ и т. д.

У Грота:

„Хочешь ли ты, я разскажу чудеса Вальфадера?“. Въ оригиналѣ говорится о „карлахъ“ (9, IV: dverga), Гротъ переводитъ „сонмъ духовъ“. Въ оригиналѣ сказано (объ одномъ изъ волковъ, рожденныхъ отъ Фенрира): „Fyllesk fjǫrve feigra manna“. („Онъ будетъ питаться тѣлами умершихъ людей“, 41, I).

У Грота:

„Онъ насыщается жизнью низкихъ людей“.

Переводъ совершенно неожиданный, въ особенности слово „низкихъ“, на которое нѣтъ никакого намека въ подлинникѣ. (Трудно предположить, чтобы переводчикъ былъ способенъ смѣшать скандинавское „feigr“ — умершій, мертвый, съ нѣмецкимъ „feig“—трусливый, низкій). Въ оригиналѣ говорится: „aþr Surtar þan sefe of hleyþer“ („прежде чѣмъ родичъ Суртра выступитъ въ путь“, 47, IV).

У Грота:

„Пока сынъ Суртура не пожретъ Óдина“.

Объ Óдинѣ въ этой строкѣ не сказано ни слова, о „сынѣ“ Суртра нѣтъ рѣчи не только здѣсь, но и нигдѣ во всей Эддѣ [2]); Óдина долженъ пожрать волкъ Фéнриръ, сынъ Лòки — который, быть можетъ, дѣйствительно подразумѣвается подъ „родичемъ“ Суртра (но, быть можетъ, и нѣтъ), а „пожретъ“ получилось отъ смѣшенія глаголовъ hleyra и gleyra (послѣднее, ошибка въ текстѣ, въ которой Гротъ неповиненъ). Вообще наиболѣе важныя ошибки въ переводѣ Грота обязаны своимъ происхожденіемъ прежнему неправильному чтенію текста Эдды (Бальдръ оказывается „кровавымъ богомъ“ вмѣсто „кроткаго бога“, 32, I; обитатели Муспелля плывутъ съ сѣвера на кораблѣ, тогда какъ на дѣлѣ они должны мчаться съ юга сухимъ путемъ, 51 и 52). Гротъ, конечно, не отвѣтственъ за эти ошибки, но онѣ лишаютъ его переводъ значительной доли цѣнности послѣ того, какъ возста-

---

[1]) Вальфадиръ—„Отецъ-битвъ“, Óдинъ..

[2]) Насколько извѣстно, у Суртра и не было никакого сына.

новлено правильное чтеніе цѣлаго ряда строкъ „Прорицанія“, раньше понимавшихся иначе, или остававшихся непонятными. Не всегда удачны и комментаріи къ переводу Грота, гдѣ часто безъ оговорокъ высказываются спорныя (и въ то время спорныя) положенія и гдѣ попадаются замѣчанія въ родѣ слѣдующаго:

„Видаръ (отъ vefr — вѣтеръ) — нѣмой Асъ, богъ бурь“. Здѣсь столько же ошибокъ, сколько утвержденій. Видарръ не нѣмой, а только „молчаливый Асъ“; имя его не отъ vefr, а отъ vidr—лѣсъ; vefr—значитъ не „вѣтеръ“, а „погода“ и „зима“; богъ бурь не Видарръ, а Óдинъ. Надо согласиться, что отъ подобной выноски не слишкомъ обогатятся свѣдѣнія читателя по скандинавской миѳологіи. Нечего и говорить о томъ, что въ комментаріи то и дѣло встрѣчаются неподходящія выраженія то классическаго, то христіанскаго происхожденія: Гэль названа тартаромъ, Óдинъ—Богомъ-Саваоѳомъ и т. п. Вдобавокъ весь переводъ крайне небрежно прокорректированъ: напечатано въ одномъ мѣстѣ „Гармъ“, въ другомъ „Горнъ“; вмѣсто „волкъ“ напечатано „воинъ“ (ст. 9), вмѣсто богини Глинъ оказалось имя нарицательное, и получился слѣдующій удивительный стихъ (53):

„Тогда новое бѣдствіе разразится надъ глиной“.

(Подобныхъ курьезовъ вообще не мало въ сборникѣ Чудинова.)

Обращаясь къ единственному стихотворному переводу сборника — переводу Кудряшевымъ „Пѣсни о Велундѣ“, можно, по счастью, сказать, что онъ довольно удовлетворителенъ, если не считать нѣкоторой безвкусицы въ подборѣ русскихъ выраженій— въ родѣ того, что Велундъ „медальоны (sic!) выковалъ чудно“, или „взялъ онъ ее пивомъ“ (переводъ обѣихъ этихъ фразъ вдобавокъ и безусловно ошибоченъ), и нѣсколько частныхъ промаховъ, а также небрежности въ передачѣ именъ, чѣмъ, впрочемъ, грѣшитъ въ еще большей степени Гротъ. Въ переводѣ Кудряшева есть извѣстная ритмичность и мѣстами художественность.

Остальные переводы сборника—прозаическіе. Небольшой отрывокъ изъ „Изреченій Высокаго“, названный въ предисловіи „Пѣснь Высокаго“, а въ текстѣ „Рѣчь Высокаго“, заимствованъ изъ „Исторіи Среднихъ вѣковъ“ Стасюлевича и представляетъ собою очень маленькую выдержку изъ самой обширной среди всѣхъ пѣсенъ

Эдды: изъ *163* строфъ оригинала въ сборникѣ приведено *33*. За исключеніемъ этого отрывка, а также переведенной Грановскимъ „Первой пѣсни о Гудрунѣ“, эти прозаическіе переводы „вновь переведены для настоящаго изданія и печатаются здѣсь въ первый разъ“. (Предисловіе.)

Къ сожалѣнію, не сказано, съ какого языка сдѣланы эти переводы. Я, однако, считаю несомнѣннымъ, что они сдѣланы не съ подлинника, а съ нѣмецкаго перевода, и вотъ почему. Въ „Третьей пѣснѣ о Сигурдрѣ“ [1]) строфа 35 (по другому счисленію 36 или 34) начинается словами: „Я не нуждалась, чтобы мужчина предложилъ мнѣ утренній свадебный подарокъ“. Послѣднія слова напечатаны курсивомъ и пояснены въ выноскѣ словомъ: Morgengabe. Между тѣмъ ни этого слова, ни всей фразы въ скандинавскомъ подлинникѣ нѣтъ. Въ Эддѣ сказано просто и прямо: „Né vildak þat, at mik verr áette“—„Я не хотѣла, чтобы мужъ имѣлъ меня“. Очевидно, фраза, которую переводчикъ, подписывающійся А. Ч., считаетъ нужною пояснить въ выноскѣ, заимствована имъ изъ нѣмецкаго перевода. Очевидно также, что скандинавскій оригиналъ ему не знакомъ, иначе ему не было бы надобности воспроизводить фразу, нуждающуюся въ комментированьи и не имѣющуюся въ подлинномъ текстѣ (тѣмъ болѣе, что переводъ прозаическій,—стало быть, никакія формальныя соображенія не могли тутъ играть роли); г. А. Ч. считалъ эту фразу принадлежащею подлиннику. Есть и другія доказательства того, что переводъ дѣлался съ нѣмецкаго перевода. На стр. 65 г. А. Ч. пишетъ въ выноскѣ слово „бургъ“, не существующее на русскомъ языкѣ. Очевидно, онъ заимствовалъ его, не измѣняя, изъ того текста, съ котораго переводилъ; но въ оригиналѣ Эдды слова burg тоже не существуетъ (было бы borg—замокъ, чертогъ), въ нѣмецкомъ же будетъ именно Burg, которое г. А. Ч. и заимствовалъ, по всей видимости, изъ нѣмецкаго текста.

Что до качествъ самого перевода—или, вѣрнѣе, пересказа нѣмецкаго перевода—г. А. Ч., то его нельзя признать стоящимъ выше посредственности. Въ немъ много неточностей и достаточно прямыхъ ошибокъ въ родѣ недоразумѣнія въ „Пѣсни о

---

[1]) „Краткая пѣсня о Сигурдрѣ“ (Sigorþarkviþa en skamma).

Фáфнирѣ“ (отъ 31 стрф. и дальше), гдѣ маленькія лѣсныя птички превратились въ орловъ и вороновъ [1]), которыхъ г. А. Ч. заставляетъ „пѣть“, при чемъ счетъ у него идетъ слѣдующимъ образомъ: первый орелъ, второй орелъ, третій орелъ, четвертый орелъ, пятый воронъ, шестой орелъ... И такихъ промаховъ въ переводѣ г. А. Ч. не мало. Слогъ перевода тяжелый, нехудожественный, неуклюжій и проникнутый безнадежнымъ ремесленнымъ прозаизмомъ. Вся поэзія оригинала исчезла въ этой передачѣ — отъ живой красоты скандинавскаго эпоса остался сухой скелетъ.

Если мнѣ показалось умѣстнымъ остановиться на изданіи Чудинова, то потому, что этотъ сборникъ по объему (изъ 36 пѣсенъ Эдды приведено 16; 17-мъ является отрывокъ „Рѣчи Высокаго“) остается все-таки наиболѣе полной попыткой ознакомить русскую публику съ Эддой въ доступномъ изданіи, и мнѣ хотѣлось показать, насколько мало онъ отвѣчаетъ своему назначенію—насколько, слѣдовательно, желательно появленіе изданія, могущаго хоть нѣсколько успѣшнѣе послужить этой цѣли.

Пожалуй, удачнѣе всего въ сборникѣ выдержки изъ солидныхъ, хотя сильно устарѣвшихъ и во многомъ отставшихъ отъ современнаго изслѣдованія статей: Буслаева „Древне-сѣверная жизнь“ и Грота „Очеркъ скандинавской миѳологіи“. Удачны также „картинки“, какъ называетъ ихъ авторъ предисловія—воспроизведеніе двухъ рисунковъ проф. Деплера: „Вала“ и „Смерть Бальдера“, „на которой изображенъ весь сѣверный Олимпъ съ Óдиномъ во главѣ“ и картины „Сúгурдъ—убійца Фáфнира“. Но заявленіямъ предисловія и тутъ не вполнѣ слѣдуетъ вѣрить, потому что послѣдняя картина гораздо больше подходитъ, какъ иллюстрація, ко II дѣйствію „Зигфрида“ Рихарда Вагнера, чѣмъ къ Сúгурдру Эдды, а „весь сѣверный Олимпъ“ оказывается исчерпаннымъ семью богами, изъ которыхъ узнать можно только Óдина, Брáги, Бальдра, Ґодра и Лóки; не видно ни Торра, одного изъ главныхъ представителей скандинавскаго пантеона, ни бога войны Тира, ни

---

[1]) Слово оригинала igþa — названіе маленькой птички: существуетъ только сомнѣніе, обозначаетъ ли оно поползня или трясогузку (Motacilla alba). Но въ этомъ названіи нѣтъ даже отдаленнаго сходства со словами, обозначающими орла (ǫrn) и ворона (hrafn). Врядъ ли подобное недоразумѣніе имѣлось уже въ нѣмецкомъ переводѣ.

Нйордра, ни Улльра, ни Фрéира, ни Видарра, ни Ґеймдáлльра, не говоря уже о второстепенныхъ и позднѣйшихъ божествахъ. Изъ богинь нарисованы только двѣ: повидимому, Фриггъ и Фрéйа. Но въ общемъ этотъ маленькій и плохо воспроизведенный рисунокъ, несомнѣнно, въ большей степени проникнутъ духомъ скандинавскаго эпоса, чѣмъ весь сборникъ Чудинова.

Въ выпускѣ IV Записокъ Неофилологическаго Общества (Спб., 1910) помѣщенъ сдѣланный К. Ѳ. Тіандеромъ прозаическій переводъ и научный разборъ пѣсни „Hǫvamǫl“, озаглавленной переводчикомъ „Притчи Одина“.

Изъ этого перевода исключены тѣ строфы, которыя авторъ считаетъ интерполяціей.

Въ 1911 году, немного времени спустя послѣ того, какъ была представлена въ Императорскую Академію Наукъ рукопись моего перевода Эдды, поступила въ продажу брошюра г-жи З. Тулубъ: стихотворный переводъ одной изъ пѣсенъ Эдды, а именно Vǫluspǫ.

Передъ переводомъ Грота трудъ г-жи Тулубъ имѣетъ то преимущество, что свободенъ отъ нѣкоторыхъ крупныхъ и грубыхъ неправильностей (обусловленныхъ въ гротовскомъ переводѣ неудовлетворительнымъ чтеніемъ въ его время подлиннаго текста) и что написанъ довольно гладкими стихами. Но этимъ преимущества ограничиваются. Не говоря о томъ, что переводъ сдѣланъ не съ подлинника, а, повидимому, съ нѣмецкаго перевода Геринга, совершенно несомнѣнно, что переводчица вовсе не ознакомилась съ этимъ подлинникомъ, не поинтересовалась ни точною передачею содержанія, ни формою. По отношенію къ послѣдней переводчица поступаетъ вполнѣ произвольно. Въ довольно небрежно составленномъ предисловіи послѣ несовсѣмъ яснаго опредѣленія того, что такое аллитерація, слѣдуетъ немотивированное и вполнѣ неосновательное заявленіе, что въ русскомъ переводѣ „аллитерацію, конечно (sic!), нельзя удержать“. Если бы г-жа Тулубъ внимательно слѣдила за русскою переводною литературой, то могла бы убѣдиться хотя бы на переводѣ г. В. П. Коломійцевымъ ваг-

неровскаго „Кольца Нибелунга“ [1]), что аллитерація въ русскомъ переводѣ иноземнаго аллитераціоннаго произведенія вполнѣ возможна. О ея примѣнимости и значеніи въ русскомъ переводѣ Эдды я говорю ниже, въ предисловіи къ своему переводу.

Не сохраняя въ своей стихотворной передачѣ аллитераціи, этой характернѣйшей особенности оригинала, г-жа Тулубъ отступаетъ и отъ ритма послѣдняго, избравъ по неизвѣстной причинѣ для своего перевода короткія хорейныя строки, по 8 въ строфѣ, при чемъ вся строфа завершается строкой съ краткимъ окончаніемъ. Трудно подыскать ритмъ, менѣе подходящій для „Прорицанія Провидицы“, нежели именно этотъ. Если бы переводчица попросила кого-нибудь, знакомаго съ языкомъ Эдды, прочесть ей вслухъ хотя бы пару строфъ оригинала, я не сомнѣваюсь, что простое ритмическое чутье не позволило бы ей остановиться на этомъ отрывистомъ плясовомъ размѣрѣ, столь рѣзко расходящемся съ ритмомъ подлинника. Даже незнакомому съ языкомъ бросается въ глаза это несоотвѣтствіе:

Примѣръ (Vǫluspǫ, 44):

Geyr Garmr mjǫk fyr Gnipaheller
Festr mon slitna, en freke rinna!
Fjǫlþ veit frøþa, fram sék lengra
Umb ragna røk, rǫmm sigtiva [2]).

Переводъ г-жи Тулубъ:

Громко лаетъ Гарумъ
Передъ Гнипагеллой,
Волкъ, сорвавъ оковы,
Убѣжитъ... я много
Знаю: я предвижу

---

[1]) Изд. Юргенсона, Москва. 1-я часть перевода вышла въ свѣтъ раньше книжки г-жи Тулубъ.

[2]) Мой переводъ:

Лаетъ песъ Гармръ у пещеръ Гнипагэллира.
Узы расторгнуты, вырвался Волкъ!
Много я знаю; вижу я, вѣщая,
Грозно грядущій жребій боговъ.

Гибель мудрыхъ Азовъ,
Вижу неизбѣжность
Гибели боговъ.

Не говоря о прозаизмѣ перевода, о недопустимомъ въ Эддѣ переносѣ фразы изъ строки въ другую—неподходящій размѣръ измѣняетъ весь характеръ строфы, даетъ построеніе, совершенно несоотвѣтствующее подлиннику.

Къ содержанію „Vǫluspǫ“ переводчица отнеслась такъ же небрежно, какъ къ формѣ—несмотря на то, что въ предисловіи справедливо указывается на содержательность и значительность миѳологическихъ пѣсенъ Эдды. И текстъ, и примѣчанія равно свидѣтельствуютъ о незнакомствѣ съ древне-сѣверной миѳологіей, и въ частности съ эддическимъ пантеономъ и міросозерцаніемъ. Постоянно вставляя отъ себя въ текстъ различныя „словечки“ для размѣра (*NB*: произвольно выбраннаго), переводчица на каждомъ шагу проявляетъ это незнакомство; результатомъ являются грубѣйшія ошибки. Такъ, исполинъ Имиръ превращается въ „царя Юмира“, богъ Лóки названъ „гигантомъ“, къ Ванамъ прибавленъ, ради ритма, эпитетъ „злые“, никогда не примѣнявшійся къ нимъ (такъ какъ Ваны, наоборотъ, отличаются благодѣтельными свойствами), говорится о „счисленіи лѣтъ“—грубая ошибка въ эддической пѣсни, такъ какъ характернѣйшею особенностью германской хронологіи является счисленіе именно зимами, а не лѣтами; имя норны Урдръ переводчица считаетъ названіемъ рѣки, и говоритъ объ „истокѣ Урды“, и т. д. Небрежность доходитъ до того, что и въ примѣчаніяхъ и въ текстѣ оказываются противорѣчія; на стр. 11, Ми́миръ названъ „богомъ мудрости“ (совершенно недопустимое отступленіе отъ Эдды), а на стр. 15 онъ правильно характеризуется, какъ „водяной духъ“. (Различіе между богами и духами въ текстѣ Vǫluspǫ вполнѣ опредѣленно.) На стр. 20 сообщается, что пѣтухъ Фіаларъ, неправильно названный „пур-
отъ сна боговъ—тогда, какъ по тексту Эдды
овъ, а великановъ; а на слѣдующей же стра-
ворится, что не Фіаларъ, а Гуллинкамби будитъ
во всемъ, рѣшительно, видно основательное не-
эддическихъ пѣсенъ; ясно, что это область, со-

вершенно чуждая переводчицѣ, повидимому случайно взявшейся за нее. Незнаніе языка приводитъ къ обычнымъ въ такихъ случаяхъ курьезамъ: въ родѣ превращенія норны въ рѣку, и т. п. Переводчица не отнеслась внимательно даже къ нѣмецкимъ переводамъ Эдды и повторяетъ въ строфѣ 47 крупную ошибку, возможную только при современномъ Гроту чтеніи текста, и устраненную изъ всѣхъ новѣйшихъ изданій Эдды. Примѣчанія и предисловіе показываютъ какъ будто бы претензію на научную обработку перевода: между тѣмъ, въ текстѣ не отмѣчены дѣлаемые пропуски нѣкоторыхъ интерполяцій, не указаны и сохраненныя въ переводѣ позднѣйшія вставки, сомнительныя мѣста, и т. п. Въ переводѣ изобилуютъ неподходящіе термины, рѣжущіе ухо въ эддической пѣсни: „царь“, „гиганты“, „шашки“, говорится о „каскадѣ (!) Óдина“, и т. д.; для размѣра вставляются такія—звучныя, но немыслимыя въ Эддѣ выраженія, какъ „другъ луны туманной“ (о солнцѣ); эта фраза, которой въ подлинникѣ нѣтъ и помина, вдвойнѣ недопустима—и въ виду неэддическаго характера эпитета „туманная луна“, и оттого, что въ миѳологической пѣсни нельзя произвольно вводить подобные образы, когда въ скандинавскомъ пантеонѣ солнце—богиня, а мѣсяцъ—божество мужского рода. Для размѣра же постоянно прибавляются переводчицей къ тексту, въ самыхъ неподходящихъ случаяхъ, слова вродѣ „ужъ“, „вдругъ“, „а“, „и“, въ особенности послѣднее; тогда какъ въ сжатомъ, строгомъ языкѣ „Прорицанія“ вообще отсутствуютъ всякія лишнія слова, и въ частности соединительные союзы встрѣчаются очень рѣдко. Въ подлинникѣ строка чрезвычайно рѣдко начинается съ „и“, и никогда не начинается строфа съ этого слова; въ переводѣ же г-жи Тулубъ „и“ появляется въ началѣ строки болѣе 40 разъ... Имена произвольно искажаются ради ритма, ударенія въ нихъ ставятся то правильно, то неправильно.

Изъ всѣхъ этихъ частностей создается общее впечатлѣніе, очень далекое отъ того, которое вызывается эддическимъ подлинникомъ. Въ особенности несчастный выборъ размѣра способствуетъ этому; съ музыкальной стороны, размѣръ этотъ соотвѣтствуетъ приблизительно ритму „крейцъ-польки“. Переложить на подобный ритмъ величественныя суровыя строфы „Vǫluspǫ“—это немногимъ лучше, чѣмъ запѣть „Коль славенъ“ на мотивъ Камаринской. И это до-

садно, потому что переводчица до извѣстной степени несомнѣнно обладаетъ поэтическимъ даромъ, и владѣетъ стихомъ; къ тому же, ея переводъ, по крайней мѣрѣ, не безграмотенъ, какъ бываютъ иногда ремесленные русскіе переводы. Но въ настоящемъ своемъ видѣ онъ безспорно дастъ читателю только неполное и искаженное представленіе объ одной изъ замѣчательнѣйшихъ пѣсенъ Эдды.

Указанными произведеніями ограничивается, сколько мнѣ извѣстно, все сдѣланное до настоящаго времени въ русской литературѣ въ смыслѣ передачи на русскомъ языкѣ пѣсенъ Эдды.

Въ стихотворной формѣ существуетъ, слѣдовательно, кромѣ разобраннаго перевода г-жи Тулубъ — переводъ только одной изъ тридцатишести пѣсенъ [1]) этого богатѣйшаго памятника древне-германской поэзіи: переводъ Vólundarkviþa Кудряшевымъ. Можно съ натяжкой считать опытомъ поэтической передачи—тотъ отрывокъ поэмы Майкова „Бальдуръ", который заимствованъ изъ „Пѣсни о Путникѣ" (хотя подлинника Эдды Майковъ не зналъ).

Вотъ все, что мнѣ удалось найти въ русской литературѣ по части передачи пѣсенъ Эдды.

Такъ какъ настоящій трудъ является первымъ полнымъ переводомъ пѣсенъ Эдды на русскій языкъ, при чемъ имѣлось въ виду воспроизвести въ немъ не только содержаніе, но до извѣстной степени и форму древне-скандинавскаго подлинника—я нахожу необходимымъ предпослать ему нѣкоторую общую характеристику этой формы, а также указать тѣ основные принципы, которыми я руковожусь въ ея русской передачѣ.

Мнѣ не представляется умѣстнымъ подробно говорить о метрическихъ особенностяхъ Эдды, каковыми онѣ являются въ древне-скандинавскомъ подлинникѣ. Интересующіяся этимъ лица могутъ обратиться къ спеціальнымъ сочиненіямъ [2]). Сжатое и доступное

---

[1]) 35, если не считать, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые, Grottasǫngr („Пѣснь о Гротти").

[2]) Ed. Sievers. См. Указат. Лит.

изложеніе основныхъ принциповъ стихосложенія Эдды читатель найдетъ у Геринга (въ его введеніи къ нѣмецкому переводу Эдды) [1]). Здѣсь я лишь кратко укажу тѣ существенныя особенности формы, которыя имѣютъ значеніе и для переводчика, и для читателя перевода.

Во-первыхъ, дѣленіе на строфы, всегда законченныя по содержанію, обособленныя одна отъ другой логически и грамматически и состоящія (за рѣдкими исключеніями) изъ четырехъ строкъ. Принципъ этотъ проходитъ черезъ всѣ пѣсни Эдды, за исключеніемъ одной только „Пѣсни о Гáрбардрѣ", форма которой вообще изобилуетъ отступленіями отъ всѣхъ основныхъ нормъ стихосложенія.

Во-вторыхъ, аллитерація, т.-е. подборъ одинаково звучащихъ согласныхъ въ началѣ тѣхъ слоговъ, на которые падаетъ ударенія (kalla vindofne vaner) или созвучіе однородныхъ гласныхъ, если слогъ начинается съ гласнаго (kalla álfar ártala).

Въ-третьихъ, ритмъ или размѣръ въ тѣсномъ смыслѣ слова, т.-е. опредѣленное чередованіе ударенныхъ и неударенныхъ слоговъ въ строкѣ.

На ряду съ этими основными, важнѣйшими особенностями, можно указать еще второстепенныя: опредѣленное протяженіе строкъ— т.-е. число стопъ въ каждой изъ нихъ, и въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ чередованіе длинныхъ строкъ съ короткими; также имѣющее иногда мѣсто чередованіе долгихъ окончаній съ краткими (въ концѣ строкъ); и, наконецъ, чередованіе долгихъ и краткихъ слоговъ. Изъ всѣхъ указанныхъ особенностей только послѣдняя такого свойства, что русскому переводчику приходится безповоротно отказаться отъ ея передачи, такъ какъ долгота и краткость слоговъ (по крайней мѣрѣ, въ ясной и замѣтной формѣ) отсутствуетъ въ русскомъ языкѣ. Но этотъ недостатокъ мало чувствуется именно въ данномъ случаѣ, по отношенію къ древне-германской метрикѣ, гдѣ долгота и краткость слоговъ не играютъ господствующей роли (какъ, напримѣръ,

---

[1]) Die Edda. Die Lieder der sogenannten älteren Edda. Übersetzt und erläutert von Hugo Gering. Meyers Klassiker Ausgaben. Leipzig und Wien.

въ метрикѣ древне-греческой), что позволяетъ отнести эту особенность въ разрядъ второстепенныхъ.

Предстоитъ выяснить, какъ обстоитъ дѣло съ тѣми элементами древне-германскаго стихосложенія, которые были здѣсь выдвинуты, какъ основные: спрашивается, поскольку желательно и достижимо воспроизведеніе послѣднихъ въ русскомъ переводѣ?

Относительно перваго пункта—дѣленія на строфы—не приходится много говорить. Слишкомъ ясно для всякаго, какая огромная разница не только въ формѣ, но и въ настроеніи, въ тонѣ произведенія—существуетъ между непрерывной цѣпью стихотворныхъ строкъ, связанныхъ одна съ другою, и рядомъ строго разграниченныхъ строфъ [1]). Очевидно, что эту особенность переводчикъ можетъ и долженъ сохранить въ своей передачѣ.

Не такъ просто рѣшается вопросъ о другой основной особенности эддическаго стихосложенія: объ аллитераціи. На ней поэтому приходится остановиться подробнѣе.

---

[1]) Предлагаю читателю сравнить съ этой точки зрѣнія нижеприведенные отрывки двухъ произведеній одного изъ наиболѣе блестящихъ художниковъ формы среди русскихъ поэтовъ, Алексѣя Толстого:

I. Въ тѣ дни, когда на насъ созвѣздье Пса
Глядитъ враждебно съ высоты зенита,
И сводъ небесъ, какъ тяжесть, оперся

На грудь земли, и солнце, мглой обвито,
Жжетъ безъ лучей, и бѣгаютъ стада,
Съ мычаніемъ, ища отъ мухъ защиты —

Въ тѣ дни любилъ съ друзьями я всегда
Собора тѣнь, и вѣчную прохладу,
Гдѣ въ самый зной дышалось безъ труда,

И гдѣ намъ былъ, средь отдыха, отрадой
Разнообразный живописи видъ
И полусвѣтъ, не утомлявшій взгляда...
. . . . . .

(„Драконъ“).

II. Надъ древними подъемляся дубами,
Онъ островъ нашъ отъ недруговъ стерегъ;
Въ войну и миръ равно честимый нами,

Несмотря на несомнѣнные примѣры въ древне-русской поэзіи [1]), показывающіе, что аллитерація отнюдь не чужда духу русскаго языка, какъ иногда утверждается недостаточно освѣдомленными противниками аллитераціоннаго стиха—надо сказать, что употребленіе послѣдняго въ современной русской поэзіи не переходитъ области попытокъ [2]). И приходится нерѣдко слышать утвержденіе, что „современный русскій языкъ не приспособленъ" къ аллитераціи, якобы даже „русское ухо" не можетъ ея воспринимать. Я рѣшительно отвергаю подобную точку зрѣнія. Русскій языкъ вовсе не такъ бѣденъ, русское ухо вовсе не такъ грубо—чтобы не быть въ состояніи примѣниться къ своеобразнымъ особенностямъ аллитераціоннаго стиха. Напротивъ, русскій языкъ безконечно богатъ во всѣхъ отношеніяхъ и открываетъ для аллитераціоннаго стихосложенія такой просторъ, что лучше и желать нечего. Что до „русскаго уха" и его способности къ воспріятію аллитераціи—то я, конечно, не предполагаю, что каждый русскій читатель сразу, безъ навыка, уловитъ гармонію всякой аллитераціи, даже слабой (съ созвучіемъ лишь немногихъ и не находя-

---

Онъ зорко вкругъ глядѣлъ семью главами,
Нашъ Ругевитъ, непобѣдимый богъ.

Курился дымъ ему отъ благовоній,
Его алтарь былъ зеленью обвитъ,
И много разъ, на кучахъ вражьихъ броней
У ногъ своихъ закланныхъ видѣлъ доней
Нашъ грозный богъ, нашъ славный Ругевитъ.
. . . . . .
(„Ругевитъ").

Здѣсь намѣренно выбраны два отрывка съ тождественнымъ ритмомъ (пятистопный ямбъ съ чередованіемъ мужскихъ и женскихъ окончаній), съ аналогичнымъ стилемъ,—эпическимъ, нѣсколько архаичнымъ; съ аналогичнымъ настроеніемъ спокойнаго вначалѣ повѣствованія. И, несмотря на все это, огромная разница получается во всемъ складѣ обоихъ произведеній—исключительно благодаря тому, что въ одномъ случаѣ имѣются тѣсно связанныя, переливающіяся одна въ другую терцины, а въ другомъ—обособленныя, замкнутыя пятистрочныя строфы.

[1]) Слово о Полку Игоревѣ.

[2]) Вяч. Ивановъ, Бальмонтъ, Чешихинъ въ своемъ переводѣ текста „Тристана и Изольды" Вагнера.

шихся рядомъ словъ); но я утверждаю, что каждый замѣтитъ аллитерацію, напр., въ слѣдующихъ словахъ:

„Обрядъ браннаго братства“.

Конечно, неподготовленный читатель не сможетъ назвать замѣченную особенность „аллитераціей“, но это вѣдь совершенно неважно;—важно, чтобы самая звуковая особенность была замѣчена. А это всегда имѣетъ мѣсто при подобныхъ случаяхъ сильной и повторной аллитераціи. При чтеніи же цѣлаго произведенія, написаннаго аллитераціоннымъ стихомъ—у читателя очень быстро является привычка улавливать это созвучіе согласныхъ—даже тамъ, гдѣ оно выражается гораздо менѣе рѣзко, чѣмъ въ приведенномъ примѣрѣ. Совершенно несомнѣнно, что русскому уху нисколько не чуждо благозвучіе такихъ аллитераціонныхъ сочетаній, какъ „тихія темныя тѣни“, „вольныя воды“, „буйная буря“, и т. п.

Здѣсь можетъ возникнуть слѣдующій вопросъ. Признавъ, что аллитерація въ русскомъ стихѣ возможна и замѣтна, остается рѣшить: нужна-ли она съ эстетической стороны—иными словами: красива-ли она? По моему глубокому убѣжденію, всякое рѣшеніе этого вопроса можетъ быть только чисто субъективнымъ. Для меня лично не подлежитъ сомнѣнію высокая красота аллитераціоннаго стиха (на любомъ изъ языковъ, въ какихъ только мнѣ случалось встрѣчать его)—красота въ нѣкоторыхъ случаяхъ болѣе строгая и болѣе утонченная, чѣмъ благозвучіе риѳмованныхъ стиховъ. Разумѣется, не будетъ недостатка и въ представителяхъ противоположнаго мнѣнія. Но по отношенію къ моей непосредственной задачѣ—русскому переводу Эдды—вопросъ о красотѣ аллитераціоннаго стиха не можетъ имѣть рѣшающаго значенія, и вотъ почему. Если о красотѣ аллитераціи можно спорить, то никакіе споры немыслимы по отношенію къ ея глубокому своеобразію. Это своеобразіе такъ сильно, оно налагаетъ такой ярко-оригинальный отпечатокъ на древне-германское стихосложеніе—что устранить изъ него аллитерацію значило бы лишить его характернѣйшаго основного элемента. Поэтому, разъ въ русскомъ языкѣ аллитерація возможна—русскій переводчикъ Эдды обязанъ всѣми силами стремиться сохранить ее: онъ этимъ сохра-

нитъ существеннѣйшую особенность формы оригинала. Не бѣда, если между читателями возникнутъ разногласія относительно большей или меньшей красоты аллитераціоннаго стиха—во всякомъ случаѣ всѣ читатели почувствуютъ его оригинальность, органически присущій ему своеобразный звуковой „ладъ".

Я здѣсь намѣренно оставляю совершенно въ сторонѣ вопросъ объ эмоціональномъ значеніи аллитераціи, въ частности о связи преобладанія опредѣленныхъ согласныхъ съ опредѣленнымъ колоритомъ настроенія. Я лично считаюсь въ своемъ переводѣ съ этой стороною дѣла—но въ виду спорности и сложности вопроса признаю неудобнымъ вдаваться здѣсь въ его разсмотрѣніе. Интересныя данныя на этотъ счетъ, читатель найдетъ въ брошюрѣ Вольцогена [1]), хотя и связанной по темѣ съ единичнымъ произведеніемъ, но дающей много интереснаго и цѣннаго и въ смыслѣ общаго освѣщенія проблемы. Мнѣ не представляется ни позволительнымъ, ни нужнымъ опираться на психологическое значеніе аллитераціи какъ на аргументъ въ пользу ея примѣненія въ русскомъ переводѣ Эдды: желательность этого примѣненія я считаю достаточно доказанной высказываемыми выше соображеніями о характерности для Эдды аллитераціоннаго стиха.

Если я считаю аллитерацію необходимой въ русскомъ переводѣ Эдды, то я этимъ не хочу сказать, что возможно или хотя бы желательно сохранить ее въ томъ именно видѣ, въ какомъ она имѣется въ оригиналѣ. Соблюденіе всѣхъ условій аллитераціоннаго стихосложенія Эдды представляется мнѣ не только невозможнымъ, но и въ принципѣ ненужнымъ: такъ какъ нѣкоторыя изъ этихъ условій тѣсно связаны съ языкомъ оригинала и по отношенію къ другому языку получаютъ совершенно иное значеніе. Въ древне-германскомъ (и въ частности въ древне-скандинавскомъ) стихосложеніи аллитерація выражается въ согласованіи начальныхъ звуковъ слова (Anlaut): на начальномъ звукѣ слова въ этомъ языкѣ всегда стоитъ удареніе и поэтому фактически аллитерація является въ древне-германскомъ стихѣ созву-

---

[1]) H. von Wolzogen. Poetische Lautsymbolik. Psychische Wirkungen der Sprachlaute im Stabreime (aus R. Wagner's „Ring des Niebelungen"). Leipzig. Ed. Schloenng. 1876.

чіемъ согласныхъ (и изрѣдка гласныхъ), начинающихъ собою ударенный слогъ. Такъ какъ воспріятіе аллитераціи цѣликомъ зависитъ отъ ударенія, то очевидно необходимо въ каждомъ языкѣ, примѣняя аллитерацію, сообразоваться съ мѣстонахожденіемъ ударенныхъ слоговъ. Ясное дѣло, что къ аллитераціи исключительно на первыхъ слогахъ—неизбѣжной въ языкѣ, гдѣ только на этихъ слогахъ стоитъ (единственное или главное) удареніе,—совершенно незачѣмъ стремиться, если имѣешь дѣло съ языкомъ, въ которомъ, какъ въ современномъ нѣмецкомъ или въ русскомъ, удареніе можетъ отсутствовать на первомъ слогѣ и помѣщаться на любомъ изъ остальныхъ слоговъ. Это значило бы безъ всякой надобности сокращать словарь, имѣющійся въ распоряженіи переводчика, и лишать себя возможности пользоваться цѣлымъ рядомъ благозвучныхъ аллитераціонныхъ сочетаній—только потому, что въ эти сочетанія входятъ слова, гдѣ аллитерирующимъ можетъ оказаться второй, или третій, или послѣдній слогъ. Напротивъ, такими сочетаніями слѣдуетъ пользоваться, такъ какъ они вносятъ въ стихъ богатое разнообразіе созвучій—нисколько не отступая отъ основного принципа аллитераціоннаго стиха. Такъ именно примѣняли и примѣняютъ аллитерацію современные нѣмецкіе поэты [1]), въ томъ числѣ такой чуткій возсоздатель древне-германской поэзіи во всѣхъ ея проявленіяхъ, какъ Феликсъ Данъ, наприм., въ слѣдующей строкѣ:

Ei, die Winde, wie weh'n sie geschwinde!

Въ этой строкѣ, отличающейся рѣдкимъ аллитераціоннымъ благозвучіемъ, въ послѣднемъ словѣ удареніе и аллитерація прихо-

---

[1]) Не всѣмъ извѣстно, насколько употребленіе аллитераціи въ современной поэзіи распространено, и какъ много образцовъ прекраснѣйшихъ аллитераціонныхъ стиховъ можно найти у современныхъ поэтовъ—не только у такихъ, которые извѣстны систематическимъ примѣненіемъ аллитераціи (какъ Іорданъ, Рюкертъ, Данъ), но, напр., у Гейне. У послѣдняго мы находимъ въ стихотвореніи Frühling—тонкую, необыкновенно мелодичную комбинацію аллитераціи, риѳмы и ассонанса:

Die Wellen blinken und fließen dahin—
Es liebt sich so lieblich im Lenze!..

u. s. w.

дятся на серединномъ слогѣ (geschwinde). Такого же рода аллитерацію допускаетъ и Рихардъ Вагнеръ, напр.:

Da flatterte junges Geflügel auf...

или:

Ein herrlich Gewässer
Wogt vor mir...
(„Siegfried".)

Такъ же поступаетъ и Герингъ въ своемъ переводѣ Эдды, постоянно употребляя созвучія въ родѣ слѣдующаго:

Der Ruhm, den der Todte errang...

Въ данномъ случаѣ, правда, имѣется составное слово. Но рѣшительно нѣтъ причинъ не распространять этого принципа и на несоставныя слова.

Въ допущеніи такихъ созвучій (вытекающихъ изъ самой природы языка, отличающагося разнообразіемъ удареній, какъ нѣмецкій или русскій) нѣтъ въ сущности никакого отступленія отъ древне-скандинавскаго ритма Эдды. Ритмъ всякаго произносимаго, хотя бы мысленно, стиха оказывается въ зависимости отъ чередованія удареній и числа слоговъ—отъ ихъ долготы или краткости тамъ, гдѣ таковыя существуютъ—но никогда не отъ распредѣленія слоговъ и удареній по словамъ [1]). (Этимъ объясняется, между прочимъ, то обстоятельство, что, слыша какой-нибудь стихъ на незнакомомъ языкѣ, можно зачастую безошибочно опредѣлить его размѣръ и при этомъ совершенно не быть въ состояніи указать число и распредѣленіе словъ.) Недаромъ установилось издавна обыкновеніе при графическомъ изображеніи ритма совершенно не считаться съ количествомъ и распредѣленіемъ словъ и оставлять безъ обозначенія то и другое.

---

[1]) Для сравненія можно взять хотя бы три стиха изъ Лермонтовскаго „Демона".

I ... „Ни день, ни ночь, ни мракъ, ни свѣтъ"...
II ... „Спѣвались хоры легкихъ птицъ".
III ... „Несокрушимый мавзолей"...

Здѣсь разнообразіе въ числѣ словъ (въ первомъ случаѣ 8, во второмъ 4, въ третьемъ 2) нисколько не мѣшаетъ звуковому единообразію ритма.

Поэтому нельзя считать погрѣшностью противъ стихосложенія подлинника—употребленіе переводчикомъ древне-скандинавскихъ пѣсенъ такихъ словъ, гдѣ аллитерирующими оказываются не первые слоги.

Другимъ вполнѣ позволительнымъ и естественнымъ отступленіемъ отъ древней формы аллитераціи—я считаю допущеніе аллитераціи между такими согласными, которыя, будучи одинаковыми по звуку въ современномъ (русскомъ или нѣмецкомъ) языкѣ, оказываются не однородными морфологически. И въ этомъ случаѣ я слѣдую Герингу, справедливо отвергающему воззрѣніе Симрока, согласно которому аллитерировать должны только согласныя одинаковыя по происхожденію (напр. Schaft и Schaum, но отнюдь не Schlaf, при чемъ послѣднее по мнѣнію Симрока должно считаться аллитерирующимъ съ однороднымъ по происхожденію, но совершенно иначе звучащимъ „saß"). Въ русскомъ языкѣ, согласно этому воззрѣнію, нельзя было бы аллитерировать „межа" (гдѣ „ж" получилось изъ общеславянскаго „джд",—„меджда") и „жаръ" (гдѣ „ж" въ основѣ иного происхожденія). И надо было бы признать аллитерирующими такія слова, какъ „колъ" и „часъ", потому что въ послѣднемъ „ч" получилось изъ „к" (ст.-слав. câsr,—*kesos). Ясное дѣло, что такой принципъ грѣшитъ противъ простѣйшаго поэтическаго и музыкальнаго чутья. Вся аллитерація построена на звукѣ, и теряетъ смыслъ, если звуки оказываются различными и связаны (конечно, только въ глазахъ спеціалиста) лишь общимъ происхожденіемъ. Не слѣдуетъ къ тому же забывать, что древне-германскіе пѣвцы, авторы Эдды и другихъ подобныхъ произведеній, ужъ конечно не руководились въ своихъ стихахъ соображеніями исторической фонетики—по той простой причинѣ, что этой науки въ то время еще не существовало. И переводчикъ въ этомъ случаѣ имѣетъ полное право слѣдовать примѣру авторовъ и руководиться только тѣмъ, какъ звучитъ данная буква, оставляя въ сторонѣ вопросъ о томъ, изъ какого звука она произошла. На томъ же основаніи надо считать болѣе правильнымъ аллитерированье русскаго „г" въ тѣхъ случаяхъ, когда оно ясно звучитъ какъ „в" (въ окончаніяхъ „его́", „ничего́" и т. п.),—именно съ „в", а не „г", съ которымъ оно утратило всякое сходство. Потому что здѣсь рѣчь идетъ не о под-

борѣ морфологически однородныхъ звуковъ, а о созданіи извѣстнаго звукового сочетанія, предназначеннаго дѣйствовать на слухъ. За этими двумя оговорками (допущеніе аллитераціи не на первомъ слогѣ и безъ зависимости отъ фонетическаго генезиса звуковъ) аллитераціонный стихъ можетъ и долженъ быть воспроизведенъ въ русскомъ переводѣ Эдды, какъ по отношенію къ согласнымъ, такъ и по отношенію къ гласнымъ. Послѣднія при этомъ естественно распадаются на двѣ группы—простыя: а, э, о, у, и йотированныя: я, ё, е, ю, каждая группа включаетъ аллитерирующія между собою гласныя, но между представителями разныхъ группъ—напр., „у“ и „ю“—аллитераціи нѣтъ. Переходнымъ звукомъ является гласный „и“—могущій, смотря по своему качеству, оказаться созвучнымъ съ йотированнымъ или съ не-йотированнымъ звукомъ. Эдда написана нериѳмованнымъ стихомъ, за исключеніемъ двухъ-трехъ строкъ, гдѣ чисто случайнымъ образомъ оказались риѳмы. Слѣдовательно, и въ переводѣ недопустимы риѳмованные стихи. (Не считая, какъ и въ подлинникѣ, случайныхъ риѳмъ.) Это положеніе представляется мнѣ достаточно очевиднымъ, чтобы можно было на немъ дольше не останавливаться.

Остается вопросъ о размѣрѣ въ тѣсномъ смыслѣ слова, т.-е. ритмическомъ чередованіи удареній. Въ пѣсняхъ Эдды имѣются извѣстные перемежающіеся ритмы—не безъ зависимости отъ долготы и краткости слоговъ, и, въ силу послѣдняго обстоятельства, какъ указано выше, не вполнѣ могущіе быть переданными русскими стихами. Но очень близкое воспроизведеніе этихъ ритмовъ все же возможно на русскомъ языкѣ, если постараться неуклонно сохранять общее соотвѣтствіе между распредѣленіемъ удареній въ каждой строкѣ подлинника и перевода. Иногда это достижимо въ предѣлахъ тѣхъ простѣйшихъ размѣровъ, которые до послѣдняго времени такъ замѣтно преобладали въ русской поэзіи, что едва ли не большинство читающей публики считало ихъ единственно возможными въ русскомъ языкѣ и увидѣло неслыханное новшество въ широкомъ употребленіи новѣйшими поэтами болѣе сложныхъ и прихотливыхъ метрическихъ сочетаній—тогда какъ на самомъ дѣлѣ подобныя сочетанія, иногда съ блестящимъ мастерствомъ, фигурировали уже въ цѣломъ рядѣ отдѣль-

ныхъ произведеній корифеевъ русской поэзіи, отъ Ломоносова до Фета [1]), и только недостаточнымъ знакомствомъ русскихъ чи-

---

[1]) Привожу наудачу нѣсколько яркихъ образчиковъ употребленія сложныхъ ритмовъ—не укладывающихся въ рамки освященныхъ обычаемъ простѣйшихъ русскихъ размѣровъ (некомбинированныхъ ямба, хорея, амфибрахія, дактиля, анапеста и гекзаметра):

У Ломоносова:

На восходѣ солнце какъ зардится,
Вылетаетъ вспыльчиво хищный Встокъ—
Глаза кровавы, самъ вертится... и т. д.

. . . . . .

У Державина:

. . . . . .

Сильный гдѣ, храбрый, быстрый Суворовъ?..
Сѣверны громы во гробѣ лежатъ.

(Снигирь.)

У Лермонтова:

Поцѣлуями прежде считалъ
Я мятежную жизнь свою.
Но теперь я отъ счастья усталъ,
Но теперь никого не люблю!

. . . . . .

И я счетъ своихъ лѣтъ потерялъ
И крылья забвенья ловлю...

. . . . . .

У Тютчева:

О какъ на склонѣ нашихъ лѣтъ
Нѣжнѣй мы любимъ и суевѣрнѣй!..
Сіяй, сіяй, прощальный свѣтъ
Любви послѣдней, зари вечерней!

(Послѣдняя любовь.)

У Фета:

Измученъ жизнью, коварствомъ надежды,
Когда имъ въ битвѣ душой уступаю—
И днемъ и ночью смежаю я вѣжды
И какъ-то странно порой прозрѣваю.

. . . . . .

И неподвижно на огненныхъ розахъ
Живой алтарь мірозданья курится.
Въ его дыму, какъ въ творческихъ грезахъ,
Вся сила дрожитъ и вся вѣчность снится.

тателей съ родною поэзіей объясняется распространеніе упомянутаго ошибочнаго взгляда.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ простые, некомбинированные ритмы являются наиболѣе подходящими для передачи ритма пѣсенъ Эдды. Чаще всего такимъ подходящимъ размѣромъ оказывается дактиль, рѣже амфибрахій, еще рѣже анапестъ: и никогда, ни въ какомъ случаѣ, не ямбъ и не хорей [1]). По большей части, однако, пѣсни Эдды отличаются перемежающимся ритмомъ, для передачи котораго переводчикъ можетъ комбинировать, напр., строки дактиля со строками другого ритма. Иногда оказывается уже прямо комбинированный ритмъ въ каждой строкѣ, напр.:

Потрясъ головою, взмахнулъ кудрями
Земли сынъ грозный, вокругъ озираясь.

(Пѣснь о Тримрѣ).

Въ такихъ комбинированныхъ ритмахъ почти всегда не болѣе четырехъ удареній на строку; сочетанія, подобныя гекзаметру, недопустимы [2]). Въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ ритмъ измѣняется въ

---

[1]) Въ высшей степени неудачною поэтому надо признать мысль Майкова написать пятистопнымъ хореемъ эддическую фантазію „Бальдуръ“.

[2]) Все, что говорится о стихосложеніи пѣсенъ Эдды, не относится только къ одной „Пѣсни о Гарбардрѣ“, стоящей въ смыслѣ ритма совервершенно особнякомъ. Ни одному изъ комментаторовъ не удалось до сихъ поръ найти какую-либо опредѣленную форму стихосложенія въ этомъ своеобразномъ произведеніи, гдѣ отсутствуетъ даже дѣленіе на строфы, столь строго проходящее черезъ весь циклъ Эдды. Герингъ видитъ въ немъ смѣшанную форму изъ перемежающихся стиховъ и аллитерирующей, ритмической (и то не всегда) прозы. Могкъ, выражающій свое недоумѣніе по поводу этой формы, склоняется къ тому, чтобы объяснить ее просто отсутствіемъ техническаго таланта у автора:

„Man sollte doch mit der Thatsache rechnen, daß es auch im Altertum gute und schlechte Dichter gegeben hat“.

Стараясь во всякомъ случаѣ избѣгать прозы въ моемъ переводѣ, я въ „Пѣсни о Гарбардрѣ“, въ виду этой полной независимости ея ритма отъ общихъ правилъ, рѣшаюсь допускать — вмѣсто прозы — метрическія сочетанія, столь же произвольныя какъ въ подлинникѣ; въ томъ числѣ и близкія къ гекзаметру.

Въ героическомъ эпосѣ, нѣсколько обособленное положеніе зани-

серединѣ стихотворенія въ зависимости отъ измѣненія въ самомъ содержаніи; въ такихъ случаяхъ переводчикъ, разумѣется, долженъ слѣдовать за оригиналомъ. Такъ, въ „Прорицаніи Провидицы“ мнѣ представляется неизбѣжнымъ переходъ — въ тѣхъ строфахъ, гдѣ начинается повѣствованіе о кончинѣ міра — отъ болѣе медленнаго перемежающагося ритма предшествующихъ строфъ къ болѣе ровному и стремительному дактилю, почти безъ отклоненій отъ правильной схемы:

Ґримръ со щитомъ наступаетъ съ Востока,
Въ морѣ вздымается Змѣй міровой...
и т. д.

Безъ сомнѣнія, въ переводѣ является желательнымъ (но на мой взглядъ не представляющимъ первостепенной важности) условіемъ — сохраненіе повсюду соотвѣтствующей подлиннику протяженности строкъ, чередованія длинныхъ строкъ съ короткими и чередованія разнородныхъ окончаній (—, или — ◡ ◡, — ◡ ◡ ◡ и т. д.).

Въ Эддѣ имѣются двѣ основныя формы построенія строфы: fornyrþislag и ljóþaháttr.

Въ первомъ строфа состоитъ изъ четырехъ длинныхъ строкъ, изъ которыхъ каждая дѣлится цезурою на двѣ половины, имѣющія по два ударенія каждая.

Примѣръ („Прорицаніе Грипира“, 32):

Hvárt's þa Griper? get þess fyr mér!
Ser geþléise í grams skape?
Skalk viþ mey þa mǫlom slita
Es alz hugar unna þóttomk?

(Мой переводъ:

„Можетъ ли быть это, мудрый властитель,—
Ужели я такъ вѣроломенъ, скажи?
Клятву нарушу я, данную дѣвѣ,
Которую сердцемъ такъ сильно любилъ?“)

маютъ въ смыслѣ ритма „Пѣснь объ Атли“ и „Сказаніе объ Атли“. Въ виду большой протяженности строкъ, и здѣсь мѣстами пришлось въ переводѣ приблизиться къ гекзаметру.

Въ формѣ, называвшейся ljóþahattr, строфа состоитъ изъ четырехъ строкъ неравной длины—двухъ длинныхъ и двухъ короткихъ, послѣдовательно чередующихся.

Примѣръ („Изрѣченія Высокаго", 55):

Meþalsnotr skyle manna hverr
Aeva til snotr sé!
Þoit snotrs manz hjarta verþr sjaldan glatt
Ef sá es alsnotr, es á.

(Мой переводъ:

Въ мѣру быть мудрымъ для смертныхъ умѣстно:
Многаго лучше не знать.
Рѣдко тотъ радостенъ сердцемъ, чей разумъ
Больше, чѣмъ надо, узналъ.)

Кромѣ этихъ двухъ основныхъ формъ, въ Эддѣ имѣется еще второстепенная форма malahathr, фигурирующая рѣдко и систематически проведенная только въ „Atlamǫl". Это построеніе, въ общемъ, аналогично fornyrdislag, отличаясь отъ него большимъ числомъ слоговъ въ полустишіи и добавочными удареніями. Останавливаться на этой формѣ нѣтъ надобности. (Объ особенностяхъ ея русской передачи будетъ рѣчь ниже.)

Идеальнымъ по формѣ переводомъ Эдды былъ бы такой, гдѣ оказались бы сохраненными, безъ какихъ-либо отступленій: дѣленіе на строфы, аллитерація, ритмъ съ чередованіемъ ударенныхъ и неударенныхъ слоговъ, протяженность каждой отдѣльной строки и ея окончанія.

Внимательное изученіе подлинника привело меня къ заключенію, что осуществленіе этого идеала въ полной мѣрѣ—невозможно; не трудно, а именно по существу невозможно: вслѣдствіе нѣкоторыхъ спеціальныхъ особенностей древне-скандинавскаго эпоса,—если, конечно, придерживаться того принципа, что ради формы перевода нельзя ни въ какомъ случаѣ жертвовать его содержаніемъ и смысломъ.

Невозможно, прежде всего, полное, послѣдовательное сохраненіе аллитераціи въ каждой строкѣ: этому препятствуютъ самыя основныя особенности нѣкоторыхъ изъ пѣсенъ Эдды. Такъ, напр., „Пѣснь объ Áльвиссѣ" представляетъ собою діалогъ Торра съ

мудрымъ карломъ Áльвиссомъ: въ строфахъ чередуются вопросы Торра о названіяхъ различныхъ предметовъ и явленій (солнца, моря, посѣвовъ и т. д.) въ различныхъ мірахъ, и отвѣты Áльвисса на эти вопросы, въ родѣ слѣдующаго (о морѣ):

Люди моремъ зовутъ его, Вóдами боги,
Ваны волною зовутъ,
Турсы Рыбьею Родиной, Влагою альфы;
Для карловъ оно: Глубина.
(Стрф. 25.)

Ясное дѣло, что запасъ словъ, который здѣсь можетъ употребить переводчикъ, крайне ограниченъ: онъ обязанъ сохранить всѣ обозначенія существъ, о которыхъ идетъ рѣчь—люди, боги, ваны, турсы, альфы, карлы; и сохранить сообщаемыя Áльвиссомъ названія—потому что въ нихъ-то, въ этухъ названіяхъ, въ данномъ случаѣ и заключается самая суть. Неизбѣжно долженъ быть употребленъ также глаголъ „звать“ или „называть“—или же какое-нибудь производное отъ одного изъ нихъ; въ крайнемъ случаѣ глаголъ „именовать“ или существительное „имя“. Тутъ нельзя замѣнить однихъ словъ другими; и если оказывается, что единственныя возможныя слова не аллитерируютъ между собою, то ничего не остается, какъ только пожертвовать въ данной строкѣ аллитераціею. Въ приведенномъ примѣрѣ это не оказывается необходимымъ; но врядъ ли возможно избѣгнуть подобнаго отступленія, напр., въ такой фразѣ:

„Eldr heiter meþ mǫnnom, en meþ ǫsom fune...“
(26)
„У людей онъ называется огонь, у асовъ пламя“.

Ни одно изъ этихъ словъ не можетъ быть, безъ погрѣшности противъ смысла, замѣнено другимъ; а данныя слова не аллитерируютъ. Въ результатѣ приходится допустить стихъ безъ аллитераціи:

„Огонь у людей онъ, и Пламя у асовъ“.

Это все же предпочительнѣе, чѣмъ притягивать за волосы аллитерацію, насилуя порядокъ словъ или прибѣгая къ архаизму „óгнь“ (чтобы получить аллитерацію съ „áсовъ“).

Аналогичныя затрудненія встрѣчаются и въ рядѣ другихъ пѣсенъ Эдды (если и не въ такой мѣрѣ, и не столь систематически и неизбѣжно, какъ въ „Пѣсни объ Áльвиссѣ“, которую справедливо называютъ стихотворнымъ изложеніемъ отрывка древне-сѣверной поэтики).

Языкъ Эдды въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ—именно въ тѣхъ, которыя наиболѣе важны по содержанію, какъ „Прорицаніе Провидицы“ или „Пѣснь о Путникѣ“—такъ богатъ и вмѣстѣ съ тѣмъ сжатъ; въ одной коротенькой строкѣ нерѣдко заключается такое количество образовъ, что переводчикъ едва находитъ возможность умѣстить переводъ въ соотвѣтствующей строкѣ — и если это вполнѣ удается, приходится мириться съ тѣмъ, что въ нѣкоторыхъ изъ такихъ строкъ аллитерація оказывается плохою или вовсе отсутствуетъ. Приходится потому, что въ подобныхъ случаяхъ переводчику не представляется почти никакого выбора словъ—такъ какъ всѣ образы не случайны, всѣ они имѣютъ значеніе, между ними изобилуютъ такіе „постоянные эпитеты“, которые нельзя отбросить (не говоря уже о собственныхъ именахъ, которыя, являясь иногда для автора прекраснымъ матеріаломъ аллитераціи, для переводчика, напротивъ, служатъ помѣхою, потому что слова, аллитерировавшія съ ними въ оригиналѣ, въ переводѣ оказываются неаллитерирующими). Въ русскомъ переводѣ часто оказывается, что единственныя слова, соотвѣтствующія неотъемлемымъ образамъ оригинала—не аллитерируютъ между собою, и приходится выбирать между вѣрностью перевода и соблюденіемъ аллитераціи. Врядъ ли можно спорить съ тѣмъ, что переводчикъ обязанъ выбрать первое въ тѣхъ случаяхъ, когда содержаніе строфы имѣетъ серьезное значеніе, когда рѣчь идетъ, напр., о поэтической передачѣ первыхъ и послѣднихъ судебъ міра [1]). Часто и художественная цѣнность отдѣльныхъ строфъ заставляетъ желать безукоризненно точнаго воспроизведенія всѣхъ выраженій оригинала. Рука не подымается посягнуть на величавую эпическую красоту такой строфы:

---

[1]) Иное дѣло, напр., перебранка Гу́дмундра и Си́нфйотли въ „Пѣсни о Гельги, побѣдителѣ Гундингра;“ здѣсь уклоненіе отъ буквальной передачи текста, въ интересахъ красоты стиха, гораздо допустимѣе.

Кто, незнакомый, меня безпокоитъ—
Тяжкимъ путемъ заставляетъ идти?
Снѣгъ былъ на мнѣ; орошалъ меня ливень,
Росы кропили; мертва я давно!..

(„Пѣснь о Путникѣ", 5.)

Между тѣмъ, при такомъ точномъ переводѣ аллитерація въ 3-й строкѣ оказалась весьма несовершенной, а въ 4-й и вовсе утратилась. На мѣсто этой, почти буквальной, передачи оригинала можно бы, конечно, создать другую съ уклоненіемъ отъ смысла и съ безупречной аллитераціей; но звучностью послѣдней не искупился бы ущербъ, нанесенный художественной мощи простыхъ, прекрасныхъ выраженій оригинала.

Надо принять во вниманіе, что и дѣленіе на строфы вноситъ большую трудность въ задачу переводчика во всѣхъ отношеніяхъ и, въ частности, въ вопросѣ о сохраненіи эддическаго стиха. Строфы эти, какъ уже сказано, всегда законченныя и обособленныя въ подлинникѣ, должны быть таковыми же и въ переводѣ; перенесеніе какой-либо фразы изъ одной строфы въ другую, какъ и увеличеніе числа строкъ въ строфѣ, недопустимо. Когда переводчикъ имѣетъ дѣло со связными, непрерывно развивающимися гекзаметрами какой-нибудь классической поэмы или даже съ раздѣльными, но благодаря риѳмамъ тѣсно сцѣпляющимися терцинами, онъ, разумѣется, долженъ стремиться къ сохраненію числа строкъ подлинника, но если онъ гдѣ-нибудь и употребитъ двѣ строки для передачи того, что заключается въ одной строкѣ подлинника, онъ не совершаетъ этимъ никакой погрѣшности ни противъ духа, ни противъ формы переводимаго произведенія; даже введеніе лишняго трехстрочнаго звена въ непрерывную цѣпь терцинъ не имѣетъ собственно существеннаго значенія. Но когда дѣло касается рѣзко разграниченныхъ строфъ, подобныя прибавки непозволительны.

Въ Эддѣ не только строфы, но отдѣльныя строки почти всегда отличаются большою законченностью; почти всегда строфа слагается изъ сжатыхъ, короткихъ предложеній, часто заканчивающихся въ одной строкѣ, рѣже распространяющихся на двѣ, и почти никогда не охватывающихъ всю строфу. Строфа же всегда кончается—логически и грамматически—точкою; въ слѣдующую строфу

предложеніе никогда не переходитъ. Въ этомъ заключается большое своеобразіе, которое переводчикъ обязанъ сохранить и которое еще въ значительной степени ограничиваетъ его свободу въ выборѣ словъ, а слѣдовательно и въ примѣненіи аллитераціи.

Если, несмотря на все вышесказанное, я тѣмъ не менѣе настаиваю на томъ, что въ русскомъ переводѣ Эдды аллитерація все-таки должна быть сохранена въ тѣхъ границахъ, въ какихъ это осуществимо, то, повторяю, это требованіе обусловливается у меня не эстетическою приверженностью къ красотѣ аллитераціоннаго стиха, а непоколебимымъ сознаніемъ его глубокаго своеобразія. Аллитерація все-таки — самое характерное свойство древне-германскаго стиха. Она составляетъ настолько цѣнный элементъ стиля Эдды, что имъ нельзя пожертвовать, если представляется малѣйшая возможность—хотя бы цѣною огромныхъ трудностей и съ нѣсколькими неизбѣжными погрѣшностями—сохранить его [1]).

Погрѣшности, къ сожалѣнію, должны по необходимости оказаться и въ передачѣ ритма (помимо невоспроизводимыхъ въ русскомъ стихѣ элементовъ долготы и краткости слоговъ), потому что переводчикъ, связанный содержаніемъ данной строфы, иногда настолько стѣсненъ въ выборѣ словъ, что при всемъ желаніи не можетъ, ограничиваясь находящимися въ его распоряженіи словами, вездѣ добиться соотвѣтствія между ритмомъ (чередованіемъ ударенныхъ и неударенныхъ слоговъ) въ оригиналѣ и въ переводѣ.

Принимая во вниманіе все предшествующее, нельзя не придти

---

[1]) Не могу не упомянуть о томъ, насколько мнѣ было отрадно встрѣтить признаніе моей точки зрѣнія на аллитераціонный стихъ русскаго перевода Эдды со стороны авторитетнаго знатока германской филологіи, проф. Спб. университета Ѳ. А. Браунъ, говорящаго между прочимъ въ своемъ отзывѣ о моемъ переводѣ (въ „Запискахъ Императорской Академіи Наукъ“):

„...несмотря на всѣ трудности, кажущіяся со стороны иногда непреодолимыми, авторъ перевода блестяще выполнилъ свою задачу: онъ доказалъ на дѣлѣ, что примѣненіе аллитераціи въ русскомъ стихѣ возможно, что она даетъ и здѣсь, какъ въ древне-германскомъ стихѣ, такія яркія и сильныя созвучія, что они невольно врѣзываются, сами навязываются слуху и дѣйствительно становятся носителями извѣстнаго музыкальнаго принципа“.

къ неизбѣжному выводу: такой переводъ Эдды, въ которомъ безъ ущерба для содержанія (и художественной красоты) была бы въ точности воспроизведена стихотворная форма подлинника,—такой переводъ невозможенъ.

Теперь укажу тѣ основанія, на которыхъ, по моему мнѣнію, долженъ быть построенъ переводъ, чтобы обладать наибольшею степенью возможной близости къ неосуществимому идеалу.

На первомъ планѣ для меня стоитъ, разумѣется, содержаніе подлинника, и не только его словесное содержаніе, но и то трудно поддающееся характеристикѣ многообразіе оригинальныхъ, типичныхъ чертъ, за которымъ скрывается внутреннее глубокое единообразіе, называемое духомъ даннаго произведенія.

Въ тѣсной связи съ передачей содержанія я ставлю сохраненіе художественной красоты; стихотворный переводъ поэтическаго произведенія долженъ быть тоже поэтическимъ произведеніемъ, посильно возсоздающимъ всѣ элементы прекраснаго, заключающіеся въ подлинникѣ.

Что касается формы, то, какъ видно уже изъ предыдущаго, я выдвигаю въ связи съ указанными въ началѣ этой статьи основными особенностями стихосложенія Эдды три основныхъ принципа, соблюденіе которыхъ считаю необходимымъ для того, чтобы эта форма могла оказаться на высотѣ содержанія:

1. Сохраненіе дѣленія на строфы, не могущее быть нарушеннымъ ни при какихъ обстоятельствахъ (и сохраненіе, слѣдовательно, въ каждой строфѣ того содержанія, какое имѣется въ соотвѣтствующей строфѣ подлинника), въ связи съ сохраненіемъ числа строкъ каждой строфы.

2. Сохраненіе общаго ритма подлинника путемъ примѣненія размѣровъ, наиболѣе приближающихся къ имѣющемуся въ подлинникѣ чередованію ударенныхъ и неударенныхъ слоговъ. (Употребленіе комбинированныхъ ритмовъ и простыхъ размѣровъ—въ зависимости отъ варьирующаго ритма подлинника—дактиля, амфибрахія, анапеста при безусловномъ исключеніи ритмовъ, нигдѣ не соотвѣтствующихъ размѣру оригинала, какъ ямбъ или хорей, и при безусловномъ недопущеніи лишенныхъ всякаго ритма строкъ.)

3. Сохраненіе аллитераціи въ предѣлахъ, обусловливаемыхъ свойствами русскаго языка и особенностями самого текста.

Къ этимъ принципамъ я присоединяю общее правило, не связанное съ метрическими особенностями Эдды: употребленіе правильнаго и простого русскаго языка, по возможности яснаго и чистаго, который передавалъ бы старинную строгую простоту древне-скандинавскаго эпоса (впослѣдствіи совершенно исчезнувшую въ искусственной, изобилующей хитросплетенными ухищреніями поэзіи скальдовъ).

Вотъ тѣ условія, при которыхъ, по моему мнѣнію, долженъ быть выполненъ переводъ Эдды, обладающій наибольшею степенью близости къ оригиналу, какая только возможна на русскомъ языкѣ — условія, которыя я соблюдаю въ моемъ переводѣ.

Я этимъ отнюдь не хочу высказать неумѣстнаго самонадѣяннаго утвержденія, будто мой переводъ является въ моихъ глазахъ лучшимъ изъ возможныхъ переводовъ Эдды на русскій языкъ. Этого я, конечно, не думаю. Но я утверждаю, что примѣненіемъ основныхъ принциповъ, проводимыхъ мною, обусловливается максимальная близость къ оригиналу и что переводъ, сдѣланный помимо этихъ принциповъ, хотя бы съ нарушеніемъ только одного изъ нихъ, неизбѣжно будетъ дальше отъ оригинала, нежели мой.

Совершенно другой вопросъ: поскольку выполненіе основныхъ условій, поставленныхъ мною, мнѣ удалось съ художественной и, если можно такъ выразиться, съ филологической стороны. Я прекрасно сознаю, что помимо недочетовъ, обусловленныхъ самими особенностями матеріала (въ родѣ неизбѣжныхъ по существу ограниченій аллитераціи), мой трудъ не свободенъ и отъ такихъ недостатковъ, которые должны быть отнесены за счетъ несовершенства перевода.

Въ той же самой аллитераціи, помимо упомянутыхъ неизбѣжныхъ ограниченій, имѣется рядъ несовершенствъ, вполнѣ сознаваемыхъ переводчикомъ. Мною допущено небольшое число строкъ вовсе безъ аллитераціи. (Не считая строкъ въ сплошныхъ перечняхъ именъ, которые, очевидно, будутъ тождественны у всякаго

переводчика.) Несомнѣнно, что въ предѣлахъ физически осуществимаго другой переводчикъ могъ бы найти для этихъ строкъ иную передачу, гдѣ удалось бы совмѣстить вѣрность и красоту перевода съ соблюденіемъ аллитераціи: мнѣ въ этихъ случаяхъ пришлось пожертвовать вторымъ ради перваго.

Мѣстами употребляемая мною аллитерація грѣшитъ техническимъ несовершенствомъ. Въ нѣсколькихъ стихахъ мнѣ удалось достичь аллитераціи только въ одной половинѣ длинной строки; или въ обѣихъ половинахъ на различныя созвучія, что́ Герингъ справедливо считаетъ неправильнымъ:

Онъ доставилъ котелъ, что у Ги́мира былъ...
(Hym. kv., 40.)

или:

У пояса пусть забренчатъ ключи...
(Ꝑryms., 15.)

Въ первомъ изъ этихъ примѣровъ недостаетъ аллитераціи во второй половинѣ строки; во второмъ — аллитерирующія созвучія оказываются различными по обѣ стороны цезуры, чего не должно быть въ хорошемъ аллитераціонномъ стихѣ, гдѣ двойная аллитерація можетъ быть лишь въ перекрестной формѣ, напр.:

Го́дру ростокъ долженъ гибкій достаться...
(Vegt., 9.)

Недостаткомъ я считаю также попадающееся въ моемъ переводѣ аллитерированье мягкаго „л“ съ твердымъ („Ло́ки“ и слово“), тогда какъ удачной аллитераціей можно признать только созвучіе однороднаго „л“.

Далѣе, я допускаю иногда, по отношенію къ вокализирующимъ согласнымъ, частичное созвучіе вмѣсто полнаго, когда послѣднее оказывается недостижимымъ, а первое является достаточно замѣтнымъ: „р“—„бр“, „кр“, „пр“; „л“ (тв.)—„сл“, „пл“, „гл“ и т. п. Это, конечно, несовершенная аллитерація, которой по мѣрѣ возможности слѣдуетъ избѣгать; но извѣстную звучность она все-таки даетъ.

То же надо сказать и объ аллитераціи „щ“ съ „сч“ и т. п. Все это я считаю пріемами позволительными въ виду трудности безупречной аллитераціи, но все же погрѣшностями

противъ идеальнаго совершенства аллитераціонной формы; такое совершенство отнюдь не представляется мнѣ достигнутымъ въ моемъ переводѣ.

Не недостаткомъ, а, напротивъ, достоинствомъ является въ моихъ глазахъ распространеніе однородной аллитераціи на возможно большее число словъ въ строкѣ или даже на двѣ строки.

Мерзкій, уймись! Или мощный мой молотъ,
Мйольниръ, нѣмымъ тебя сдѣлаетъ въ мигъ...
(Lokas., 57.)

Такое усиленіе аллитераціи безусловно въ духѣ древне-скандинавскаго текста и помогаетъ слуху сродниться со своеобразнымъ ладомъ Эдды.

Не случайнымъ, а намѣреннымъ является также въ моемъ переводѣ обиліе аллитераціонныхъ созвучій на „р". Помимо того, что это едва ли не наиболѣе звучный и замѣтный изъ видовъ аллитераціи, возможныхъ на русскомъ языкѣ, я отдаю ему предпочтеніе еще потому, что преобладаніе звука „р" въ высшей степени характерно для древне-скандинавскаго языка. Нѣкоторымъ строфамъ Эдды придается этимъ особый, своеобразно „рокочущій" тонъ, до извѣстной степени воспроизводимый въ переводѣ усиленнымъ и частымъ аллитерированьемъ на „р".

Кровные родичи рѣжутъ другъ друга...
(Прор. Пров., 45.)

Возвращаясь къ формальнымъ несовершенствамъ моего перевода, укажу, что и въ ритмѣ есть недочеты, шероховатости, в п о л н ѣ с о з н а в а е м ы я м н о ю, но которыя я не въ силахъ устранить безъ ущерба для смысла.

Далѣе, хотя дѣленіе на строфы послѣдовательно проведено мною, при чемъ сохранено распредѣленіе содержанія не только по строфамъ, а также въ предѣлахъ возможности и по строкамъ, но въ двухъ-трехъ случаяхъ мнѣ пришлось допустить отступленіе отъ ч и с л а строкъ оригинала тамъ, гдѣ оно уже въ оригиналѣ неправильно. Въ нѣкоторыхъ изъ тѣхъ строфъ, гдѣ имѣются длинные перечни именъ („Рѣчи Гримнира", 46, 47, 48, 49... „Прор. Пров.", 9—16 и др.) и гдѣ уже въ подлинникѣ число строкъ

превышаетъ нормальныя 4—мнѣ иногда приходилось еще увеличить это число, чтобы, не уродуя ритма, сохранить въ каждой строфѣ всѣ тѣ имена, какія имѣются въ оригиналѣ.

Наконецъ, мнѣ не удалось избѣжать нѣсколькихъ недочетовъ въ соблюденіи длины строкъ, чередованія длинныхъ строкъ съ короткими и долгихъ окончаній съ краткими. Эти послѣдніе недочеты, имѣющіеся также у всѣхъ извѣстныхъ мнѣ нѣмецкихъ переводчиковъ Эдды, я считаю наименѣе существенными, такъ какъ они грѣшатъ лишь противъ второстепенныхъ особенностей стиха.

Какъ бы то ни было, мнѣ приходится признать мой переводъ во многихъ отношеніяхъ несовершеннымъ не только съ абсолютной точки зрѣнія, а и по отношенію къ тѣмъ требованіямъ, какія я считаю осуществимыми, но безупречное, идеальное осуществленіе которыхъ мнѣ пока не удалось. Я настаиваю на этомъ утвержденіи не только изъ нежеланія, чтобы читатели обвинили меня въ неумѣстномъ преувеличеніи цѣнности моего перевода, но еще и въ особенности для того, чтобы они не считали себя въ правѣ судить объ Эддѣ вообще, въ частности же о красотѣ формы древне-скандинавскаго эпоса только на основаніи моего перевода, передающаго эту форму далеко не вполнѣ и не вездѣ съ одинаковою удовлетворительностью [1]).

Мнѣ необходимо высказать еще нѣсколько замѣчаній относительно языка, общаго плана и распредѣленія матеріала въ моемъ переводѣ.

Языкъ подлинника, съ котораго и сдѣланъ мой переводъ, я называю древне-скандинавскимъ; его обозначаютъ также названіями „древне-сѣверный“ и „древне-исландскій“. Оба эти названія, въ особенности послѣднее, я предпочитаю не употреблять,

---

[1]) Болѣе послѣдовательное примѣненіе аллитераціоннаго стиха, удавшееся благодаря болѣе широкимъ рамкамъ литературной проблемы, читатель найдетъ въ моей оригинальной эддической поэмѣ:

С. Свириденко: *Пѣснь о Сигурдѣ* (вольный перепѣвъ древняго германскаго сказанія о величайшемъ изъ героевъ Сигурдѣ, о заклятомъ кладѣ нифлунга и о роковомъ кольцѣ Андваранаутъ). Съ общедоступнымъ предисловіемъ. С.-Петербургъ, 1912. Цѣна 1 руб.

чтобы не давать повода къ путаницѣ понятій. Ни въ одномъ изъ нихъ не заключается указанія на то, что языкъ этотъ составлялъ принадлежность германской расы—скандинавской, сѣверной вѣтви германцевъ; а выраженіе „исландскій“ прямо способствуетъ возникновенію недоразумѣнія относительно расовой и территоріальной локализаціи языка.

Имъ говорили древніе обитатели теперешней Норвегіи—предки современныхъ норвежцевъ.

Норвежскіе выходцы, колонизировавшіе въ IX—X в. Исландію, перенесли туда свой языкъ и литературу; то и другое въ Исландіи развилось и сохранилось, при чемъ въ языкѣ происходила съ теченіемъ времени естественная эволюція, видоизмѣнявшая его. Въ языкѣ пѣсенъ Эдды тоже совершился рядъ перемѣнъ, отличающихъ тотъ языкъ, на которомъ сложены были пѣсни, отъ языка позднѣйшихъ исландскихъ записей: появленіе звука „i“ вмѣсто „e“, измѣнившееся произношеніе спирантовъ „þ“ и „d“ [1]) и т. п. Въ изданіи Сіймонса и Геринга [2]), которымъ я главнымъ образомъ руковожусь въ своемъ переводѣ, возстановлено древнѣйшее написаніе словъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ довольно сильно отличающееся отъ болѣе поздняго, имѣющагося въ рукописяхъ Эдды и сохраненнаго въ изданіи Гильдебранда [3]), также использованномъ мною. По отношенію къ моему переводу различіе написаній имѣло существенное значеніе въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ дѣло касалось именъ собственныхъ. Надо было рѣшить, какого написанія придерживаться — писать ли „Óдинъ“ или „Óдэнъ“, „Лóки“ или „Лóке“? Послѣ долгихъ колебаній мнѣ представилось болѣе умѣстнымъ остановиться на позднѣйшемъ правописаніи (Óдинъ, Лóки), такъ какъ эти формы, на мой взглядъ и болѣе благозвучныя, уже прочно привились не только въ нѣмецкихъ переводахъ Эдды, но и въ научной литературѣ по данному предмету, да и въ современной литературѣ вообще и вмѣстѣ съ тѣмъ—*NB*—не являются ошибоч-

---

[1]) Твердый зубной спирантъ: такъ наз., „durchstrichenes D“.

[2]) Die Lieder der Edda, herausgegeben von B. Sijmons und Gering. Erster Band: Text. Halle, 1888.

[3]) Die Lieder der älteren Edda, herausgegeben von Karl Hildebrand. Dr. und Verl. F. Schöning. Paderborn, 1876. Новое изданіе въ обработкѣ Геринга: ibid., 1904.

ными; такъ писали и произносили уже древніе собиратели пѣсенъ Эдды, авторы исландскихъ кодексовъ, и ихъ читатели. Иначе я смотрю на укоренившееся, но ошибочное и въ сущности ничѣмъ не оправдываемое написаніе нѣкоторыхъ древне-скандинавскихъ именъ въ завѣдомо искаженномъ видѣ, когда есть полная возможность писать ихъ правильно. Я имѣю въ виду прежде всего отбрасыванье окончанія „r" въ нѣкоторыхъ именахъ, практикуемое даже такимъ прекраснымъ переводчикомъ и истолкователемъ Эдды, какъ Герингъ. Герингъ (и съ нимъ многіе другіе) правильно пишетъ „Фрéиръ", „Тиръ"—„Freyr", „Tyr",—но считаетъ нужнымъ отбрасывать конечное „r" въ именахъ „Улльръ", „Нйордръ" и пишетъ „Ull", „Njord". Почему?

Переходя отъ этой частности къ общимъ особенностямъ написанія древне-скандинавскихъ именъ въ переводѣ, я категорически утверждаю, что разъ возможно въ какомъ-нибудь языкѣ правильное [1]) написаніе именъ, заимствуемыхъ съ другого языка, то слѣдуетъ стремиться къ сохраненію этого написанія, не принимая во вниманіе ходячихъ соображеній о „непривычности" для уха данной національности того или иного созвучія. Искаженіе иноземныхъ именъ, допускаемое (и даже иногда отстаиваемое) въ русской литературѣ, составляетъ явленіе ненормальное, вовсе не проистекающее изъ особенностей русскаго языка, а обусловленное

---

[1]) Правда, въ косвенныхъ падежахъ, въ древне-скандинавскомъ, „r" именительнаго падежа отпадаетъ, такъ что родит. „Ульфра", конечно, не будетъ въ этомъ смыслѣ „правиленъ", т.-е. тождественъ со словомъ оригинала. Но вѣдь въ косвенныхъ падежахъ на русскомъ языкѣ древне-скандинавское имя во всякомъ случаѣ не будетъ таково, какъ въ древне-скандинавскомъ: и Ульфра, и „Ульфа" (Gen.) одинаково не соотвѣтствуетъ подлинному Ulf's. Если же сохранять „r" именит. пад., то по крайней мѣрѣ хоть въ одномъ этомъ падежѣ оно (данное имя) будетъ написано правильно, что и представляетъ собою вообще максимальную правильность въ передачѣ именъ для всякаго языка, на которомъ существуютъ склоненія. Тогда какъ при отбрасываніи „r" именит. пад. имя окажется неправильно переданнымъ во всѣхъ падежахъ, не исключая именительнаго. Въ виду звуковой характерности окончанія на „r" мнѣ представилось болѣе желательнымъ принять такое написаніе, при которомъ хоть въ одномъ падежѣ имя будетъ дѣйствительно таково, каково оно въ подлинномъ текстѣ.

только небрежностью и рутиной. Понятно, нельзя требовать отъ французскаго языка, чтобы въ немъ сохранялись въ иноземныхъ именахъ разнообразныя ударенія, которыхъ во французскомъ не имѣется; нельзя также требовать, чтобы въ русской передачѣ какихъ-нибудь именъ фигурировали носовые звуки, отсутствующіе въ русскомъ языкѣ. Но съ какой стати вводить неправильное удареніе или неправильное написаніе въ такомъ имени, для передачи котораго русскій языкъ располагаетъ и всѣми нужными звуками, и полною свободой въ удареніяхъ?

Въ частности относительно удареній въ германскихъ именахъ въ русской литературѣ существуетъ наклонность ставить эти ударенія неправильно, перенося ихъ на послѣдній слогъ съ перваго безъ всякаго разумнаго или неразумнаго мотива. Разумнымъ мотивомъ могло бы быть господство въ самомъ русскомъ языкѣ ударенія на послѣднемъ слогѣ, чего на дѣлѣ не имѣется; мотивомъ, хотя бы и неразумнымъ, можно было бы съ натяжкой признать систематическое искаженіе всякихъ иноземныхъ именъ въ этомъ направленіи, а не какихъ-нибудь однихъ, случайно оказавшихся искаженными, какъ это мы видимъ на практикѣ. Именно совершенно случайно. Никому не придетъ въ голову сказать „Авгу́стъ“ вмѣсто „А́вгустъ“, но весьма многіе скажутъ „Зигму́ндъ“ вмѣсто „Зи́гмундъ“. Да еще, пожалуй, станутъ утверждать, что такая неправильность „въ духѣ русскаго языка“, игнорируя всѣ случаи, доказывающіе обратное. Могутъ найтись и ссылки на примѣръ русскихъ поэтовъ — А. Толстого, писавшаго „Гако́нъ“; Майкова, писавшаго „Оди́нъ“. Надо только помнить, что эти поэты не знали древне-германскихъ нарѣчій и не знали, каково правильное произношеніе данныхъ именъ; въ тѣхъ же языкахъ и именахъ, которые были имъ знакомы, они стремились сохранить правильное удареніе. Майковъ не писалъ „Деці́й“ вмѣсто „Де́цій“, Толстой не передѣлываетъ „Гви́до“ въ „Гвидо́на“. И даже въ рядѣ германскихъ именъ (Бра́ги [1]), Э́рикъ, Ги́да) тѣ же поэты оставляютъ правильное удареніе на первомъ слогѣ, потому что дѣйствительно въ русскомъ языкѣ нѣтъ никакихъ причинъ переносить удареніе

[1]) Майковъ, правда, ошибочно пишетъ его съ двумя „г“.

на послѣдній слогъ. Обыкновенно случайность или незнаніе оказывается причиною первоначальнаго искаженія какого-нибудь имени: потомъ оно прививается въ литературѣ въ искаженномъ видѣ, и вслѣдствіе его привычности многіе впослѣдствіи хотятъ видѣть посягательство на духъ русскаго языка въ возстановленіи правильной формы этого иностраннаго имени. На самомъ дѣлѣ тотъ посягаетъ на духъ русскаго языка, кто хочетъ заковать его въ цѣпи условной рутины, кто отказываетъ ему въ одномъ изъ его цѣннѣйшихъ достоинствъ: безконечной гибкости и разнообразіи звуковыхъ сочетаній, позволяющихъ ему воспроизводить самыя различныя иноземныя формы и имена. Только бѣдный языкъ, напр. французскій, обреченъ искажать все, что онъ беретъ изъ другихъ языковъ; русскій языкъ, повторяю, достаточно богатъ и звуками и удареніями, чтобы въ очень многихъ случаяхъ обходиться безъ всякихъ искаженій такого рода.

Привычка, рутина, а вовсе не духъ русскаго языка,—вотъ единственный источникъ тѣхъ возраженій, которыя выдвигаются безъ всякой послѣдовательности противъ правильнаго написанія нѣкоторыхъ германскихъ именъ. Помимо удареній, это сказывается въ вопросѣ объ окончаніяхъ мужскихъ и женскихъ именъ. Приходится иногда встрѣчаться съ курьезнымъ утвержденіемъ, что въ русскомъ языкѣ мужскія имена ни въ какомъ случаѣ не могутъ кончаться на „а“, а потому и при переводѣ съ другого языка окончаніе на „а“ должно быть передѣлано въ „ъ“ [1]). Между тѣмъ защитникамъ такого мнѣнія, несомнѣнно, извѣстно, что существуетъ рядъ прочно обрусѣвшихъ мужскихъ именъ, оканчивающихся на „а“,—Савва, Ѳома, Никита (на ряду съ такими старинными русскими формами, какъ Путята, Микула и т. п.), что, кстати сказать, и самое слово мужчина оканчивается на ту же букву. Никто однако не требуетъ, чтобы эти имена передѣлали на „Ѳомъ“, „Никитъ“ и т. п. Мало того, въ цѣломъ рядѣ иноземныхъ именъ самаго различнаго происхожденія (Брама, Ра, Кайафа, Аттила, Сенека и т. д.) окончаніе на „а“, ставшее привычнымъ, никого не смущаетъ. Но если „Савва“ и „Сенека“ не противо-

---

[1]) Мнѣ пришлось встрѣтить такого рода аргументацію по поводу перевода одного научнаго труда.

рѣчатъ „духу русскаго языка“, то не можетъ противорѣчить ему и „Тейа“ или „Киннрифа“.

Нѣсколько понятнѣе, но немногимъ справедливѣе требованіе, чтобы къ иноземнымъ женскимъ именамъ, оканчивающимся на согласныя, прибавлялось въ русскомъ „а“, какъ необходимое якобы окончаніе женскихъ именъ въ русскомъ языкѣ. Понятнѣе это потому, что на „ъ“ женскія имена въ русскомъ языкѣ дѣйствительно не оканчиваются, и естественно вслѣдствіе этого стремленіе переносить на иностранныя имена господствующія окончанія „а“ и „я“. Однако среди русскихъ [1]) женскихъ именъ есть и оканчивающіяся на „ь“ (Любовь) и на „о“ (Вирко, Моино), что уже лишаетъ окончаніе на „а“ его предполагаемой общеобязательности. Да и вся сомнительная аргументація въ пользу подобной передѣлки иноземныхъ именъ имѣла бы значеніе только въ томъ случаѣ, если бы изъ нея молчаливо не исключались всѣ тѣ иноземныя женскія имена, которыя уже вошли въ русскій языкъ съ „ъ“ на концѣ и на которыя въ силу ихъ привычности не покушаются самые сторонники руссификаціи германскихъ именъ. Никто не пытается оспаривать правильность русскаго написанія не только „Истаръ“, но хотя бы „Карменъ“ или „Манонъ“, рядъ женскихъ египетскихъ именъ пишется по-русски съ „ъ“ на концѣ; стало быть, признается возможность воспроизводить въ русскомъ языкѣ женскія имена, оканчивающіяся на согласныя, безъ искаженія. Такъ же обстоитъ дѣло и съ непривычными въ русскихъ женскихъ именахъ гласными: о, і, е, у. Всѣ эти окончанія въ русской литературѣ фигурируютъ и нисколько не мѣшаютъ читателямъ: Кліо [2]), Лилли, Фатьмэ, Дуду [3]). Почему же, спрашивается, дѣлать исключеніе для древне-скандинавскихъ именъ и навязывать именно имъ русскія окончанія на „а“ и „я“, отъ которыхъ освобождаютъ другія иноземныя имена? Если можно писать „Манонъ“, то можно писать и „Гефіонъ“; если Донья-Соль не передѣлывается въ „Соля“, то незачѣмъ иска-

---

[1]) Или обрусѣвшихъ.

[2]) Притомъ, какъ сказано, женскія имена на „о“ есть и въ русскомъ православномъ календарѣ.

[3]) Въ переводахъ „Донъ-Жуана“ Байрона.

жать и скандинавское „Ґэль“, если имя индійской богини „Кали“ сохраняетъ свое окончаніе на „и“, то точно такъ же можетъ не подвергаться искаженію имя норны „Верданди“; наконецъ, если возможно заканчивать согласною съ твердымъ знакомъ имя „Истаръ“ или „Тіаматъ“, то такъ же слѣдуетъ поступить и съ именемъ „Фриггъ“ или „Ґлинъ“. Конечно, имена съ подобными окончаніями не могутъ склоняться на русскій ладъ; и я считаю вполнѣ возможнымъ поступать съ германскими именами опять-таки не иначе, чѣмъ поступается съ другими иноземными именами, т.-е. не склонять ихъ вовсе.

Однимъ словомъ, разъ тоническое и звуковое богатство русскаго языка позволяетъ очень близкую передачу древне-скандинавскихъ именъ — разъ подобную близкую передачу примѣняютъ по отношенію къ другимъ, не-германскимъ заимствованныхъ именамъ—то можно и должно придерживаться ея и тамъ, гдѣ дѣло касается этихъ самыхъ древне-скандинавскихъ именъ, въ частности именъ Эдды. Сказанное относится въ равной степени и къ сохраненію „r“ въ окончаніяхъ, и къ правильной фиксаціи ударенія, и къ родовымъ окончаніямъ мужскихъ и женскихъ именъ—и вообще ко всѣмъ тѣмъ особенностямъ въ именахъ подлинника, которыя на русскомъ языкѣ могутъ быть написаны и произнесены: если то и другое возможно, то оно и должно быть сдѣлано.

Мнѣ пришлось такъ подробно остановиться на этомъ вопросѣ потому, что относительно написанія и произношенія иностранныхъ именъ въ русской литературѣ до сихъ поръ господствуетъ извѣстная неувѣренность и неопредѣленность [1]), вслѣдствіе чего читателю-неспеціалисту могло бы показаться, что въ моемъ переводѣ стремленіе къ возможно болѣе точному воспроизведенію древне-скандинавскихъ именъ — является новшествомъ, идущимъ въ разрѣзъ со свойствами русскаго языка. Сказанное выше, надѣюсь, достаточно убѣдить такого читателя, что я лишь послѣдовательно примѣняю къ древне-скандинавскимъ именамъ тотъ же, вполнѣ законный и

[1]) Такъ, Кудряшевъ въ своемъ переводѣ „Пѣсни о Велундѣ“ оставляетъ у женскаго имени Alvitr правильное окончаніе „ръ“, а женское же имя Bǫdvildr—Бодвильдръ—почему-то переиначиваетъ на „Бедвильду“.

правильный методъ, который издавна примѣняется къ ряду иностранныхъ именъ не-германскаго происхожденія: т.-е. стремленіе къ воспроизведенію звуковъ и удареній, присущихъ этимъ именамъ въ оригиналѣ, независимо отъ того, получается ли при этомъ сходство съ господствующимъ написаніемъ русскихъ именъ. Приведенные примѣры показываютъ, что противорѣчатъ этому методу вовсе не свойства русскаго языка, достаточно богатаго и податливаго—а только непослѣдовательность и рутина, свыкшіяся съ правильнымъ написаніемъ однихъ именъ и возстающія противъ столь же правильнаго написанія другихъ, аналогичныхъ по звукамъ, но непривычныхъ. Мнѣ приходится признаться, что есть имя, въ примѣненіи къ которому мой методъ представляется мнѣ ограниченнымъ своими естественными предѣлами: т.-е. физическою возможностью произнести на русскомъ языкѣ это имя въ правильной формѣ. Имя это „Ґеймдалльръ", гдѣ удареніе должно бы стоять на первомъ слогѣ, но относительно котораго я еще колеблюсь, можетъ ли оно при этомъ условіи быть произнесено по-русски. Въ виду такой неувѣренности, въ моемъ переводѣ допущено (въ принципѣ крайне нежелательное) перемѣщеніе ударенія на послѣдній слогъ.

За исключеніемъ этого имени, по отношенію къ которому мною сознательно допущена нѣкоторая неправильность, я вездѣ придерживаюсь въ переводѣ именъ одного правила: возможно большая близость къ языку подлинника [1]).

Мнѣ необходимо еще сдѣлать нѣкоторыя указанія относительно тѣхъ звуковъ въ скандинавскихъ собственныхъ именахъ, для которыхъ мнѣ представляется желательнымъ особое обозначеніе въ русскомъ текстѣ. Я считаю неумѣстнымъ вводить въ русскую передачу этихъ именъ такіе трудно произносимые и не мирящіеся

[1]) Что касается до названій (мѣстностей и народностей), то по отношенію къ нимъ въ русскомъ языкѣ дѣйствительно господствуетъ принципъ систематическаго видоизмѣненія окончаній при (болѣе или менѣе полномъ) сохраненіи основы. Этому принципу слѣдую и я въ переводѣ названій мѣстностей и народностей, фигурирующихъ въ Эддѣ.

съ современною русскою рѣчью [1]) звуки, какъ „þ“, „dh“ [2]), гортанное „r“, „двугласное“ „ǫ“. Я употребляю только два нерусскихъ звука, уже издавна вошедшіе въ иностранныхъ словахъ въ составъ русской рѣчи. Гласный „ø“, обозначенный мною черезъ „ö“ и звучащій какъ въ словахъ: Гёте, амёба, Сенъ-Бёвъ“ и т. п. Затѣмъ согласный „h“, для котораго я, по примѣру переводчика новѣйшихъ скандинавскихъ авторовъ П. Ганзенъ [3]), ввожу обозначеніе „ȓ“, такъ какъ звукъ его средній между „г“ и „х“, но ближе къ „г“. (Приблизительное нѣмецкое „ḫ“ въ „ḫaben“, латинское въ „homo“, малорусское въ „гай“). Безъ спеціальнаго обозначенія невозможно было въ данномъ случаѣ обойтись, такъ какъ въ Эддѣ есть имена, различающіяся между собою только однимъ этимъ звукомъ: „Grani“ и „Hrani“, „Gymir“ и „Hymir“,— такъ что употребленіе для тѣхъ и другихъ одной только буквы „г“, которою обыкновенно передается „h“ въ русскомъ написаніи, вызвало бы неизбѣжную путаницу.

Что касается до разнообразныхъ обозначеній формы, приданныхъ въ пѣсняхъ Эдды составителями сборника—kvida, mǫl, joþ и т. д.—то я, по примѣру нѣмецкихъ переводчиковъ, не устанавливаю опредѣленныхъ терминовъ для перевода каждаго изъ нихъ—(только kviþa всегда переводится пѣснь) — по той причинѣ, что въ подлинникѣ подъ ними не подразумѣвается всегда нѣчто однородное. Нѣтъ надобности характеризовать однимъ и тѣмъ же словомъ столь несходныя по формѣ произведенія какъ Hǫvamǫl и Fjolsvinsmǫl [4]), какъ Hyndluljóþ и Hárbarþsljóþ; подобно Герингу и другимъ, я предпочитаю подбирать для каждой пѣсни—когда ее нежелательно назвать именно „пѣснью“ — тотъ

---

[1]) Дѣйствительно не мирящіеся, а не мнимымъ образомъ (какъ окончаніе мужскихъ именъ на „а“ или удареніе въ началѣ слова); такъ какъ ихъ не имѣется не только въ русскихъ или обрусѣвшихъ словахъ, но и ни въ какихъ иностранныхъ заимствованьяхъ на русскомъ языкѣ.

[2]) Твердый зубной спирантъ: такъ наз., durchstrichenes „d“.

[3]) См., напр., А. Эленшлегеръ. Ярлъ Гаконъ. Переводъ А. и П. Ганзенъ. Изд. Скирмунта. Москва.

[4]) Или, въ особенности,—„Hóvamǫl“ и „Skirnismǫl“.

терминъ, который наиболѣе подходитъ къ ея характеру. Напр., Hárbarþsljóþ (несмотря на то, что „ljoþ“ безспорно тотъ же корень, что нѣмецкое „Lied“, т.-е. пѣснь) по своимъ формальнымъ особенностямъ представляетъ собою всё, что́ угодно, но не пѣснь; и мнѣ представилось наиболѣе подходящимъ озаглавить ее „Сказъ о Гарбардрѣ“. Всѣ заглавія пѣсенъ, каковы они въ оригиналѣ, приводятся мною въ общемъ оглавленіи.

По поводу русской передачи скандинавскихъ терминовъ, скажу нѣсколько словъ о тѣхъ рѣзкихъ (въ смыслѣ современнаго приличія) выраженіяхъ, которыя встрѣчаются въ двухъ-трехъ мѣстахъ Эдды. Мнѣ не показалось нужнымъ смягчать эти выраженія въ переводѣ: на мой взглядъ, переводъ классическаго древняго текста, текста художественнаго произведенія, чистаго въ полномъ и лучшемъ смыслѣ слова—долженъ въ этомъ отношеніи держаться только тѣхъ предѣловъ, какихъ держится обыкновенный подробный словарь, тѣмъ болѣе, что словарь предназначенъ для неизмѣримо болѣе широкаго круга читателей, чѣмъ переводъ такого произведенія, какъ Эдда. Въ моемъ русскомъ текстѣ нѣтъ ни одного слова, которое не печаталось бы полностью, напр., въ словаряхъ Рейффа. Мнѣ кажется, что ужъ если писать рѣзкіе термины, то писать ихъ надо полностью: фарисейская система многоточій послѣ начальной буквы слова—мнѣ столько же антипатична, сколько непонятна.

Мнѣ остается сказать нѣсколько словъ о комментаріи и „указателѣ именъ“, которыми снабженъ мой переводъ, а также объ употребляемыхъ мною въ текстѣ спеціальныхъ знакахъ, указывающихъ на пропуски, вставки и т. п.

Въ планѣ комментарія, сопровождающаго каждую пѣснь въ видѣ подстрочныхъ примѣчаній, я, въ общемъ, слѣдую Герингу (въ его комментаріи къ нѣмецкому переводу Эдды) съ тѣмъ внѣшнимъ различіемъ, что я отказываюсь отъ системы выносокъ—всегда дѣйствующихъ расхолаживающимъ образомъ при чтеніи поэтическаго произведенія—не придерживаюсь и еще болѣе неудобной системы примѣчаній въ концѣ книги; а ввожу обозначеніе примѣчаній (находящихся подъ текстомъ на той же страницѣ) по строфамъ и строкамъ, обозначая

счетъ строфъ арабскими цифрами, а строки — римскими. Когда примѣчаніе относится не къ какой-либо одной строкѣ, а къ содержанію всей строфы или нѣсколькихъ строфъ — я заключаю цифры строфъ въ простыя скобки ( ). Примѣчанія къ прозаическимъ дополненіямъ текста я обозначаю по строкамъ (считая всегда сверху) арабскими цифрами со скобкой. Если на страницѣ оказывается нѣсколько прозаическихъ вставокъ, я обозначаю счетъ ихъ (тоже сверху внизъ) римскими цифрами.

При такой системѣ всякій легко можетъ найти интересующую его справку, и вмѣстѣ съ тѣмъ каждому читателю не приходится ежеминутно натыкаться въ текстѣ на выноски, нарушающія цѣльность художественнаго впечатлѣнія и вовсе не для каждаго читателя нужныя.

Называю комментаторовъ я только въ тѣхъ случаяхъ, когда данное мнѣніе имѣетъ почему-либо особое значеніе, или же стоитъ особнякомъ въ литературѣ. Тамъ, гдѣ я высказываю въ примѣчаніяхъ мнѣніе, расходящееся съ обычными толкованіями комментаторовъ, или хотя бы просто не встрѣченное мною ни у кого изъ нихъ—я снабжаю примѣчаніе иниціаломъ С.

Кромѣ подстрочныхъ примѣчаній, мнѣ показалось умѣстнымъ (въ особенности въ виду почти полнаго отсутствія на русскомъ языкѣ спеціальной литературы о пѣсняхъ Эдды) ввести—въ первой книгѣ, послѣ каждой пѣсни — краткія „Общія замѣчанія“, долженствующія дать читателю извѣстное руководящее представленіе о данной пѣсни и общую ея характеристику, въ дополненіе къ комментарію частностей, сдѣланному въ примѣчаніяхъ. Во второй книгѣ (героическій эпосъ), гдѣ большинство пѣсенъ по общности содержанія естественно связываются въ обширные циклы—я присоединяю подобныя же „Общія замѣчанія“ уже не къ каждой пѣсни, а къ цѣлому циклу пѣсенъ. Такихъ цикловъ оказывается два: 1) Циклъ пѣсенъ о Гельги и 2) Циклъ пѣсенъ о Сигурдрѣ и наслѣдникахъ Гъюки [1]). Отдѣль-

[1]) Попытки разбить на подобные же циклы и миѳологическій эпосъ— представляются мнѣ крайне натянутыми и мало примѣнимыми, въ виду слишкомъ большой разнокачественности даже тѣхъ миѳологическихъ пѣсенъ, которыя объединены приблизительною общностью дѣйствующихъ лицъ.

ныя пѣсни, не входящія въ циклы, снабжены и отдѣльными „замѣчаніями“ [1]). Въ комментаріи много повтореній. Это допущено сознательно, для облегченія неподготовленнымъ читателямъ знакомства съ миѳами и сказаніями Эдды.

Что касается до указателя именъ, то въ немъ я даю лишь самыя сжатыя свѣдѣнія, но касающіяся всѣхъ образовъ Эдды безъ исключенія (и лицъ и предметовъ). Цѣль его та же: помочь неподготовленному читателю разобраться въ незнакомыхъ ему именахъ. Для лица, освѣдомленнаго въ скандинавской миѳологіи, этотъ указатель не нуженъ.

Я слѣдую Герингу въ распорядкѣ пѣсенъ, отличающемся отъ послѣдовательности ихъ въ рукописяхъ Эдды. Что касается до распорядка и счета строфъ каждой пѣсни, то въ этомъ я руковожусь отчасти распредѣленіемъ, дѣлаемымъ Сіймонсомъ въ его изданіи текста, отчасти опять-таки распредѣленіемъ, примѣняемымъ Герингомъ въ его нѣмецкомъ переводѣ. У него же я по большей части заимствую и восполненіе короткихъ пропусковъ въ текстѣ тамъ, гдѣ это оказывается возможнымъ для современнаго изслѣдователя. Только въ девяти случаяхъ, гдѣ мнѣ это представилось особенно желательнымъ и достижимымъ безъ риска слишкомъ сильнаго уклоненія отъ подлиннаго утраченнаго текста, я рѣшаюсь дать собственную попытку восполненія пробѣловъ.

Когда пропуски въ текстѣ считаются не превышающими размѣра четырехъ строкъ, я обозначаю недостающія строки рядами точекъ:

. . . . . .

Когда пропуски больше четырехъ строкъ, они обозначаются рядомъ черточекъ:

— — — — — — — — — — —

Прямыми скобками [ ] я отдѣляю то, что считается вставкою въ стихотворномъ текстѣ; косыми скобками / / обозначается двой-

---

[1]) Въ комментаріи („Общихъ замѣчаніяхъ“), а также въ указателѣ собственныхъ именъ мнѣ представилось позволительнымъ воспользоваться нѣкоторыми страницами моего же печатнаго труда—цитировать и называть который я не вижу необходимости.

ная интерполяція (позднѣйшія вставки въ болѣе раннихъ вставкахъ).

Изогнутыми скобками { } я обозначаю возстановленія пропусковъ, сдѣланныя комментаторами, и звѣздочками * тѣ возстановленія, которыя дѣлаются мною. Наконецъ, въ простыя скобки ( ) я заключаю то, что вставляется мною — для устраненія по большей части чисто словесныхъ неясностей—въ переводъ прозаическихъ дополненій.

Главное (или единственное) удареніе въ словѣ я обозначаю знакомъ ′.

Сокращенія: Снорра Эдда—Sn. Ed.
Видѣніе Гильфи—Gylfag. и Gylf.
Поэтика скальдовъ—Skaldsk.

Сокращенія русскихъ заглавій ясны безъ спеціальныхъ указаній.

Возвращаясь еще разъ отъ формы моего труда къ содержанію, указываю для интересующихся этимъ лицъ, что главнымъ пособіемъ при чтеніи древне-скандинавскаго текста Эдды для меня было превосходное изданіе текста Сіймонсомъ [1]) и не уступающій ему во всѣхъ отношеніяхъ скандинавско-нѣмецкій (спеціально для Эдды составленный) словарь [2]) Геринга; при толкованіи же такую роль игралъ для меня комментарій Геринга, едва ли не наиболѣе выдающагося изъ современныхъ изслѣдователей Эдды, совмѣщающаго капитальную эрудицію съ необыкновенно чуткимъ и свѣтлымъ умомъ, почти всегда безупречно улавливающимъ и передающимъ сущность и духъ истолковываемаго имъ произведенія.

Вотъ всѣ замѣчанія какъ по существу, такъ и относительно техническихъ подробностей, которыя мнѣ представлялось необходимымъ предпослать моему переводу.

---

[1]) Этимъ же изданіемъ я пользуюсь и въ цитатахъ.

[2]) Пространный, не краткій. См. указ. лит.

Скажу еще разъ: я далеко не считаю этотъ переводъ осуществленіемъ того идеала, къ которому долженъ стремиться всякій требовательный къ себѣ переводчикъ: безупречная передача содержанія подлинника и безупречное возсозданіе его формы.

Мой трудъ—результатъ многолѣтней работы надъ изученіемъ древне-скандинавскаго міра и въ частности надъ изученіемъ текста Эдды—представляетъ собою первый въ русской литературѣ опытъ полнаго перевода пѣсенъ Эдды и первую попытку передать въ предѣлахъ возможнаго особенности стихотворной формы оригинала [1]).

Быть можетъ, у меня найдутся въ этомъ отношеніи продолжатели, которымъ удастся и болѣе успѣшно примѣнить намѣченные мною принципы къ осуществленію той же задачи. Мною сдѣлано на этомъ пути все, что было въ моихъ силахъ.

С. Свириденко.

---

[1]) Переводъ мой былъ представленъ, въ рукописи, въ 1911 г. въ Императорскую Академію Наукъ на соисканіе преміи имени Ахматова, и удостоенъ Большой Академической преміи.

ЭДДА

КНИГА ПЕРВАЯ

ПРОРИЦАНІЕ ПРОВИДИЦЫ

Внимайте словамъ моимъ, боги и смертные,
Великія дѣти Ґеймда́лльра и малыя! 1
Ты, О́динъ, желаешь, чтобъ рѣчь повела я
О судьбахъ предвѣчныхъ всего, что живетъ.

Я знаю вѣка исполиновъ древнѣйшихъ,
Чей родъ моихъ предковъ на свѣтъ произвелъ; 2
Знаю девять міровъ я подъ Деревомъ вѣчнымъ,
Чьи корни покоятся въ нѣдрахъ земныхъ.

Заглавіе. Въ подлинникѣ пѣснь называется „Vǫlo spá" (Vǫlva=провидица, прорицательница, вѣщая женщина. Spǫ = вѣщаніе, пророчество, прорицаніе).

1, II „Дѣти Ґеймда́лльра" — люди. „Сказаніе о Ригѣ" повѣствуетъ о томъ, какъ богъ Ґеймда́лльръ, небесный стражъ, путешествовалъ по землѣ подъ именемъ Рига и положилъ начало тремъ сословіямъ людей: рабовъ, свободныхъ и благородныхъ.

1, III „О́динъ" (въ подлинникѣ одно изъ описательныхъ именъ О́дина, Walfaþer, „Отецъ битвъ")—высшій среди боговъ. Первоначально, стихійное божество бурь, впослѣдствіи, — богъ битвъ и верховное божество, носитель высшей власти и мудрости. Въ представленіи автора пѣсни, слѣдовательно, самъ О́динъ пожелалъ услышать отъ провидицы о судьбахъ міра, и повелѣлъ ей возвѣстить всѣмъ свою вселенскую мудрость.

2, II „моихъ предковъ". Провидица происходитъ изъ рода исполиновъ.

2, III „девять міровъ". По древне-скандинавскому вѣрованью, всѣхъ міровъ было девять: Асгардъ (міръ боговъ-асовъ), Ванагеймъ (міръ свѣтлыхъ духовъ вановъ), Альфгеймъ (міръ другихъ, тоже благихъ и свѣтлыхъ духовъ альфовъ), Ми́дгардъ (земной міръ людей), Йотунгеймъ (міръ йотуновъ, т.-е. исполиновъ), Муспелльсгеймъ (міръ огня), Свартальфагеймъ (міръ темныхъ духовъ), Нифльгеймъ (міръ подземный карловъ) и Нифльґэль или Ґэль (міръ смерти).

— вѣчное Дерево—великій міровой ясень Иггдрасиль, осѣняющій вселенную.

Въ начальное древнее время жилъ И́миръ.
Земли тогда не было; не было неба; 2
Ни морского песку, ни холодной волны;
Трава не росла: всюду бездна зіяла.

Отъ Бо́ра рожденные подняли почву,
И вмѣстѣ устроили Ми́дгардъ прекрасный; 4
Грѣлъ съ полудня лучъ солнца соленые камни,—
И травою зеленой земля поросла.

[Солнце съ мѣсяцемъ вмѣстѣ на небѣ стояло,
И касалось десницею края небесъ.
Не знало оно, гдѣ чертогъ его въ небѣ, 5
И мѣсяцъ не зналъ, что за мощь онъ имѣетъ;
И звѣзды не вѣдали, гдѣ ихъ пути.]

[Сошлись совѣщаться великіе боги—
Совѣтъ свой созвали святые властители.
Нарекли имена полнолунью и ночи, 6
Названія выбрали утру и вечеру,
И полдню, и среднему времени также.]

3, I И́миръ—древнѣйшій изъ исполиновъ. Боги убили его и сотворили изъ его тѣла земной міръ.

4, I Сыновья Бо́ра—три (первоначально стихійные) бога: О́динъ, Ви́ле и Ве.

4, II Ми́дгардъ—земной міръ.

(5) Въ этой строфѣ, считающейся позднѣйшей вставкой, комментаторы видятъ, помимо космологическаго эпизода, картину лѣтняго вечера подъ высокими широтами.

6, V Среднее время—время между утромъ („порою вставанья") и полднемъ. Иногда—время между полднемъ и закатомъ солнца.

Время всѣ древніе германцы считали не днями и лѣтами, а ночами и зимами.

Поселилися асы въ поляхъ Идава́лльра.
Воздвигли чертоги, святилища свѣтлыя. 7
Горны растопляли и плавили золото,
Мастерили уборы, ковали орудія.

Во дворахъ веселились, играли въ тавлеи;
Водилось всегда у нихъ золота вдоволь; 8
Пока не явились три вѣщія Дѣвы,
Изъ земли исполиновъ могучіе гости.

[Сошлись совѣщаться великіе боги,
Совѣтъ свой созвали святые властители. 9
Обсуждали, кто долженъ былъ карловъ создать
Изъ Бри́мира крови, изъ Бла́ина членовъ.

[И самымъ сильнѣйшимъ Мо̀тсо́гниръ былъ созданъ
Изъ рода всѣхъ карловъ; а Ду́риннъ вторымъ. 10
Во множествѣ карлы въ землѣ—какъ указывалъ
Имъ Ду́риннъ, подобій людей понадѣлали.

[Нйэ и Ни́ди, Но́рдри и Су́дри,
А́устри и Ве́стри, А́льтйофръ, Два́линнъ, 11

7, I асы—общее названіе рода боговъ.

7, I Идава́лльръ (по Герингу — „равнина непрестанной дѣятельности“)—мѣстопребываніе асовъ во время древняго золотого вѣка, которому суждено возобновиться послѣ кончины міра.

8, I „тавлеи“. Я употребляю здѣсь это старое русское слово, какъ наиболѣе близкое къ скандинавскому „tefldo“ (нѣмецкое Brettspiel), обозначающее „игру на доскѣ“, т.-е. могущее относиться равно къ шашкамъ, шахматамъ, нардамъ и т. д.

8, III „три вѣщія Дѣвы“ — три Норны, опредѣляющія судьбы боговъ и людей.

9, IV Бри́миръ и Бла́инъ—имена исполина Имира. Перечень карловъ въ послѣдующихъ строфахъ — позднѣйшая вставка, совершенно не относящаяся къ первоначальному тексту.

Наръ и На́иннъ, Ни́дингръ, Да́иннъ,
Би́фурръ, Бо́фурръ, Бо́мбурръ, Но́ри,
Аннъ и А́нарръ, А́и, Мйо́двитниръ.

[Вегръ и Га́ндальфръ, Ви́ндальфръ, То́риннъ,
Трорръ и Тра́иннъ, Текръ, Литръ и Витръ, 12
Ниръ и Ни́радръ, Ре́гиннъ и Ра́дсвидръ:—
Карловъ я съ точностью всѣхъ перечту.

[Фи́ли, Ки́ли, Фу́ндиннъ, На́ли,
Ґе́птефили, Ґа́нарръ, Свіурръ, 13
Фраръ, Ґорнбо́ри, Фрэ́гръ и Лони,
А́урвангръ, Йа́ри, Э́йкенскйа́льди.

[Ло́фара предковъ изъ племени Два́линна
Надобно въ пѣснѣ теперь помянуть. 14
Родъ ихъ проникъ изъ страны каменистой
Черезъ влажные долы въ предѣлы песчаные.

Были то Дра́упниръ и До́льгтразиръ,
Ґаръ, Ґаугспо́ри, Ґле́вангръ, Гло́иннъ, 15
До́ри, О́ри, Дуфръ, А́ндвари,
Ски́рфиръ, Ви́рфиръ, Ска́фидръ, А́и.

[Альфръ и Ингви, Э́йкенскйа́льди,
Фйа́ларръ и Фро́сти, Фидръ и Ги́ннарръ. 16
Вѣкъ будетъ знать, пока свѣтъ существуетъ,
Рядъ этотъ длинный Ло́фара предковъ.]

Однажды три аса благихъ и могучихъ
Шли вмѣстѣ по берегу моря домой. 17

17, I три аса. Три стихійныя божества (первоначально, быть можетъ, обозначавшіяся: О́динъ, Вили и Ве) О́динъ, Ло́дурръ (Ло́ки) и Ґо́ниръ; богъ воздуха, богъ огня и богъ водъ.

На прибрежьи нашли они чаявшихъ жребія—
Безсильно лежавшихъ тамъ Áскра и Э́мблу.

Души́ и дыханья у нихъ еще не было,
Теплоты, и движенья, и жизненныхъ красокъ. 18
Ґöниръ душу имъ далъ, далъ имъ Óдинъ дыханіе,
Далъ Лóдурръ тепло и цвѣтущія краски.

Знаю я, что есть Ясень по имени Йггдрасиль;
Окропляется бѣлою влагою онъ. 19
Отъ той влаги роса по долинамъ земли;
Зеленѣетъ онъ вѣчно, ключъ Урдръ осѣняя.

Воздвигнутъ чертогъ передъ ясенемъ тѣмъ,
Въ чертогѣ три вѣщія Дѣвы живутъ.
Кору онѣ рѣжутъ. [И Урдръ имя первой, 20
Верда́нди вторая, Скульдъ третья сестра.]
Онѣ положили всѣмъ жребій жизни,
Судили всѣ доли, удѣлъ всѣхъ людей.

Я знаю, какъ въ свѣтѣ война была первая—
У боговъ, изъ-за Гу́лльвейгъ, заколотой копьями. 21

17, IV Áскръ и Э́мбла (первое имя значитъ „ясень", второе тоже названіе дерева—ольхи или ульмы)—два дерева, изъ которыхъ боги сотворили первыхъ людей, мужчину и женщину.

18, IV Лóдурръ. Это имя бога огня считается болѣе древнимъ, чѣмъ обыкновенно встрѣчающееся въ миѳахъ: Лóки.

19, IV „Ключъ Урдръ" у корней ясеня Йггдрасиля — источникъ міровой мудрости.

20, II Дѣвы—Норны, дѣвы судьбы.

20, III рѣжутъ кору. Вырѣзываніе знаковъ на кусочкахъ коры было способомъ гаданья. Врѣзаніе черточекъ въ стволъ дерева служило мѣрой времени.

(20) Урдръ — Прошедшее, Верда́нди — Настоящее, Скульдъ— Будущее.

(21) Первая война—война между богами асами и ванами. Послѣдніе первоначально являются божественными духами влаги и воздуха, впо-

Сожгли ее послѣ въ жилищѣ у Ґ̆ара,
Три раза сожгли ее, трижды рожденную.
Часто жгутъ ее вновь, но не гибнетъ она.

Звалась она Ґ̆ейдръ, появляясь въ жилищахъ,
Колдунья недобрая съ даромъ провидицы; 22
Зло творила и зѣлья варила она—
Наслажденье всегдашнее женъ нечестивыхъ.

Сошлись совѣщаться великіе боги,
Совѣтъ свой созвали святые властители. 23
Судили: платить ли противникамъ дань,
Иль признать всѣхъ божествъ за участниковъ жертвъ?

Óдинъ бросилъ копье противъ вражеской рати;
— То было во дни первой въ мірѣ войны— 24

слѣдствіи божествами-покровителями мореплаванья и торговли. Ихъ культъ, повидимому, былъ занесенъ на сѣверъ отъ представителей другихъ германскихъ племенъ, и встрѣтилъ въ скандинавскихъ странахъ противодѣйствіе со стороны приверженцевъ культа асовъ. Первоначальный антагонизмъ и позднѣйшее сліяніе двухъ культовъ вѣроятно послужили основаніемъ миѳу о войнѣ асовъ съ ванами, окончившейся миромъ и взаимнымъ признаніемъ божескихъ правъ тѣхъ и другихъ. Изъ рода вановъ былъ водяной богъ Нйордръ и его двое дѣтей Фрéиръ и Фрéйа.

Гýлльвейгъ, какъ кажется, является однимъ изъ воплощеній образа той же Фрéйи (Мюлленгофъ). Это прекрасная и злонамѣренная волшебница, въ данномъ случаѣ олицетворяющая собою, какъ полагаютъ, гибельную власть золота (gull — золото). Боги, чтобы избавиться отъ нея, закололи ее копьями и сожгли (символизація очищенія золота въ огнѣ), что и послужило поводомъ къ войнѣ между ими и ванами. — Врядъ ли этимъ, однако, исчерпывается значеніе миѳа. Упоминаніе о троекратномъ сожженіи трижды возрождающейся богини имѣетъ, повидимому, особый—покуда невыясненный—смыслъ.

21, III Ґ̆аръ „Высокій“=Óдинъ.

22, I Ґ̆ейдръ—обычное имя волшебницъ и гадательницъ.

(23) Эта строфа относится къ упомянутой мирной развязкѣ войны между асами и ванами. Асы рѣшили, что и ваны станутъ пользоваться божескими почестями; т.-е. асы (побѣжденные ванами) вмѣсто того, чтобы платить имъ дань, примутъ ихъ въ кругъ боговъ.

Разрушился валъ вокругъ крѣпости асовъ,
Когда осаждали ихъ ваны отважные.

Сошлись совѣщаться великіе боги,
Совѣтъ свой созвали святые властители: 25
Кто пагубнымъ ядомъ наполнилъ весь воздухъ,
Кто йо́тунамъ выдать могъ О́дра невѣсту?

Лишь Торръ бой затѣялъ, охваченный гнѣвомъ;
— Онъ рѣдко въ подобныхъ дѣлахъ терпѣливъ— 26
Поколеблены были обѣты и клятвы
И нарушена вѣрность былымъ договорамъ.

Мнѣ извѣстно, что скрытъ рогъ завѣтный Ґеймда́лльра
Подъ святымъ, свѣтлымъ воздухомъ дышащимъ Деревомъ. 27

25, IV йо́туны, или турсы — враждебные богамъ исполины, представители разрушительныхъ стихійныхъ силъ.

25, IV Невѣста О́дра—богиня Фре́йа, впослѣдствіи жена или возлюбленная этого божества, о которомъ почти ничего неизвѣстно.

Въ этой строфѣ идетъ рѣчь о томъ какъ боги, неосторожно заключившіе договоръ со строителемъ исполиномъ, обязавшимся воздвигнуть для нихъ крѣпость (послѣ того какъ ваны разрушили ихъ укрѣпленія) въ опредѣленный срокъ, съ тѣмъ чтобы ему въ вознагражденіе отдали солнце, мѣсяцъ и Фре́йю—впослѣдствіи стараются избавиться отъ невыгодныхъ условій, принятыхъ ими по совѣту Ло́ки. (О́нъ и „выдалъ“ такимъ образомъ Фре́йю исполинамъ). Послѣдній хитростью заставилъ строителя запоздать съ постройкою и слѣдовательно лишиться права на вознагражденіе.

(26) Торръ—громовый богъ, врагъ и истребитель исполиновъ, убилъ строителя, разгнѣваннаго тѣмъ, что боги хитростью отдѣлались отъ уплаты.

Нарушеніе договора именно этимъ божествомъ имѣло особенно гибельное значеніе, такъ какъ Торъ считался покровителемъ клятвъ и договоровъ; съ его стороны, подобный поступокъ являлся вдвойнѣ тяжкою виною. *С.*

(27) Ґеймда́лльръ—„Сверкающій надъ міромъ“—небесный стражъ боговъ. Здѣсь говорится о его завѣтномъ рогѣ Ґиа̀лларґо́рнѣ, въ который онъ затрубитъ только передъ кончиною міра.

27, II Дерево это—ясень И́ггдрасиль.

И влаги ручьи на него источаетъ
Залогъ Властелина.—Поймете ль вы вѣсть мою?

Одна я была, когда старый Властитель
Боговъ сталъ мнѣ гостемъ и въ очи взглянулъ мнѣ. 28
„Что спросить хочешь ты? Для чего испытуешь?
Извѣстно мнѣ, Óдинъ, гдѣ око твое“.

Я знаю, что Óдина око сокрыто
Въ источникѣ Ми́мира, мудростью славномъ. 29
И каждое утро пьетъ Ми́миръ отъ ока
Властителя Ратей.—Поймете ль вы вѣсть мою?

Далъ мнѣ Ратей Отецъ ожерелья и кольца
За пророческій разумъ, за вѣщія рѣчи. 30
. . . . . .
Всѣ девять міровъ созерцаетъ мой взоръ.

Валькирій я видѣла свѣтлое воинство,
Готовыхъ помчаться къ бойцамъ ополченнымъ. 31

27, IV Залогъ Властелина (Óдина) — его глазъ, оставленный имъ въ залогъ мудрому водяному существу Ми́миру, хранителю заповѣднаго источника мірового знанія; Óдинъ, вѣщій искатель истины, пожертвовалъ глазомъ за право почерпнуть міровую мудрость изъ источника, гдѣ его глазъ и остался навѣки.—Выраженіе третьей строки—поэтическая метонимія.

(28) Здѣсь еще разъ указывается, что провидица сообщаетъ свои откровенія по желанію Óдина, явившагося къ ней за мудростью. По всей вѣроятности, подразумѣвается, что она была уже мертвою и Óдинъ вызвалъ ее заклинаніями изъ могильнаго кургана, чтобы услышать отъ нея слова вѣщей мудрости. Подобное прорицаніе воскрешаемыхъ чарами умершихъ—обычный образъ эддической поэзіи.

30 I „Ратей Отецъ“—Óдинъ.

31, I Валькиріи — воительницы, служащія Óдину, верховному повелителю битвъ, волю котораго (и приговоры судьбы) онѣ исполняютъ въ бояхъ, принося побѣду той или другой изъ враждующихъ сторонъ и не-

Тамъ Скульдъ со щитомъ была; Скогуль за нею,
Гудръ, Ґильдръ, Гондуль и Гейрскогуль.
[Я назвáла вамъ Ґэ́рйана дѣвъ боевыхъ
Валькирій, готовыхъ на землю летѣть.]

Мнѣ дано было видѣть, какъ свѣтлаго Бáльдра,
Сына Óдина кроткаго, участь рѣшилась. 32
Красуясь, высоко возросъ надъ землею
Прекрасный и стройный побѣгъ омелы;

На видъ безобидный, побѣгъ этотъ былъ
Оружіемъ гибельнымъ; Ґодръ его бросилъ. 33
[Но скоро родился братъ Бальдра тогда;
Лишь ночь проживя, бился Óдина сынъ.]

зримо унося павшихъ избранниковъ Óдина съ полей сраженій въ его небесный чертогъ Валґáллу, гдѣ возрожденные бойцы вступаютъ въ небесное воинство Óдина (эйнгеріаръ).

31, III Скульдъ—также имя третьей изъ норнъ (Будущее), но врядъ ли норна Скульдъ тождественна съ одноименной валькиріей.

31, V Ґэ́рйанъ—„богъ ратей“, одно изъ именъ Óдина.

(32) Бальдръ—сынъ Óдина и его супруги богини Фриггъ, благой, вѣчно юный богъ весны и свѣта, въ чьей гибели отъ руки слѣпого Ґодра символизируется побѣда мрака надъ свѣтомъ, зимы и смерти—надъ свѣтлыми силами весны.

Встревоженные зловѣщими предчувствіями и предзнаменованіями, боги пытались оградить общаго любимца Бальдра отъ грозящей бѣды. И со всѣхъ существъ, со всѣхъ предметовъ въ мірѣ—со звѣрей, птицъ, гадовъ, съ деревьевъ, камней и металловъ — взята была клятва не вредить Бальдру. Клятвы не взяли только съ неопасной на видъ омелы, и этимъ воспользовался единственный врагъ Бальдра среди асовъ — богъ огня, Лóки. Онъ сдѣлалъ дротикъ изъ побѣга омелы и далъ оружіе слѣпому Ґодру въ то время, когда всѣ боги, радуясь неуязвимости Бальдра (достигнутой благодаря клятвамъ всего существующаго не вредить ему), забавлялись тѣмъ, что бросали въ него копья и всевозможное оружіе, не причинявшее ему никакого вреда. Лóки направилъ руку слѣпого, и сдѣланный изъ омелы дротикъ поразилъ Бальдра на смерть.

33, III Братъ Бальдра—Вáли, сынъ Риндъ и Óдина. Онъ исполнилъ долгъ кровной мести за брата вскорѣ послѣ своего появленія на

[Онъ кудрей не расчесывалъ, рукъ не омылъ,
Пока не поверженъ былъ Бальдра убійца.] 34
Тѣмъ временемъ плакала въ Фэ́нсалѣ Фриггъ
Надъ горемъ Валґа́ллы.—Поймете ль вы вѣсть мою?

Въ провалѣ средь лѣса я видѣла связаннымъ
Несчастій зачинщика, Ло́ки проклятаго. 35
Тамъ Си́гинъ сидитъ, убиваясь въ страданьяхъ
Надъ мукою мужа...—Поймете ль вы вѣсть мою?

Съ востока потокъ льется съ доловъ отравленныхъ.
Слидръ зовется, и мчитъ онъ мечи и ножи. 36
. . . . . .
. . . . . .

свѣтъ „проживя одну ночь"; отъ его руки палъ Х̆одръ. Ло́ки же, скрывшійся послѣ убійства Бальдра, впослѣдствіи былъ пойманъ богами и прикованъ къ скалѣ до скончанія міра.

34, III Фриггъ—мать Бальдра, супруга О́дина. Первоначально, быть можетъ, богиня солнца (названіе ея жилища „фэнсаль" — „морской чертогъ"—комментаторы связываютъ съ образомъ заходящаго солнца, опускающагося въ море), впослѣдствіи — богиня брака, семейнаго очага, покровительница женъ, матерей, хозяекъ.

35, III Си́гинъ—жена Ло́ки. Когда послѣдній былъ прикованъ богами къ скаламъ, то Ска́ди, дочь убитаго богами великаго Тйа́цци и жена бога Нйордра, мстя Ло́ки за то, что онъ былъ главнымъ виновникомъ смерти ея отца,—прикрѣпила надъ головою связаннаго змѣю, изъ пасти которой капалъ на него ядъ, причинявшій нестерпимую боль кожѣ. Си́гинъ же, не покинувшая своего мужа въ несчастьи, сидѣла возлѣ него и подставляла чашу подъ капавшій ядъ, чтобъ онъ не попадалъ на Ло́ки.

36, II Слидръ—„злая, лихая"—названіе рѣки или потока въ царствѣ исполиновъ.

(36) Эта и послѣдующія строфы (36 — 39) заключаютъ описаніе враждебныхъ богамъ силъ и ихъ обиталищъ: царства исполиновъ на сѣверѣ и царства темныхъ карловъ, а также Х̆эль—подземнаго міра мертвыхъ.

Предполагаютъ, что въ утраченныхъ отрывкахъ повѣствовалось еще объ огненномъ мірѣ сыновъ Муспелля, тоже враждебномъ богамъ и находящемся на югѣ: именно оттуда должна нѣкогда явиться послѣдняя рѣшающая опасность для міра и боговъ.

Чертогъ золотой на поляхъ Ни́давеллиръ
У племени Си́ндри на сѣверѣ есть. 37
Другой—на горѣ великановъ О́ко́льниръ;
Владѣетъ имъ Бри́миръ, тамъ брагу пьютъ йо́туны.

Я видала жилище отъ солнца вдали.
Стоитъ оно въ На́страндѣ, двери къ полночи. 38
Тамъ ядъ протекаетъ по каплѣ сквозь кровлю,
Оплетаютъ тамъ змѣи всѣ стѣны чертога.

Я видала, какъ грозныя рѣки несли
Измѣнниковъ мертвыхъ, убійцъ и предателей.
[Тѣхъ также, что женъ соблазняли чужихъ.] 39
Ни́ддх̆оггръ глодалъ тамъ тѣла охладѣлыя.
Волкъ рвалъ погибшихъ.—Поймете ль вы вѣсть мою?

37, I Нидавеллиръ—„нижніе", „подземные долы".

37, II Племя Синдри—карлы.

37, III Окольниръ. Герингъ замѣчаетъ, что это названіе—„Не холодный" — необычное для холоднаго царства исполиновъ, можетъ указывать на вулканическій характеръ горы. (Предположеніе вполнѣ правдоподобное, если приписывать пѣсни—или этой ея части—исландское происхожденіе).

37, IV Бри́миръ—„Шумящій". Это имя носилъ также Имиръ.

38, II Настрандъ — „берегъ мертвыхъ". Описывается подземный чертогъ смерти. „Двери къ полночи". Сѣверная сторона жилища или какого-либо огражденнаго мѣста считалась „несчастною" стороною. Поэтому въ человѣческихъ жилищахъ двери никогда не дѣлались съ этой стороны; въ жилищѣ у Смерти, напротивъ, предполагалось именно такое зловѣщее расположеніе входа.

(39) Измѣна, предательство, нарушеніе клятвы—были въ глазахъ германцевъ худшими изъ преступленій. Виновные наказывались въ царствѣ смерти между прочимъ тѣмъ, что ихъ мчали холодныя воды стремительныхъ потоковъ, наполненныхъ льдинами, мечами и ножами.

39, IV Ни́ддх̆оггръ — драконъ, обитающій въ подземномъ мірѣ и терзающій тѣла умершихъ преступниковъ.

39, V Волкъ. Очевидно не обыкновенный волкъ, а одно изъ чудовищъ подземнаго міра.

На востокѣ, средь Лѣса Желѣзнаго, Старая
Сидѣла, и Фе́нрира чадъ породила. 40
Одинъ изъ нихъ нѣкогда сдѣлаться долженъ,
Въ обличіи звѣря, губителемъ свѣта.

Станетъ питаться онъ мясомъ умершихъ,
Кровью обрызжетъ престолы боговъ. 41
Померкнетъ свѣтъ солнца; и годы послѣдуютъ
Злые для міра.—Поймете ли вѣсть мою?

Сидѣлъ на холмѣ, ударяя по струнамъ,
Хранитель женъ йо́туновъ, Э́птиръ веселый. 42
Крикнулъ Фйа́ларъ въ листвѣ надъ его головой—
Красивый пѣтухъ красноперый запѣлъ.

Закричалъ у боговъ Гуллинка́мби въ Валґа́ллѣ,
Тотъ, что бу́дитъ любимцевъ Властителя битвъ. 43

40, I Желѣзный Лѣсъ—дремучій, древній лѣсъ. Видимо, миѳическая мѣстность.

— Старая—исполинша, родившая нѣсколькихъ чудовищъ (волковъ) отъ исполинскаго волка Фе́нрира, произошедшаго на свѣтъ отъ Ло́ки и исполинши Ангрбо́ды.

40, III одинъ изъ нихъ—волкъ Сколль, мчащійся по небу за колесницею солнца, которое ему при концѣ міра удастся догнать и пожрать, тогда какъ его братъ Га́ти поглотитъ мѣсяцъ.

Начало этому миѳу положено безъ сомнѣнія наблюденіемъ солнечныхъ и лунныхъ затменій.

(41) Волкъ Сколль питается мясомъ непогребенныхъ мертвецовъ. Герингъ замѣчаетъ, что на это вѣрованіе очевидно ссылались, чтобы побудить къ заботамъ о погребеніи умершихъ,—такъ какъ оставлять ихъ безъ погребенія значило доставлять кормъ чудовищу, враждебному богамъ и людямъ.

42, II Э́птиръ—очевидно исполняющій въ мірѣ исполиновъ обязанности стража.

42, III Фйа́ларъ—вѣщій пѣтухъ, сидящій на стражѣ въ землѣ исполиновъ.

43, I Гуллинка́мби—„Золотой Гребешокъ“, названіе пѣтуха, находящагося въ чертогѣ О́дина, гдѣ онъ поутру пробуждаетъ крикомъ не-

Но другой закричалъ, цвѣтомъ черный, пѣтухъ
Глубоко́ подъ землею въ селеніяхъ Ґэль.

Залаялъ песъ Гармръ у пещеръ Гнипаґэ́ллира:
Узы расторгнуты, вырвался Волкъ! 44
Много я знаю; вижу я, вѣщая,
Грозно грядущій жребій боговъ.

Въ распрѣ кровавой братъ губитъ брата;
Кровные родичи рѣжутъ другъ друга: 45
Множится зло, полонъ мерзости міръ.
Вѣкъ сѣкиръ, вѣкъ мечей, вѣкъ щитовъ разсѣченныхъ,
Вьюжный вѣкъ, волчій вѣкъ—предъ кончиною міра...
Ни одинъ изъ людей не щадитъ другого.

Дико мятутся рожденные Ми́миромъ.
Рогъ Ґйа̀лларґо́рнъ возвѣщаетъ погибель; 46

бесное воинство Властителя битвъ. Имя подземнаго пѣтуха, находящагося въ мірѣ мертвыхъ, не найдено.

Три птицы, такимъ образомъ, одновременно возвѣщаютъ въ различныхъ мірахъ наступленіе всеобщей гибели.

44, I Гармръ—чудовищный песъ, находящійся на стражѣ у вратъ подземнаго міра.

44, II Волкъ—чудовищный волкъ Фенриръ, котораго богамъ удалось хитростью связать. Когда наступитъ кончина міра, Фенриръ расторгнетъ свои узы, чтобы вступить въ послѣдній бой съ богами.

(46) Съ этой строфы начинается описаніе кончины міра, когда противъ боговъ, носителей мірового порядка и устроенія, ополчатся для послѣдняго боя ихъ исконные враги — исполины, чудовища, всѣ представители разрушительныхъ началъ. На сторонѣ боговъ станетъ сражаться въ этомъ послѣднемъ бою и то небесное воинство О́дина, которое онъ составляетъ себѣ изъ возрожденныхъ по смерти земныхъ героевъ, своихъ избранниковъ среди живущихъ.

46, II Рогъ Ґйа̀лларґо́рнъ — тотъ завѣтный рогъ, въ который Геймдалльръ затрубитъ, возвѣщая кончину міра.

Громко трубитъ Ґеймда́лльръ, рогъ въ куски разлетается.
Держитъ О́динъ совѣтъ съ головой мертвой Ми́мира.

Иггдрасиль дрогнулъ, ясень огромный;
Шумъ въ древнемъ Деревѣ—Врагъ на свободѣ! 47
Страхъ поразитъ всѣхъ въ мірѣ подземномъ
Въ часъ, когда выступитъ Суртра товарищъ.

Что теперь съ асами? Что теперь съ альфами?
Турсы въ смятеніи; боги совѣтъ ведутъ. 48
Стонетъ родъ карловъ у каменныхъ вратъ,
Племя лѣсное.—Поймете ль вы вѣсть мою?

46, IV Мертвая голова Ми́мира. Послѣ войны асовъ съ ванами, примирившіеся враги обмѣнялись заложниками: къ асамъ былъ послалъ отъ вановъ Нйордръ, морской богъ, асы же послали къ ванамъ Ґо́нира, тоже божество водъ, и въ сопровожденіи его отправили мудраго вѣщаго Ми́мира. Ваны убили Ми́мира и послали богамъ его голову. Но О́динъ чарами сохранилъ эту голову отъ разрушенія и придалъ ей способность говорить, — съ тѣхъ поръ онъ не разъ совѣтовался съ нею и узнавалъ отъ нея о судьбахъ міра. Этотъ миѳъ не согласуется съ тѣмъ, что раньше говорится въ этой же пѣсни о Ми́мирѣ—если только не признать, что сказанное раньше и относится къ болѣе ранней порѣ, до смерти Ми́мира.

47, II Врагъ—подразумѣвается или волкъ Фе́нриръ, или Ло́ки.

47, IV Суртра товарищъ — (въ подлинникѣ sefe—родичъ). Комментаторы обыкновенно относятъ это выраженіе къ Фе́нриру. Я склоняюсь къ мнѣнію, что тутъ скорѣе подразумѣвается Ло́ки. Суртръ—предводитель враждебныхъ богамъ силъ огненнаго міра Муспелля. Связь съ Ло́ки, божествомъ огня, напрашивается сама собою. *С.*

48, I альфы—духи. Есть альфы свѣтлые и темные; послѣдніе враждебны богамъ.

48, II „боги совѣтъ ведутъ". Въ подлинникѣ: „тингъ"—вѣче, торжественное собраніе племени или рода. Въ этой строкѣ какъ нельзя болѣе ярко выдвинуто противуположеніе міра великановъ—представителей грубой стихійной силы, и боговъ — носителей могущества высшаго порядка, началъ духовной власти и устроенія.

С.

Лаетъ песъ Гармръ у пещеръ Гнипагэ́ллира;
Узы расторгнуты, вырвался Волкъ! 49
Много я знаю; вижу я, вѣщая,
Грозно грядущій жребій боговъ.

Гримръ со щитомъ наступаетъ съ востока;
Въ морѣ вздымается Змѣй міровой, 50
Въ ярости древней; надъ трупами клекчетъ
Сѣрый Орелъ. И На́гльфаръ плыветъ.

50, II „Змѣй міровой"—чудовищный змѣй Йормунгандръ, братъ Фе́нрира (т.-е. сынъ Ло́ки и исполинши Ангрбоды. Третьимъ плодомъ ихъ брака была Гэль—Смерть).

Когда-то брошенный богами, разсчитывавшими его погубить, въ море—онъ сталъ тамъ рости и выросъ до такихъ размѣровъ, что обнимаетъ своимъ тѣломъ весь земной міръ. Обычный въ арійскихъ космогоніяхъ образъ мірового змѣя (быть можетъ, возникшій въ связи съ представленіями о вполнѣ реальныхъ морскихъ существахъ—среди которыхъ существованіе какихъ-то исполинскихъ видовъ, имѣющихъ наружное сходство съ гигантскими змѣями, отнюдь не можетъ считаться опровергнутымъ современною наукою, напротивъ) символизируетъ окружающій всѣ земли міровой Океанъ.

Въ часъ кончины міра, когда начала разрушенія, хаоса—торжествуютъ надъ богами, представителями мірового устроенія и порядка—тогда всѣ стихіи, преступая ограничивавшіе ихъ до сихъ поръ предѣлы, ополчаются противъ боговъ; въ томъ числѣ Океанъ, олицетворяемый въ образѣ Йормунгандра. *С.*

50, IV „Сѣрый орелъ"—исполинъ Грэсвельгръ, „Пожиратель труповъ", обитающій на сѣверѣ въ образѣ чудовищнаго орла.

— На́гльфаръ—величайшій изъ всѣхъ кораблей. На немъ воинство умершихъ (подданныхъ враждебной богамъ дочери Ло́ки, Гэль) направится изъ подземнаго міра въ бой противъ боговъ. Онъ построенъ изъ ногтей мертвецовъ.

Въ этомъ вѣрованьи (первоначально, быть можетъ, обязанномъ своимъ происхожденіемъ этимологическому недоразумѣнію) выражается представленіе о крайней преступности людей, предшествующей кончинѣ міра; люди перестаютъ исполнять завѣтнѣйшіе обычаи благочестія—какъ-то: заботиться объ умершихъ родичахъ, омывать ихъ и остригать имъ ногти. Необходимостью неисчислимо большого количества ногтей для того, чтобы изъ нихъ могъ быть построенъ величайшій въ мірѣ корабль—отодвигается въ далекое будущее неизбѣжная пора кончины міра.

Съ сѣвера страшный корабль приближается—
Мертвыхъ везетъ; правитъ Ло́ки рулемъ. 51
Съ Волкомъ несчетныя мчатся чудовища;
Би́лейптра братъ направляетъ ихъ рать.

Съ юга несется Суртръ съ Истребителемъ—
Солнцемъ сраженій мечъ его жжетъ. 52
Рушатся горы; мрутъ исполинши;
Гэль жретъ людей;—сводъ небесъ разрывается.

Близится новое горе для Глинъ,
Въ часъ, когда О́динъ схватится съ Волкомъ; 53
Съ Суртромъ же—свѣтлый Бэ́ли губитель;
Гибель настанетъ всей радости Фриггъ.

Видарръ придетъ, чтобы съ Волкомъ сразиться,
Доблестный сынъ Господина Побѣдъ. 54
Мечъ черезъ пасть Пожирателю труповъ
Всадитъ онъ въ сердце—отмститъ за отца.

51, III „съ Волкомъ"—съ Фе́нриромъ.

— IV „Би́лейптра братъ"—Ло́ки. Кто такой Билейптръ—на этотъ счетъ не сохранилось указаній.

52, I Истребитель—огонь. Къ сажалѣнію, ритмъ стиха не позволилъ мнѣ сохранить характерный эпитетъ подлинника „Истребитель вѣтвей".

52, II Смыслъ этой строки неясенъ въ подлинникѣ.

52, IV Гэль—Смерть. Ея имя постоянно употребляется метонимически для обозначенія всего міра мертвыхъ.

53, I Глинъ—названіе Фриггъ. Ожидающее ее „новое горе"—гибель О́дина, побѣждаемаго Фе́нриромъ.

53, III Губитель Бэ́ли — Фре́иръ, сынъ Нйордра, богъ лѣта, лѣтняго солнца, плодородія и охоты. Бэ́ли — исполинъ, убитый Фре́иромъ.

54, I Видарръ—„молчаливый асъ", сынъ О́дина и исполинши Гридъ, которому суждено убить Фе́нрира.

Торръ въ бой готовится, славный сынъ Х̆ло́динъ.
Змѣй, Окружитель земель, пасть разверзнулъ; 55
{Пасть отъ земли до небесъ зазіяла}—
Но направляется къ Змѣю Громо́вникъ

Змѣй побѣждаетъ Хранителя Ми́дгарда;
Скоро селенья людей опустѣютъ! 56
Торръ, въ часъ кончины, вспять отступить
Долженъ на девять шаговъ предъ чудовищемъ.

55, I Торръ — сынъ О́дина и богини земли Йордъ (прозванье ея Х̆лодинъ), покровитель земледѣлія, хозяйства, мирнаго труда, а также хранитель домашняго очага, священныхъ клятвъ и обѣтовъ. Въ миѳахъ онъ обычно является истребителемъ и главнымъ противникомъ враждебныхъ богамъ исполиновъ и чудовищъ, въ частности врагомъ Йормунгандра.

Бой мірового Змѣя съ божествомъ грозы—обще-арійскій миѳическій мотивъ (см. Введеніе). Не вызвано ли первоначальное представленіе объ этомъ поединкѣ громоноснаго бога съ океанскимъ змѣемъ—видомъ морского смерча, вершина котораго, уходящая въ темныя тучи, обыкновенно увѣнчана молніями? *С.*

55, III Здѣсь въ текстѣ пропускъ, возстановляемый Герингомъ, редакцію котораго я воспроизвожу въ русской передачѣ. Но самый образъ Змѣя-Океана, разверзающаго свою пасть отъ земли до небесъ, принадлежитъ древнему миѳу безспорно; онъ сохранился въ другомъ источникѣ въ описаніи того же момента. Съ миѳическимъ мотивомъ здѣсь связано правильное зоологическое наблюденіе. Ни одно живое существо не обладаетъ способностью разинуть ротъ такъ широко (по сравненію съ размѣрами головы и тѣла), какъ большинство ядовитыхъ змѣй. Перенеся это реальное представленіе на Йормунгандра съ его чудовищными размѣрами—древній миѳъ съ полнымъ основаніемъ рисуетъ „пасть, разверзнутую отъ земли до неба". *С.*

56, IV Число девять употреблено здѣсь едва ли только потому, что считалось священнымъ и вообще часто фигурируетъ въ древне-скандинавскихъ миѳахъ. Всякому, жившему близъ какого-либо подверженнаго приливамъ моря—доводилось слышать отъ прибрежныхъ жителей о послѣднихъ девяти волнахъ прилива, особенно высокихъ и сильныхъ. Едва ли можно сомнѣваться, что въ данномъ случаѣ имѣется связь между стихійною природою Йормунгандра—Змѣя моря и девятью шагами, на которые онъ оттѣсняетъ (отъ берега?) Торра, хранителя земли, разрушаемой напоромъ морскихъ валовъ. *С.*

Солнце черно; земли канули въ море,
Звѣзды срываются внизъ съ вышины. 57
Паръ всюду пышетъ, и Жизни Питатель,
Лижетъ все небо жгучій огонь.

Лаетъ песъ Гармръ у пещеръ Гнипаґэ́ллира;
Узы расторгнуты, вырвался Волкъ!.. 58
Много я знаю; вижу я, вѣщая,
Грозно грядущій жребій боговъ.

Знаю я, вижу, какъ снова возникнетъ,
Вновь зеленѣя, изъ моря земля. 59
Бьютъ водопады; орлы за добычей
Станутъ къ водамъ на лету припадать.

Жить будутъ асы въ поляхъ Идава́лльра,
Часто въ рѣчахъ вспоминать имъ случится 60
Ми́дгарда Змѣя, и судьбы минувшія,
И стародавнія О́дина руны.

Въ новыхъ дворахъ своихъ асы подъ травами
Доски найдутъ золотыя, чудесныя, 61
Въ древніе дни для игры имъ служившія.
. . . . . .

Станутъ хлѣба выростать безъ посѣвовъ.
Горе забудется; Бальдръ возвратится. 62

57, III Жизни Питатель—огонь. Многосторонняя природа огненной стихіи, благодѣтельной и гибельной, вполнѣ оправдываетъ примѣненіе къ огню такихъ противорѣчивыхъ эпитетовъ, какъ „жизни питатель“ и „истребитель“.

60, III Змѣй Ми́дгарда—Йормунгандръ

61, II доски—тѣ золотыя доски, которыя, какъ говорится въ началѣ пѣсни, служили имъ для игры въ тавлеи во времена первоначальнаго всемірнаго благополучія.

Ґодръ вступитъ съ Бальдромъ въ побѣдный чертогъ,
Въ Ґроптра жилище.—Поймете ль вы вѣсть мою?

Ґониръ найдетъ себѣ жезлъ для гаданья.
. 63
Правятъ рожденные братьями Твэ́гги
Родиной вѣтра.—Поймете ль вы вѣсть мою?

Вижу чертогъ, затмевающій солнце,
Золотомъ крытый, украсилъ онъ Гимли. 64
Только достойные тамъ обитаютъ,
Въ вѣчномъ блаженствѣ жизнь проводя.

Сходитъ тогда для суда высочайшаго
Мощный Властитель въ міръ съ высоты. 65
. . . . . .
. . . . . .

62, III Ґроптръ—О́динъ.

63, III Твэги—О́динъ. Происхожденіе этого имени („двойной", „двойственный"?) неясно. Братья его — Ви́ли и Ве, о которыхъ почти ничего неизвѣстно.

63, IV родина вѣтра—небеса.

64, II Гимли—повидимому, названіе горы, гдѣ высится чертогъ для возродившихся „достойныхъ".

Неясно также, къ какимъ „достойнымъ" относятся слова пѣсни—къ богамъ ли, или къ вновь возрожденнымъ избранникамъ среди людей? Возможно, что чертогъ, о которомъ идетъ рѣчь—есть новая Валгалла въ обновленныхъ селеніяхъ боговъ. На это какъ будто указываютъ слова „золотомъ крытый". Кровля Валґа́ллы состояла изъ золотыхъ щитовъ.

(65) Въ этой—и отчасти уже въ предыдущей строфѣ — видятъ вліяніе христіанства. По всемъ признакамъ заключительныя строфы—начиная съ 59—являются вообще позднѣйшимъ прибавленіемъ къ эпическому описанію кончины міра. По своему поэтическому достоинству онѣ значительно уступаютъ предшествующимъ строфамъ, и самая картина возрождающагося міра производитъ довольно слабое впечатлѣніе по сравненію съ грандіозными образами міровой катастрофы (по первоначальному вѣрованью, безъ сомнѣнія, всеобщей и окончательной), только что рисовав-

Темный драконъ, чешуею сверкающій,
Снизу, съ утесовъ полночныхъ летитъ. 66
Ни́ддҕоггръ умершихъ уноситъ подъ перьями:—
Скрыться теперь ему время пришло.

— — — — — — — — — —

шимися автору пѣсни. Трудно удержаться отъ предположенія, что въ первоначальной редакціи безнадежная развязка міровыхъ судебъ, безстрашно изображенная отдѣльнымъ смѣлымъ поэтомъ—отпугивала своимъ ошеломляющимъ трагизмомъ умы болѣе заурядныхъ слушателей и „хранителей преданія", что и побудило позднѣйшаго автора прибавить болѣе оптимистическій конецъ къ непримиримому, неумолимому древнему сказанію. *С.*

(66) Смыслъ всей этой строфы довольно теменъ, и появленіе дракона Ни́ддҕоггра въ обновленномъ мірѣ (гдѣ исчезли всѣ прежнія чудовища) трудно поддается объясненію. Быть можетъ, строфа ошибочно попала сюда изъ середины описанія кончины міра? Или все предшествующее (58—65) является позднѣйшимъ прибавленіемъ, и 66 должна была слѣдовать за 58?

66, IV Отрывистость заключительной фразы (въ подлинникѣ она еще короче оборвана: „nù mon søkkvask") заставляетъ предполагать здѣсь пропускъ (быть можетъ, крупный) въ текстѣ.

ОБЩІЯ ЗАМѢЧАНІЯ.

„Прорицаніе Провидицы“ (Вольвы) сохранилось въ Codex Regius и въ Hauksbók Cod. Arn. 544. Отдѣльныя строфы процитированы въ Sn. Ed., откуда почерпается и заглавіе Vǫluspǫ, въ рукописяхъ Эдды не сохранившееся.

„Прорицаніе Провидицы“, какъ правильно замѣчаетъ Могкъ, безспорно является однимъ изъ величайшихъ произведеній древнегерманской поэзіи. Поражаетъ въ ней огромное богатство содержанія и то поистинѣ художественное мастерство, съ какимъ это содержаніе обработано. Несмотря на то, что „Прорицаніе Провидицы“ заключаетъ въ себѣ своего рода сводъ не только древнескандинавской космогоніи, но и рѣшительно всѣхъ важнѣйшихъ миѳологическихъ представленій извѣстной эпохи, несмотря на колоссальное богатство наполняющихъ ее миѳологическихъ образовъ—эта пѣснь нигдѣ (исключая перечня карловъ въ стрф. 9—16, представляющаго собой позднѣйшую вставку) не страдаетъ сухостью, не впадаетъ въ тонъ миѳологической энциклопедіи. Отъ начала до конца она проникнута вдохновеніемъ и напряженнымъ драматизмомъ; при кажущейся отрывочности отдѣльныхъ строфъ всюду чувствуется между ними глубокая внутренняя связь, развитіе единой идеи, проникающей собою всю ту повѣсть міровой жизни и міровой гибели, какую представляетъ собою „Прорицаніе Провидицы“. Эта идея: неизбѣжность вѣчной борьбы между разрушающими и хаотическими силами, носителями которыхъ являются враждебные богамъ чудовища и исполины, и воплощенными въ самихъ богахъ началами мірового устроенія; и, какъ столь же неизбѣжный выводъ изъ этой борьбы, побѣда разрушительныхъ элементовъ вѣчнаго хаоса надъ временнымъ господствомъ человѣчныхъ повелителей міра, боговъ; при чемъ единичные носители разрушенія, чудовища и исполины, сами погибаютъ, истребляя боговъ.

Здѣсь выражается то до крайности своеобразное, полное воз-

вышеннаго трагизма вѣрованіе, которое, какъ кажется, составляетъ (въ томъ идейномъ освѣщеніи, какое даютъ ему стоящіе съ нимъ въ связи миѳы) исключительную принадлежность германскаго племени: ученіе о гибели боговъ. Къ характеристикѣ этого вѣрованія я позволю себѣ повторить здѣсь часть высказаннаго мною о немъ въ другомъ мѣстѣ и по иному поводу. Оно было итогомъ религіозной эволюціи древне-германскаго язычества. Образы боговъ, вначалѣ воплощавшіе собою высшіе идеалы народнаго міровоззрѣнія, постепенно, по мѣрѣ развитія этого міровоззрѣнія, переставали удовлетворять измѣнившимся духовнымъ запросамъ. Германцы позднѣйшихъ поколѣній замѣтили несовершенства въ богахъ, которыхъ ихъ предки—какъ и люди всѣхъ другихъ племенъ,—создавали по своему образу и подобію. Но другія племена, замѣтивъ подобныя несовершенства, частью мирились съ тѣмъ, что ихъ боги оказывались ничѣмъ не лучше (подчасъ и хуже) и немногимъ могущественнѣе людей; частью же старались путемъ компромисса согласить новыя духовныя требованія со старыми вѣрованіями—навязывая послѣднимъ новый смыслъ, требуя, чтобы считались аллегоріями наивныя старыя преданія, содержащія примѣры преступности или безсилія боговъ... Нравственная и идейная строгость германскаго духа привела къ совершенно иному результату. Возвысившись до пониманія несовершенства родныхъ боговъ, германское сознаніе не отступило передъ самымъ страшнымъ, неумолимымъ выводомъ: германцы осудили своихъ боговъ на смерть. Вѣра не была утрачена; но боги перестали воплощать народные идеалы, перестали быть могущественнѣйшими и лучшими. Разъ они оказались недостаточно могучими для побѣды надъ враждебными имъ силами, разъ они при этомъ оказывались виновными противъ правды и добра—у нихъ не могло быть ни силы, ни права сохранить свое мѣсто въ мірѣ. И германцы, еще вполнѣ вѣруя въ существованіе своихъ боговъ, стали вѣрить и въ ихъ неизбѣжную гибель. Придетъ день, когда несовершенные, запятнавшіе себя виною боги умрутъ, когда ихъ истребятъ грозныя силы хаоса. Временно восторжествовавъ надъ этими силами, боги внесли въ міръ порядокъ и устроеніе; но всесильная міровая судьба предрѣшила день и часъ, когда погибнутъ прежніе побѣдители, недостойные править міромъ послѣ

того, какъ сами стали участниками и пособниками враждебнаго міру зла.

На ряду съ ученіемъ о гибели боговъ, вначалѣ поддерживая его, а затѣмъ наоборотъ, по мѣрѣ развитія религіозной мысли—вытѣсняя и заступая его мѣсто—вырастаетъ въ древне-германскомъ сознаніи другая идея: идея Рока.

Въ міросозерцаніи древнихъ германцевъ существовало, какъ и въ воззрѣніяхъ античныхъ эллиновъ—представленіе о единой предвѣчной силѣ, властвующей надъ міромъ и богами, всемогущей и безпощадной, неизмѣнно, неуклонно направляющей ходъ бытія по предустановленному изначала пути.

Но то, что лишь изрѣдка мелькаетъ, подобно легкой тѣни мимолетнаго облачка, на свѣтломъ горизонтѣ радостной Эллады—тò вырастаетъ, въ сильномъ и суровомъ мірѣ древне-германскихъ вѣрованій, въ грозную тучу, неотвратимо надвигающуюся на небосводъ, неся страшный приговоръ всему живущему.

Сильны боги, владѣющіе міромъ, хранящіе и устраивающіе его; сильны ихъ противники, исполины и чудовища, стремящіеся, въ вѣчной распрѣ съ богами, къ разрушенію міра. Но не могущество тѣхъ и другихъ рѣшитъ распрю, не оно дастъ побѣду богамъ или ихъ врагамъ. Боги лишь хранятъ и владѣютъ: правитъ міромъ Иное. Нѣчто предустановило жребій боговъ и борьбу ихъ съ истребительными стихійными началами, предустановило ходъ и исходъ этой борьбы.

Надъ богами и противниками ихъ, надъ земнымъ міромъ и другими мірами, надо всѣмъ, что существуетъ и дышитъ во Вселенной—стоитъ Судьба.

У нея нѣтъ имени, нѣтъ образа. Это безличная, непознаваемая міровая необходимость, непреложный законъ вселенскаго бытія; для нея безразлично добро и зло, счастье и гибель живущихъ, въ ней нѣтъ сознанія и индивидуальной цѣли; въ ней лишь неуклонное осуществленіе вѣчныхъ предначертаній, никому не вѣдомыхъ, непостижимыхъ земному разуму, ненарушимыхъ и неизбѣжныхъ для всего сущаго.

Въ недоступномъ краю, далекомъ отъ всего живого, у таинственныхъ корней мірового Дерева, ясеня Йггдрасиля, сидятъ и прядутъ три грозныя Дѣвы Судьбы, вѣчныя Норны.

Исполняя великій вселенскій законъ, вьютъ онѣ безконечную нить: нить, въ которой участь и жребій всего. Въ ней удѣлъ великихъ и малыхъ, слабыхъ и сильныхъ, людей и боговъ. Безъ конца, безъ начала, изъ вѣчности въ вѣчность свивается нить. Непрерывно, безсмѣнно, не спѣша и не медля, прядутъ ее Норны, исполняя завѣты Судьбы. Только имъ, вѣщимъ сестрамъ, открыта вся мудрость міровъ: только онѣ,—Урдръ, Верда́нди, Скульдъ („Прошедшее", „Настоящее", „Грядущее")—знаютъ, что было, знаютъ, что есть и будетъ. И согласно великому вселенскому знанію, даютъ Норны жизненные жребіи—богамъ и людямъ, и всѣмъ тварямъ, всѣмъ земнымъ звѣрямъ, и деревьямъ лѣсовъ, и малѣйшимъ былинкамъ полей. Даютъ счастье и несчастье, торжество и гибель, бытіе и смерть. Ничего не мѣняютъ онѣ въ своей нити. Онѣ безъ жалости, безъ милости и гнѣва; никого не щадятъ, и не мстятъ никому, и никого не караютъ.

И нѣтъ къ нимъ молитвъ, нѣтъ противъ нихъ проклятій, нѣтъ для нихъ благодарности живущихъ. Равнодушно, неумолимо свершаютъ онѣ отъ вѣка предопредѣленное. Не по своей волѣ: въ силу роковой необходимости. Норны лишь вершительницы завѣта вселенской Судьбы. Во вселенной совершается то, чего требуетъ вѣчная Необходимость. Для всѣхъ единая, для всѣхъ неизбѣжная, для всѣхъ непостижимая Судьба.

Такова идея рока въ германскихъ представленіяхъ. Эта идея въ міропониманіи германцевъ имѣла огромное, съ теченіемъ времени все возраставшее значеніе. Постепенно самые образы боговъ блѣднѣли и отступали на второй планъ передъ грознымъ, подавляющимъ величіемъ образа Судьбы. И въ позднѣйшую эпоху, по мѣрѣ того, какъ вѣра въ боговъ ослабѣвала—среди тѣхъ, кого не удовлетворяло начинавшее распространяться христіанство, оказывалось немало такихъ, которые вѣрили „только въ Судьбу и въ свой мечъ".

Германнъ [1]) приводитъ рядъ примѣровъ въ этомъ направленіи среди представителей сѣверо-германскаго міра. Берси Безбожный, Ґалльръ Безбожный и его сынъ Ґельги Безбожный; всѣ они вѣрили только въ судьбу „и въ свою силу", не молились и не при-

---

[1]) Nordische Mythologie. 11, 12.

носили жертвъ. Прозваніе „Безбожный“ примѣнялось не въ порицательномъ смыслѣ, а какъ простое обозначеніе невѣрія—съ теченіемъ времени представлявшаго все болѣе частое явленіе. Сигмундръ Брестиссонъ не вѣритъ въ боговъ, а только „въ свою силу и мощь“. Среди примѣровъ невѣрія въ миѳической литературѣ Германнъ вспоминаетъ короля Ґрольфа; онъ и его воины вѣрили только въ свою силу, а не въ боговъ (Hrolf. Saga Kr.); въ той же сагѣ говорится, что не боги, а судьба правитъ удѣломъ всѣхъ живущихъ. Нерѣдко люди, еще ничего не слыхавшіе о христіанствѣ, приходили къ отрицанію древняго народнаго язычества; такихъ зачастую и христіанство уже не могло удовлетворить, и они создавали каждый для себя свою несложную, но подчасъ глубокую религію, въ которой господствовала, на ряду съ самосознаніемъ сильной человѣческой личности—идея единаго мірового закона, Судьбы.

Разумѣется, миѳическія, наполовину аллегоричныя фигуры Норнъ въ этомъ вѣрованьи уже не существовали; оставалось только господствующее представленіе единой, безличной, непреложной міровой Необходимости, вѣчнаго всеобщаго Предопредѣленія.

Нужно было всю внутреннюю крѣпость германскаго духа, всю несокрушимую мощь тѣхъ желѣзныхъ характеровъ, какими были сѣверные германцы эпохи викинговъ—чтобы подобное міропониманіе приводило не къ равнодушному, пессимистическому фатализму, а къ бодрому, активному жизненному идеалу, какой присущъ былъ цѣлому ряду историческихъ германскихъ витязей. Пусть все предустановлено, все въ рукахъ Судьбы, которую нельзя ни побороть ни умилостивить, пусть нѣтъ отъ боговъ защиты и кары, нѣтъ заботливаго божескаго промысла о людяхъ, и нѣтъ человѣческаго долга по отношенію къ Божеству: у человѣка остается долгъ передъ самимъ собою. Онъ обязанъ ради себя самого поступать, такъ велитъ честь; быть мужественнымъ и дѣятельнымъ, безстрашнымъ и вѣрнымъ, быть доблестнымъ безъ прежней надежды на Валґаллу, безъ прежняго страха передъ мракомъ Ґэль...

Даже въ эпоху, когда вѣра въ боговъ еще существовала и не могло имѣть мѣста подобное свободное, опирающееся только на

себя, самосознаніе—даже и тогда вѣра въ Судьбу налагала отпечатокъ суровой духовной независимости на каждое индивидуальное міровоззрѣніе. Вѣдь каждый отлично зналъ, что боги лишь въ незначительной мѣрѣ вліяютъ на жребій міра и личную участь любого изъ живущихъ; что даже верховный богъ не въ силахъ даровать своимъ избранникамъ иной жребій, нежели тотъ, который изначала опредѣленъ Судьбою. Въ этомъ случаѣ воззрѣнія людей, вѣрившихъ въ Óдина и Торра, вполнѣ сходились съ тѣмъ взглядомъ, который высказывается въ Одиссейѣ относительно Олимпійцевъ:

... И богамъ невозможно отъ общаго смертнаго часа
Милаго имъ человѣка избавить, когда онъ ужъ преданъ
Въ руки навѣкъ усыпляющей смерти судьбиною будетъ.

Но отъ этого сознанія не теряла свою цѣнность человѣческая сила и человѣческая личность. Можно исполнять долгъ чести и доблести, и стойко выносить невзгоды — несмотря на убѣжденіе, что награда за доблесть не зависитъ отъ воли боговъ и отъ чьей-либо воли вообще, что лучшему человѣку можетъ достаться тягчайшій удѣлъ, такъ какъ всѣ земные жребіи исходятъ отъ силы, не считающейся съ добромъ и зломъ. „Исходъ — дѣло судьбы; доблесть — дѣло твое“. Такъ разсуждали въ то время сильныя души. Жизнерадостность оставалась въ этомъ міровоззрѣніи, потому что сильная душа можетъ цѣнить блага бытія несмотря на слѣпую неотвратимость мірового закона, распредѣляющаго и отнимающаго эти блага. Для слабыхъ, конечно, такое міровоззрѣніе было недоступно; но слабымъ невозможно было и проникнуться концепціей безличнаго мірового Закона во всемъ ея страшномъ величіи. Какъ во всѣ эпохи и у всѣхъ племенъ — для слабыхъ оставалась надежнымъ прибѣжищемъ примитивная вѣра въ личныхъ боговъ, сознательныхъ, властвующихъ надъ участью живущихъ, доступныхъ умилостивленію, источниковъ кары и благодѣяній для человѣка.

Тѣ, которые имѣли силу обходиться безъ такой вѣры,— считали боговъ лишь болѣе могущественными и долговѣчными, чѣмъ люди, но столь же зависимыми отъ Судьбы въ своемъ существованіи и предстоящей гибели; и суровые, гордые древніе витязи

твердо смотрѣли въ глаза собственной участи, зная, что грозящая неотвратимая участь неизбѣжна и для боговъ, что неприступная Валгалла Отца Побѣдъ такъ же обречена на разрушеніе, какъ и непрочные чертоги земныхъ властелиновъ.

То творческое сознаніе, изъ котораго родилось „Прорицаніе Провидицы", стоитъ еще не на точкѣ зрѣнія „безбожія", о которомъ упоминалось выше: но въ немъ міровая Судьба уже опредѣленно господствуетъ надъ богами, обреченными на гибель въ борьбѣ со своими извѣчными противниками. Этотъ мотивъ проходитъ черезъ все произведеніе, налагая на него особый трагическій отпечатокъ.

Форма этой пѣсни вполнѣ находится на высотѣ содержанія. Великая повѣсть о возникновеніи, существованіи и разрушеніи міровъ [1]) разсказана могучимъ, яркимъ, сжатымъ и образнымъ языкомъ, величавая простота котораго ничѣмъ не напоминаетъ вычурныхъ реторическихъ пріемовъ позднѣйшихъ скальдовъ. Ни въ одной изъ пѣсенъ Эдды нѣтъ подобнаго соединенія этой могучей эпической сжатости [2]) и простоты языка съ такимъ богатствомъ и красочностью. Я настаиваю на этой простотѣ потому, что существуетъ распространенное мнѣніе о сложности или даже спутанности текста именно этой пѣсни. Если тутъ въ чемъ есть сложность (и — въ частностяхъ — не столько спутанность, сколько иногда противорѣчивость, обусловленная обиліемъ варіантовъ одного и того же миѳа), то только въ содержаніи пѣсни, а не въ ея формѣ. Чтеніе этой пѣсни можетъ показаться труднымъ для человѣка, незнакомаго со скандинавской миѳологіей — потому, что онъ не всегда будетъ понимать, о чемъ идетъ рѣчь—но самое изложеніе ясно, просто, за исключеніемъ очень немногихъ частностей. Построеніе фразы свободное, естественное:

---

[1]) Всѣхъ міровъ, по древне-скандинавскому представленію, было девять.

[2]) Именно „эпическая сжатость"— краткость при богатствѣ и полнотѣ внутренняго содержанія, составляющая рѣдкость у позднѣйшихъ поэтовъ всѣхъ національностей, но характерная, напр., для нѣкоторыхъ моментовъ „Божественной Комедіи" Данте.

Kjóll ferr nordan: koma mono Heljar
of lǫg lýþer, en Loke styrer.
Fara fiflmeger med freka aller,
Þeim es broder Býleipts í fǫr.
(Съ сѣвера страшный корабль приближается,
Мертвыхъ везетъ; правитъ Лóки рулемъ.
Съ Волкомъ несчетныя мчатся чудовища;
Бúлейптра братъ направляетъ ихъ рать.)
(51)

Могкъ справедливо подчеркиваетъ отсутствіе синтактическихъ хитросплетеній и многосложныхъ метафоръ (такъ называемыхъ Kenningar).

И по духу своему, и по формѣ „Прорицаніе Провидицы" принадлежитъ къ продуктамъ самобытной творческой мысли германскаго язычества. Могкъ указываетъ на непріемлемость гипотезы Мейера о христіанскомъ происхожденіи всего произведенія—именно въ виду того совершенно опредѣленнаго языческаго міросозерцанія, которое проникаетъ собою всю пѣснь. Было бы въ высшей степени нелѣпо, чтобы изъ христіанскаго источника выросло такое превосходное поэтическое выраженіе вполнѣ языческой концепціи міровыхъ судебъ — притомъ въ оболочкѣ языческихъ же миѳовъ. Допущеніе подобнаго факта предполагало бы такую утонченную искусственность творчества, такой грандіозный (и притомъ совершенно безцѣльный) поэтическій подлогъ—съ которымъ рѣшительно не мирится уже самая художественность произведенія, явно носящаго отпечатокъ подлиннаго и самобытнаго вдохновенія, искренняго цѣльнаго эпическаго построенія [1]). Еще менѣе выдерживаетъ критику гипотеза Ганга, видящаго въ „Прорицаніи Провидицы" вліяніе александрійскихъ „пророчествъ сивиллъ". Помимо все тѣхъ же непосредственныхъ достоинствъ цѣльнаго и самобытнаго эпоса, мало допустимыхъ въ такомъ искусственномъ (и не поддающемся уже никакой разум-

---

[1]) Совершенно инымъ стилемъ и построеніемъ отличаются строфы позднѣйшихъ скальдовъ, нуждающіяся въ особомъ „реторическомъ ключѣ", чтобы стать сколько-нибудь понятными.

ной мотивировкѣ) построеніи, какъ поэтическое германизированіе сивиллиныхъ книгъ—послѣднее должно было требовать отъ автора такой всеобъемлющей учености, которая совершенно немыслима со стороны скандинавскаго поэта данной эпохи и которая вдобавокъ оказалась бы примѣненной къ крайне неблагодарной и странной задачѣ, къ требующему колоссальной затраты труда и совершенно безцѣльному литературному „кунстштюку“ [1]).

Съ точки зрѣнія современнаго историко-литературнаго изслѣдованія не подлежитъ сомнѣнію, что „Прорицаніе Провидицы“ принадлежитъ языческому поэту начала сѣвернаго средневѣковья и сложилось около первой половины X вѣка. Толкованіе Гоффори относитъ его къ 950 г.; онъ считаетъ его возникшей уже въ Исландіи; есть однако основанія думать, что оно въ Исландіи лишь закончено, а первоначально выросло уже въ норвежской поэзіи.

Что касается элементовъ христіанскаго вліянія—но именно элементовъ привходящихъ, наносныхъ, а не христіанской подкладки въ самой основѣ содержанія пѣсни,—то большинство изслѣдователей (вопреки взгляду Мюлленгофа и Финнура Іонсона) признаетъ таковые. Въ частности они сказываются въ заключительныхъ картинахъ возрожденія міра послѣ его разрушенія, грядущаго высшаго суда, награжденія доблестныхъ людей послѣ смерти, и т. д. Всѣ эти образы не мирятся съ міровоззрѣніемъ остальныхъ строфъ, и заключительная часть пѣсни значительно уступаетъ всему предшествующему и по высотѣ міровоззрѣнія и по эпической художественности.

Личное мое мнѣніе на этотъ счетъ высказано мною въ примѣчаніи на стр. 111—112: мнѣ послѣдняя часть пѣсни представляется продуктомъ болѣе поздняго творчества, чѣмъ все остальное. Моя некомпетентность въ палеографической сторонѣ вопроса не позволяетъ мнѣ высказываться относительно возможности или невозможности прямой интерполяціи въ древнемъ текстѣ (допускаемой нѣкоторыми), но изученіе формальнаго и внутренняго содержанія пѣсни побуждаетъ меня предполагать, что послѣдняя могла уже въ эпоху написанія состоять изъ разновременныхъ

---

[1]) См. Введеніе и общія замѣчанія о гипотезахъ Бугге и Мейера.

элементовъ, при чемъ отзывающіяся христіанскимъ вліяніемъ строфы являются позднѣйшимъ дополненіемъ.

Съ какой бы точки зрѣнія, однако, ни смотрѣть на „Прорицаніе Провидицы“ и составляющіе его элементы — оно остается въ высшей степени своеобразнымъ художественнымъ произведеніемъ поразительной красоты и на ряду съ этимъ одной изъ богатѣйшихъ сокровищницъ миѳологическаго матеріала, какія имѣются въ памятникахъ древне-германской письменности.

ПѢСНЬ О ПУТНИКѢ

Славные асы сошлись для совѣта;
Были съ богами богини тамъ всѣ. 1
Долго судили: съ чего посѣтили
Свѣтлаго Бальдра зловѣщіе сны?

Óдинъ всталъ съ мѣста, древній Творецъ;
Быстраго Слéйпнира онъ осѣдлалъ. 2
Внизъ онъ, къ полночи, въ Нúфльгэль поѣхалъ.
Встрѣтилъ тамъ стражъ его—страшный песъ Гармръ.

Съ грудью, забрызганной кровью багровой,
Грозно рычалъ онъ на Прáотца чаръ, 3

1, Заглавіе. Эта пѣснь также носитъ другое заглавіе: „Сны Бальдра“.

1, IV Бальдръ — благой, мирный юный богъ весны и свѣта, сынъ Óдина и Фриггъ.

2, I Óдинъ—верховный богъ, носитель божеской власти и мудрости.

2, II Слéйпниръ—чудесный восьминогій конь Óдина, рожденный превратившимся въ кобылицу богомъ огня Лóки отъ коня Свадильфари, принадлежавшаго тому исполину, который строилъ крѣпость боговъ. Конь этотъ оказывалъ огромную помощь своему хозяину, быстро привозя всѣ матеріалы для постройки. Лóки, который по требованію боговъ долженъ былъ во что бы то ни стало заставить строителя опоздать къ сроку (чтобы избавить боговъ отъ необходимости уплатить ему неосторожно обѣщанное неслыханное вознагражденіе—солнце, мѣсяцъ и богиню Фрéйю), превратился въ черную кобылицу и отвлекъ отъ работы Свадильфари, котораго заставилъ гоняться за собою. Безъ своего коня строитель не могъ вó-время кончить постройки. А Лóки впослѣдствіи родилъ Слéйпнира, сѣраго восьминогаго коня, быстрѣйшаго во всѣхъ мірахъ.

2, III Нúфльгэль — „мглистое подземелье“ — подземное царство Смерти.

2, IV Песъ Гармръ или Манагармръ—чудовищный песъ, стерегущій врата царства Смерти.

3, II Праотецъ чаръ—Óдинъ, знающій всѣ волшебства и являющійся ихъ „основателемъ“.

Путь продолжалъ тотъ; земля задрожала;
Темныхъ достигъ обиталищъ онъ Гэль.

Óдинъ вратами восточными въѣхалъ,
Вóльвы могильный курганъ онъ нашелъ, 4
Спѣлъ заклинанья—и вóльва проснулась,
Поднялась противъ воли, и рѣчь повела.

3, IV Гэль—Смерть, дочь бога Лóки и исполинши Ангрбоды, поселенная Óдиномъ въ подземномъ мірѣ, гдѣ она властвуетъ надъ умершими. Въ миѳологическихъ разсказахъ Снор. Эд. сохранилось описаніе внѣшности Гэль, гласящее, что она исполинскаго роста и ужасающаго вида, имѣетъ половину тѣла бѣлую, половину синюю. Въ древней сагѣ говорится (Sn. Ed. Gylfag.), что ей была дарована „власть во всѣхъ девяти мірахъ", при чемъ комментаторы обыкновенно поясняютъ, что это выраженіе, вѣроятно, основано на недоразумѣніи, такъ какъ въ распоряженіе Гэль отданъ особый міръ: Нифльгэль. Мнѣ кажется, что нѣтъ никакой необходимости предполагать здѣсь недоразумѣніе, разъ дѣло касается Смерти, у которой безспорно оказывается власть во всѣхъ девяти мірахъ, разъ подверженными смерти рано или поздно являются всѣ: и боги, и карлы, и исполины, и другіе представители различныхъ міровъ. *С.*

Первоначально, повидимому, считалось, что въ подземное царство Смерти попадаютъ всѣ умершіе. Согласно позднѣйшему вѣрованію, дѣло обстоитъ иначе. Доблестные герои, избранники Óдина, павшіе въ бою, возрождаются по смерти въ Асгардѣ, небесномъ селеніи боговъ, куда приносятъ ихъ съ поля битвы валькиріи, мчащіяся по воздуху надъ полями сраженій, воительницы Óдина. Въ его чертогѣ, свѣтлой Валгаллѣ, возрожденные бойцы (эйнгеріаръ) проводятъ время въ боевыхъ потѣхахъ и веселыхъ пирахъ, составляя побѣдоносное воинство Óдина, долженствующее служить богамъ въ ихъ вѣчной борьбѣ противъ разрушительныхъ силъ—исполиновъ и чудовищъ.

Въ подземное царство Гэль попадаютъ недостойные, трусы (хотя бы и погибшіе въ бою), преступники, подвергающіеся тамъ различнымъ страданіямъ; затѣмъ всѣ тѣ, которые погибаютъ не боевою смертью, хотя бы и доблестные, но обреченные судьбою умереть не въ бою, а также (за единичными исключеніями) всѣ женщины.

4, II Вóльва—прорицательница, провидица.

(4) Здѣсь выражается распространенное въ древности едва ли не у всѣхъ народовъ вѣрованье въ возможность на время оживить чарами умершихъ въ болѣе или менѣе тѣлесномъ образѣ и заставить ихъ отвѣчать на вопросы.

Во́льва сказала:

Кто, незнакомый, меня безпокоитъ—
Тяжкимъ путемъ заставляетъ идти? 5
Снѣгъ былъ на мнѣ; орошалъ меня ливень;
Росы кропили; мертва я давно.

О́динъ сказалъ:

„Путникъ“ зовусь я, и Ва́льтамръ отецъ мой.
Знаю земное; скажи мнѣ про Гэль. 6
Скамьи кому здѣсь готовятъ и кольца,
Убранъ чертогъ для кого золотой?

Во́льва сказала:

Медъ искрометный здѣсь сваренъ для Бальдра:
Пѣнный напитокъ шипитъ подъ щитомъ. 7

. . . . . .

Горе богамъ—ихъ надежда погибнетъ!
Тягостна рѣчь мнѣ! Молчать я хочу.

О́динъ сказалъ:

Нѣтъ еще, Вѣщая! Во́льва, отвѣть мнѣ,—
Многое надо еще мнѣ узнать. 8
Молви, кто будетъ убійцею Бальдра,
О́дина сыну кто смерть принесетъ?

---

(5) Встрѣчающіяся здѣсь впервые слова: „сказалъ“, „сказала“ (kvaþ), обозначающія участниковъ діалога, являются характерною формулою, попадающеюся въ большинствѣ пѣсенъ Эдды; конечно, они существовали только въ записяхъ текста, при пересказѣ же (или пѣніи) опускались.

6, I Путникъ. О́динъ называетъ себя „Vegtamr“ — „Привыкшій къ пути“, „Путникъ“, а отца своего—Вальтамръ, „Привыкшій къ бою“. По древнему вѣрованью, О́динъ часто странствуетъ по землѣ въ образѣ стараго путника, въ темномъ плащѣ и въ широкой шляпѣ.

Умершая прорицательница происходитъ изъ рода исполиновъ, слѣдовательно враждебна богамъ, что служитъ для О́дина, вообще любящаго являться неузнаннымъ, лишнимъ поводомъ скрывать свое имя, пока онъ не получитъ желаемыхъ отвѣтовъ.

Во́льва сказала:

Ґо́дру ростокъ долженъ гибкій достаться:
Бальдра убить онъ судьбой обреченъ. 9
О́дина сыну конецъ принесетъ онъ.
— Тягостна рѣчь мнѣ! Молчать я хочу.

О́динъ сказалъ:

Нѣтъ еще, Вѣщая! Во́льва, отвѣть мнѣ:
Многое надо еще мнѣ узнать. 10
Кто за убитаго мстителемъ станетъ,—
Ґо́дра заставитъ попасть на костеръ?

Во́льва сказала:

Ва́ли родится въ чертогѣ на западѣ,
Риндъ сынъ и О́дина. Ночь лишь проживъ, 11
Будетъ онъ биться; кудрей не расчешетъ,
Рукъ не омоетъ, пока не отмститъ онъ.
— Тягостна рѣчь мнѣ! Молчать я хочу.

О́динъ сказалъ:

Нѣтъ еще, Вѣщая! Во́льва, отвѣть мнѣ.
Многое надо еще мнѣ узнать! 12

9, I Ґодръ—слѣпой богъ, убившій Бальдра. Гибкій ростокъ—ростокъ омелы, изъ котораго сдѣлалъ смертельное для Бальдра оружіе богъ Ло́ки, который направилъ руку слѣпца противъ Бальдра.

10, IV Долгъ кровной мести заставляетъ боговъ мстить Ґодру. Но, будучи повиненъ въ убійствѣ Бальдра только внѣшнимъ образомъ и противъ воли, являясь безсознательнымъ орудіемъ въ рукахъ Ло́ки, онъ послѣ смерти примиряется съ Бальдромъ, и ему предстоитъ, возвратившись изъ царства мертвыхъ послѣ кончины міра, воцариться вмѣстѣ съ Бальдромъ въ обновленныхъ селеніяхъ боговъ.

11, II Риндъ, согласно одному упоминанію (Sn. Ed.), принадлежитъ къ числу богинь изъ племени асовъ.

(12) Значеніе этой строфы неясно. Смыслъ вопроса О́дина, видимо, не былъ простъ и въ представленіи древняго автора пѣсни, разъ именно

Молви, чьи дочери лить будутъ слезы,
Вскинутъ свой бѣлый покровъ до небесъ?

Вóльва сказала:

Вижу теперь: ты не Путникъ зовешься!
Óдинъ ты, странникъ!—древній Творецъ. 13

Óдинъ сказалъ:

Ты не провидица вѣщая, вóльва!
Трехъ исполиновъ ты лютая мать.

Вóльва сказала:

Óдинъ, прощай! Уходи, и гордись ты:
Больше никто не пробудитъ меня— 14
Вплоть до поры, когда минетъ плѣнъ Лóки
И Всерушители сгубятъ боговъ.

этотъ, проникнутый божескимъ провидѣніемъ, вопросъ заставляетъ вóльву узнать верховнаго бога въ своемъ собесѣдникѣ. Но удовлетворительное толкованіе этого мѣста до сихъ поръ не удается.

Существуетъ предположеніе, что рѣчь идетъ о дочеряхъ Эгира, властителя морей, т.-е. о волнахъ, которыя, разбушевавшись, „вскинутъ до небесъ“ свои бѣлые гребни.

13, III Это возраженіе Óдина, повидимому, надо понимать такъ: „То, что я зовусь Путникомъ, такъ же не мѣшаетъ мнѣ быть въ то же время Óдиномъ, Властителемъ боговъ, какъ твой пророческій даръ не исключаетъ того, что ты исполинша родомъ и рождала исполиновъ“. *С.*

14, III Т.-е. до поры, когда настанетъ кончина міра, когда освободится Лóки, прикованный богами къ скалѣ за убійство Бальдра, и разрушительное полчище чудовищъ и исполиновъ, представителей Хаоса, мірового распаденія, восторжествуетъ надъ богами. Объ этой конечной міровой катастрофѣ повѣствуетъ „Прорицаніе Провидицы“.

ОБЩІЯ ЗАМѢЧАНІЯ.

„Пѣснь о Путникѣ“ (Vegtamskviþa) сохранилась только въ Codex Arnamagnaeanus 748. Въ Снорровой Эддѣ она не цитируется. Почти несомнѣнною считается утрата начала пѣсни. Заглавіе ея въ С. А.—Baldrs draumar (Сны Бальдра), названіе же Vegtamskviþa встрѣчается только въ позднѣйшихъ спискахъ (на бумагѣ); въ переводѣ представилось болѣе умѣстнымъ сохранить именно это позднѣйшее заглавіе, какъ наиболѣе отвѣчающее содержанію пѣсни.

Можно съ увѣренностью сказать, что въ древне-скандинавской поэзіи „Пѣснь о Путникѣ“ не стояла особнякомъ. Если она даже не является, какъ можно предположить уже въ виду ея малаго размѣра, прямо отрывкомъ изъ какого-нибудь болѣе крупнаго произведенія (при чемъ Baldrs draumar оказалось бы заглавіемъ отдѣльной части поэмы наподобіе того, какъ Gróogaldr обозначаетъ первую часть „Пѣсни о Свипдагрѣ“), то въ связи съ нею несомнѣнно должно было существовать одно или нѣсколько произведеній, изображающихъ трагическую гибель кроткаго юнаго бога Бальдра. Сохранился только прозаическій разсказъ (сага) объ этой гибели въ Снорровой Эддѣ, при чемъ тамъ цитируется строфа, по всей видимости принадлежащая утраченной старинной пѣсни. Содержаніе саги о Бальдрѣ слѣдующее (Sn. Ed. Gylfag. 48): [1])

„Добраго Бальдра стали тревожить зловѣщіе сны, предвѣщавшіе опасность для его жизни; и онъ повѣдалъ объ этомъ асамъ. Боги собрались на совѣтъ, и рѣшено было добиться того, чтобы Бальдръ сталъ неприкосновененъ для всего существующаго. Тогда Фриггъ отправилась и потребовала отъ всѣхъ существъ и отъ всѣхъ вещей клятвенное обѣщаніе не причинять вреда Бальдру: отъ огня, желѣза и воды, отъ мѣди

[1]) Все дальнѣйшее изложеніе—буквальный переводъ текста Снорри.

и камня, отъ деревьевъ, отъ болѣзней и отъ всѣхъ звѣрей, птицъ и ядовитыхъ змѣй. Когда это было сдѣлано, боги затѣяли игру, чтобы развеселить Бальдра. Онъ сталъ посрединѣ на мѣстѣ вѣча, и одни стали пускать въ него стрѣлы, другіе наносили ему удары оружіемъ, третьи бросали въ него каменьями. И ничто не причиняло ему вреда. Когда это увидѣлъ Ло́ки, то ему это пришлось не по душѣ. Онъ принялъ образъ женщины, отправился къ Фриггъ въ Фенсалиръ и спросилъ, не знаетъ ли она, чѣмъ заняты боги на мѣстѣ вѣча? Фриггъ отвѣтила, что всѣ пробуютъ поразить своимъ оружіемъ Бальдра, но онъ остается невредимымъ. „Ни желѣзо, ни дерево не могутъ причинить вреда Бальдру,— сказала Фриггъ, — потому что со всѣхъ я взяла клятву". Женщина спросила: „Всѣ ли вещи дали клятву щадить Бальдра?" Фриггъ отвѣтила: „Къ западу отъ Валхаллы я видѣла небольшой ростокъ (омелу) по имени Мистильтейннъ [1]); только онъ одинъ показался мнѣ слишкомъ малымъ, чтобы брать съ него клятву". Тогда женщина удалилась. А Ло́ки пошелъ, отыскалъ Мистильтейннъ и вырвалъ его съ корнями. Потомъ онъ пришелъ на мѣсто вѣча. Хёдръ стоялъ въ сторонѣ позади всѣхъ мужей, такъ какъ онъ былъ слѣпъ. Ло́ки спросилъ его: „Отчего ты не мечешь оружіемъ въ Бальдра, какъ другіе?" Тотъ отвѣтилъ: „Оттого, что я не могу даже видѣть Бальдра, да и оружія у меня нѣтъ". Тогда Ло́ки сказалъ: „Брось и ты въ него чѣмъ-нибудь, какъ всѣ остальные! Я направлю твою руку: метни въ него этотъ прутъ". Хёдръ взялъ Мистильтейннъ и метнулъ его, какъ показалъ ему Ло́ки; Бальдръ былъ пораженъ въ грудь и упалъ мертвый на землю. И это было худшее несчастье, о какомъ только извѣстно богамъ и людямъ. Когда Бальдръ упалъ, никто не могъ произнести ни слова, и никто не въ

---

[1]) Большинство комментаторовъ держится мнѣнія, что названіе „Mistilteinn" первоначально не означало омелу, а скорѣе могло относиться къ какому-нибудь оружію. (По Вейнгольду, это—собственное имя меча.) Нѣтъ ли тутъ этимологической связи съ кельтскимъ „teine" = огонь, пламя? Такое предположеніе вызывается сопоставленіемъ названія съ миѳологическимъ обликомъ самого Ло́ки—божества огня.

силахъ былъ протянуть руку, чтобы поднять его; и всѣ смотрѣли одинъ на другого, и у всѣхъ былъ въ мысляхъ тотъ, кто это сдѣлалъ, но никто не посмѣлъ убить его, потому что это мѣсто было великимъ урочищемъ мира [1]). И когда къ асамъ вернулся голосъ, то было больше плача, чѣмъ рѣчей, такъ какъ ни одинъ не могъ выразить словами свою скорбь. И всѣхъ тяжелѣе было горе Óдина, потому что онъ лучше всѣхъ сознавалъ, какое страшное несчастье для асовъ гибель Бальдра. Когда боги нѣсколько пришли въ себя, Фриггъ спросила: кто изъ нихъ хочетъ заслужить ея милость тѣмъ, что отправится въ міръ Смерти, Гэль, и отыщетъ Бальдра и предложитъ Гэль выкупъ, чтобы она отпустила Бальдра обратно въ Áсгардъ. Гéрмодръ, сынъ Óдина, отправился въ путь; онъ взялъ Слéйпнира, коня Óдина, и поѣхалъ на немъ въ подземный міръ. Боги положили тѣло Бальдра на его корабль Гри́нггорни, чтобы пустить его въ море и зажечь. Корабль долго не могли сдвинуть съ мѣста. Тогда послали въ Йóтунгеймъ за великаншею, которая звалась Ги́рроккинъ [2]). Она пріѣхала верхомъ на волкѣ, и поводьями ей служили змѣи. Когда она сошла съ волка, Óдинъ велѣлъ четверымъ берсеркерамъ держать его, но это имъ не удавалось, пока они не свалили его на землю. Ги́ррок-

---

[1]) Древне-германское понятіе „мирнаго мѣста", т.-е. такого мѣста, гдѣ не дозволялось никого убивать, даже преступника (древне-скандинавское griþastaþr, позднѣйшее нѣмецкое Freistätte). Такимъ мѣстомъ было прежде всего мѣсто вѣча (тинга), народнаго собранія, затѣмъ нѣкоторые храмы, обыкновенно и мѣсто у очага во всякомъ жилищѣ, иногда весь дворъ.

Въ христіанское время эта неприкосновенность перенесена была на нѣкоторыя церкви, особенно чтимыя населеніемъ; тамъ нельзя было ни убить, ни связать даже преступника.

Я рѣшаюсь употребить слово урочище (перенося его съ экономическаго понятія на юридическое), чтобы избѣгнуть антихудожественныхъ разъясненій въ самомъ текстѣ, и считаю себя въ правѣ сдѣлать это, такъ какъ слово „урочище" — единственное, хоть сколько-нибудь подходящее для даннаго понятія, хотя фактически употреблялось на Руси только въ экономически-хозяйственной области, но этимологически вполнѣ можетъ быть отвлечено отъ нея.

[2]) Hyrhrokkin.

кинъ ухватила корабль и толкнула его, и при первомъ же усиліи онъ двинулся по валькамъ и спустился въ море, а земля кругомъ задрожала. При видѣ этого Торръ вскипѣлъ гнѣвомъ и хотѣлъ убить великаншу, но боги удержали его. Тогда боги положили тѣло Бальдра на костеръ, разложенный на кораблѣ; и когда это увидѣла жена Бальдра, Нáнна, дочь Нéпра, ея сердце разорвалось отъ скорби, и она умерла. И ее также положили на костеръ и зажгли его. Торръ освятилъ костеръ своимъ молотомъ Мйóльниромъ; возлѣ ноги его стоялъ карликъ по имени Литръ, и Торръ втолкнулъ его ногою въ огонь, такъ что и онъ сгорѣлъ. Всѣ боги присутствовали при погребеніи. Впереди всѣхъ находился Óдинъ со своею супругою Фриггъ, и его сопровождали валькиріи и его два ворона. Фрéиръ сидѣлъ на колесницѣ, запряженной вепремъ Гýллинбýрсти [1]); Ґеймдáлльръ ѣхалъ на конѣ Гýллтопрѣ [2]); и Фрéйа ѣхала на колесницѣ, которую везли кошки. И много великановъ сопровождало поѣздъ и горныхъ исполиновъ. И Óдинъ положилъ на костеръ кольцо Дрáупниръ, имѣвшее то свойство, что черезъ каждыя девять ночей отъ него отдѣлялось четыре новыхъ кольца, равныхъ ему по вѣсу. Конь Бальдра вмѣстѣ съ сѣдломъ и сбруей тоже былъ сожженъ на кострѣ. Разсказываютъ, что Ґéрмодръ ѣхалъ девять ночей глубокими и темными долинами и ничего не видѣлъ, пока не добрался до потока Гйолль, гдѣ ему пришлось переѣзжать черезъ мостъ: тамъ свѣтящееся золото озаряло мѣсто. Мóдгудръ было имя дѣвы, которая стояла на стражѣ у моста. Она спросила Ґéрмодра, какъ его зовутъ и кто онъ родомъ. „За день передъ тѣмъ,— сказала она,—ѣхалъ черезъ мостъ Бальдръ въ сопровожденіи пяти сотенъ мужей (умерщвленныхъ въ честь его погребенія рабовъ); а подъ тобою однимъ мостъ колеблется не меньше, чѣмъ подъ ними; и у тебя видъ не мертвеца; зачѣмъ ты явился сюда, на этотъ путь къ Ґэль?“ Ґéрмодръ сказалъ: „Я долженъ ѣхать къ Ґэль и выкупить

---

[1]) „Золотощетинный“.

[2]) „Золотохолкій“.

Бальдра. Видѣла ли ты, какъ онъ проѣхалъ къ Ґэль?“ Она отвѣтила: „Бальдръ переѣхалъ черезъ этотъ мостъ. На полночь внизъ ведетъ дорога къ Ґэль“. Ґе́рмодръ поѣхалъ дальше и добрался до ограды селеній смерти, сошелъ съ коня и привязалъ его къ оградѣ. Онъ вошелъ въ чертоги Ґэль и увидѣлъ тамъ своего брата Бальдра. Ґе́рмодръ провелъ тамъ ночь. На утро онъ сталъ просить Ґэль, чтобы она отпустила Бальдра съ нимъ обратно на землю, и разсказалъ, какой великій плачъ былъ по немъ. Ґэль отвѣтила, что она согласна на это, если Бальдръ дѣйствительно былъ такъ любимъ, какъ говоритъ его братъ, и если во всѣхъ мірахъ все живое и мертвое будетъ плакать о Бальдрѣ, тогда пускай онъ вернется къ асамъ. Но если кто-нибудь откажется плакать, Бальдръ останется у Ґэль. Тогда Ґе́рмодръ поднялся, и Бальдръ проводилъ его и вручилъ ему кольцо Дра́упниръ, чтобы передать его обратно О́дину на память; а На́нна послала Фриггъ свой платокъ и Фуллѣ золотое кольцо. Ґе́рмодръ поѣхалъ обратно и прибылъ въ А́сгардъ, и разсказалъ тамъ все, что видѣлъ и слышалъ. И тогда асы разослали гонцовъ по всѣмъ мірамъ просить, чтобы всѣ плакали о Бальдрѣ и освободили его отъ Ґэль. И стали плакать всѣ люди и всѣ существа, и земля, и камни, и всѣ металлы, какъ ты самъ, навѣрное, видѣлъ, что они могутъ плакать, когда попадаютъ съ мороза въ тепло. Когда посланцы возвращались обратно, исполнивъ свое дѣло, они нашли въ одной пещерѣ великаншу, которая называлась Токкъ („Благодарность“). Они попросили ее плакать о Бальдрѣ. Она отвѣтила:

„Надъ погребеніемъ Бальдра убитаго
Плакать могла бы я только безъ слезъ.
Ни при жизни, ни мертвый онъ не былъ мнѣ нуженъ!
Пусть у Ґэль остается добыча ея“.

„И говорятъ, что на самомъ дѣлѣ въ образѣ этой женщины былъ Ло́ки, сынъ Ла́уфейи, тотъ, кто причинилъ асамъ наибольшее зло“.

Несмотря на крайнюю простоту и краткость, эта сага производитъ даже въ переводѣ глубокое впечатлѣніе [1]); разсказъ о смерти Бальдра проникнутъ сильнымъ безыскусственнымъ трагизмомъ, не уступающимъ вдохновенному подъему лучшихъ строфъ Эдды. Захватывающее изображеніе первыхъ мгновеній ужаса и горя среди боговъ, когда Бальдръ падаетъ мертвый у нихъ на глазахъ; трогательный образъ умершаго Бальдра, посылающаго на память отцу изъ царства мертвыхъ его послѣдній подарокъ, кольцо; чуткая поэзія сказанія о всеобщемъ плачѣ по Бальдру не только всѣхъ живущихъ, но и земли, и камней и желѣза; трагическая иронія въ имени единственнаго существа, отказывающагося оплакивать погибшаго любимца боговъ и міра,—во всемъ этомъ столько психологической глубины и столько свѣжей самобытной художественной красоты, что приведенная сага не разъ вдохновляла художниковъ и поэтовъ, хотя надо сказать, что едва ли не всѣ выросшія на этой почвѣ литературныя произведенія уступаютъ въ поэтичности и драматизмѣ своему первоисточнику [2]). Даже извѣстная обрисовка характеровъ не чужда сагѣ: жизненныя черты приданы и Бальдру, и Ло́ки, и мудрому властителю боговъ О́дину съ его вѣщею скорбью о невзгодахъ, надвигающихся на боговъ послѣ гибели Бальдра, и буйному Громовнику Торру, всегдашнему истребителю исполиновъ, въ которомъ пробуждается инстинктивный неудержимый гнѣвъ при видѣ чудовищной силы великанши, разомъ добивающейся того, чего не могли сдѣлать боги...

Продолженіе саги повѣствуетъ о томъ, какъ богамъ послѣ долгихъ усилій удалось изловить Ло́ки и привязать его въ пещерѣ, гдѣ онъ и долженъ остаться до времени гибели боговъ.

Въ основѣ сказанія о Бальдрѣ лежитъ, несомнѣнно, стихійный миѳъ о солнечномъ, весеннемъ божествѣ, погибающемъ въ борьбѣ съ враждебными ему темными силами; долгая сѣверная зима, сравнительная близость многомѣсячной полярной ночи, всѣ условія окружающей природы и климата, естественно, должны были при-

---

[1]) Возможно, что этимъ она въ значительной степени обязана таланту пересказчика:—Снорри.

[2]) Кромѣ упомянутой во введеніи поэмы Майкова, см. соотвѣтствующія главы въ романахъ: F. Dahn, Odhin's Trost и L. Jakobowski, Loki.

дать болѣе или менѣе мрачный колоритъ обще-арійскому миѳическому мотиву объ исконной распрѣ свѣтлаго божества съ темными воплощеніями ночи и зимы: Бальдръ умираетъ отъ руки слѣпого, безъ вины виноватаго Ґодра. Позднѣйшее вѣрованіе прибавило смягчающій элементъ къ повѣсти о Бальдрѣ—вѣсть о его будущемъ возвращеніи въ обновленномъ, безоблачно прекрасномъ мірѣ, гдѣ не будетъ зла и смерти. Но въ древней сагѣ нѣтъ и слѣда этого примиряющаго мотива: Бальдръ долженъ остаться у Ґэль.

Въ миѳѣ о Бальдрѣ ярко сказывается одинъ изъ господствующихъ элементовъ древне-германскаго міросозерцанія: представленіе о міровой судьбѣ, непреложно опредѣляющей жребій всего существующаго, противъ предвѣчныхъ завѣтовъ которой не могутъ бороться ни люди, ни боги. Бальдру суждено погибнуть—таково предопредѣленіе, такой удѣлъ свили ему Норны,—и онъ погибнетъ, несмотря на все, что боги предпринимаютъ для его спасенія. Óдинъ смогъ только разгадать предначертанія судьбы и найти у вызванной имъ изъ могилы Провидицы подтвержденіе своихъ страшныхъ догадокъ, но онъ не властенъ спасти любимца отъ грозящей гибели. И Бальдру суждено остаться въ царствѣ смерти: всѣ усилія боговъ вернуть его на землю разбиваются о роковую необходимость, носителемъ которой въ данномъ случаѣ является Лóки. Боги безсильны помѣшать ему и безсильны его уничтожить: убить они могутъ только Ґодра, котораго священный обычай кровавой мести обрекаетъ на смерть, несмотря на то, что онъ является лишь невольнымъ орудіемъ убійства. Лóки суждено жить до кончины міра, и боги могутъ лишь связать его, зная, что настанетъ часъ, когда онъ освободится, и поведетъ противъ боговъ грозную рать разрушительныхъ силъ хаоса.

„И Всерушители сгубятъ боговъ“ [1]).

---

[1]) Слово „Всерушители“, чрезвычайно удачно передающее въ данномъ случаѣ эддическій образъ (рѣчь идетъ о грозныхъ чудовищныхъ представителяхъ хаоса, искони стремящихся сокрушить міровое устроеніе, поддерживаемое богами; и долженствующихъ, при концѣ міра, дѣйствительно „все рушить“), принадлежитъ не мнѣ. Какъ и нѣкоторыя другія выраженія въ переводѣ „Пѣсни о Путникѣ“—это слово предложено сотруд-

Трагическая печать неотвратимаго Рока, неизбывной и безпощадной необходимости лежитъ на всемъ циклѣ сказаній о Бальдрѣ; этою же печатью отмѣчена въ сильной степени „Пѣснь о Путникѣ“.

Мѣстомъ возникновенія послѣдней, повидимому, слѣдуетъ считать Норвегію, а не Исландію. По времени она, вѣроятно, близко примыкаетъ къ „Прорицанію Провидицы“.

никомъ по переводу этой пѣсни, неоднократно работавшимъ совмѣстно со мною и прежде надъ стихотворными переводами и бывшимъ мнѣ цѣннымъ сотрудникомъ по переводу вокальныхъ текстовъ Шумана, Вагнера и др.

Уважая скромность, побуждающую его воспротивиться упоминанію его имени здѣсь—такъ какъ въ переводѣ Эдды его участіе касалось лишь одной этой пѣсни и ограничилось нѣсколькими отдѣльными совѣтами и поправками — я тѣмъ не менѣе считаю своимъ правомъ и долгомъ выразить, хотя бы въ скромномъ примѣчаніи, мою глубокую признательность другу и сотруднику, не только за фактическое сотрудничество, всегда цѣнное своею чуткостью и вдохновленностью, но еще больше — за духовную поддержку, принесенную мнѣ идейною вѣрою въ цѣль и смыслъ моей долголѣтней и трудной работы надъ скандинавскимъ эпосомъ.

С. Свириденко.

ПѢСНЬ О ТРИМРѢ

Торръ въ ярость пришелъ, какъ отъ сна онъ очнулся —
И хватился Мйо́льнира, мощнаго молота. 1
Потрясъ бородою, взмахнулъ кудрями
Земли сынъ грозный, вокругъ озираясь.

Первымъ словомъ бога въ то утро было:
„Ло́ки, послушай! Вотъ что скажу я: 2
Ни въ мірѣ земномъ, ни на небѣ не знаетъ
Объ этомъ никто: молотъ аса украденъ“.

Торръ пошелъ съ нимъ къ жилищу прекрасному Фре́йи; 3
Рѣчь Ло́ки повелъ, первымъ словомъ было:

---

1. I Торръ—богъ громовъ, сынъ О́дина и Йордъ, покровитель жатвъ и урожаевъ, истребитель враждебныхъ богамъ стихійныхъ исполиновъ и чудовищъ. Въ подлинникѣ въ этой строкѣ „Vingфорг“—Торръ-Метатель (т.-е. метатель молота).

1, II Мйо́льниръ — оружіе Торра, громовый молотъ, выкованный для него искусными карлами Сидри и Броккомъ; весь (не исключая рукояти) желѣзный, имѣющій свойство всегда попадать въ цѣль и, попавъ, возвращаться обратно въ руку бросившаго.

Метательный боевой молотъ былъ обыкновеннымъ оружіемъ сѣверныхъ бойцовъ. Маленькія изображенія молота Торра (изъ серебра, янтаря и т. п.) часто носились на шеѣ въ качествѣ амулетовъ.

1, IV Сынъ Земли. Йордъ, мать Торра, богиня Земли.

2, II Ло́ки. Богъ огня. Обращеніе къ нему Торра объясняется его всегдашнею лукавою находчивостью, побуждающей боговъ прибѣгать къ его помощи во всѣхъ затруднительныхъ случаяхъ.

3, I Фре́йа—богиня изъ племени вановъ, дочь Нйордра, первоначально быть можетъ стихійное божество, повидимому богиня плодотворнаго лѣтняго дождя, летящаго надъ землей въ одеждѣ изъ перьевъ (туча), и слезы которой превращаются въ золото (хлѣбныя зерна). Впослѣдствіи богиня красоты и любви.

Миѳы о Фре́йѣ нерѣдко сливаются съ миѳами о Фриггъ, аттрибуты которой иногда приписываются Фре́йѣ.

„Одолжишь ли мнѣ, Фрéйа, нарядъ свой изъ перьевъ,
Чтобъ украденный молотъ добыть намъ обратно?“

Фрéйа сказала:

. . . . . .
. 4
Я охотно нарядъ тебѣ дамъ,—будь онъ даже
Золотой иль серебряный—тотчасъ дала бы.

Лóки въ путь полетѣлъ, зашумѣли перья;
[За собой онъ оставилъ небесныя сѣни.]
И страны великановъ онъ скоро достигъ. 5
Тримръ сидѣлъ на холмѣ, владѣтельный турсъ;
Золотые ошейники псамъ сплеталъ онъ
[И коней своихъ рѣзвыхъ разглаживалъ гривы].

Тримръ сказалъ:
Что новаго въ Áсгардѣ? что у áльфовъ?
Зачѣмъ къ исполинамъ примчался ты, Локи? 6

Лóки сказалъ:
У áльфовъ неладно, и въ Áсгардѣ плохо.
Ты оружье Громóвника скрылъ у себя?

5, IV Тримръ („Шумный“, „Шумящій“) — сѣверный, зимній исполинъ. Если искать въ миѣ аллегорію стихійныхъ явленій, то онъ объясняется слѣдующимъ образомъ: Тримръ, олицетвореніе зимы, похищаетъ молотъ громоваго бога—вслѣдствіе чего Торръ не можетъ пускать въ ходъ свое оружіе (зимой не бываетъ грозы); но весною Торръ съ помощью Локи (носящаго также имя Лоптръ—„Воздухъ“—и олицетворяющаго въ данномъ случаѣ теплый весенній воздухъ, приносящій таянье), позаимствовавшаго у Фрейи ея чудесную одежду изъ перьевъ (приносящую благотворный весенній дождь — тучу), добываетъ обратно молотъ и истребляетъ имъ исполиновъ (враждебныя силы зимы).

6, IV Громовникъ. Этимъ именемъ я передаю обычное прозваніе Торра Hlorridi, переводъ котораго не установленъ въ точности, но которое, вѣроятно, происходитъ отъ понятій гремѣть, грохотать, и т. д.

Тримръ сказалъ:

Оружье Громовника скрылъ я умѣло,
На восемь поприщъ въ землю вкопалъ. 7
Хранить его буду, покуда боги
На выкупъ не вышлютъ мнѣ Фрéйю въ невѣсты.

Лóки въ путь полетѣлъ, зашумѣли перья
[Позади онъ оставилъ владѣнія турсовъ],
И нá небо въ Áсгардъ вернулся онъ вновь. 8
Посрединѣ селенія Торръ его встрѣтилъ,
Онъ окликнулъ посла, первымъ словомъ было:

„Есть ли въ дѣлѣ удача? Есть добрыя вѣсти?
Все повѣдай теперь же, а спустишься послѣ! 9
Вѣстникъ, сѣвъ отдохнуть, часто вѣсть забываетъ;
А тому, кто разляжется, лгать всего легче“.

Лóки сказалъ:

Есть въ дѣлѣ удача, есть добрыя вѣсти.
Твой молотъ у Тримра, властителя турсовъ. 10
Его не добудешь, покуда боги
Тримру не выдадутъ Фрéйю въ невѣсты.

Торръ пошелъ съ нимъ къ жилищу прекрасному Фрéйи;
Первыя были слова таковы: 11
„Брачнымъ покровомъ укрась себя, Фрéйа!
Со мной собирайся ты въ край исполиновъ“.

7, II Существуетъ толкованіе, что „восемь поприщъ“ представляютъ собою восемь (на сѣверѣ) зимнихъ мѣсяцевъ, во время которыхъ молотъ Торра бездѣйствуетъ, т.-е. не бываетъ грозы.

9, III, IV. Быть можетъ, здѣсь приводится древняя пословица. Возможно также, что авторъ пѣсни вложилъ въ уста Торру собственное психологическое наблюденіе — правильное, какъ кажется, примѣнимо къ большинству людей: въ лежачемъ положеніи склонность къ фантазированью сказывается сильнѣе. *С.*

Вспыхнула Фрéйа, вскипѣла гнѣвомъ:
Весь городъ боговъ всколебался кругомъ,— 12
На груди у нея ожерелье порвалось.
„Заслужу я названье распутнѣйшей въ свѣтѣ,
Если въ край исполиновъ отправлюсь съ тобой!“

Собрались на совѣтъ всѣ великіе асы
И богини всѣ также пришли на совѣтъ. 13
Сообща совѣщались могучіе боги:
Какъ оружіе Торра обратно достать?

Ґеймдáлльръ молвилъ слово, изъ асовъ бѣлѣйшій,
Онъ грядущее вѣдалъ, подобно ванамъ: 14
„Пусть Торръ подъ покровомъ предстанетъ брачнымъ,
Ожерельемъ Брúсинговъ шею украситъ.

У пояса пусть забренчатъ ключи,
И съ колѣнъ ниспадаетъ женское платье; 15
Пусть цѣнныхъ камнéй на груди будетъ много,
И невѣсты уборъ на главѣ у него“.

Торръ возразилъ, изъ асовъ сильнѣйшій:
„Бабою будутъ звать меня боги, 16
Если въ женское платье я наряжусь!“

12, III Ожерелье Брúсинговъ, чудесное ожерелье Фрéйи, цѣнная работа подземныхъ карловъ Брúсинговъ (приблизительное значеніе этого имени „Сплетатели“, „Плетуны“). Съ этимъ ожерельемъ связано нѣсколько миѳовъ.

14, I Ґеймдáлльръ—небесный стражъ боговъ. Прозваніе „бѣлѣйшій изъ асовъ“ и самое имя—указываютъ на то, что это одно изъ божествъ свѣта. Онъ богъ радуги, представляющей собою небесный мостъ боговъ, и первыхъ—бѣлыхъ—утреннихъ лучей.

15, I ключи. Связка ключей—аттрибутъ Фрéйи, какъ женственной богини, небесной хозяйки; въ этомъ случаѣ ей приписывается, какъ и часто, черта Фриггъ.

Молвилъ слово Ло́ки, Ла́уфейи сынъ:
„Полно, Торръ, перестань! Не болтай ты пустого: 17
Скоро йо́туны наши края завоюютъ,
Если Мйо́льнира мы возвратить не сумѣемъ“.

И украсили Торра покровомъ брачнымъ
И Бри́синговъ ожерельемъ широкимъ. 18

У пояса связка ключей забренчала,
Складки женской одежды съ колѣнъ ниспадали; 19
На груди засверкали блестящіе камни,
И невѣсты уборъ на главѣ его былъ.

17, I Ла у́ ф е й а (собственно Laufej)—это имя матери Ло́ки переводятъ „лиственный островъ“ и считаютъ его обозначеніемъ лѣса; въ другомъ мѣстѣ мать Локи названа „Наль“—„Игла“, что считается обозначеніемъ игловидной хвои хвойныхъ деревьевъ. Имя отца Локи—„Фарба́ути“—переводятъ „Грозно ударяющій“ или „Разрушительно поражающій“, относятъ его къ бурному вихрю, раздувающему пламя горящаго лѣса. Это толкованіе производитъ, слѣдовательно, происхожденіе божества огня изъ картины лѣсного пожара.

По отношенію къ божеству такой исконно-обоготворяемой стихіи, какъ огонь, это толкованіе представляется мнѣ натянутымъ. Не говоря уже о томъ, что обозначеніе л ѣ с а словами л и с т в е н н ы й о с т р о в ъ—такой типичный скальдическій пріемъ, какой врядъ ли могъ имѣть мѣсто въ тѣхъ древнихъ памятникахъ, гдѣ встрѣчается имя Laufej—трудно допустить, чтобы первобытному воображенію такое въ концѣ-концовъ мѣстное и случайное явленіе, какъ лѣсной пожаръ, могло рисоваться источникомъ и началомъ—„родителями“—огня. Скорѣе уже можно принять остроумное объясненіе Дана, толкующаго имена родителей Ло́ки какъ „огниво“ и „кремень“. *С.*

По другимъ миѳологическимъ концепціямъ родители Ло́ки неизвѣстны. Одно несомнѣнно, что по происхожденію онъ н е а с ъ и лишь принятъ О́диномъ въ кровное родство съ богами.

19, III „блестящіе камни“. По всей вѣроятности, такъ наз. „полу-драгоцѣнные“ камни, въ древности весьма часто употреблявшіеся для украшеній: гораздо чаще, чѣмъ настоящіе драгоцѣнные.

И молвилъ Ло́ки, Ла́уфейи сынъ:
„Наряжусь я служанкой, тебя провожу я: 20
Вдвоемъ мы отправимся къ йо́тунамъ въ край“.

Привели изъ ограды козловъ круторогихъ,
Въ колесницу впрягли ихъ для быстраго бѣга. 21
Рушились горы, земля загоралась:
Ярый Громовникъ въ Йо́тунгеймъ ѣхалъ.

И воскликнулъ Тримръ, исполиновъ властитель:
„Собирайтесь вы, турсы, и скамьи готовьте! 22
Асы прислали мнѣ Фре́йю въ невѣсты,
Нйордра дочь изъ Но́атуна.

„Черныхъ воловъ мнѣ во дворъ здѣсь приводятъ,
Коровъ златорогихъ, Тримру на радость; 23
Богатъ серебромъ я, богатъ ожерельями—
Лишь Фре́йи мнѣ только еще не хватало“.

Вечеръ насталъ, пировали турсы;
Брагою щедро гостей угощали. 24

---

(20) Изъ выраженія подлинника „ambǫtt vesa“ („въ видѣ служанки“) нельзя съ увѣренностью заключить, былъ ли Ло́ки въ этомъ случаѣ только переряженъ служанкой, или же дѣйствительно принялъ женскій образъ. По отношенію къ первоначальной наивной редакціи миѳа вѣроятнѣе первое, но въ представленіи позднѣйшихъ пересказчиковъ и слушателей—скорѣе должно было имѣть мѣсто второе. Вѣра въ возможность измѣнять по произволу (чарами) полъ—была распространена въ древне-скандинавскомъ мірѣ (краткія указанія на этотъ счетъ см. Herrmann. Nord. Myth., 71). Въ самой Эддѣ есть примѣры подобныхъ превращеній (см. Перв. Пѣснь о Гельги, Побѣдителѣ Гундингра, 38—44), и въ частности относительно Ло́ки существуютъ миѳы съ аналогичными метаморфозами (Lokasenna, 23; 33).

21, II Торръ ѣздитъ на колесницѣ, запряженной двумя козлами.

21, IV Йо́тунгеймъ—міръ йо́туновъ, исполиновъ.

22, IV Но́атунъ—мѣстопребываніе морского бога Нйордра. Значеніе слова приближается къ понятію „гавани“, „стоянки кораблей“, и т. п.

Быка съѣлъ мужъ Сифъ и восемь лососей,
И сласти всѣ, что для жень припасли;
И выпилъ Громовникъ три бочки меду.

Вымолвилъ Тримръ, исполиновъ властитель:
„Кто въ жизни видалъ столь прожорливыхъ женъ? 25
Не видѣлъ я вѣкъ, чтобъ невѣста такъ ѣла,
И меду такъ много умѣла бы выпить!“

Сидѣла при Фрéйѣ служанка разумная,
И турсу служанка отвѣтила живо: 26
„Цѣлыхъ восемь вѣдь дней Фрéйа вовсе не ѣла—
Такъ страстно стремилась въ край Тримра она!“

Къ невѣстѣ подвинулся Тримръ—цѣловаться,
Но, раздвинувъ покровъ, онъ отпрянулъ въ страхѣ: 27
„Съ чего горятъ очи Фрéйи такъ грозно?
Кажется, словно въ нихъ пламя пылаетъ!“

Сидѣла при Фрéйѣ служанка разумная,
И турсу служанка отвѣтила живо: 28
„Цѣлыхъ восемь ночей Фрéйа глазъ не смыкала, —
Такъ страстно стремилась въ край Тримра она“.

Явилась тутъ Тримра сестра престарѣлая,
И требовать стала отъ Фрéйи даровъ: 29

24, III Сифъ—жена Торра.

(26, 28) Усердные комментаторы рѣшаются искать символическаго значенія въ числѣ „восемь“, повторяющемся въ обѣихъ репликахъ Лóки, ставя его въ связь, опять-таки, съ 8-мью зимними мѣсяцами. Но въ данномъ случаѣ врядъ ли умѣстно символическое толкованіе; цифра повидимому вполнѣ случайна (быть можетъ связана съ размѣромъ стиха). *С.*

(29) Появленіе старухи-исполинши, просящей подарка у новобрачной, врядъ ли нуждается въ особомъ аллегорическомъ толкованіи (Уландъ считаетъ ее олицетвореніемъ зимней нужды и обѣднѣнія). Скорѣе всего, это

„Съ своихъ рукъ подари ты запястья мнѣ красныя,—
Ими заслужишь ты милость золовки,
Милость золовки и ласку ея“.

Вымолвилъ Турсъ, исполиновъ властитель:
„Пусть Мйбльниръ скорѣй принесутъ для обряда. 30
Положимъ его на колѣни невѣстѣ—
Во имя Варъ освятить нашъ союзъ“.

Сердце у Торра въ груди засмѣялось,
Какъ только увидѣлъ Громовникъ свой молотъ; 31
И прежде всего умертвилъ онъ имъ Тримра,
Потомъ и гостей всѣхъ, родичей йотуна.

Убилъ и старуху онъ, Тримра сестру,
Что выпросила у невѣсты запястья: 32
Смерть вмѣсто золота старой досталась,
Вмѣсто подарка—ударъ молотка.

Такъ добылъ Громовникъ свой молотъ обратно.

просто черта, заимствованная изъ обыкновеннаго человѣческаго быта; быть можетъ, указаніе на какой-нибудь свадебный обычай. *С.*

30, II Молотъ Торра, верховнаго покровителя договоровъ и обѣтовъ, вообще служилъ для освященія брачныхъ союзовъ. Неизвѣстно, соотвѣтствовалъ ли этому представленію какой-нибудь свадебный обрядъ у сѣверныхъ германцевъ.

Погребальный корабль, на которомъ сожжено было тѣло убитаго Бальдра—также долженъ былъ быть освященъ молотомъ Торра.

30, IV Варъ—богиня обѣтовъ; отвлеченный, сравнительно поздній миѳологическій образъ.

ОБЩІЯ ЗАМѢЧАНІЯ.

„Пѣснь о Тримрѣ“ сохранилась только въ Codex Regius 2365, гдѣ она и носитъ это заглавіе (þrymskviþa). Это одна изъ древнѣйшихъ,—въ цѣломъ видѣ несомнѣнно самая древняя изъ пѣсенъ Эдды. Появилась она около 900 г. или раньше; вѣроятно въ Норвегіи. Могкъ предполагаетъ, что задолго до написанія она переходила въ видѣ устнаго сказанія отъ поколѣнія къ поколѣнію. Несмотря на ея древность, въ ней не найдено сколько-нибудь крупныхъ вставокъ и искаженій, и только одинъ незначительный пропускъ.

Содержаніе не нуждается въ особыхъ поясненіяхъ. Это первобытный народный миѳъ въ несложной и красивой эпической передачѣ. „Пѣснь о Тримрѣ“ производитъ впечатлѣніе большой цѣльности и законченности. Примитивная, но яркая обрисовка характеровъ, живость повѣствованія и грубоватый свѣжій юморъ — придаютъ своеобразную прелесть этому произведенію. Хотя считать эту пѣснь безъ всякихъ оговорокъ „прекраснѣйшею изъ пѣсенъ Эдды“, какъ выражаются Могкъ и В. Гольтеръ — это ужъ значитъ, мнѣ кажется, заходить слишкомъ далеко.

ПѢСНЬ О ГИМИРѢ

Собрáлись для трáпезы боги побѣдъ;
Да не вдосталь хватило имъ дичи и браги. 1
Гадали на прутьяхъ, гадали на крови—
Нагадали, что вдоволь припасовъ у Э́гира.

Сидѣлъ въ своемъ домѣ, по-дѣтски веселый,
Житель весей скалистыхъ со взглядомъ ребенка; 2
Сынъ Иггра взглянулъ ему въ очи съ заботою:
„Долженъ пиръ ты богатый богамъ приготовить".

Не радъ исполинъ былъ, до распрей охотникъ,
И богамъ повредить онъ враждебно задумалъ. 3

1, III На прутьяхъ гадали слѣдующимъ образомъ. Врѣзали въ кору прутьевъ (или прямо въ кусочки коры) волшебные знаки (руны) и затѣмъ вынимали (или вытряхивали) извѣстное количество ихъ изъ сосуда (или шлема), гдѣ они были смѣшаны. На основаніи сочетанія тѣхъ знаковъ, которые такимъ образомъ выпадали, дѣлались заключенія о предметѣ гаданья.

Гаданье на жертвенной крови (по ея количеству, цвѣту, по тому какъ она вытекаетъ изъ тѣла убитаго животнаго)—распространенный видъ гаданья въ языческой древности, какъ у германцевъ, такъ и у другихъ народовъ.

Примѣненіе, да еще и со стороны боговъ, торжественнаго гаданія къ такому случаю, какъ варка пива—представляется мнѣ просто юмористическою выходкою древняго поэта. *С.*

1, IV Э́гиръ—повелитель морей, стихійное существо, повидимому лишь наполовину дружественное богамъ, сынъ исполина Форнйотра.

2, II „Житель весей скалистыхъ"—т.-е. исполинъ. Въ данномъ случаѣ сынъ исполина Э́гиръ.

2, III Иггръ — названіе О́дина. Сынъ Иггра — громовый богъ Торръ.

Котелъ привезти—мужа Сифъ попросилъ онъ:
„А тогда я въ немъ браги на всѣхъ наварю“.

И боги, владыки, не вѣдали долго:
Гдѣ найти имъ котелъ, чтобъ великъ былъ достаточно? 4
Но Тиръ наконецъ Торра тайно утѣшилъ,—
Далъ Громовнику дружески мудрый совѣтъ.

„Обитаетъ къ востоку отъ Эливагара
Ґи́миръ, йо́тунъ мудрѣйшій, у края небесъ. 5
Имѣетъ отецъ мой громадный котелъ—
Сосудъ знаменитый, въ версту глубиною“.

Торръ сказалъ:
Возможно ли только достать тотъ котелъ? 6

Тиръ сказалъ:
Да, другъ, если дѣло хитро поведемъ мы.

День проѣхали ровно, покуда добрались
Изъ А́сгарда оба туда, гдѣ жилъ Э́гиль. 7

3, III Сифъ—богиня плодородія. Мужъ ея Торръ.

4, III Тиръ—богъ войны. Первоначально божество неба.

5, I Эливагаръ—„бурныя воды“. Міровой потокъ; по одному толкованію (Могкъ) Млечный Путь.

5, II Ґи́миръ—морской исполинъ; олицетвореніе, какъ кажется, замерзшаго, „зимняго“ моря.

5, III Здѣсь Тиръ оказывается сыномъ Ґимира, тогда какъ вообще онъ считается сыномъ О́дина, асомъ.

Быть можетъ, тутъ надо видѣть слѣды прежняго представленія о Тирѣ какъ о богѣ (дневного) неба, имѣющаго свое „начало“ въ морскихъ волнахъ (Герингъ).

Возможно и то, что слово отецъ употреблено произвольно вмѣсто отчимъ, и Ґи́миръ былъ только мужемъ матери Тира, но не его отцомъ.

7, II Э́гиль—повидимому, то же самое лицо, которое было отцомъ служителя Торра, Тйа́льфи; во всякомъ случаѣ нѣкто, къ кому Торръ и

Козловъ златорогихъ загналъ онъ въ ограду.
Тиръ же съ Торромъ пошли въ обиталище Ги́мира.

Тиръ бабку увидѣлъ свою ненавистную:
Девять сотенъ головъ исполинша имѣла. 8
Но другая хозяйка сіяла вся золотомъ;
И браги гостямъ принесла свѣтлобровая.

„Вы родичи йо́туна, храбрые гости!
Стать вамъ лучше, покамѣстъ, къ стѣнѣ, за котлами — 9
Бываетъ супругъ мой суровъ зачастую,
Съ гостями неласковъ и норовомъ злобенъ“.

Поздно турсъ безобразный съ охотой управился.
Ги́миръ, грубый хозяинъ, пришелъ во-свояси. 10
Явился въ жилье онъ; сосульки зазвякали:
Обмерзъ у свирѣпаго лѣсъ подбородка.

его спутникъ обращаются за гостепріимствомъ и оставляютъ у него запряженную козлами колесницу громоваго бога (вѣроятно для того, чтобы при приближенія къ жилищу Ги́мира громъ колесницы не выдалъ сразу ея владѣльца).

8, I б а б к а Т и р а—мать Ги́мира, многоголовая исполинша. Многоголовые исполины нерѣдко фигурируютъ въ сказаніяхъ. Однако такое число головъ, какъ д е в я т ь с о т ъ—не позволяющее воображенію создать сколько-нибудь опредѣленную фигуру—скорѣе заставляетъ предположить аллегорію (если только правильно чтеніе текста въ этомъ мѣстѣ), и вѣрнѣе всего, что аллегорія опять таки связана съ моремъ.

8, III д р у г а я х о з я й к а—жена Ги́мира. Судя по ея „свѣтлымъ бровямъ“, а также по ея враждебному отношенію къ супругу-великану и благожелательности къ богамъ—это красавица изъ рода асовъ, вѣроятно насильно похищенная Ги́миромъ. Такимъ происхожденіемъ оправдывалась бы возможность для автора пѣсни—если даже онъ считалъ Тира сыномъ Ги́мира—причислять его къ асамъ, по матери.

9, II Котлы висѣли на перекладинѣ вдоль стѣны.

10, IV „лѣсъ подбородка“—борода.

Хозяйка сказала:

„Привѣтъ тебѣ, Ґи́миръ, будь веселъ ты сердцемъ!
Сегодня къ намъ въ гости явился нашъ сынъ; 11
[Ожидали мы долго его издалека.]
Съ нимъ прибылъ и тотъ, кто былъ Ґродру противникъ,
Благодѣтель людей, по прозванію Вэ́орръ.

Сѣсть велѣла я имъ подъ наклонною кровлей,
И балка съ котлами отъ глазъ ихъ скрываетъ". 12
Зорко турсъ посмотрѣлъ,—и отъ взора столпъ треснулъ,
Раздробилась на щепки дубовая балка.

Попа́дали съ балки котлы; и разбилось
Всѣхъ ихъ восемь; одинъ, крѣпко скованный, выдержалъ. 13
Впередъ вышли асы, и пристальнымъ взоромъ
Йо́тунъ старый смотрѣть на противниковъ сталъ.

Онъ недоброе чуялъ, того увидавъ
Въ гостяхъ у себя, кто женъ турсовъ печалитъ; 14
Но для трапезы трехъ онъ быковъ приказалъ
Убить, и сварить поскорѣе ихъ мясо.

---

(11) Хозяйка. Въ подлинникѣ frilla — „подружка", „возлюбленная". Т.-е. подруга Ґи́мира, имя которой не названо.

11, IV Изъ текста ясно, что противникъ Ґродра—Торръ. Но о личности Ґродра не имѣется свѣдѣній. Надо думать, что это одинъ изъ побѣжденныхъ Торромъ исполиновъ.

11, V Вэ́орръ — „Освятитель". Прозваніе это присвоено Торру, по всей вѣроятности въ связи съ освящающимъ значеніемъ его молота. *С.*

12, III, IV По толкованію Уланда, разрушительная сила взора исполина—отъ котораго трескается столпъ—обозначаетъ разрушительную силу зимняго мороза.

13, II Уцѣлѣлъ именно котелъ, за которымъ боги и явились къ исполину.

14, II Торръ „печалитъ женъ турсовъ" тѣмъ, что истребляетъ ихъ мужей (иногда, впрочемъ, и ихъ самихъ. См. „Ск. о Ґа́рбардрѣ", 23).

Разсказъ о поведеніи исполина характеренъ для древне-герман-

Всѣ три стали скоро короче на голову;
И поставили туши, въ котлѣ, кипятить. 15
И сильный мужъ Сифъ съѣлъ одинъ передъ сномъ
Два быка цѣликомъ за столомъ великана.

Сѣдому хозяину, Грунгнира другу,
Показался не малымъ Громовника ужинъ. 16
„На завтра“, сказалъ онъ, „всѣ трое питаться
Мы будемъ добычею съ нашего лова“.

На ловъ отправляться былъ Вёорръ согласенъ
Только съ тѣмъ, чтобы Ги́миръ приманку доставилъ. 17

. . . . . .

. . . . . .

Ги́миръ сказалъ:
„Иди за приманкой къ стадамъ, если смѣешь,
Обитателей горъ истребитель могучій! 18
Я побьюсь объ закладъ, что приманку для лова
Добыть отъ быковъ тебѣ будетъ легко“.

Торръ не спорилъ, и къ лѣсу поспѣшно направился.
Быкъ черный тотчасъ повстрѣчался ему. 19
Оторвалъ съ его плечъ исполиновъ губитель
Рогатую крѣпость, могучую голову.

скихъ понятій о гостепріимствѣ, въ которомъ не отказывалось даже заклятому врагу.

16, I другъ Грунгнира — Ги́миръ. Грунгниръ — исполинъ, съ которымъ бился Торръ, побѣдившій и убившій его.

17, I Рѣчь идетъ о морскомъ ловѣ на (донную) удочку.

18, I „если смѣешь“. Подходить къ стадамъ полудикаго скота было небезопасно, не говоря уже о томъ, чтобы отвести и убить одного изъ быковъ.

18, II „Обитатели горъ“—употребительный эпитетъ исполиновъ.

Ги́миръ сказалъ:

Еще хуже, когда ты на промыселъ ходишь,
Чѣмъ когда за ѣдою ты въ домѣ сидишь. 20

. . . . . .

. . . . . .

Козловъ златорогихъ Возница—уроду
Предложилъ дальше править въ открытое море; 21
Отвѣчалъ исполинъ, что ничуть не желаетъ
Еще удаляться отъ берега въ лодкѣ.

И турсъ престарѣлый поймалъ двухъ китовъ—
Двухъ сразу, на оба крючка своей удочки. 22
На кормѣ же, тѣмъ временемъ, храбрый сынъ О́дина
Вёорръ ловко налаживалъ лёсу свою.

Насадилъ на крючекъ свой бычачью онъ голову,
Людей благодѣтель, противникъ Чудовища. 23
Наживку взялъ жадно Врагъ асовъ ужасный,
И повлекъ къ себѣ лёсу земли Опоясатель.

---

(20) Чтобы буквально сохранить слегка комичную, въ высшей степени характерную фразу Ги́мира, мнѣ, къ сожалѣнію, пришлось пропустить обращеніе къ Торру „Повелитель кораблей", не умѣщавшееся безъ нарушенія ритма въ эту реплику.

Это обращеніе, вообще не характерное для Торра, истолковывается какъ указаніе на предстоящую морскую поѣздку. *С.*

20, II Послѣ этой строки пропускъ, не менѣе чѣмъ въ четыре строки, гдѣ должно говориться о началѣ поѣздки.

Въ слѣдующей изъ сохранившихся строфъ Ги́миръ и Торръ уже находятся въ ладьѣ на морѣ. *С.*

21, I Уроду, т.-е. Ги́миру, átrunn ара — слѣдовало бы объяснить своеобразный эпитетъ: „потомокъ обезьяны", сохранить который здѣсь не удалось. Вѣроятно, онъ поздняго происхожденія.

23, II Подъ Чудовищемъ въ данномъ случаѣ подразумѣвается исполинскій морской змѣй Йормунгандръ, сынъ Ло́ки и исполинши Ангрбоды, окружающій земной міръ своимъ тѣломъ —„Опоясатель Земли", „Врагъ

Отважный Громо́вникъ безъ трепета вытащилъ
До борта, на верхъ, ядовитаго змѣя. 24
Колотить сталъ онъ сверху соратника Волка;
Холмъ волосъ его страшный онъ молотомъ ранилъ.

Заревѣли чудовища, горы отгрянули,
Вся земля всколебалась, и дрогнула, древняя; 25
Но разсѣкъ исполинъ напряженную лёсу —
И на дно снова канула грозная рыба.

. . . . . .

Не въ духѣ былъ турсъ на обратномъ пути. 26
На веслахъ сидѣлъ и молчалъ онъ, сердитъ,
И къ берегу правилъ кратчайшей дорогой.

Ги́миръ сказалъ:

„Остатокъ труда мы подѣлимъ съ тобой.
Желаешь козла ты валовъ укрѣпить здѣсь? 27

асовъ", противъ котораго Торръ выступитъ и при кончинѣ міра („Прор. Пров.", 50; 56).

24, III Соратникъ Волка — все тотъ же Змѣй. Какъ и Волкъ Фе́нриръ, его братъ, онъ будетъ въ послѣдней міровой битвѣ предводительствовать чудовищами, врагами боговъ.

24, IV „Холмъ волосъ"—голова. Въ данномъ случаѣ метафора примѣнена лишь въ общемъ смыслѣ. Врядъ ли можно предполагать, что авторъ пѣсни представлялъ себѣ змѣя съ дѣйствительными волосами на головѣ.

25, III Этою строкою я восполняю пропускъ въ текстѣ на основаніи отрывка Снорровой Эдды, гдѣ разсказывается тотъ-же эпизодъ и сообщается, что великанъ, чтобы спасти Змѣя (врага боговъ и родича великановъ), перерубилъ лёсу, вслѣдствіе чего Йормунгандръ нырнулъ обратно въ море.

Здѣсь, какъ и вездѣ, я восполняю по смыслу—не имѣя въ виду возстановленія подлинныхъ словъ текста. *С.*

26, I Въ пропущенной строкѣ говорилось, какъ предполагаютъ, что Торръ побилъ исполина.

По другому варіанту сказанія, Торръ убилъ его.

27, II „козелъ валовъ", „водяной конь"—метафорическія изображенія корабля.

Если нѣтъ, то китовъ ты до мѣста доставь,
Отнеси до жилья ихъ лѣсистой долиной".

Торръ носъ ухватилъ водяного коня,
На песокъ его вытянулъ, воду не выкачавъ. 28
До жилья исполина одинъ онъ снесъ лодку—
Въ ней весла, черпакъ, и двухъ вепрей буруновъ.

Но все еще турсъ не сдавался, и въ силѣ
Упрямо хотѣлъ состязаться онъ съ Торромъ. 29
Онъ сказалъ, что хоть съ лодкою асъ и справляется,
Но сильнѣй того нѣтъ, кто разбить сможетъ кубокъ.

Громовикъ великанiй взялъ кубокъ; и кинулъ
Объ каменный столпъ онъ тотъ кубокъ хрустальный. 30
Не вставая, онъ столпъ раскололъ пополамъ—
Но къ Гимиру цѣлымъ хрусталь возвратился.

Тогда исполина подруга прекрасная
Наилучшiй совѣтъ подала, какой знала: 31
„Запусти этимъ кубкомъ ты въ голову Гимира—
Тверже черепъ его, чѣмъ крѣпчайшiй хрусталь".

Привсталъ повелитель козловъ златорогихъ,
И божеской мощи всю крѣпость напрягъ. 32

28, IV вепри буруновъ—киты.

29, II Повидимому Гимиръ поставилъ условiемъ выдачи котла—доказательство превосходства въ силѣ со стороны Торра.

29, IV кубокъ. Имѣвшiйся у Гимира и отличавшiйся необычайною крѣпостью хрустальный кубокъ.

31, III Герингъ указываетъ на распространенность древняго вѣрованья, что нѣтъ ничего тверже великаньей головы.

Цѣлъ остался у турса шелома носитель,—
Но сосудъ закругленный въ куски раскололся.

҂Имиръ сказалъ:
Навѣкъ я утратилъ сокровище цѣнное,
Съ тѣхъ поръ какъ мой кубокъ въ осколкахъ упалъ; 33
Никогда не придется мнѣ больше имъ тѣшиться,
И не будетъ мнѣ брага на радость, какъ прежде!

„Вотъ условье послѣднее: сами отсюда
Котелъ мой пивной унести вы должны". 34
Тиръ дважды пытался котелъ приподнять;
Но громадный сосудъ даже съ мѣста не сдвинулся.

За край ухватилъ его Мóди отецъ,
И съ нимъ по ступенямъ чертога спустился. 35
Несъ онъ вѣскій сосудъ на своей головѣ,
И до пятокъ спускались со звономъ ушки.

Отошли недалеко—и Óдина сынъ
Еще разъ оглянулся назадъ, на дорогу. 36

32, III „шелома носитель"—голова.

32, IV По мнѣнію комментаторовъ, расколотый хрустальный кубокъ символизируетъ весеннее разрушеніе льдовъ, сковывающихъ море зимою.

35, I отецъ Мóди—Торръ. Его сыновей звали Мóди и Мáгни.

За этою строфою, повидимому, пропускъ; здѣсь, вѣроятно, сообщалось, что боги пустились въ обратный путь.

36, I. Отошли. Употребленный въ подлинникѣ глаголъ fara можетъ одинаково означать и „идти", и „ѣхать". Несмотря на то, что въ 36 и 38 строфѣ имѣется тождественное выраженіе „forót lenge", я считаю несомнѣннымъ, что оно должно быть переведено въ первомъ случаѣ: отошли недалеко (собств.: „шли недолго"), а во второмъ „отъѣхали недалеко („ѣхали недолго"). Если Торръ снялъ съ головы котелъ при приближеніи исполиновъ,—ясно, что въ этотъ моментъ котелъ, настолько огромный, что ушки его доходили до пятъ несшему, еще находился на его головѣ; при такихъ условіяхъ ему невозможно было бы править колесни-

И Торръ увидалъ, что съ востока за Ги́миромъ
Къ нимъ шло изъ пещеръ многоглавое племя.

Спустилъ Громови́къ тутъ котелъ съ головы,
И поднялъ онъ Мйо́льниръ, убійственный молотъ. 37

. . . . . .

И пустыни китовъ истребилъ безъ остатка.

Недалеко отъѣхали—вдругъ повалился
Полумертвый одинъ изъ козловъ у Громовника. 38
Ногою рогатый скакунъ не владѣлъ;
Былъ Ло́ки лукавый причиной несчастья.

цею. Слѣдовательно, нападеніе на боговъ произошло до того, какъ послѣдніе взошли на свою колесницу. Напротивъ, въ 38 ясно говорится, что одинъ изъ запряженныхъ козловъ упалъ въ пути; стало быть, боги уже взяли свою колесницу и ѣхали. *С.*

36, IV „многоглавое племя"—исполины. Среди нихъ многіе имѣли по нѣскольку головъ.

37, IV „киты пустыни"—исполины.

(38) Здѣсь всплываетъ эпизодъ, разсказываемый въ сагѣ по другому поводу (Gylf., 44).

Торръ, въ сопровожденіи Ло́ки, странствовалъ однажды по землѣ въ своей колесницѣ, запряженной козлами. Они остановились ночевать въ жилищѣ земледѣльца (лицо, вѣроятно, тождественное съ Э́гилемъ). Къ ужину Торръ убилъ своихъ козловъ, велѣлъ ихъ сварить и подать. Онъ пригласилъ принять участіе въ трапезѣ и хозяина съ его дѣтьми, которыхъ звали Тйа́льфи и Рёсква. Торръ велѣлъ всѣ кости отъ съѣденныхъ козловъ бросать на обѣ козлиныя шкуры, положенныя имъ у очага. Всѣ такъ и сдѣлали, за исключеніемъ Тйа́льфи, который тайкомъ взялъ себѣ одну кость и разгрызъ ее, чтобы полакомиться мозгомъ. На утро Торръ чудеснымъ образомъ оживилъ обоихъ козловъ; но оказалось, что одинъ хромаетъ, оттого, что кость ноги у него не цѣла, и тогда открылась продѣлка Тйа́льфи.

Какимъ образомъ, однако, причиною этого могъ оказаться Ло́ки—совершенно не видно. Единственное, что можно предположить, исходя изъ личныхъ особенностей Ло́ки и его обычнаго поведенія—это то, что онъ посовѣтовалъ Тйа́льфи разгрызть кость. Но это предположеніе остается, разумѣется, чистѣйшей гипотезой. *С.*

Извѣстно вамъ вѣрно,—кто можетъ повѣдать
Точнѣе о судьбахъ могучихъ боговъ?— 39
Какъ вредъ возмѣстилъ обитатель пустыни,
Давъ Торру дѣтей своихъ двухъ въ услуженье.

Въ собранье боговъ Торръ явился могучій,
Онъ доставилъ котелъ, что у Ги́мира былъ. 40
И могли теперь вволю у Э́гира асы
Пировать до поры, когда ленъ собираютъ.

---

(39) „обитатель пустыни", т.-е. тотъ, въ чьемъ жилищѣ Торръ ночевалъ,—отдалъ ему въ услуженіе своихъ дѣтей Тйальфи и Рöскву, которыя впряглись въ его колесницу вмѣсто охромѣвшаго козла.

Тйальфи часто фигурируетъ въ пѣсняхъ и сагахъ, въ качествѣ служителя и оруженосца Торра.

40, IV Т.-е. до осени.

Если считать котелъ Э́гира—аллегоріей моря, то эта строка относится къ осеннему замерзанію водъ, послѣ котораго „котломъ" пользоваться нельзя.

ОБЩІЯ ЗАМѢЧАНІЯ.

„Пѣснь о Ґи́мирѣ“ сохранилась цѣликомъ въ Codex Regius, 2365, а также въ Codex Arnamagnaeanus, 748. Она принадлежитъ къ позднѣйшимъ эддическимъ пѣснямъ, и составъ ея отличается нѣкоторою сложностью: въ ней скомпанованы въ одно и подвергнуты нѣкоторой формальной переработкѣ нѣсколько миѳовъ, первоначально не связанныхъ между собою: миѳъ объ исполинскомъ котлѣ, добываемомъ Торромъ, миѳъ о борьбѣ его со змѣемъ Йормунгандромъ, сказаніе о томъ, какъ охромѣлъ одинъ изъ козловъ, везущихъ колесницу Торра. Весь этотъ матеріалъ почерпнутъ авторомъ пѣсни изъ различныхъ источниковъ и скомбинированъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ довольно искусно: видно, что тутъ имѣло мѣсто не случайное сліяніе эпическихъ мотивовъ, а сознательная литературная работа свѣдущаго и не лишеннаго дарованія автора. Правда, послѣднее оказывается не вездѣ одинаково на высотѣ задачи; наприм., эпизодъ съ козломъ Торра введенъ въ повѣствованіе весьма неожиданно и нескладно. Но автору безспорно удалось придать произведенію общій тонъ, опредѣленный стиль. И этотъ стиль, характерный для сравнительно поздней эпохи, богатый свойственными скальдамъ метафорическими эпитетами „kenningar“ („лѣсъ подбородка“—борода, „холмъ волосъ“—голова, „козелъ валовъ“—лодка, ладья и т. п.), отличающійся нѣсколько осложненнымъ построеніемъ фразы—свидѣтельствуетъ о томъ, что авторъ принадлежитъ къ числу скальдовъ довольно поздней поры, конца X вѣка. Среди нѣсколько искусственныхъ литературныхъ пріемовъ этой эпохи мѣстами выдѣляются въ „Пѣсни о Ґи́мирѣ“ отрывки, дышащіе простотою и силою настоящаго древняго эпоса:

Заревѣли чудовища, горы отгрянули—
Вся земля всколебалась и дрогнула, древняя... (25)

Или наивныя реплики, проникнутыя первобытною непосредственностью и выразительностью, въ родѣ обращенія Ґи́мира къ Торру:

Еще хуже, когда ты на промыселъ ходишь,
Чѣмъ когда за ѣдою ты въ домѣ сидишь! (20)

Этотъ крайне простой тонъ рядомъ съ замысловатыми скальдическими пріемами въ другихъ строфахъ лишній разъ даетъ почувствовать разнородность элементовъ, изъ которыхъ составилась „Пѣснь о Ґи́мирѣ".

Миѳы, фигурирующіе въ этой пѣсни, вдохновляли рядъ поэтовъ (Браги, Эйлифъ, Эйстейннъ, Ульфръ Угассонъ и др.). Въ настоящее время трудно рѣшить, въ какомъ взаимоотношеніи находились произведенія ихъ между собою; по той же причинѣ и вопросъ о непосредственныхъ источникахъ „Пѣсни о Ґи́мирѣ" остается спорнымъ. Не можетъ быть рѣчи о томъ, чтобы Снорри пользовался ею (Gylfag., 47); она не могла быть ему извѣстна [1]); скорѣе и Снорри, и авторъ „Пѣсни о Ґи́мирѣ" должны были пользоваться общими источниками.

Христіанскія вліянія въ „Пѣсни о Ґи́мирѣ" отсутствуютъ. Могкъ считаетъ ее продуктомъ цѣльнаго, еще не тронутаго никакими разлагающими исканіями, язычества.

---

[1]) См. Сіймонсъ.

СЛОВЕСНАЯ РАСПРЯ ЛО́КИ

Э́гиръ, котораго иначе называютъ Ґимиръ, наварилъ для асовъ пива, когда онъ раздобылъ большой котелъ, какъ объ этомъ только что разсказано. На этотъ пиръ явился О́динъ и жена его Фриггъ; Торръ не пришелъ, потому что находился на Востокѣ. Сифъ была тамъ, жена Торра; Бра́ги, и жена его И́дунъ. Тиръ былъ тамъ; онъ былъ однорукій, Волкъ Фе́нриръ откусилъ ему руку, когда его связали. Тамъ былъ Нйордръ и жена его Ска́ди; Фре́иръ и Фре́йа; и Ви́дарръ, сынъ О́дина. Былъ тамъ Ло́ки; и служители Фре́ира Би́ггвиръ и Бе́йла. Много асовъ и альфовъ находилось тамъ. 10

У Э́гира было двое служителей: Фи́мафѐнгръ и Эльдиръ. Вмѣсто огня сіяющее золото служило для освѣщенія. Пиво само разносилось гостямъ. И было тамъ великое урочище мира.

Гости съ похвалой говорили, какіе у Э́гира хорошіе слуги. 15 Ло́ки не хотѣлъ этого слышать, и убилъ Фи́мафе́нгра. Тогда боги стали потрясать щитами противъ Ло́ки, закричали на 17

Проза. 1) Ґимиръ, морское божество, не тождественъ съ исполиномъ Ґимиромъ.

5) Торръ находился на Востокѣ, гдѣ онъ, какъ обычно, воевалъ съ исполинами.

11) Именамъ Фи́мафѐнгръ и Э́льдиръ не приписывается символическаго значенія, но оба они связаны со стихіею огня.

12) сіяющее золото въ чертогѣ морского бога—фосфорическое свѣченіе моря.

13) урочище мира, grifastaþr, мѣсто, гдѣ никого нельзя было убить, даже преступника. См. „Пѣснь о Путникѣ“, общія замѣчанія въ концѣ; о богахъ и богиняхъ см. примѣчанія къ тексту стиховъ, также указатель именъ.

17) потрясать щитами. Грозить ему мечами или копьями они не хотѣли, чтобы не нарушать священнаго мира чертога.

него и изгнали его прочь въ лѣсъ. А сами вернулись опять на пиръ.

Ло́ки возвратился снова и встрѣтилъ у входа Э́льдира.

Ло́ки сказалъ ему:

Раньше, чѣмъ ступишь впередъ ты на шагъ,
Э́льдиръ, мнѣ отповѣдь дай: 1
О чемъ говорятъ тамъ, пируя, за брагой
Боги, любимцы побѣдъ?

Эльдиръ сказалъ:

Дѣла свои славятъ, отвагою хвалятся
Боги, любимцы побѣдъ. 2
Никто среди а́совъ и а́льфовъ у Э́гира
Добромъ не помянетъ тебя.

Ло́ки сказалъ:

Мнѣ надо пойти въ обиталище Э́гира,—
На праздничный пиръ посмотрѣть. 3
Раздоръ и досаду гостямъ принесу я,
Желчью приправлю имъ праздничный медъ.

Эльдиръ сказалъ:

Если въ чертоги ты Э́гира явишься,
Чтобы великихъ боговъ 4
Злыми словами язвить—то, повѣрь мнѣ,
Тѣмъ же тебѣ отомстятъ.

Ло́ки сказалъ:

Э́льдиръ, ты знаешь, что если начнется
Словесная схватка у насъ— 5
Всегда надъ тобой одержу я побѣду,
Сколько бы ты ни болталъ.

Послѣ этого Ло́ки вошелъ въ чертогъ. Но когда находившіеся тамъ увидѣли, кто пришелъ, то всѣ они замолчали.

Лóки сказалъ:

Въ гости къ богамъ совершилъ издалека
Лоптръ утомительный путь; 6
Жаждущій гость ожидаетъ, чтобъ дали
Свѣтлаго меду ему.
Что вы примолкли всѣ, смѣлые боги—
Слова не слышно отъ васъ? 7
Удѣлите мнѣ мѣсто и меду налейте;
Иль велите отсюда уйти.

Брáги сказалъ:

Ни мѣста, ни меду у асовъ за пиромъ
Не будетъ тебѣ никогда! 8
Извѣстно богамъ, что не всякому гостю
Среди нихъ подобаетъ здѣсь быть.

Лóки сказалъ:

Óдинъ, ты помнишь, какъ въ древнюю пору
Кровнаго братства обрядъ насъ связалъ? 9

6, II Лоптръ—одно изъ именъ Лóки. Означаетъ оно собственно „воздухъ" и характеризуетъ Лóки, какъ бога теплаго, приносящаго таянье вѣтра.

(8) Брáги — богъ пѣсни, одинъ изъ позднѣйшихъ образовъ скандинавской миѳологіи (быть можетъ, обязанный своимъ происхожденіемъ обоготворенію исторической личности древняго скальда Брáги, сына Бодди). Въ сагахъ (Sn. Ed.) онъ фигурируетъ въ качествѣ сына Óдина и „длиннобородаго аса". Супруга его Йдунъ, богиня вѣчной юности, въ чемъ, быть можетъ, надо видѣть символизацію безсмертія поэтическаго творчества.

Образъ Брáги—искусственный; въ народномъ представленіи богомъ пѣсенъ является самъ Óдинъ и остается представителемъ этого искусства даже при наличности позднѣйшей фигуры Брáги.

Въ миѳахъ не сохранилось ничего, могущаго свидѣтельствовать о справедливости обвиненій Локи по его адресу.

(9) Обрядъ кровнаго братства — древне-германскій обычай дружескаго союза между двумя воинами. Внѣшнимъ образомъ заключеніе союза выражалось обыкновенно въ томъ, что заключавшіе его, ставъ подъ приподнятый на копьяхъ кусокъ дерна, надрѣзали себѣ руки (ме-

Пива клялся ты не пить, если чаша
Не будетъ и мнѣ подана.

Óдинъ сказалъ:

Встань же ты, Ви́дарръ! Родителю Волка
Мѣсто за пиромъ свое уступи. 10
Пусть только боги избавлены будутъ
Отъ поношеній его!

Тогда Ви́дарръ всталъ и налилъ Лóки меду; но прежде чѣмъ выпить, тотъ обратился къ асамъ:

Во здравье богамъ! во здравье богинямъ!
Слава всѣмъ асамъ святымъ! 11
Лишь одному не во здравье пью: Бра́ги,
Что здѣсь сидитъ на скамьѣ.

чемъ) и давали крови вмѣстѣ стекать въ слѣдъ, сдѣланный ихъ ногами; впослѣдствіи также смѣшивали кровь въ одномъ сосудѣ (рогѣ) съ медомъ или пивомъ, который и осушали пополамъ. Обрядъ сопровождался принесеніемъ другъ другу клятвы въ вѣрности. По большей части при этомъ обмѣнивались дарами (оружіемъ, кольцами, запястьями, иногда разрубленными пополамъ, при чемъ каждый бралъ себѣ половину). Связанные такимъ обрядомъ люди становились другъ другу ближе, чѣмъ кровные родичи: ради названнаго брата надлежало жертвовать всѣмъ наиболѣе дорогимъ, имуществомъ и жизнью. Въ сказаніяхъ есть упоминанія о томъ, что названный братъ иногда заживо давалъ себя погребать вмѣстѣ съ умершимъ братомъ. Аналогичные обряды побратимства существовали въ древности у многихъ народовъ и удержались даже въ христіанскую пору. На Руси встарину названные братья мѣнялись натѣльными крестами. *С.*

10, I Ви́дарръ — сынъ Óдина, богъ лѣсовъ, по прозванію „молчаливый асъ“. О немъ сохранилось мало свѣдѣній. Важнѣйшее изъ нихъ: Ви́дарръ при кончинѣ міра отомститъ за смерть Óдина, убивъ волка Фéнрира.

10, I Родителю Волка — т.-е. чудовищнаго волка Фéнрира, котораго родила отъ Лóки исполинша Ангрбода.

Бра́ги сказалъ:

Мечъ и коня—изъ того, что имѣю—
Цѣнное далъ бы кольцо 12
Съ радостью я, чтобъ не сѣялъ ты распри.
Гнѣва боговъ избѣгай!

Ло́ки сказалъ:

Отколь у тебя будутъ кони и кольца?
Битвы добыча не для тебя!
Изъ всѣхъ здѣсь пирующихъ асовъ и альфовъ 13
Ты, Бра́ги, всѣхъ менѣе храбръ:
Отъ боя ты живо бѣжишь.

Бра́ги сказалъ:

Если бъ встрѣтились мы за оградой двора,
А не въ домѣ у Э́гира здѣсь— 14
Твою голову скоро я несъ бы въ рукахъ:
То была бы отплата за ложь.

Ло́ки сказалъ:

Какъ отваженъ ты, сидя! Но въ схватку ты, Бра́ги,
Не спѣшишь, украшенье скамьи! 15
Если гнѣвенъ твой духъ, начинай поединокъ:
Мало тотъ медлитъ, кто смѣлъ.

И́дунъ сказала:

Бра́ги, вспомни, прошу я, что родичемъ кровнымъ
Сталъ асамъ чрезъ О́дина онъ. 16
Не заводи съ нимъ враждебнаго спора
Въ чертогѣ у Э́гира ты!

---

(16) И́ дунъ — богиня юности; она ростить въ своемъ саду чудесные плоды (яблоки), благодаря которымъ вкушающіе ихъ боги не старѣются,

Ло́ки сказалъ:

Ѝдунъ, молчи! Изъ богинь ты всѣхъ чаще
Жаждешь объятій мужей: 17
Ты рѣшилась обнять бѣлоснѣжной рукою
И того, кѣмъ твой братъ былъ убитъ.

Ѝдунъ сказала:

Оскорблять не желала я Ло́ки словами
Въ домѣ у Э́гира здѣсь: 18
Бра́ги смирить, возбужденнаго брагою,
Я хотѣла, чтобъ бою не быть.

Ге́фіонъ сказала:

Напрасно вы, асы, затѣяли оба
Другъ друга словами язвить! 19
Давно мы всѣ знаемъ, что Ло́ки насмѣшникъ,
Ругатель и врагъ всѣхъ боговъ.

Ло́ки сказалъ:

Молчи ты, Ге́фіонъ! Передъ богами
Напомню я, кто твои ласки купилъ: 20
Далъ русый пришелецъ тебѣ украшенья—
И, за нихъ, между бедеръ лежалъ у тебя.

а сохраняютъ, каждый, тотъ возрастъ, который присущъ природѣ каждаго изъ нихъ: Фре́иръ цвѣтущій юноша, О́динъ зрѣлый мужъ, и т. д.

Супругою Бра́ги Ѝдунъ стала вѣроятно лишь въ позднѣйшихъ миѳахъ.

(19) Ге́фіонъ. Въ пѣсняхъ Эдды нигдѣ больше нѣтъ упоминанія о ней. Въ Снорровой Эддѣ она рисуется дѣвственной богиней, принимающей къ себѣ по смерти земныхъ дѣвъ (Gylfag. 26). Возможно, что ея образъ первоначально сливался съ образомъ Фриггъ.

20, III Миѳъ, къ которому относится это обвиненіе Ло́ки, не сохранился. Аналогичный мотивъ имѣется въ сказаніи объ ожерельи Фре́йи; оно было выковано четырьмя карлами Брисингами, потребовавшими отъ Фре́йи, чтобы она, въ уплату за ожерелье, провела по ночи съ каждымъ изъ

О́динъ сказалъ:

Видно ты, Ло́ки, разумъ теряешь,
Что Ге́фіонъ смѣешь такъ дерзко сердить! 21
Судебъ міровыхъ ей завѣты извѣстны,
Не меньше, чѣмъ мнѣ самому.

Ло́ки сказалъ:

О́динъ, молчи! Ты часто нечестно
Жребій рѣшаешь въ сраженьяхъ мужей. 22
Не разъ ты дарилъ не тому, кому надо —
Трусу побѣду дарилъ.

О́динъ сказалъ:

Если и правда, что трусу не разъ я
Въ битвѣ побѣду дарилъ,— 23
То ты восемь зимъ былъ въ мірѣ подземномъ;
Тамъ, какъ служанка, доилъ ты коровъ;
Даже дѣтей ты родилъ тогда,
Въ женскомъ обличьи являясь.

нихъ. Несомнѣнно, однако, что русый (въ подлинникѣ hvitr—бѣлый, бѣлокурый) пришелецъ, купившій ласки Ге́фіонъ, не могъ быть карломъ: во всѣхъ сказаніяхъ карлы всегда обладаютъ темными волосами и землистымъ цвѣтомъ кожи. Врядъ ли поэтому можно предполагать, какъ это дѣлаетъ Герингъ, что обвиненіе относится къ видоизмѣненному разсказу объ ожерельи Фре́йи. *С.*

23, I, II Надо помнить, что, согласно скандинавскому вѣрованію, никакой богъ—слѣдовательно, и О́динъ—не могъ идти наперекоръ рѣшенію міровой Судьбы, предустановившей участь всего живущаго. Даровать кому-либо побѣду О́динъ могъ только въ томъ случаѣ, если это не противорѣчило завѣтамъ Норнъ, вѣщихъ дѣвъ Судьбы. Весьма вѣроятно поэтому, что О́дину вовсе не по своей волѣ случалось даровать побѣду недостойному. Въ этой пѣсни Ло́ки нѣсколько разъ указываетъ въ позорящемъ смыслѣ на такія обстоятельства, въ которыхъ совершенно неповинны тѣ, кого они касаются. *С.*

23, IV, V Миѳъ, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, не сохранился. Во всякомъ случаѣ, пребываніе Ло́ки подъ землею обозначаетъ подземную дѣятельность вулканическихъ силъ. Объясненіе Геринга, что женскій

Ло́ки сказалъ:

Ты, О́динъ, когда-то на островѣ Самсей,
Говорятъ, волхвовалъ словно вѣдьма; 24
Ходилъ ты, колдуя, изъ дома въ домъ—
Въ женскомъ обличьи являясь.

Фриггъ сказала:

Молчали-бъ вы лучше о томъ, что случилось
Нѣкогда вамъ учинить! 25
Давнихъ тѣхъ дѣлъ не касайтесь въ бесѣдѣ,
Не́зачѣмъ нынче о нихъ вспоминать.

Ло́ки сказалъ:

Фриггъ, замолчи! Ты Фйо́ргина дочка
И распутна ты съ давнихъ поръ. 26

образъ присвоенъ Локи вслѣдствіе плодотворныхъ свойствъ подземнаго огня, вызывающаго къ жизни растительность—представляется мнѣ натянутымъ; въ особенности въ виду того, что это не единственный миѳъ, гдѣ Локи является въ образѣ существа женскаго рода.

Неясно, что подразумѣвается подъ коровами, которыхъ Ло́ки доилъ подъ землею. Предполагается, что рѣчь идетъ о горячихъ ключахъ.

Что касается до вопроса о дѣтяхъ, рожденныхъ Ло́ки, то я рѣшительно не могу согласиться съ замѣчаніемъ Геринга, будто бы только о конѣ Сле́йпнирѣ извѣстно, что Локи родилъ его. Въ „Пѣсни о Гиндлѣ" строф. 43, III, IV—если понимать эту строфу такъ, какъ переводитъ ее самъ Герингъ—имѣется совершенно опредѣленное и ясное указаніе на то, что Локи и помимо Сле́йпнира производилъ на свѣтъ потомство путемъ беременности (kviþogr!) и рожденья. — Интересно, что въ одномъ изъ ведійскихъ миѳовъ Индра оказывается женщиною (См. Lang. o. c.). *С.*

24, III IV. Изъ словъ Ло́ки врядъ-ли дозволительно заключить, что О́динъ принималъ женскій образъ. По всей вѣроятности, это просто софизмъ со стороны Ло́ки. Въ отвѣтъ на обвиненіе, что онъ рожалъ дѣтей, какъ это дѣлаютъ женщины, онъ возражаетъ: „А ты занимался колдовствомъ, какъ это дѣлаютъ женщины". Въ тогдашнемъ представленіи, женщины являлись по преимуществу искусницами въ колдовствѣ („Прор. Пров." 22). *С.*

26, I Болѣе точно объ отцѣ Фриггъ ничего неизвѣстно.

Ви́дриръ твой мужъ, но звала Ве и Ви́ли
Ты обоихъ въ объятья къ себѣ.

Фриггъ сказала:

Когда бы со мною теперь находился
Сынъ здѣсь такой, какимъ Бальдръ мой былъ, 27
Не удалось бы, озлобленный Ло́ки,
Боя избѣгнуть тебѣ!

Ло́ки сказалъ:

Видно, хочешь ты, Фриггъ, чтобъ еще говорилъ
О дѣлахъ своихъ пагубныхъ Ло́ки: 28
Я виной тому былъ, что ты болѣе Бальдра
Не увидишь въ чертогѣ златомъ.

Фре́йа сказала:

Обезумѣлъ ты, Ло́ки, что дѣломъ позорнымъ
Похваляться ты вздумалъ здѣсь вслухъ! 29
Фриггъ вѣдь знаетъ давно всѣ минувшія судьбы—
Хоть сама и не молвитъ о томъ.

26, III, IV Ви́дриръ—названіе О́дина. Въ одномъ сказаніи (Ynglingasaga) есть указаніе, что во время продолжительнаго отсутствія О́дина Фриггъ становилась (послѣдовательно) женою братьевъ его Ви́ли и Ве. Весьма вѣроятно, однако, что оба эти лица—только „гипостазированные“ образы самого О́дина, лишь впослѣдствіи ставшіе самостоятельными божествами. Быть можетъ, дѣло обстояло такъ и въ глазахъ автора пѣсни—и упрекъ Ло́ки является такимъ же софизмомъ, какъ многія выступленія его противъ боговъ.

27, II Бальдръ—сынъ О́дина и Фриггъ; кроткій, благой весенній богъ. Локи убилъ Бальдра, направивъ на него оружіе изъ рукъ слѣпого Х̌одра (см. „Пѣснь о Путникѣ“).

(29, 30) Фре́йа—дочь Нйордра, сестра Фре́ира. Въ обычномъ представленіи—богиня любви. Судя по указаніямъ различныхъ миѳовъ, можно думать, что по отношенію къ ней обвиненіе Ло́ки является лишь умѣренно-сильною гиперболой.

(Сравн. „Пѣснь о Х̌индлѣ“ стрф. 47, 48).

Ло́ки сказалъ:

Фре́йа, молчи! Я насквозь тебя вижу.
За тобою немало грѣховъ: 30
Ни единаго нѣтъ здѣсь средь асовъ и альфовъ,
Кто-бъ любовникомъ не былъ тебѣ.

Фре́йа сказала:

Лживъ твой языкъ, но въ грядущемъ, надѣюсь я,
Доведетъ онъ тебя до бѣды. 31
И боговъ и богинь прогнѣвилъ ты довольно;
Не со смѣхомъ пойдешь ты домой!

Ло́ки сказалъ:

Фре́йа, молчи! Ты колдунья недобрая,
И распутствомъ запятнана ты! 32
Тебя разъ на постели у брата застали;
Тамъ, говорятъ, ты пердѣла тогда.

Нйордръ сказалъ:

Не большая бѣда, если женщина вздумаетъ
Съ возлюбленнымъ ложе дѣлить; 33
Но дивлюсь я, что асъ къ намъ являться рѣшается,
Который какъ женщина жилъ и рожалъ.

Ло́ки сказалъ:

Нйордръ, замолчи! Ты отъ вановъ заложникомъ
Былъ посланъ къ богамъ на востокъ. 34

32, III Въ миѳахъ нѣтъ указанія на любовную связь между Фре́иромъ и его сестрой. Въ виду этого, и въ особенности въ виду того, что Ло́ки не обращается къ Фре́иру (въ отвѣтъ на слова Нйордра и Тира о безупречности этого бога) съ соотвѣтствующимъ обвиненіемъ,—я думаю, руководясь аналогичными миѳическими мотивами, что въ упрекѣ Ло́ки подразумѣвается не кровосмѣшеніе, а лишь попытка со стороны Фре́йи обольстить (обманомъ) брата. *С.*

34, II Послѣ войны асовъ съ ванами, послѣдніе отправили Нйордра заложникомъ къ богамъ.

Для мочи́ непотребною чашей, несчастный,
Ги́мира ты дочерямъ послужилъ.

Нйордръ сказалъ:

Искупился поло́нъ мой, хоть посланъ въ заложники
Я когда-то и былъ на востокъ: 35
Сынъ безсмертный мнѣ данъ, всѣми въ мірѣ любимый,
Среди асовъ онъ первый теперь.

Ло́ки сказалъ:

Нйордръ, умѣрь свою гордость! Скрывать не намѣренъ
Я того, что мнѣ слышать пришлось: 36
Прижилъ съ кровной сестрою ты храбраго сына,—
Ты гордиться не долженъ бы имъ!

Гиръ сказалъ:

Фре́иръ лучшій изъ всѣхъ среди славныхъ героевъ
Въ чертогахъ могучихъ боговъ; 37
Никогда не обидѣлъ онъ дѣвы иль женщины,
Связанныхъ онъ избавляетъ отъ узъ.

34, III, IV дочери Ги́мира (зимняго исполина, властителя льдовъ)— это горные ледники, съ которыхъ потоки тающихъ снѣговъ текутъ въ море, олицетворяемое въ данномъ случаѣ водянымъ божествомъ Нйордромъ что подаетъ поводъ для оскорбительной метафоры Ло́ки.

35, III Рѣчь идетъ о Фре́ирѣ, свѣтломъ божествѣ лѣтняго солнца, плодородія и благополучія.

35, IV теперь. Этого слова нѣтъ въ подлинникѣ, но мною оно прибавлено сознательно, въ дополненіе къ высказываемой Нйордромъ мысли, такъ какъ—и въ представленіи автора пѣсни—Фре́иръ является первымъ изъ асовъ лишь послѣ смерти Бальдра, лучшаго изъ всѣхъ. (Фре́иръ во многихъ отношеніяхъ близокъ къ образу Бальдра и отчасти заступаетъ, послѣ гибели послѣдняго, его мѣсто въ скандинавскомъ пантеонѣ.) Въ этомъ смыслѣ я и дѣлаю—какъ мнѣ кажется, вполнѣ въ духѣ Эдды—прибавку „теперь“. *С.*

36, III Фре́иръ и Фре́йа оба рождены отъ союза Нйордра съ его сестрою, до его пребыванія у асовъ.

Ло́ки сказалъ:

Тиръ, замолчи! никогда не годился ты
Въ посредники споровъ и распрь. 38
Вспомнить радостно мнѣ, какъ отгрызъ тебѣ руку
Фе́нриръ въ минувшіе дни.

Тиръ сказалъ:

Я руку утратилъ, ты грознаго Волка—
Обоимъ ущербъ намъ съ тобой! 39
Да и Волку не весело: долженъ онъ, связанный,
Ждать, чтобъ гибель настала боговъ.

Ло́ки сказалъ:

Тиръ, замолчи! Когда-то случилось,
Что сынъ отъ меня у жены твоей былъ: 40

---

(38) Въ качествѣ бога войны, Тиръ, разумѣется, не можетъ годиться „въ посредники споровъ и распрь". (Какъ наивно выражается авторъ Gylfag, „о немъ нельзя утверждать, чтобы онъ былъ склоненъ водворять миръ между людьми". Sn. Ed. Gylf. 25)

Руку Тиръ утратилъ при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Боги хотѣли связать чудовищнаго волка Фе́нрира (сына Ло́ки) и уже дважды убѣждали его дать себя связать—подъ тѣмъ предлогомъ, чтобы доставить ему поводъ похвалиться своею силою — но оба раза онъ, безъ труда, освобождался отъ надѣтыхъ на него узъ. Въ третій разъ боги принесли для него волшебныя путы Глейпниръ, изготовленныя подземными карлами по желанію О́дина—и отличавшіяся, при кажущейся тонкости, несокрушимою крѣпостью. Видъ Глейпнира однако внушилъ подозрѣнія Фе́нриру; и онъ согласился дать себя связать лишь на томъ условіи, чтобы кто-нибудь изъ асовъ положилъ свою руку ему въ пасть—въ залогъ того, что боги освободятъ его, если онъ не будетъ въ силахъ справиться съ Глейпниромъ. Тогда Тиръ положилъ руку въ пасть волка. Фе́нриръ дѣйствительно не смогъ освободиться отъ волшебныхъ узъ; и, увидѣвъ себя побѣжденнымъ, откусилъ руку Тиру.

Фе́нриръ освободится отъ своихъ узъ лишь при кончинѣ міра, чтобы въ числѣ прочихъ противниковъ боговъ вступить съ ними въ послѣдній бой; ему суждено поглотить О́дина, Властителя боговъ.

(40) Нигдѣ не указано, кто была жена Тира, и дѣйствительно ли Ло́ки былъ ея любовникомъ.

Ты ничѣмъ не разсчелся со мной за безчестье,
Примирился, презрѣнный, ты съ нимъ!

Фре́иръ сказалъ:

Близъ устья рѣки будетъ въ узахъ врагъ асовъ —
Пока не придетъ разрушенія день. 41
Самъ окажешься скоро въ оковахъ ты, если
Не станешь, несчастій зачинщикъ, молчать!

Ло́ки сказалъ:

Золотомъ добылъ ты Ги́мира дочку
И выдалъ на выкупъ свой мечъ: 42
Когда Муспелля рать черезъ Ми́рквидръ поѣдетъ—
Нечѣмъ будетъ съ ней биться тебѣ.

Би́ггвиръ сказалъ:

Если бъ родомъ я равенъ былъ И́нгунаръ-Фре́иру
И первое мѣсто, какъ онъ, занималъ— 43

41, I Фе́нриръ лежитъ связанный близъ устья рѣки Ванъ.

42, I жена Фре́ира—Гердръ, дочь исполина Гимира (Gymir, не смѣшивать со Ги́миромъ, Hymir, убитымъ Торромъ). Фре́иръ отдалъ свой чудесный мечъ служителю своему Ски́рниру, посылая его сватомъ къ Гердръ; но неизвѣстно, какимъ образомъ ему пришлось окончательно разстаться съ этимъ мечемъ.

42, III „Муспелля рать“—воинство огненныхъ духовъ, враждебныхъ богамъ, обитателей огненнаго міра Муспелльсгейма. Когда настанетъ гибель боговъ, это воинство, во главѣ съ Суртромъ, возьметъ приступомъ крѣпость боговъ.

Ми́рквидръ—„темный лѣсъ“,—пограничная область, отдѣляющая Муспелльсгеймъ отъ владѣній боговъ.

(43) Би́ггвиръ—служитель Фре́ира; повидимому, земной человѣкъ (во всякомъ случаѣ, не богъ).

43, I И́нгунаръ—производное отъ женскаго имени И́нгунъ; вѣроятно, это было имя матери Фре́ира. Возможно, однако, что это только искаженіе имени „И́нгви“, иногда дававшагося Фре́иру, и именно въ двойной формѣ: И́нгви-Фреиръ. (Герингъ.)

Перебилъ бы я крылья воронѣ проклятой,
Раздробилъ бы всѣ кости, за карканье, ей.

Ло́ки сказалъ:

Какого еще человѣчишку вижу я,
Что тявкаетъ тутъ и виляетъ хвостомъ? 44
Весь день докучаешь рѣчами ты Фре́иру,
Иль за мельничнымъ камнемъ шумишь.

Би́ггвиръ сказалъ:

Би́ггвиръ мнѣ имя. За ловкость прославленъ
Асами я и людьми. 45
Здѣсь находясь, я въ правѣ гордиться—
Гость я въ чертогѣ боговъ.

Ло́ки сказалъ:

Би́ггвиръ, молчи! Не тебѣ подобаетъ
Тра́пезу славныхъ дѣлить: 46
Подъ столами въ соломѣ ты прятаться ловокъ,
Когда бьются въ сраженьи мужи.

Ґеймда́лльръ сказалъ:

Смысла лишился, съ ума ли сошелъ ты,
Ло́ки, что брани не бросилъ еще? 47
Многіе, выпивъ не въ мѣру, не могутъ
Свой образумить языкъ.

43, III воронѣ. Именно воро́нѣ, а не „во́рону“, какъ могъ бы предположить читатель, незнакомый съ германскимъ представленіемъ о во́ронѣ. Во́ронъ, вѣщая птица О́дина, считался счастливымъ предзнаменованіемъ—и никого нельзя было назвать „во́рономъ“ въ порицательномъ смыслѣ. *С.*

44, IV Верченіе мельницы—рабское занятіе.

46, III Полъ въ жилищѣ часто устилался соломой.

Ло́ки сказалъ:

Ґеймда́лльръ, замолчи! Обреченъ изначала
Ты на недобрый удѣлъ; 48
Въ стужѣ и въ сырости стоя на стражѣ,
Долженъ ты бдѣть за боговъ.

Ска́ди сказала:

Въ духѣ ты, Ло́ки—но станешь недолго
Здѣсь весело хвостъ распускать! 49
Скоро ты будешь прикованъ, кишками
Изъ тѣла холоднаго сына, къ скалѣ.

Ло́ки сказалъ:

Если прикованъ я буду, кишками
Изъ тѣла холоднаго сына, къ скалѣ— 50
Знай, что послѣднимъ и первымъ былъ Ло́ки
Среди тѣхъ, кѣмъ Тйа́цци убитъ.

Ска́ди сказала:

Если послѣднимъ и первымъ былъ Ло́ки
Среди тѣхъ, кѣмъ Тйа́цци убитъ— 51
Знай, что тебѣ лишь на пагубу будутъ
Всегда въ моемъ домѣ радѣть!

48, III Ґеймда́лльръ—небесный стражъ боговъ.

(49) Ска́ди, дочь исполина Тйа́цци, похитившаго однажды богиню И́дунъ. Въ этомъ похищеніи исполину помогъ Ло́ки; и онъ же затѣмъ, повинуясь волѣ боговъ, освободилъ И́дунъ изъ плѣна и возвратилъ ее въ Асгардъ, причемъ пустившійся въ погоню Тйацци попалъ во власть своихъ враговъ и былъ убитъ асами. Чтобы вознаградить Ска́ди, потребовавшую отъ боговъ расплаты за отца, асы предложили ей взять себѣ въ мужья одного изъ нихъ. Этимъ мужемъ сталъ Нйордръ. Было установлено, что три мѣсяца въ году Ска́ди должна проводить во владѣніяхъ своего мужа, у моря; остальные же девять мѣсяцевъ Нйордръ въ свою очередь долженъ жить въ горахъ въ наслѣдныхъ владѣніяхъ дочери исполина.

49, III, IV Когда боги привязали Ло́ки къ скаламъ, они употребили для этого кишки его убитаго сына На́рви, превратившіяся въ желѣзныя путы.

Ло́ки сказалъ:

Ласковѣй съ сыномъ Лауфе́йи была ты,
Когда Ло́ки звала ты на ложе къ себѣ. 52
Вспомнить надо о томъ, разъ ужъ начали счетъ мы
Непохвальнымъ дѣяньямъ своимъ!

Тогда выступила впередъ Сифъ, и поднесла Ло́ки меду въ хрустальномъ сосудѣ, и сказала:

Привѣтъ тебѣ, Ло́ки! въ знакъ мира прими ты
Съ медомъ старымъ хрустальный сосудъ, 53
Чтобъ изъ всѣхъ, здѣсь сидящихъ, меня лишь единой
Не порочили рѣчи твои!

Ло́ки взялъ кубокъ, выпилъ медъ и сказалъ:

Я тебя не бранилъ, оттого что скромна ты
И всегда ты чуждалась мужей; 54
Но одинъ мнѣ извѣстенъ, съ которымъ когда-то
Долгъ нарушила брачный и ты.
[И возлюбленнымъ тѣмъ былъ злой Ло́ки.]

---

(52) Нигдѣ въ другомъ мѣстѣ нѣтъ указаній на любовную связь Ло́ки со Ска́ди.

Проза: I) Сифъ—жена Торра, олицетвореніе земного плодородія. Отъ Торра у нея родилась дочь Трудръ („Сила"), вѣроятно тождественная съ одноименной валькиріей, и сыновья Моди и Магни. Сыномъ ея отъ другого брака былъ богъ Улльръ, покровитель охоты, бѣга на лыжахъ, а также поединковъ. Кто его отецъ, первый мужъ Сифъ—неизвѣстно.

(54) Строка, называющая самого Ло́ки любовникомъ Сифъ, считается позднѣйшею вставкою. Опредѣленныхъ указаній на это нѣтъ, если не считать свѣдѣнія, что Локи однажды „коварно обрѣзалъ у Сифъ ея золотые волосы" (Sn. E. Skaldsk). Заключеніе Геринга, на основаніи этой фразы, что Ло́ки—„который могъ обрѣзать ея волосы только во время сна"—дѣйствительно долженъ былъ быть ея любовникомъ,—не представляется вполнѣ убѣдительнымъ. Во-первыхъ, такой мастеръ по части всевозможныхъ хитрыхъ продѣлокъ, какъ Ло́ки, свободно могъ найти способъ обрѣзать волосы Сифъ и не „во время сна"; во-вторыхъ, и допуская, что онъ „во время сна" это сдѣлалъ—вовсе еще не обязательно признать, что онъ

Бе́йла сказала:

Горы дрожатъ: это Торръ приближается,—
Ѣдетъ Громо́вникъ домой! 55
Замолчать онъ принудитъ ругателя наглаго,
Что безсмертныхъ и смертныхъ язвитъ.

Ло́ки сказалъ:

Бе́йла, молчи! Подруга ты Би́ггвира;
Мнѣ извѣстно, какая ты тварь! 56
Никогда не видали здѣсь боги рабыни
Гнуснѣй и грязнѣе тебя.

Тутъ вошелъ Торръ и сказалъ:

Мерзкій, уймись! Или мощный мой молотъ,
Ми́льниръ, нѣмымъ тебя сдѣлаетъ въ мигъ! 57
Скалу́ твоихъ плечъ безъ труда отрублю я,
И съ жизнью разстанешься ты.

Ло́ки сказалъ:

Прибылъ Громо́вникъ, Земли сынъ великій.
Торръ, что грозишь ты мнѣ такъ? 58
Настанетъ твой часъ, и отступишь предъ Волкомъ ты,
Что Властителя битвъ истребитъ.

Торръ сказалъ:

Мерзкій, уймись! Или мощный мой молотъ,
Ми́льниръ, нѣмымъ тебя сдѣлаетъ въ мигъ! 59

сдѣлалъ это въ качествѣ ея любовника. Разсказывается же о томъ, какъ Ло́ки похитилъ—именно во время сна—ожерелье у Фре́йи, и достигъ этого вовсе не тѣмъ, чтобы попасть на ея ложе въ качествѣ любовника—но превратился для этой цѣли въ блоху. *С.*

57, III „Скала плечъ"—голова.

58, III Волкъ Фе́нриръ при кончинѣ міра пожретъ О́дина.

Тебя далеко́ на востокъ я закину—
Никому не найти тебя тамъ!

Ло́ки сказалъ:

Некстати ты сталъ вспоминать о востокѣ:
Не къ чести себѣ отличался ты тамъ! 60
Сидѣлъ Громови́къ чуть живой въ рукавицѣ—
Самъ съ перепугу не помнилъ, кто онъ.

Торръ сказалъ:

Мерзкій, уймись! Или мощный мой молотъ,
Мйо́льниръ, нѣмымъ тебя сдѣлаетъ въ мигъ! 61

59, III На востокъ—въ царство исполиновъ.

(60) Эпизодъ, о которомъ здѣсь напоминаетъ Ло́ки, и который служитъ, дѣйствительно, „не къ чести“ Торра, сохранился въ прозаическомъ пересказѣ.

Торръ, странствовавшій въ сопровожденіи Ло́ки и со своими служителями Тйальфи и Рёсквой, долженъ былъ однажды закочевать въ лѣсу со своими спутниками. Они набрели на какое-то пустое зданіе съ громаднымъ входомъ, равнявшимся шириною ширинѣ всей постройки. Тамъ они расположились ночевать. Въ полночь они съ ужасомъ проснулись отъ шума и землетрясенія, колебавшаго всю постройку; всѣ они въ тревогѣ поднялись. Съ правой стороны большого зданія они нащупали небольшую пристройку и перебрались туда, а Торръ съ молотомъ сталъ на стражѣ у входа. Шумъ и сотрясеніе неоднократно повторялись. Только на утро Торръ рѣшился выйти и поглядѣть въ чемъ дѣло. Тогда онъ увидалъ неподалеку великана, который крѣпко спалъ и храпѣлъ: храпъ его и былъ причиной слышаннаго шума. Зданіе же, гдѣ Торръ со спутниками провелъ ночь, оказалось рукавицею великана (пристройку составлялъ единственный палецъ рукавицы).

Великанъ, назвавшій себя Скри́миромъ, предложилъ впослѣдствіи Торру продолжать путь вмѣстѣ. Торръ согласился и попалъ благодаря этому въ волшебный замокъ, гдѣ могущественные духи подвергаютъ его ряду испытаній, сплошь кончающихся позорной неудачей Торра, такъ какъ подъ видомъ легко осуществимыхъ задачъ (осушить рогъ меду, побороть старуху) властитель замка, „отведя глаза“ Торру, предлагаетъ ему на самомъ дѣлѣ задачи невыполнимыя (выпить море, побороть Старость); когда же ему открываютъ обманъ и онъ въ ярости хочетъ отомстить чародѣямъ—весь замокъ и его обитатели исчезаютъ подобно навожденію (Gylfag. 45, 46, 47).

Удѣлъ твой рѣшитъ сокрушитель Ґрунгни́ра,
Расколетъ всѣ кости твои.

Ло́ки сказалъ:
Еще долго на свѣтѣ прожить я надѣюсь,
Хоть молотъ ты свой надо мной и занесъ. 62
Помнишь, Торръ, какъ не могъ сумку Скри́мира вскрыть ты?
Не смогъ ты добраться тогда до ѣды.
[И отъ голоду чуть не погибъ.]

Торръ сказалъ:
Мерзкій, уймись! или мощный мой молотъ,
Мйольниръ, нѣмымъ тебя сдѣлаетъ въ мигъ! 63
Пошлетъ тебя въ Ґэль сокрушитель Ґрунгни́ра,
Въ вѣчную ночь къ неживымъ.

Ло́ки сказалъ:
Богамъ и потомкамъ боговъ говорилъ я
Все то, что хотѣлъ имъ сказать. 64
Тебѣ одному я теперь уступаю:
Я знаю, что бой по тебѣ.

Э́гиръ, пива запасъ ты, но пира отнынѣ
Не устроишь ты здѣсь никогда! 65
Пусть чертогъ твой сгоритъ и добро твое тоже,

61, III Сокрушитель Грунгнира—Мйо́льниръ, которымъ Торръ убилъ исполина Ґрунгнира.

62, III Когда Торръ и его спутники присоединились въ дорогѣ къ исполину Скри́миру, послѣдній предложилъ сложить припасы, всѣ вмѣстѣ, въ его сумку. Когда же затѣмъ Торръ захотѣлъ достать свои припасы оттуда, онъ не смогъ этого сдѣлать, такъ какъ Скри́миръ обвязалъ свою сумку желѣзными путами и волшебствомъ „отвелъ глаза“ Торру такъ, что тотъ не видѣлъ въ чемъ дѣло и не былъ въ состояніи открыть сумку.

63, III Ґэль—подземное царство одноименной богини Смерти.

(65) Ло́ки говоритъ о гибели Э́гира при кончинѣ міра.

Все богатство погубитъ огонь,
Твою спину пусть пламя спалитъ!

[Послѣ этого Ло́ки скрылся, принявъ образъ лосося, въ водопадѣ Фра́нангръ. Тамъ боги изловили его. Онъ былъ связанъ при помощи кишокъ его сына На́рви (убитаго богами); а сынъ его Вали превращенъ былъ въ волка. Ска́ди взяла ядовитую змѣю и прикрѣпила ее надъ головою Ло́ки, такъ что ядъ (изъ змѣиной пасти) падалъ ему на лицо. Си́гинъ, жена Ло́ки, сѣла возлѣ него и подставляла чашу подъ падавшій ядъ. Когда чаша наполнялась, она выливала ея содержимое, и ядъ въ это время падалъ на Ло́ки. Тогда онъ бился такъ сильно, что горы дрожали. И это было названо землетрясеніемъ.]

Проза. Какъ указываетъ Могкъ, прозаическое заключеніе первоначально вовсе не относилось сюда, и внесено лишь по недоразумѣнію (изъ Снорровой Эдды, Gylfag. 49) въ позднѣйшіе списки.

Помимо сравненія текстовъ, достаточно обратить вниманіе на содержаніе пѣсни: описанная страшная кара постигла Ло́ки за убійство Бальдра, а не за его злыя рѣчи на пиру. Противорѣчіе между тѣмъ обстоятельствомъ, что Бальдръ уже убитъ, а Ло́ки оказывается на свободѣ и (первоначально, до убійства Фи́мафѐнгра) мирно участвуетъ въ пирѣ боговъ—объясняется позднимъ, притомъ чисто литературнымъ и дидактическимъ (не народно-миѳическимъ) происхожденіемъ пѣсни.

ОБЩІЯ ЗАМѢЧАНІЯ.

Эта пѣснь сохранилась только въ Codex Regius (2365). Немногія выдержки изъ нея имѣются въ Снорровой Эддѣ. Въ позднѣйшихъ спискахъ (на бумагѣ) встрѣчаются заглавія: Aegisdrekka („Пиръ у Э́гира") и Lokaglepsa (что приблизительно можно перевести „Язвительныя рѣчи Ло́ки"). Въ пергаментномъ подлинникѣ она называется „Lokasenna" (senna—словесная распря, пререканія, перебранка). За неумѣніемъ найти лучшую передачу этого термина, мнѣ пришлось озаглавить пѣснь: „Словесная распря Ло́ки".

Эта пѣснь довольно поздняго происхожденія; несомнѣнно, она создана не раньше второй половины X вѣка, по всей же вѣроятности значительно позднѣе и, слѣдовательно, не въ Норвегіи, а въ Исландіи. Это доказывается развитою миѳологическою терминологіей автора (въ данномъ случаѣ можно почти съ увѣренностью предполагать единоличнаго автора, а не послѣдовательное творчество нѣсколькихъ пѣвцовъ), богатымъ, явно позднимъ развитіемъ самыхъ миѳовъ, тѣмъ, что нѣкоторые миѳологическіе образы вырисовываются въ ней уже въ той послѣдней стадіи, какой они достигли только въ Исландіи: прежде всего образъ Ло́ки, играющій главную роль въ этомъ произведеніи, затѣмъ картины будущей гибели боговъ — то и другое получило свою окончательную форму только въ Исландіи. Позднѣе происхожденіе пѣсни подтверждается и общимъ ея настроеніемъ, въ которомъ ясно чувствуется разложеніе первобытнаго языческаго міросозерцанія.

Охарактеризовать удовлетворительнымъ образомъ эту пѣснь съ внутренней стороны въ высшей степени трудно—быть можетъ труднѣе, чѣмъ сдѣлать то же по отношенію къ какой бы то ни было другой пѣсни. При большой несложности драматическаго дѣйствія—ея психологическое содержаніе, напротивъ, весьма сложно и послужило темой для самыхъ разнообразныхъ отзывовъ. Положимъ, такой капитальный изслѣдователь, какъ Могкъ, считаетъ

возможнымъ, ссылаясь на Финнура Іонсона, отдѣлаться слѣдующимъ сжатымъ „изложеніемъ“ основной идеи пѣсни:

„Мерзавца, которому на все наплевать и который готовъ все святое втоптать въ грязь—можно образумить не иначе, какъ поколотивши“.

Эта весьма резонная житейская философія вполнѣ соотвѣтствуетъ древне-германскому духу и въ извѣстномъ смыслѣ отражается въ выступленіи Торра съ его молотомъ — какъ единственнымъ якобы дѣйствительнымъ аргументомъ противъ ни передъ чѣмъ не останавливающихся поношеній Лóки; но ею ни въ какомъ случаѣ не исчерпывается идея и настроеніе даннаго произведенія.

„Впечатлѣніе этой пѣсни“, говоритъ Т. Н. Грановскій, „глубоко трагическое. Въ ея звукахъ слышится болѣзнь языческой души, противъ воли отрѣшающейся отъ древнихъ вѣрованій и горько сѣтующей на оставленныхъ ею боговъ за ихъ несостоятельность“. Совершенно обратнаго взгляда держится талантливый, остроумный знатокъ и популяризаторъ сѣверной миѳологіи П. Германнъ. По его мнѣнію, авторъ пѣсни „въ горькой сатирѣ безпощадно бичуетъ всю испорченность и невѣріе своихъ современниковъ — въ лицѣ Лóки, клеветника и исконнаго врага боговъ“. Наконецъ, существовала одно время—правда, оказавшаяся несостоятельной—гипотеза, что творцомъ пѣсни былъ христіанскій монахъ, написавшій будто бы въ поэтической формѣ памфлетъ противъ ненавистнаго ему язычества.

Различіе приведенныхъ взглядовъ достаточно свидѣтельствуетъ о томъ, насколько сложно внутреннее содержаніе пѣсни, могущей дать почву для столь разнообразныхъ, взаимно исключающихъ другъ-друга толкованій.

Одно несомнѣнно, и это одно со свойственною ему мѣткостью выражаетъ старый, но необыкновенно чуткій и глубокій истолкователь германской древности, Вейнгольдъ: „Нельзя отрицать“, говоритъ онъ [1]), „что эта пѣснь Эдды, въ особенности когда ее прочесть въ первый разъ — производитъ крайне непріятное впечатлѣніе; всѣ боги представлены въ самомъ жалкомъ видѣ, и широкій повѣствовательный тонъ произведенія, въ стилѣ пѣсенъ скальдовъ, дѣлаетъ это еще болѣе чувствительнымъ“. Таково дѣй-

---

[1]) Статья: Die Sagen von Loki.

ствительно неизбѣжное первое впечатлѣніе этой пѣсни для всякаго сколько-нибудь вдумчиваго читателя, успѣвшаго хоть немного ознакомиться съ образами сѣверной миѳологіи и почувствовать ихъ красоту. Можно сколько угодно обзывать Ло́ки „мерзавцемъ“ (Schurke), какъ выражается Могкъ, „лживымъ клеветникомъ“, какъ говоритъ Германнъ, или наконецъ примкнуть къ той характеристикѣ, которую со свойственнымъ ему эпическимъ спокойствіемъ приводитъ въ своемъ перечнѣ асовъ Снорри Стурлусонъ: „Къ асамъ причисляется и тотъ, кого многіе называютъ клеветникомъ асовъ и зачинщикомъ обмана, а также позоромъ всѣхъ боговъ и людей“ (Gylfag. 32). Но далеко не всѣ заявленія этого дурно ославленнаго обвинителя оказываются клеветою; нѣкоторыя подтверждаются самими обвиненными. И сумма ихъ вызываетъ въ концѣ-концовъ представленіе, крайне неблагопріятное для боговъ.

Не мѣшаетъ прежде всего выяснить, какія „поношенія“ Ло́ки безусловно отпадаютъ при выясненіи этой суммы справедливыхъ обвиненій. Само собою разумѣется, что къ послѣднимъ не могутъ относиться всѣ тѣ язвительныя замѣчанія Ло́ки, которыя не заключаютъ въ себѣ ничего позорящаго, а лишь указаніе на какое-нибудь несчастье, постигшее собесѣдника или грозящее ему. Такъ, Тиру Ло́ки напоминаетъ, что онъ безъ руки (такъ какъ волкъ Фе́нриръ отгрызъ ему руку); Фре́иру,— что тотъ пожертвовалъ своимъ мечемъ, сватаясь за Гердръ, и окажется безъ оружія въ послѣдней битвѣ боговъ; Ге́ймда́лльру,— что онъ несетъ тяжелую и нерадостную службу въ качествѣ небеснаго стража; Ска́ди, — что асы подъ предводительствомъ его, Ло́ки — убили ея отца; Э́гиру,— что пламя разрушитъ его жилище и опалитъ его; Нйордру,— что онъ явился къ богамъ въ качествѣ заложника отъ Вановъ. Конечно, никакого серьезнаго значенія не имѣетъ и касающееся того же Нйордра заявленіе, что послѣдній—властитель моря—служилъ „непотребнымъ сосудомъ“ дочерямъ горнаго исполина (снѣговымъ горнымъ потокамъ, низвергающимъ въ море свои воды); это простая реторическая фигура,— циничная, но въ концѣ-концовъ безобидная игра словами (доступная, конечно, только ученому миѳологу и искусственная въ устахъ одного изъ героевъ миѳа—какъ и многое въ этой пѣсни). Реторическою фигурою является по всей вѣроятности и обвиненіе,

направленное противъ Óдина, будто послѣднiй являлся „въ женскомъ обличiи“—на мой взглядъ, представляющее собою просто софизмъ, построенный на томъ, что Óдинъ занимался колдовствомъ, а колдовство по преимуществу женское занятiе (но ничего преступнаго и позорнаго колдовство, какъ таковое, не заключало въ себѣ по тогдашнимъ понятiямъ: только злое колдовство предосудительно). Менѣе вѣроятно, но все-таки возможно, что софизмомъ является и обвиненiе Фриггъ въ измѣнѣ супругу съ Ве и Ви́ли — такъ какъ послѣднiе, быть можетъ, въ представленiи автора пѣсни были лишь „ипостасированными“ образами самого Óдина. Не софизмомъ, но завѣдомо недобросовѣстнымъ обвиненiемъ, повидимому, оказывается и упрекъ Óдину: что онъ дарилъ побѣду въ бою недостойному, трусу. Лóки зналъ не хуже Óдина, что, съ одной стороны, жребiи жизни и смерти опредѣлялись норнами, что, съ другой стороны, Óдинъ никогда не любилъ трусовъ,— а стало-быть, если онъ давалъ недостойному побѣду, то не по своей волѣ, а по приговору судьбы. Наконецъ, относительно обвиненiя Бра́ги въ трусости можно съ большимъ правдоподобiемъ предполагать, что оно просто несправедливо—въ виду отсутствiя въ миѳахъ какого-либо подтвержденiя этого обвиненiя и въ виду крайней позорности, въ глазахъ всякаго древняго германца, такого порока, какъ трусость, менѣе чѣмъ что-либо совмѣстимая съ понятiемъ о богѣ (всѣ германскiе боги называются „боги побѣдъ“, „боги битвъ“, и т. п.).

Но и по исключенiи всѣхъ приведенныхъ обвиненiй остается вполнѣ достаточно, чтобы образы боговъ и въ особенности богинь выступили въ весьма неблагопрiятномъ освѣщенiи. И́дунъ, Ге́фiонъ, Фре́йа обвиняются въ распутствѣ, при чемъ обвиненiе не только не опровергается, но со стороны Нйордра даже слѣдуетъ замѣчанiе, что бѣда не велика, если женщина заведетъ себѣ любовника; Фре́йа оказывается вдобавокъ виновной въ злыхъ чарахъ и въ попыткѣ обольстить родного брата (если даже не прямо въ кровосмѣшенiи); Нйордръ прижилъ сына отъ своей сестры; Тиръ спокойно терпитъ позоръ своей жены, у которой сынъ отъ Лóки; самъ могучiй Торръ долженъ выслушать напоминанiе о томъ, какъ онъ былъ одураченъ Скри́миромъ, какъ струсилъ, когда ночевалъ въ рукавицѣ загадочнаго исполина, и

какъ въ будущемъ позорно отступитъ въ послѣднемъ бою боговъ передъ волкомъ Фе́нриромъ.

Положимъ, хуже всѣхъ оказывается самъ обвинитель. Съ невозмутимою дерзостью напоминаетъ Ло́ки о худшемъ своемъ злодѣяніи — предательскомъ убійствѣ Бальдра; — не отрицаетъ, а антитезою своего отвѣта (24) прямо подтверждаетъ позорное обвиненіе, что онъ жилъ въ женскомъ образѣ (имѣлъ любовника—или мужа?) и рожалъ дѣтей; и совершенно спокойно признается въ любовной связи съ Ска́ди, Фре́йей [1]), Сифъ и женою Тира.

Но оттого, что Ло́ки хуже остальныхъ — его противники не дѣлаются лучше. И когда онъ, не щадя себя, столь же нещадно бичуетъ и ихъ — они не могутъ ничего противупоставить его обвиненіямъ, кромѣ физической силы. А послѣдняя, конечно, никого и ни отъ чего оправдать не можетъ. Она только можетъ заткнуть ротъ обвинителю; и то не всегда.

Мнѣ представляется совершенно ошибочною распространенная точка зрѣнія, что Торръ въ этой пѣсни оказывается „побѣдителемъ“ Ло́ки. Только пристрастіе (сознательное или безсознательное) къ благодушному, простосердечному Громовнику съ его примитивною защитою нравственныхъ устоевъ посредствомъ ударовъ молота—можетъ заставить, напр., Геррманна говорить: „Что Торръ является господиномъ положенія, это сразу видно, какъ только онъ при входѣ загремѣлъ на Локи: Молчи!.. и пригрозилъ размозжить его своимъ молотомъ...“ Если бы послѣ этой угрозы Ло́ки дѣйствительно замолчалъ — Геррманнъ, конечно, былъ бы правъ. Но Ло́ки и не думаетъ умолкнуть, а въ самомъ спокойномъ насмѣшливомъ тонѣ отвѣчаетъ:

Прибылъ Громовникъ, Земли сынъ великій.
Торръ, что грозишь ты мнѣ такъ?..
Настанетъ твой часъ, и отступишь предъ Волкомъ ты,
Что Властителя битвъ истребитъ. (58)

На что Торръ опять „гремитъ“ свое: Молчи! И „гремѣть“ ему приходится въ общей сложности четыре раза—пока, наконецъ, Ло́ки,

---

[1]) Это несомнѣнно явствуетъ изъ стрф. 30.

высказавъ все, что ему хотѣлось высказать, и еще вдобавокъ констатировавъ это въ своей послѣдней репликѣ, соглашается уйти. При всемъ желаніи, я не могу усмотрѣть въ отвѣтахъ Ло́ки этого „страха и почтенія къ Торру“, о которыхъ говоритъ Геррманнъ. Напротивъ, грозному богу съ его занесеннымъ молотомъ приходится выслушать отъ насмѣшника больше дерзкихъ рѣчей, чѣмъ кому бы то ни было: цѣлыхъ три строфы посвящены насмѣшкамъ Ло́ки по адресу Торра—тогда какъ во всѣхъ предыдущихъ его выходкахъ самое большее отводилось по двѣ строфы обвиненіямъ противъ каждаго божества. И на каждую изъ трехъ строфъ Торръ не умѣетъ отвѣтить ничѣмъ инымъ, какъ однимъ и тѣмъ же браннымъ словомъ (rǫg váetr) и буквально повторяемою угрозою заставить его замолчать при помощи Мйольнира, къ чему попеременно присоединяется обѣщаніе „закинуть Ло́ки на востокъ, гдѣ его никто не найдетъ“, „сокрушить ему кости“, „загнать его въ подземное царство“. Заявленіе Ло́ки: „Я знаю, что ты способенъ биться“ звучитъ — послѣ всего, что Торръ далъ безнаказанно наговорить себѣ—скорѣе ироніей, чѣмъ „страхомъ и почтеніемъ“.

Въ особенности, если сопоставить съ этимъ его слова въ предшествующей репликѣ: „Я собираюсь прожить еще долгій вѣкъ, хоть ты и замахиваешься на меня молотомъ“. Ло́ки знаетъ, что не Торру суждено убить его, и что согласно завѣтамъ рока онъ будетъ жить до кончины міра; знаютъ это и боги. Если тотъ или другой, вспыливъ, и угрожаетъ Ло́ки смертью—то изъ словъ Ска́ди и Фре́ира ясно, что имъ извѣстенъ будущій удѣлъ этого злѣйшаго врага, которому отъ нихъ на дѣлѣ можетъ грозить (до времени кончины міра), какъ и волку Фе́нриру, только плѣнъ, но не смерть. Если бы боги могли убить Фе́нрира и Ло́ки, они конечно постарались бы это слѣлать—но судьба опредѣлила иначе; недаромъ Фриггъ, „знающая всѣ судьбы“ (29), говоритъ только, что Ло́ки пришлось бы биться, если бы еще былъ въ живыхъ Бальдръ—но не говоритъ, что ему пришлось бы поплатиться головой (27).

И знаменателенъ отвѣтъ Ло́ки, напоминающій о смерти Бальдра. Онъ совершенно опредѣленно выражаетъ мысль: „Ты хорошо знаешь, что Бальдръ мнѣ не былъ страшенъ, что не ему было

суждено убить меня, а, наоборотъ, мнѣ—погубить его". Почему же, въ такомъ случаѣ, Лóки долженъ бояться Торра больше, чѣмъ остальныхъ боговъ? Такой боязни дѣйствительно и не видно въ его обращеніи къ Торру. Комментаторы, настаивающіе на „торжествѣ Торра", вдобавокъ забываютъ и еще объ одномъ: о брошенномъ въ лицо жены его обвиненіи въ прелюбодѣяніи (въ довершеніе всего—едва-ли не съ самимъ Лóки!). Ни Торръ, ни Сифъ не опровергаютъ этого обвиненія: между тѣмъ, съ этого надлежало-бы начать, будь превосходство въ данномъ случаѣ на сторонѣ Торра. И спрашивается: кто въ большей степени является „господиномъ положенія" — полный ярости простоватый Громовникъ, отвѣчающій на справедливыя нелестныя напоминанія Лóки все однимъ и тѣмъ же браннымъ словомъ и одной и той же угрозой, размахивая надъ головою оскорбителя молотомъ, которымъ онъ фактически не можетъ ему повредить,—или Лóки, невозмутимо высказывающій въ лицо Торру все, что ему приходитъ въ голову наиболѣе оскорбительнаго; не стѣсняясь его присутствіемъ заканчивающій свои выходки по адресу прочихъ боговъ зловѣщимъ предсказаніемъ Э́гиру; заявляющій, что теперь, высказавъ все, что находилъ нужнымъ, онъ уступаетъ и удаляется, и оставляющій боговъ подъ угрозою неизбѣжнаго грядущаго конца—зная о томъ, чтó должно его постичь со стороны боговъ, и чтó угрожаетъ богамъ съ его стороны?... [1])

Вейнгольдъ и въ этомъ вопросѣ проявляетъ свою чуткость, не придавая никакого значенія кажущемуся торжеству Торра (которое, какъ это ни странно, импонируетъ, повидимому, даже Герингу) и подчеркивая безпомощность боговъ передъ обвинителемъ, котораго онъ правильно называетъ, въ данномъ случаѣ, ихъ олицетворенною совѣстью. Что у этой совѣсти—совѣсть тоже не чиста, это нисколько не мѣняетъ дѣла.

Здѣсь, въ этомъ миѳологическомъ произведеніи поздней эпохи, когда образъ Лóки выступаетъ уже въ послѣдней стадіи своего развитія, въ видѣ опредѣленно враждебнаго богамъ начала, не считающагося съ ихъ законами и воззрѣніями, съ ихъ

---

[1]) О личности Лóки и ея миѳологической эволюціи говорится болѣе или менѣе подробно въ указателѣ именъ (см. Лóки ст. 649).

мѣрилами добра и зла [1])—никто и не вправѣ требовать отъ него соблюденія божеской этики, которой онъ завѣдомо не признаетъ. Иное дѣло асы. Разъ они претендуютъ на роль носителей извѣстныхъ нравственныхъ началъ; разъ они упрекаютъ его, Лóки, за прегрѣшенія протихъ этихъ началъ—то они сами, допуская въ своей средѣ низость и зло, виновны и заслуживаютъ кары: эта кара ихъ постигнетъ, когда наступитъ кончина міра, и Лóки опредѣленно напоминаетъ богамъ, что ихъ ждетъ гибель (42, 58, 65).

Въ этомъ отношеніи правъ и неправъ Грановскій, усматривающій въ „Lokasenna" „болѣзнь языческой души"... горько сѣтующей на оставленныхъ боговъ „за ихъ несостоятельность". Несостоятельность эта—по отношенію къ большинству [2]) боговъ—здѣсь дѣйствительно выступаетъ наружу; но боги, для автора пѣсни, еще не „оставленные боги" въ томъ смыслѣ, чтобы онъ пересталъ въ нихъ вѣрить. Это боги послѣдней стадіи миѳологической эволюціи древне-германскаго міросозерцанія: боги виновные и осужденные на смерть.

Съ одной стороны, они сами—или по крайней мѣрѣ большинство ихъ—запятнаны виновностью; съ другой стороны, они оказываются надѣленными недостаточнымъ могуществомъ, подчиненными міровой судьбѣ во всѣхъ своихъ начинаніяхъ. И развивающееся религіозное міровоззрѣніе съ неумолимою послѣдовательностью обрекло боговъ на гибель.

---

[1]) Я даже не хочу касаться пункта, опредѣленно подтверждающаго высказываемый здѣсь взглядъ, но слишкомъ сложнаго для сжатаго обсужденія: того обстоятельства, что въ эпизодѣ съ Торромъ, гдѣ послѣдній оказывается побѣжденнымъ — побѣдитель его, властитель призрачнаго замка, Ýтгардалóки, не кто иной, какъ своего рода двойникъ Лóки, его враждебная асамъ „ипостась" (см. Weinhold. Die Sagen von Loki).

[2]) Совершенно чистъ отъ всякихъ обвиненій остается—изъ тѣхъ боговъ, о которыхъ упоминаетъ Лóки,—только свѣтлый Фрéиръ. Мнѣ кажется несомнѣннымъ, что обвиненіе стрф. 32 относится только къ Фрéйѣ, а не къ нему; даже если въ немъ подразумѣвается (чего я не думаю) дѣйствительно совершившееся кровосмѣшеніе, то предполагается, повидимому, что Фрéйа достигла своей цѣли обманомъ (чарами или какою-нибудь хитростью). Въ противномъ случаѣ—Лóки не преминулъ бы воспользоваться обвиненіемъ.

Эта идея, о которой уже пришлось говорить по поводу „Прорицанія Провидицы“, гдѣ она выразилась въ величавой формѣ міровой эпопеи — здѣсь выступаетъ иначе, съ большею индивидуализаціей, до извѣстной степени перенесенная съ общихъ судебъ міра на единичныхъ живыхъ представителей двухъ враждебныхъ лагерей: боговъ и ихъ противниковъ, разрушителей, носителей истребительныхъ силъ хаоса. Одинъ изъ этихъ противниковъ—на ряду съ Суртромъ играющій первенствующую роль въ истребительной борьбѣ противъ боговъ —является выразителемъ безпощаднаго осужденія, постигающаго ихъ со стороны мыслящаго духа въ данную эпоху. Съ этой точки зрѣнія получаютъ огромное значеніе и всѣ тѣ „поношенія“ Лóки, которыя выше признаны не имѣющими значенія, какъ обвиненія. Смыслъ ихъ и заключается не въ обвиненіи, а въ указаніи богамъ на относительность ихъ могущества, на ихъ зависимость отъ Судьбы. Чѣмъ въ правѣ гордиться эти боги—когда одному изъ нихъ приходится, чтобы на время предохранить міръ отъ ярости чудовища, остаться на всю жизнь съ одной рукой; когда Покровитель храбрецовъ долженъ по волѣ судьбы незаслуженно даровать побѣду трусамъ; когда наконецъ всѣ боги не могли спасти отъ предначертанной рокомъ гибели лучшаго изъ всѣхъ, общаго любимца, Бальдра?... Таковъ основной мотивъ всѣхъ тѣхъ обличеній Лóки, которыя относятся не къ тому, что боги совершили дурного, а къ тѣмъ неотвратимымъ ударамъ судьбы, отъ которыхъ они не въ силахъ были защититься.

Содержаніе всѣхъ рѣчей Лóки, направленныхъ противъ боговъ, естественно расчленяется на три основныхъ момента:

1. Вы, боги, несовершенны, запятнаны виною: этотъ малодушенъ, тотъ повиненъ въ кровосмѣшеніи, тотъ ведетъ себя какъ трусъ, тотъ даетъ себя провести позорнѣйшимъ образомъ; ваши жены продажныя развратницы, ваши служители (Бúггвиръ и его жена) наглы, распутны и болтливы.

2. Вы, боги, безсильны передъ судьбою въ гораздо большей степени, чѣмъ люди передъ вами:—васъ ранятъ, калѣчатъ, убиваютъ; вы не можете одолѣть враждебныхъ вамъ разрушительныхъ силъ, несмотря на бдительность Ґеймдáлльра, на храбрость Торра, на мудрость и чары Óдина; вы сами обречены совершать

то, что послужитъ къ вашей гибели: Фре́иру пришлось отдать мечъ, безъ котораго онъ будетъ безпомощенъ въ рѣшающей міровой битвѣ.

3. Судьба, которая властвуетъ надъ вами, обрекла васъ искупить ваши вины—и такъ же, какъ вы не могли избѣжать страданій и утратъ, такъ же вы не избѣгнете общей, окончательной гибели; мы, ваши противники, разрушители мірового устроенія, съ перемѣннымъ счастьемъ ведущіе вѣковую борьбу противъ васъ—мы васъ погубимъ въ послѣдній день міра. И волкъ Фе́нриръ пожретъ О́дина, и Торръ отступитъ передъ грознымъ чудовищемъ, и побѣдоносное огненное воинство Му́спелля сожжетъ Э́гира, уничтоживъ его водяное царство,—завоюетъ и испепелитъ весь вашъ міръ.

Такова, по моему мнѣнію, основная идейная подкладка пѣсни[1]): „Словесная распря Ло́ки",—вложенныя въ уста ненавистнаго богамъ противника безпощадныя истины: безповоротное осужденіе несовершенныхъ боговъ, жестокая характеристика ихъ нравственной запятнанности и ихъ безсилія передъ міровою судьбою, — и, какъ выводъ, предсказаніе ихъ неминуемой гибели; предустановленное вѣчнымъ вселенскимъ закономъ исчезновеніе несовершеннаго міра съ его несовершенными богами въ очистительномъ всемірномъ пожарѣ.

На это психологическое содержаніе пѣсни не оказываетъ никакого вліянія чисто внѣшній моментъ появленія Торра; даже если бы богъ громовъ искалѣчилъ или убилъ Ло́ки—дѣло отъ этого ничуть не измѣнилось бы. (И если бы заключительная проза не по ошибкѣ была приписана къ пѣсни, а дѣйствительно должна бы слѣдовать за нею—это тоже не имѣло бы значенія въ этомъ отношеніи.) Важно не то, что Ло́ки уходитъ цѣлъ и невредимъ, а то, что произнесенныя имъ обличенія остаются неопровергнутыми, сохраняютъ свою силу,—потому, что въ нихъ выражается продуктъ религіознаго міросозерцанія автора.

Я не хочу сказать, что вся пѣснь цѣликомъ выросла изъ этого міросозерцанія—такое утвержденіе представляется мнѣ даже грубою ошибкою.

---

[1]) Съ такимъ освѣщеніемъ ея мнѣ не пришлось до сихъ поръ встрѣтиться у изслѣдователей Эдды.

Несомнѣнно, что канвою поэту служили старые, издавна жившіе въ народномъ воображеніи миѳы—частью въ ихъ первобытной наивной формѣ, частью въ сложномъ и переработанномъ позднѣйшемъ обличіи. Весьма правдоподобно, напримѣръ, предположеніе Вейнгольда, что въ повторномъ указаніи на любовную связь Лóки съ рядомъ различныхъ богинь—использованы поздніе искаженные отголоски древняго представленія о Лóки, какъ о божествѣ любви и брака. Элементы старыхъ стихійныхъ миѳовъ сказываются въ цѣломъ рядѣ подробностей (напр., то, что „горы дрожатъ“ при приближеніи громового бога Торра).

Въ самой обстановкѣ пѣсни—въ этомъ пирѣ боговъ у Э́гира, который наварилъ для нихъ пива въ исполинскомъ котлѣ—чувствуется духъ первобытнѣйшихъ народныхъ сказаній съ ихъ простодушнымъ антропоморфизмомъ. По всей вѣроятности въ глубокой древности существовала уже сага (быть можетъ, даже пѣсня) о томъ, какъ боги собрались пировать, какъ прогнали съ пира Лóки за убійство одного изъ прислужниковъ, какъ неугомонный богъ пламени вернулся и затѣялъ перебранку съ остальными богами, и всѣхъ поносилъ,—пока не явился Торръ и не выгналъ его вонъ своимъ молотомъ. Но этотъ наивный древній разсказъ по-своему использованъ поэтомъ, который по времени жизни, по міросозерцанію, по миѳологической освѣдомленности и по литературной техникѣ—ушелъ безконечно далеко отъ тѣхъ архаическихъ источниковъ, откуда онъ почерпнулъ свою тему. Этотъ поэтъ вложилъ свои собственныя религіозныя воззрѣнія (отчасти, быть можетъ, и свои религіозныя исканія) въ обработку старыхъ преданій.

Я не собираюсь также защищать нелѣпое предположеніе, что основная идея произведенія — охарактеризованная выше—могла присутствовать въ сознаніи автора пѣсни съ тѣми предпосылками и въ той формулировкѣ, которыя высказаны здѣсь: ясно, что это невозможно.

Но въ видѣ полусознанной, изобилующей прорывами цѣпи посылокъ и выводовъ, въ видѣ ряда опредѣленныхъ вѣрованій, связанныхъ другъ съ другомъ непосредственно, интуитивною зависимостью—именно это основное представленіе, именно этотъ взглядъ на боговъ господствуетъ въ разсматриваемомъ произведеніи: таковъ

для меня несомнѣнный итогъ его изученія въ связи съ другими памятниками религіознаго міросозерцанія той же поры.

Остается сказать нѣсколько словъ о формѣ пѣсни.

Техника ея видимо принадлежитъ умѣлому скальду, ритмъ гибокъ, легокъ и выдержанъ—чего мнѣ, къ сожалѣнію, не вездѣ удалось достичь въ русской передачѣ. Нѣкоторая искусственность стиля служитъ лишнимъ подтвержденіемъ поздняго происхожденія пѣсни. (Относительно кажущихся уклоненій отъ исландскихъ формъ, см.: Могкъ, и его ссылку на Ольсена. Geschichte der Norwegisch-Islandischen Litteratur, 43). Единоличное поэтическое творчество чувствуется въ извѣстномъ индивидуальномъ своеобразіи оборотовъ и построеній, въ искусной, почти сценически-расчитаной комбинаціи вступленій и репликъ, въ послѣдовательномъ проведеніи черезъ всю пѣснь діалога, и притомъ діалога по строфамъ, безъ единаго отступленія; въ тонкомъ распредѣленіи эффектовъ, отчасти въ самомъ тонѣ сатирическихъ выступленій Ло́ки, представляющихъ въ цѣломъ рядѣ строфъ оригинальное соединеніе крайней рѣзкости выраженій съ тщательною выдержанностью художественной формы.

СКАЗЪ О ГА́РБАРДРѢ

Торръ возвращался съ востока и пришелъ къ проливу. По ту сторону пролива былъ перевозчикъ съ челнокомъ. Торръ окликнулъ его:

Что тамъ за малый сталъ по ту сторону? 1

Перевозчикъ сказалъ:

Что тамъ за пахарь зоветъ черезъ воду? 2

Торръ сказалъ:

Переправь меня! Дамъ я ѣды тебѣ на день.
Пищу самую лучшую въ сумкѣ несу я. 3
Самъ я плотно наѣлся съ утра на дорогу:
Ѣлъ овсянку и сельди, и сытъ на весь день.

Перевозчикъ сказалъ:

Ишь расхвастался завтракомъ, словно заслугою!
А что ждетъ тебя нынче, не знаешь. 4
Въ твоемъ домѣ, быть можетъ, бѣда:
умерла твоя мать, я такъ думаю.

Общее примѣчаніе:

Дѣйствующими лицами діалога являются Торръ и Óдинъ. Авторъ сознательно противупоставляетъ другъ другу оба божества, рисуя въ неизмѣнно юмористическомъ освѣщеніи конфликтъ между сознательнымъ духовнымъ превосходствомъ и матеріальною силою.

(2) Óдинъ презрительно называетъ Торра, покровителя земледѣлія, „пахаремъ“.

Торръ сказалъ:

Что́ для каждаго кажется худшимъ несчастьемъ,
То пророчишь ты мнѣ: моей матери смерть! 5

. . . . . .

Перевозчикъ сказалъ:

Врядъ-ли ты земледѣлецъ, дворами владѣющій:
Стоишь ты босой, и одежда вся въ дырьяхъ. 6
На тебѣ и штановъ даже нѣтъ!

Торръ сказалъ:

Правь живо сюда! Гдѣ пристать, покажу я.
А ты отвѣчай мнѣ: чей этотъ челнъ? 7

Перевозчикъ сказалъ:

Нареченъ тотъ Ги́льдольфръ, кто челнъ поручилъ мнѣ.
И живетъ мудрый витязь надъ водами Ра́дсей.
Конокрадовъ возить и воровъ не велѣлъ онъ; 8
Только путныхъ людей—кого знаю, какъ слѣдуетъ.
Назовись, если хочешь, чтобъ свезъ я тебя.

Торръ сказалъ:

Смѣло я назовусь, хоть въ странѣ я у недруговъ,
И весь родъ свой открою: я О́дина сынъ, 9
Ме́йли я братъ и Ма́гни родитель,

8, I „Волкъ боя"—этимъ именемъ О́динъ обозначаетъ, конечно, опять таки себя самого.

8, II Ра́дсей означаетъ приблизительно „островъ совѣтовъ". Это названіе можетъ заключать указаніе на обычную область дѣятельности О́дина: боевые замыслы и совѣты между вождями.

9, I въ странѣ у недруговъ, т.-е. у исполиновъ, въ чьихъ владѣніяхъ Торръ еще находится, пока онъ не переправился черезъ проливъ.

9, III Ме́йли, сынъ О́дина, братъ Торра. Сыновья его Ма́гни и Мо́ди („Сила" и „Мощь").

Изъ боговъ самый сильный я—Торръ предъ тобой.
Теперь я желаю знать также, кто ты?

Перевозчикъ сказалъ:
Я Ґа́рбардръ зовусь, имя рѣдко скрываю я. 10

Торръ сказалъ:
Съ чего же скрывать, разъ тебя не преслѣдуютъ? 11

Ґа́рбардръ сказалъ:
Если бъ даже меня и могли здѣсь преслѣдовать—
Отъ такого, какъ ты, я легко уберегся бы, 12
Если бъ рокъ не обрекъ меня на смерть какъ разъ.

Торръ сказалъ:
Мнѣ крѣпко не по сердцу въ бродъ пробираться—
Свой членъ не хочу я мочить, а не то бы 13
За обидную рѣчь проучилъ я тебя!

Ґа́рбардръ сказалъ:
Дождусь тебя здѣсь я. Врага не видалъ 14
Храбрѣе меня ты со смерти Ґру́нгнира.

Торръ сказалъ:
Напомнилъ ты мнѣ, какъ Ґру́нгнира сразилъ я.
Былъ могучъ великанъ съ головою изъ камня; 15
И все-таки, мною сраженный, безъ жизни лежалъ онъ.
А ты что свершилъ? Повѣдай мнѣ, Ґа́рбардръ!

10, I Ґа́рбардръ—Длиннобородый (быть можетъ, Сѣдобородый). Одинъ является на землѣ въ видѣ стараго странника съ длинною сѣдою бородою.

Въ этой фразѣ непонятная для Торра иронія, такъ какъ ни одинъ изъ боговъ не скрываетъ имени такъ часто, какъ именно Одинъ.

13, II Такъ читаютъ эту строку Сіймонсъ и Герингъ.

14, II Ґру́нгниръ—исполинъ, убитый Торромъ.

Ґа́рбардръ сказалъ:

У Фйо́львара прожилъ пять зимъ я подъ рядъ
На островѣ томъ, что А́льгрёнъ зовется.
Съ мужами могли мы сражаться, и многаго 16
Достичь, и красавицъ любви добиваться.

Торръ сказалъ:

Была ли тогда вамъ удача у дѣвъ? 17

Ґа́рбардръ сказалъ:

Не умны были многія—сами рвались ко мнѣ.
А другія мудрили—некстати противились:
Имъ хотѣлось рыть ямы въ глубокой ложбинѣ,
Изъ песку вить веревки старались онѣ. 18
Я одинъ былъ умнѣе, чѣмъ всѣ онѣ вмѣстѣ;
Сестры, всѣ семеро, были моими,
Ласки любовной отъ всѣхъ я добился.—
Что ты сдѣлалъ тѣмъ временемъ, Торръ?

Торръ сказалъ:

Тйа́цци убилъ я, строптиваго турса.
Грозныя очи наслѣдника А́лльвальди
Въ ясное небо забросилъ я. 19
Лучшій то памятникъ подвига Торра,—
Въ небѣ понынѣ всѣ видятъ его!
Что ты дѣлалъ тѣмъ временемъ, Ґа́рбардръ?

16, I „Фйо́льваръ"—„Осторожный". Повидимому, рѣчь идетъ о лицѣ, которому О́динъ оказывалъ поддержку въ битвахъ, при чемъ добился любви его семи дочерей на островѣ А́льгрёнъ (отъ grøn, зеленый).

18, III, IV Т.-е. противясь О́дину, красавицы предпринимали неосуществимое и безполезное дѣло.

19, I Тйа́цци—исполинъ, убитый богами при участіи Торра. Глаза его были превращены въ звѣзды (неизвѣстно, какія именно звѣзды подразумѣвались здѣсь); но, согласно сагѣ, это сдѣлалъ не Торръ, а О́динъ.

Га́рбардръ сказалъ:

Соблазнялъ я колдуній искусными ковами,
Сманивалъ женъ отъ мужей я умѣло. 20
Славнымъ, по мнѣ, исполиномъ былъ Хле́бартъ;
Онъ жезлъ чародѣйскій мнѣ далъ, а его
Я силой волшебной разсудка лишилъ.

Торръ сказалъ:

Злымъ дѣломъ воздалъ ты за добрый даръ! 21

Хга́рбардръ сказалъ:

Что съ дуба сдерутъ—въ пользу дубу другому;
Всякій заботится самъ о себѣ. 22
Что ты дѣлалъ тѣмъ временемъ, Торръ?

Торръ сказалъ:

Истреблялъ на востокѣ я женъ исполиновъ,
Что бродили въ горахъ, зло и вредъ причиняя; 23
Если бъ жить имъ всѣмъ дать, слишкомъ турсы бы множились,
Перевелись на землѣ бы всѣ люди.—
Что ты дѣлалъ тѣмъ временемъ, Хга́рбардръ?

Га́рбардръ сказалъ:

Я въ Ва́лландѣ жилъ, вызывалъ я тамъ войны,
Сѣялъ распри межъ храбрыми, миръ отнималъ. 24

20, I Въ качествѣ бога чародѣйствъ, О́динъ имѣетъ дѣло съ колдуньями.

20, III Объ эпизодѣ съ Хле́бартомъ неизвѣстно больше ничего. (Этимологія его имени неясна). Повидимому, въ побѣдѣ О́дина надъ чародѣемъ, который самъ же научилъ его, на свою погибель, чарамъ,—отразился древній сказочный мотивъ, аналогичный тому, который впослѣдствіи нашелъ свое выраженіе въ средневѣковомъ сказаніи о Мерлинѣ и Вивіанъ.

22, I Пословица.

24, I Ва́лландъ—„страна битвъ". Здѣсь О́динъ опредѣленно выступаетъ въ качествѣ бога сраженій.

Погибшихъ вождей бралъ Óдинъ въ Валгáллу,
А Торръ принималъ къ себѣ мертвыхъ холоповъ.

Торръ сказалъ:
Ты неладно людей подѣлилъ бы межъ асами,
Если бъ въ Áсгардѣ власть ты на это имѣлъ! 25

Гáрбардръ сказалъ:
Силъ у Торра достаточно, мужества мало.
Въ рукавицу отъ страха забрался ты разъ; 26
[Самъ съ перепугу не пóмнилъ, кто ты!]
Схоронился, не смѣлъ ни дохнуть, ни чихнуть ты,
Ни пердѣть, чтобы Фиáлара не разбудить.

Торръ сказалъ:
Гáрбардръ, негодный! убилъ бы тебя я, 27
Если бъ могъ на тотъ берегъ добраться къ тебѣ.

Гáрбардръ сказалъ:
Что спѣшить на мой берегъ тебѣ? Мы не въ ссорѣ.— 28
Что еще сдѣлалъ ты, Торръ?

Торръ сказалъ:
На востокѣ я былъ, потокъ охранялъ я тамъ,
Когда нападали Свáранга дѣти. 29

24, IV „холопами“ Óдинъ презрительно называетъ земледѣльцевъ, пользовавшихся покровительствомъ Торра.

Но въ миѳахъ нѣтъ указанія на то, чтобы земледѣльцы (свободные или несвободные) дѣйствительно попадали по смерти къ Торру.

(26) Эпизодъ, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, вспоминаетъ (также чтобы досадить Торру) и Лóки („Слов. рас. Лóки“, 60, 62). Торръ со спутниками однажды въ дорогѣ заночевалъ въ рукавицѣ исполина Скрúмира, которую они впотьмахъ приняли за цѣлую постройку, а храпъ исполинá—за бурю и землетрясеніе, внушившія имъ большое безпокойство.

26, V Фиáларъ—прозваніе Скрúмира.

(29) Здѣсь идетъ рѣчь объ обычной борьбѣ Торра со стихійными чу-

Они въ меня камни кидали, но плѣнъ ожидалъ ихъ:
Я принудилъ ихъ мира просить у меня.—
Что ты дѣлалъ тѣмъ временемъ, ҂арбардръ?

҂арбардръ сказалъ:
На востокѣ я былъ и болталъ тамъ съ красавицей;
Съ бѣлолицей я тѣшился, къ ласкамъ склонилъ ее. 30
Любви я добился отъ дѣвы въ уборѣ златомъ.

Торръ сказалъ:
Недурно ты время тогда проводилъ! 31

҂арбардръ сказалъ:
Ты могъ бы помочь мнѣ тогда уберечь бѣлолицую дѣву. 32

Торръ сказалъ:
Помогъ бы я съ радостью въ томъ, если бъ только
возможность была! 33

҂арбардръ сказалъ:
А я тебѣ вѣрилъ бы, если бъ меня обмануть ты не могъ. 34

Торръ сказалъ:
Не мастеръ щипать я за пятки, какъ старый башмакъ
по веснѣ. 35

҂арбардръ сказалъ:
Что ты дѣлалъ тѣмъ временемъ, Торръ? 36

Торръ сказалъ:
Берсе́ркеровъ женъ истреблялъ я на ҂ле́сей; 37
Много бѣдъ отъ нихъ было, мутили народъ онѣ.

довищами и исполинами. Болѣе подробныхъ указаній, къ какому именно столкновенію относятся его слова,—не имѣется.

37 I Берсе́ркерство—состояніе боевого изступленія, въ которомъ почти обнаженные бойцы, не помня себя, истребляли всѣхъ, попадавшихся имъ

Ґа́рбардръ сказалъ:

Непохвально, что женщинъ ты, Торръ, убивалъ. 38

Торръ сказалъ:

За волчицъ ихъ надо бы счесть, не за женщинъ:
Мой корабль опрокинули вѣдьмы свирѣпыя, 3
Отъ ихъ палицъ желѣзныхъ мой Тиа́льфи бѣжалъ.
Что ты дѣлалъ тѣмъ временемъ, Ґа́рбардръ?

Ґа́рбардръ сказалъ:

Былъ въ числѣ я той рати, что шла въ этотъ край
Стягъ поднять боевой, окровавить копье. 40

Торръ сказалъ:

Ты хвалишься тѣмъ, что сюда досадить мнѣ пришелъ! 41

Ґа́рбардръ сказалъ:

За досаду я виру внесу, если судьи
Такъ рѣшатъ, приглашенные споръ нашъ уладить. 42

подъ руку, пока сами не были убиты. Первоначально этимъ именемъ, какъ кажется, обозначали оборотней, способныхъ превращаться въ медвѣдей.

Въ позднѣйшемъ-же, указанномъ выше, смыслѣ—берсеркерство исторически удостовѣренное явленіе, аналогичное тому, которое наблюдается еще въ настоящее время среди жителей Малайскаго архипелага у такъ называемыхъ „амокъ“ и по всей вѣроятности принадлежитъ, подобно состоянію этихъ amok, къ видамъ психическаго заболѣванія, въ частности преходящаго бѣшенства (Mania transitoria).

37, I Ґлесей (отъ имени морского бога Ґлера, Э́гира)—нынѣ о. Лесö въ Каттегатѣ.

39, III Тиа́льфи—служитель Торра.

(41) Всякая война досаждаетъ Торру, такъ какъ богъ земледѣлія покровительствуетъ миру и ведетъ борьбу лишь съ разрушительными стихійными силами природы.

(42) Иронія этой фразы, ставящей въ тупикъ Геринга, заключается, какъ мнѣ кажется, въ томъ, что ни о какомъ судебномъ разбирательствѣ, ни о какой вирѣ не можетъ быть и рѣчи въ данномъ случаѣ; нельзя же

Торръ сказалъ:

Гдѣ выискать могъ ты слова ядовитыя?
Отродясь я не слыхивалъ злѣйшихъ насмѣшекъ! 43

Ха́рбардръ сказалъ:

Тѣмъ рѣчамъ я отъ старыхъ людей научился,
Что въ молчаньи живутъ подъ холмами отчизны. 44

Торръ сказалъ:

Для могилъ изобрѣлъ ты хорошее имя,
Назвавъ ихъ холмами отчизны! 45

Ха́рбардръ сказалъ:

Называть я ихъ воленъ, какъ хочется мнѣ. 46

Торръ сказалъ:

Ты поплатишься зло за свое острословье,
Какъ только я на берегъ тотъ попаду. 47
Громче волка, повѣрь мнѣ, тогда ты завоешь—
Какъ молотъ пройметъ тебя мой!

Ха́рбардръ сказалъ:

У Сифъ твоей въ домѣ любовникъ. Съ нимъ биться
Нужнѣе бы нынче тебѣ, чѣмъ со мной. 48

себѣ представить, въ самомъ дѣлѣ, чтобы оскорбленный войною богъ мирнаго труда началъ судиться съ виновниками войны. Въ особенности, когда рѣчь идетъ о Торрѣ, вообще склонномъ разрѣшать всѣ споры не судомъ, а... своимъ молотомъ. *С.*

44, II Т.-е. отъ мертвыхъ, лежащихъ подъ могильными курганами. Согласно распространенному вѣрованію, О́динъ вызывалъ изъ могилъ умершихъ, чтобы узнавать отъ нихъ различныя вещи. Врядъ ли, однако, его ссылку на это обстоятельство надо въ данномъ случаѣ принимать серьезно.

48, I Сифъ—жена Торра. Любовникъ ея, по мнѣнію комментаторовъ—Ло́ки, что, впрочемъ, никакими достовѣрными указаніями не подтверждается.

Торръ сказалъ:

Чтобъ сильнѣе меня уязвить, языку ты далъ волю.
Малодушный досадчикъ! Я думаю, лжешь ты. 49

Ґа́рбардръ сказалъ:

Я вѣрю, что вѣсть моя правда. Не въ мѣру ты мѣшкаешь;
Ты бъ давно могъ прибыть—будь челнокъ у тебя. 50

Торръ сказалъ:

Ґа́рбардръ, презрѣнный! Не смѣй меня дольше задерживать! 51

Ґа́рбардръ сказалъ:

Не подумалъ бы я, что въ пути Асаторра
Такъ легко перевозчику остановить. 52

Торръ сказалъ:

Вотъ мой совѣтъ: подъѣзжай сюда живо!
Бросимъ мы брань! Переправь отца Ма́гни. 53

Ґа́рбардръ сказалъ:

Уходи! Переправы ты здѣсь не дождешься. 54

Торръ сказалъ:

Хоть путь укажи мнѣ въ обходъ, коль не хочешь везти! 55

Ґа́рбардръ сказалъ:

Отказъ мой былъ коротокъ; путь будетъ дологъ.
До пня часъ пути: часъ оттоль до колоды. 56

52, I Асаторръ—„Торръ изъ рода асовъ". Въ сказаніяхъ онъ часто называется такъ.

56, II Употребляемыя въ подлинникѣ выраженія („til stoksens... til steinsens"), напоминающія нѣмецкое über Stock und Stein, наиболѣе характерны тѣмъ, что съ одной стороны вызываютъ представленіе о затруднительномъ пути, а съ другой стороны—рѣшительно ничего не объ-

Тамъ влѣво ступай—долженъ въ Вéрландъ попасть ты.
Торра, сильнаго сына, тамъ ждать будетъ Фйóргинъ,
И направитъ его на путь предковъ, въ край Óдина.

Торръ сказалъ:

Попаду ли туда я въ сегодняшній день? 57

҂Áрбардръ сказалъ:

Съ трудомъ и страдой ты туда доберешься
Развѣ къ разсвѣту—а раньше наврядъ ли.

Торръ сказалъ:

Разговоръ нашъ недлиненъ былъ, зло ты язвилъ меня. 58
Но еще отомщу я за то, что везти не хотѣлъ меня ты!

҂Áрбардръ сказалъ:

Уходи, пусть тебя заѣдятъ всѣ чудовища!

ясняютъ. Поэтому мнѣ и показалось умѣстнымъ употребить русскія выраженія „пень“ и „колода“—фигурирующія въ русскихъ народныхъ повѣствованіяхъ приблизительно по такимъ же поводамъ, какъ нѣмецкое Stok und Stein. (Въ оригиналѣ „stokr“—колъ и „steinn“—камень). *С.*

56, III Вéрландъ—„страна мужей“ въ противуположность странѣ исполиновъ, гдѣ еще находится Торръ.

56, IV „Фйóргинъ — имя примѣняемое къ Óдину, также къ отцу Фриггъ; Герингъ полагаетъ, что здѣсь оно относится къ матери Торра.

ОБЩІЯ ЗАМѢЧАНІЯ.

„Сказъ о Ґа́рбардрѣ“ имѣется цѣликомъ въ Codex Regius 2365, и частью въ Codex Arnamagnaeanus 748.

Снорри имъ не пользовался.

Особенности языка, какъ указываетъ Могкъ, свидѣтельствуютъ о позднемъ происхожденіи пѣсни: она должна была создаться въ Исландіи, во второй половинѣ X вѣка.

Стихотворный споръ между двумя собесѣдниками, состязающимися въ остроуміи, находчивости (а иногда и въ брани по адресу другъ друга) –былъ въ ходу у представителей той эпохи. Въ виду полной свободы, съ какою древніе германцы всегда говорили о своихъ богахъ, нѣтъ причинъ удивляться, что въ вѣкъ, когда начиналось уже разложеніе языческаго міросозерцанія, остроумному поэту вздумалось въ юмористической формѣ вывести двухъ главныхъ боговъ, Торра и О́дина, въ качествѣ дѣйствующихъ лицъ подобнаго спора.

Совершенно несостоятельнымъ оказалось прежнее предположеніе [1]), что въ лицѣ обоихъ боговъ здѣсь изображены два сословія: что Торръ—представитель норвежскихъ земледѣльцевъ, а О́динъ—знатныхъ ярловъ, или же, по другой версіи, викинговъ. Съ внѣшней стороны это опровергается уже несомнѣннымъ исландскимъ происхожденіемъ Сказа о Ґа́рбардрѣ: противуположеніе земледѣльца и викинга мыслимо было бы только въ Норвегіи. Но и самое содержаніе произведенія, если отнестись къ нему внимательно, свидѣтельствуетъ о натянутости этой, принадлежащей Кейзеру, гипотезы.

Основной мотивъ содержанія въ сущности очень простъ: могучій Торръ, грозный побѣдитель исполиновъ, долженъ оказаться побѣжденнымъ тамъ, гдѣ бо-

---

[1]) Къ сожалѣнію, его еще придерживался Герингъ въ ту эпоху, когда писалъ комментарій къ своему переводу Эдды.

роться надо не ударами молота, а остроуміемъ и находчивостью — съ противникомъ, надѣленнымъ такимъ духовнымъ превосходствомъ, что оно торжествуетъ уже при помощи однихъ шуточныхъ заявленій, безъ единаго серьезнаго отвѣта [1]). Эту сторону дѣла надо въ особенности имѣть въ виду при чтеніи репликъ О́дина—҂Га́рбардра: онъ все время потѣшается надъ Торромъ, чего простодушный Громовникъ по большей части даже не замѣчаетъ—оттого и оказывается, что онъ сплошь и рядомъ противупоставляетъ подвигамъ Торра весьма непочтенныя дѣла, по поводу которыхъ собесѣдникъ, къ удовольствію О́дина, приходитъ все въ большее и большее негодованіе. Мѣстами, ҂Га́рбардръ прямо передразниваетъ Торра. Послѣдній говоритъ:

На востокѣ я былъ; и потокъ охранялъ я тамъ,
Когда нападали Сва́ранга дѣти... (29)

И когда Торръ, разсказавъ о своихъ боевыхъ подвигахъ, спрашиваетъ затѣмъ съ торжествомъ, чѣмъ можетъ похвастаться ҂Га́рбардръ—тотъ отвѣчаетъ въ тонъ ему:

„На востокѣ я былъ, и болталъ тамъ съ красавицей;
Съ бѣлолицей я тѣшился, къ ласкамъ склонилъ ее...

Характерно, что О́динъ не пользуется случаемъ похвастаться тѣми свойствами, которыя имѣли вообще столь важное значеніе въ глазахъ древнихъ германцевъ: тѣмъ что онъ являлся верховнымъ носителемъ и источникомъ высшей мудрости, волшебства, вѣщихъ рунъ, поэтическаго искусства скальдовъ. Обо всемъ этомъ О́динъ не упоминаетъ—да и не можетъ распространяться на этотъ счетъ, иначе даже недальновидный Торръ въ концѣ концовъ, пожалуй, узналъ бы его. И въ дѣйствительныхъ заслугахъ своихъ, какъ Властителя битвъ, вождя ратей—онъ подчеркиваетъ главнымъ образомъ то, что способно разсердить Торра.

---

[1]) Это обстоятельство (что О́динъ за все время бесѣды ни разу не говоритъ серьезно, тогда какъ Торръ принимаетъ „всерьезъ“ всѣ его шутки) къ удивленію, не отмѣчено ни однимъ комментаторомъ: между тѣмъ, это весьма важно для оцѣнки замысла пѣсни. *С.*

Германнъ удачно резюмируетъ содержаніе спора, говоря, что поэту хотѣлось показать, „какъ обстоитъ дѣло, когда спорятъ между собою духъ и сила (и только сила)“. Остроумному и наблюдательному автору пѣсни вполнѣ удалось осуществить свою задачу. Картина получается живая и забавная; превосходство Óдина показано тонко и съ своеобразнымъ юморомъ. Оба характера очерчены ярко и выпукло. Торръ съ его добродушіемъ, буйностью въ гнѣвѣ, грубостью и тѣмъ свойствомъ, которое русскій народъ мѣтко прозвалъ „отходчивостью“, съ умомъ не превышающимъ уровня посредственности, съ неразсуждающею храбростью, безстрашный передъ любымъ врагомъ, но безпомощный, когда приходится наткнуться на неожиданное и непривычное препятствіе; съ другой стороны, Óдинъ—верховный, духовный руководитель людей и боговъ, вдохновитель битвъ, вліяющій не только на событія и поступки, но на мысли и души, насмѣшливый спорщикъ, всегда владѣющій собою, на все находящій отвѣтъ; силою и храбросгью не уступающій Торру, но присоединяющій къ нимъ недостающіе послѣднему непоколебимое самообладаніе, сообразительность и прозорливость, всюду побывавшій и все испытавшій, а главное безконечно опередившій Торра духовнымъ развитіемъ.

Для читателя, который изъ сагъ и другихъ пѣсенъ Эдды уже знакомъ съ обоими характерами—становится еще живѣе и интереснѣе ихъ неравное словесное состязаніе. Совершенно особенный колоритъ получаетъ, напримѣръ, заявленіе Óдина по поводу одного изъ разсказываемыхъ имъ любовныхъ эпизодовъ:

„Ты могъ бы помочь мнѣ тогда уберечь бѣлолицую дѣву“.
(32)

Представить себѣ Торра въ видѣ героя легкомысленнаго любовнаго приключенія—трудно вообразить что-либо болѣе неподходящее и комичное. И, кажется, такъ и видишь, какъ тяжеловѣсный богъ громовъ въ отвѣтъ неловко ухмыляется и спѣшитъ заявить, принявъ всерьезъ замѣчаніе собесѣдника:

„Помогъ бы я съ радостью въ томъ, если бъ только возможность была“.

Послѣ чего О́динъ немедленно пародируетъ неуклюжее заявленіе сентенціознымъ отвѣтомъ:

„А я тебѣ вѣрилъ бы, если бъ меня обмануть ты не могъ“.

Эта и многія другія реплики проникнуты непосредственнымъ, свободнымъ комизмомъ, придающимъ всему произведенію большое своеобразіе, такъ какъ ни въ одной изъ остальныхъ пѣсенъ Эдды не найти подобнаго, выдержаннаго отъ начала до конца, шутливаго тона.

Объ оригинальной формѣ „Сказа о Ґа́рбардрѣ“ уже пришлось говорить въ предисловіи къ переводу. Форма эта, неповторяющаяся ни въ какой другой пѣсни, возбуждала много споровъ. Какъ кажется, наиболѣе правильную ея характеристику даетъ Сіймонсъ, выражающійся слѣдующимъ образомъ:

„Я безусловно не могу найти въ этой пѣсни ни правильнаго дѣленія на строфы, ни вообще соблюденія какой-либо опредѣленной стихотворной формы. Я считаю ее написанною не стихами, а ритмическою, аллитерирующею прозой, которая однако иногда переходитъ въ стихотворный ритмъ kviþuhattr или ljoþahattr, иногда же въ строфы, представляющія собою смѣшеніе того и другого размѣра“.

Такъ какъ счетъ по строфамъ при этихъ условіяхъ невозможенъ, то я ограничиваюсь, какъ и Герингъ, счетомъ по репликамъ.

ПѢСНЬ О СКИ́РНИРѢ

Фре́иръ, сынъ Нйордра, однажды сидѣлъ на мѣстѣ Гли́дскйальфъ и смотрѣлъ на всѣ міры. Онъ увидалъ въ Йо́тунгеймѣ прекрасную дѣву, въ то время какъ она проходила отъ жилища своего отца въ женскіе покои. И отъ этого тяжкая скорбь овладѣла Фре́иромъ. Ски́рниръ былъ служитель Фре́ира. Его Нйордръ попросилъ заговорить съ Фре́иромъ, чтобы побудить его высказаться. 5

И Ска́ди сказала:

Ски́рниръ, вставай! Къ господину иди ты;
Нашего сына спроси, разузнай:
Чѣмъ огорченъ онъ, воитель разумный, 1
Противъ кого его грозный гнѣвъ?

Ски́рниръ сказалъ:

Боюсь я недоброе слово услышать
Отъ вашего сына въ отвѣтъ,

Проза 1) Фре́иръ—сынъ Нйордра, богъ лѣта, благотворнаго дождя, плодородія и изобилія. Ему принадлежитъ лучшій изъ всѣхъ кораблей—Скидбладниръ, сдѣланный при помощи чаръ подземными карлами такъ искусно, что его можно было по желанію свернуть и положить въ карманъ. У Фре́ира есть также золотой вепрь Гуллинбу́рсти, котораго онъ впрягаетъ въ свою колесницу (но иногда ѣздитъ и на конѣ), и солнечный мечъ, обладающій тѣмъ свойствомъ, что самъ наноситъ ударъ, если находится въ рукѣ безстрашнаго воителя.

Нйордръ—морской богъ изъ рода Вановъ.

2) Гли́дскйальфъ—возвышенное мѣсто въ чертогѣ О́дина: съ этого мѣста видны всѣ міры.

5) Ски́рниръ—служитель и другъ Фре́ира, человѣкъ.

(1) Ска́ди—жена Нйордра. Но Фре́иръ не сынъ ея, а пасынокъ—онъ родился отъ первой жены Нйордра, имя которой неизвѣстно.

Если стану разспрашивать, чѣмъ огорченъ онъ, 2
Противъ кого его грозный гнѣвъ.

(Ски́рниръ пошелъ къ Фре́иру и сказалъ:)
Фре́иръ, богъ свѣтлый, храбрый сынъ вановъ!
Просьбу исполни, отвѣть на вопросъ:
О чемъ одиноко, всѣ дни и всѣ ночи, 3
Скорбишь ты, любимый мой вождь?

Фре́иръ сказалъ:
Какъ я повѣдаю, вѣрный товарищъ,
Всю мою скорбь и тоску?
Каждое утро сіяетъ Врагъ альфовъ 4
И не видитъ конца моихъ мукъ!

Ски́рниръ сказалъ:
Врядъ ли настолько безмѣрны тѣ муки,
Что нельзя мнѣ о нихъ разсказать. 5
Съ юности тѣсно насъ дружба сплотила—
Довѣряли другъ другу мы все.

Фре́иръ сказалъ:
Близъ жилья исполина, могучаго Ги́мира
Я дивную дѣву видалъ. 6
Отблескомъ рукъ ея міръ озарился —
Море и небо само.

4, III Врагъ альфовъ—Солнце. Темные альфы и подземные карлы не переносятъ солнечнаго свѣта, превращающаго ихъ въ камень.

6, I Ги́миръ (Gymir, не смѣшивать съ Ги́миромъ, Hymir)—великанъ. При символическомъ толкованіи миѳа Ги́миръ олицетворяетъ могущество зимы, держащей въ своей власти цвѣтущую растительность (Гердръ), невѣсту Лѣта (Фре́иръ).

Какъ я люблю ее—въ свѣтѣ отъ вѣка
Больше никто не любилъ! 7
Но нѣтъ никого среди асовъ и альфовъ,
Кто бы нашему браку былъ другъ.

. . . . . .

Ски́рниръ сказалъ:
Дай мнѣ коня, что сквозь темное пламя
Къ турсамъ проникнетъ со мной;
Дай мнѣ и мечъ твой, что йо́туновъ можетъ
Собственной силой разить.

Фре́иръ сказалъ:
Вотъ тебѣ конь, что сквозь темное пламя
Быстро тебя пронесетъ! 9
Мечъ мой возьми, что разить самъ умѣетъ,
Если безстрашнымъ воителемъ взятъ.

Ски́рниръ сказалъ (обращаясь къ коню):
Мракъ наступаетъ, пора намъ въ дорогу
По влажнымъ прибрежнымъ скаламъ;
[Пора къ великанамъ скакать]. 10
Вернемся мы оба—иль насъ полонитъ
Обоихъ силачъ-исполинъ.

Ски́рниръ поѣхалъ въ страну исполиновъ къ жилищу Ги́мира. Тамъ были злые псы, привязанные у воротъ ограды, окружавшей чертогъ Гердръ. На холмѣ онъ увидѣлъ пастуха. Онъ подъѣхалъ и привѣтствовалъ его.

8, I „темное пламя“. Гердръ обитаетъ въ чертогѣ, окруженномъ пламенемъ. Въ этой подробности сказывается отголосокъ стараго фольклорнаго мотива: богъ или герой проникаетъ къ предназначенной ему невѣстѣ черезъ непроходимыя для другихъ преграды.

Ски́рниръ сказалъ:

Молви, пастухъ—на холмѣ помѣстившись,
Всѣ ты дороги вокругъ стережешь,— 11
Какъ попаду къ доброй дочери Ги́мира
Съ вѣстью я, свору его миновавъ?

Пастухъ сказалъ:

Смерти ты ищешь, или мертвъ ужъ, быть можетъ?
Безнадежнымъ путемъ ты идешь! 12
Вѣсть передать турса дочери доброй
Не удастся тебѣ никогда.

Ски́рниръ сказалъ:

Безъ колебанья тотъ будь и не бойся,
Кто на доблестный подвигъ готовъ! 13
Годы и дни сочтены мои норнами,
Рокомъ измѣренъ мой вѣкъ.

(Ски́рниръ въѣхалъ въ ограду къ чертогу Гердръ.)

Гердръ сказала:

Что я за шумъ оглушительный слышу
Въ домѣ нежданно у насъ? 14
Земля всколыхнулась, и вмѣстѣ съ землею
Содрогается Ги́мира дворъ.

Служанка сказала:

Гость у ограды! Съ сѣдла онъ ужъ спрыгнулъ,
И пастись онъ пустилъ скакуна. 15

. . . . . .

. . . . . .

12, II Я восполняю пропущенную строку по смыслу, чтобы избѣжать нарушенія гармоніи строфъ; при чемъ я предполагаю только приблизительное соотвѣтствіе между утраченною подлинною строкой и моимъ восполненіемъ.

Гердръ сказала:

Гостя позвать надо въ горницу Ги́мира,
Меду ему подадимъ; 16
Хоть и боюсь я, что мужъ этотъ можетъ
Брата убійцею быть моего.
Кто ты, пришелецъ? Сынъ альфовъ, иль асовъ,
Иль вановъ свѣтлыхъ, скажи? 17
Зачѣмъ ты примчался сквозь злобное пламя,
Чтобы нашихъ чертоговъ достичь?

Ски́рниръ сказалъ:

Я не изъ асовъ, и не изъ альфовъ,
Не вановъ свѣтлыхъ я сынъ; 18
Но прибылъ одинъ я сквозь злобное пламя,
Чтобы вашихъ чертоговъ достичь.
Привезъ тебѣ въ даръ я одиннадцать яблокъ—
Чудесныхъ плодовъ золотыхъ: 19
Промѣнять мнѣ ихъ надо у Гердръ на признанье,
Что Фре́иръ дороже ей всѣхъ.

Гердръ сказала:

Я плодовъ не возьму, я себя за подарки
Жениху не отдамъ никогда! 20
Вѣкъ, сколько-бъ ни прожили Фре́иръ и Гердръ,
Не станемъ мы брачной четой.

Ски́рниръ сказалъ:

Дамъ кольцо я тебѣ, что у Бальдра было
На его погребальномъ кострѣ; 21

16, IV Братъ Гердръ—вѣроятно исполинъ Бэ́ли, убитый Фре́иромъ.

19, I „одиннадцать яблокъ"—очевидно, изъ чудесныхъ яблокъ богини И́дунъ, предохранявшихъ отъ старости и смерти. Вообще же яблоки—символъ плодородія.

21, I, II кольцо Дра́упниръ, принадлежавшее нѣкогда О́дину и обла-

Восемь равныхъ по вѣсу оно производитъ
Черезъ каждыя девять ночей.

Гердръ сказала:

Не возьму я кольца, что у Бальдра было
На его погребальномъ кострѣ! 22
Золота вдоволь у Ги́мира въ домѣ—
Невозбранно владѣю добромъ я отца.

Ски́рниръ сказалъ:

Видишь ты мечъ мой, умѣло украшенный,
Острый, вотъ въ этой рукѣ? 23
Гордую голову Гердръ отрублю я,
Если согласья ея не добьюсь!

Гердръ сказала:

Угрозы напрасны, себя я изъ страха
Жениху не отдамъ никогда! 24
Но боюсь: если Ги́миръ застанетъ здѣсь гостя —
Неизбѣженъ межъ васъ будетъ бой.

Ски́рниръ сказалъ:

Видишь ты мечъ мой, умѣло украшенный,
Острый, вотъ въ этой рукѣ? 25
Имъ я убью престарѣлаго йо́туна —
Въ поединкѣ падетъ твой отецъ.

давшее волшебнымъ свойствомъ производить все новыя кольца, не уменьшаясь само. Когда убитый Бальдръ лежалъ на погребальномъ кострѣ, О́динъ положилъ къ нему на костеръ это кольцо. Когда же Ге́рмодръ, сынъ О́дина, посѣтилъ брата въ царствѣ Смерти, Бальдръ отдалъ ему это кольцо, чтобы онъ отвезъ его, въ знакъ памяти и привѣта, обратно О́дину.

Дра́упниръ (по одному варіанту миѳа оно производило по 4, по другому—по 8 колецъ заразъ)—тоже символъ плодородія.

Жезломъ чародѣйскимъ я дѣву ударю,
Чтобы волѣ моей подчинить. 26
Уйдешь ты туда, гдѣ потомки людей
Не увидятъ вовѣки тебя:
Будешь сидѣть подъ крылами Орла ты;
Изъ міра засматривать въ Ґэль. 27
Тамъ тебѣ пища противнѣе станетъ,
Чѣмъ скользкія змѣи природѣ людской.

Для всѣхъ будь ты чудищемъ, чуть гдѣ покажешься.
Пусть Ґри́мниръ съ насмѣшкой въ лицо твое смотритъ, 28
Пусть вездѣ на тебя лишь съ издѣвкой глядятъ.
Пусть всѣ знаютъ тебя, какъ хранителя Бифроста знаютъ;
Сквозь рѣшетку позорно глазѣй.

(Боль и забота, туга и горе
Пусть тебѣ въ тягость растутъ! 29
Отдохнуть если сядешь, мои заклинанья
Принесутъ тебѣ бо́льшую боль,
Примешь худшую ты тяготу.)

Каждый день злые духи пусть мучатъ безмѣрно
Въ землѣ исполиновъ тебя! 30
Вмѣсто радости сладкой знай плачъ безотрадный,
Томись и терзайся въ слезахъ.

---

(26) Убѣдившись, что ни обѣщанія ни угрозы не могутъ заставить Гердръ дать свое согласіе, Ски́рниръ объявляетъ, что пуститъ въ ходъ чары, чтобы заставить ее подчиниться.

27, II „Орла". Подразумѣвается, вѣроятно, исполинъ Ґрэ́свельгръ, сидящій у края неба въ образѣ орла и производящій холодный вѣтеръ взмахами своихъ крыльевъ.

28, II Ґри́мниръ—зимній исполинъ.

28, IV Т.-е. „пусть на тебя собираются смотрѣть какъ на чудовищнаго звѣря въ клѣткѣ".

Съ исполиномъ дѣли трехголовымъ ты ложе,
Или вовсе безъ мужа живи! 31
Изнывай ты въ мученьяхъ, зачахни отъ чаръ;
Вся изсохни, какъ въ сѣнѣ волчецъ
Подъ кровлей людского двора.

Въ лѣсъ я отправлюсь, въ зеленую чащу,
Чтобъ волшебную вѣтку сорвать... 32
. . . . . .
Я волшебную вѣтку нашелъ.

На тебя гнѣвенъ О́динъ, изъ асовъ всѣхъ лучшій,
И самъ Фре́иръ врагомъ станетъ Гердръ. 33
Безсердечная дѣва! Къ себѣ возбудила
Вражду ты всѣхъ добрыхъ боговъ.

Слушайте, йо́туны! Слушайте, турсы,
Су́ттунгра сѣмя! 34
Слушайте, асы!
Околдую я дѣву, заклятье кладу я:
Съ мужемъ ей въ счастьи не жить,
Съ мужемъ утѣхъ не имѣть.

Ґри́мґрі́мниръ тотъ турсъ, что владѣть тобой долженъ
Въ мірѣ мертвыхъ, въ подземной тьмѣ. 35
Каждодневно къ жилью исполина ты станешь
Безъ питанья ползти,
Съ тощимъ тѣломъ ползти.

34, II Су́ттунгръ—имя исполина. Су́ттунгра сѣмя—исполины.
35, I Ґри́мґрі́мниръ — зимній исполинъ. Всѣ проклятія Ски́рнира сводятся къ тому, чтобы Гердръ, отвергающая любовь солнечнаго божества, оказалась обреченной влачить жалкое существованіе въ царствѣ зимы и смерти, во власти чудовищныхъ зимнихъ великановъ.

У корней ты лѣсныхъ отъ невольниковъ будешь
Козью мочу получать —
И лучшаго ты не получишь напитка; 36
Будетъ не такъ, какъ ты бы хотѣла—
Будетъ съ тобою, какъ я захочу!

Я вырѣжу „турсъ“ и три тайные знака—
Похоть, скорбь и безумье въ удѣлъ тебѣ дамъ. 37
Но отъ злой ворожбы той могу я избавить
И снять чары, когда захочу.

Гердръ сказала:
Ски́рниръ, постой! Меду стараго кубокъ
Я для свата съ привѣтомъ подамъ.— 38
Но не думала я, что отдать мнѣ придется
Сыну вановъ любви моей даръ!...

Ски́рниръ сказалъ:
Точный отвѣтъ получить здѣсь хочу я,
Прежде чѣмъ въ путь я обратный пущусь: 39
Гдѣ и когда ожидать тебя долженъ
Нйордра сынъ храбрый для брака съ тобой?

Гердръ сказала:
Ба́рри зовется, обоимъ намъ вѣдома,
Роща укромная въ ближнемъ краю; 40
Гердръ въ этой рощѣ да́руетъ Фре́иру
Счастье любви черезъ девять ночей.

37, I „турсъ“—названіе руны ᚦ (спирантъ ф), входящей въ составъ той магической формулы, которою Ски́рниръ собирается навлечь новыя напасти на Гердръ.

37, III Ски́рниръ обѣщаетъ избавить Гердръ отъ злыхъ чаръ, если она измѣнитъ свое рѣшеніе и станетъ женою Фре́ира.

Ски́рниръ поѣхалъ обратно. Фре́иръ дожидался его внѣ двора, и привѣтствовалъ его, и спросилъ, что онъ имѣетъ сообщить:

Ски́рниръ, что скажешь? Раньше, чѣмъ сбросишь
Сѣдло ты съ коня и пойдешь,— 41
Отвѣть мнѣ, повѣдай: на радость ли вѣсти?
Чего ты у турсовъ достигъ?

Ски́рниръ сказалъ:

Ба́рри зовется, обоимъ вамъ вѣдома,
Роща укромная въ ближнемъ краю; 42
Тамъ подарить хочетъ Фре́иру Гердръ
Счастье любви черезъ девять ночей.

Фре́иръ сказалъ:

Длинна одна ночь, длиннѣе двѣ ночи!
Не знаю, какъ выдержать три!... 43
Мѣсяцъ не разъ мнѣ короче казался,
Чѣмъ ожиданія часъ.

ОБЩІЯ ЗАМѢЧАНІЯ.

„Пѣснь о Скирнирѣ“ имѣется въ Codex Regius 2365 и въ Codex Arnamagnaeanus 748, хотя въ обоихъ съ пробѣлами. Заимствованья изъ нея фигурируютъ въ подробной редакціи Снорровой Эдды. Возникло это произведеніе въ сравнительно позднюю пору, повидимому въ Исландіи; въ точности время и мѣсто его происхожденія неизвѣстно.

Замыселъ ясенъ, хотя въ немъ переплетаются различные миѳическіе элементы со старыми фольклорными мотивами (освобожденіе богомъ или героемъ красавицы, предназначенной ему въ жены, находящейся во власти враждебныхъ силъ и окруженной непроходимыми преградами).

Могкъ отмѣчаетъ техническое совершенство драматическаго построенія въ этомъ произведеніи, состоящемъ только изъ однихъ діалоговъ, комбинированныхъ съ тонкою художественною послѣдовательностью (Скади и Скирниръ; Скирниръ и Фреиръ; Скирниръ и пастухъ; Гердръ и ея служанка; Скирниръ и Гердръ; Фреиръ и Скирниръ). Неоднократно высказывалось восхищеніе красивыми лирическими строфами въ началѣ и въ концѣ пѣсни. На мой взглядъ поэтическое впечатлѣніе этой лирики значительно ослабляется нравственною грубостью фабулы: влюбленный богъ не идетъ самъ добывать свою невѣсту, а посылаетъ за нею служителя, который вынуждаетъ у нея согласіе — подъ угрозою проклятія и злыхъ чаръ, при чемъ перечисляетъ (по моему мнѣнію, съ мало художественными длиннотами) всѣ угрожающія ей злоключенія.

Здѣсь нѣтъ и слѣда той поэзіи великой любви—взаимной любви двухъ предназначенныхъ другъ другу существъ—какою проникнутъ аналогичный мотивъ въ пѣсняхъ о Свипдагрѣ и о Сигурдрѣ.

Если что привлекательно и трогательно въ этомъ повѣствованіи, такъ это отношенія между Фре́иромъ и Ски́рниромъ, въ которыхъ чувствуется теплая задушевная близость, довѣрчивая привязанность Фре́ира къ его земному служителю и беззавѣтная преданность Ски́рнира своему другу-божеству [1]).

---

[1]) Не могу не указать на прекрасную поэтическую переработку преданія о Ски́рнирѣ Феликсомъ Даномъ въ его разсказѣ „Skirnir".

РЂЧИ ВА́ФТРУДНИРА

Óдинъ сказалъ:

Дай, Фриггъ, мнѣ совѣтъ! Собираюсь въ дорогу я,
Въ край, гдѣ живетъ старый Ва́фтрудниръ; 1
Хотѣлъ бы узнать я, сравнялся ли въ знаньяхъ
Изъ исполиновъ умнѣйшій—со мной?

Фриггъ сказала:

Хотѣлось бы мнѣ, что-бы въ горнихъ чертогахъ
Остался Властитель Побѣдъ! 2
Изъ всѣхъ великановъ искуснѣйшій—Ва́фтрудниръ;
Сильнѣй его йотуна нѣтъ.

Óдинъ сказалъ:

Я странствовалъ много, извѣдалъ я многое;
Асовъ я часто въ рѣчахъ побѣждалъ. 3
Увидѣть хочу я, что Ва́фтрудниръ свѣдущій
Дѣлаетъ въ домѣ своемъ.

Фриггъ сказала:

Здоровымъ отправься, здоровымъ вернись ты,
Невредимымъ останься въ пути! 4
Въ бесѣдѣ же съ турсомъ, живущихъ Отецъ,
Не измѣнитъ пусть мудрость тебѣ.

---

(1) Ва́фтрудниръ—мудрый древній исполинъ. Въ его имени видятъ указаніе на способность запутывать собесѣдника искусными вопросами.

2, IV „Сильнѣй"—въ спорахъ.

Помѣриться мудростью съ турсомъ умнѣйшимъ
Óдинъ отправился въ путь, 5
Онъ домъ увидалъ, гдѣ родитель жилъ Имра—
Въ двери вошелъ къ нему Иггръ.

Óдинъ сказалъ:
Привѣтъ тебѣ, Вáфтруднирь! въ домъ твой явился
Я, что-бъ тебя увидать. 6
Повѣдай мнѣ нáперво: много-ли знаешь ты?
Вправду-ли всѣхъ ты мудрѣй?

Вáфтруднирь сказалъ:
Какой тамъ пришелецъ меня вопрошаетъ,
Въ домъ мой нежданно войдя? 7
Будь къ смерти готовъ, если мудро не сможешь
Въ знаньяхъ меня превзойти.

Óдинъ сказалъ:
Зовутъ меня Гáгнрадръ; усталъ на пути я,
Трудной дорогой далеко я брелъ; 8
Томитъ меня жажда. Подъ кровъ свой прими ты
Гостя усталаго, турсъ!

Вáфтруднирь сказалъ:
Будь гостемъ мнѣ, Гáгнрадръ! что сталъ ты средь горницы?
Сюда подойди и садись. 9

5, III Имръ—исполинъ, сынъ Вáфтруднира. Больше о немъ ничего не извѣстно.

5, IV Иггръ—„Страшный“—боевое прозваніе Óдина.

7, III Это обращеніе Вáфтруднира не есть угроза; это только предупрежденіе объ условіяхъ состязанія въ мудрости, означающее: „если ты не отважишься ставить въ залогъ побѣды свою жизнь, то уходи—другихъ условій я не принимаю“.

8, I Гáгнрадръ. Въ этомъ имени указаніе на цѣль прихода Óдина. gagn—побѣда, успѣхъ; rafr—совѣтъ, мудрое рѣшеніе, разгадка, и т. п.

Узнаемъ въ бесѣдѣ, кто въ знаньяхъ сильнѣе—
Странникъ иль старый мудрецъ.

О́динъ сказалъ:
У знатнаго въ горницѣ бѣдный пусть будетъ
Мудрымъ въ рѣчахъ—иль молчитъ. 10
Рѣчистаго часто несчастье встрѣчаетъ,
Когда у чужихъ онъ сидитъ!

Ва́фтрудниръ сказалъ:
Отвѣть-же, пришлецъ—разъ желаешь ты стоя,
Га́гнрадръ, тягаться со мной: 11
Какъ конь тотъ зовется, что каждое утро
День всѣмъ живущимъ несетъ?

О́динъ сказалъ:
Конь Ски́нфакси названъ, что каждое утро
День всѣмъ живущимъ несетъ. 12
Считается лучшимъ конемъ онъ у славныхъ;
Огнемъ его грива горитъ.

Ва́фтрудниръ сказалъ:
Отвѣть-же, пришлецъ—разъ желаешь ты стоя,
Га́гнрадръ, тягаться со мной: 13
Какъ имя тому, кто съ востока безсмертнымъ
Сумракъ приноситъ и ночь?

---

(10) Въ этой строфѣ повторяются мотивы изъ „Изреченій Высокаго" (ср. стрф. 19, 29).

11, I „стоя". О́динъ изъ гордости не принимаетъ приглашенія садиться—пока хозяинъ не убѣдится въ его познаніяхъ, въ томъ, что имѣетъ дѣло съ достойнымъ противникомъ.

12, I „Ски́нфакси"—„съ сіяющею гривою". Другое его имя „Гладръ"—Радостный, Веселый.

Óдинъ сказалъ:

Конь Ґри́мфакси темный съ востока безсмертнымъ
Сумракъ приноситъ и ночь; 14
Съ удилъ его капли на долъ упадаютъ—
Отсюда роса на землѣ.

Ва́фтрудниръ сказалъ:

Отвѣть-же, пришлецъ—разъ желаешь ты стоя,
Га́гнрадръ, тягаться со мной: 15
Скажи мнѣ, какая рѣка протекаетъ
Межъ родиной турсовъ и краемъ боговъ?

Óдинъ сказалъ:

Рѣка называется И́фингъ, текущая
Межъ родиной турсовъ и краемъ боговъ. 16
Не станутъ во вѣкъ ея свѣтлыя воды:
Льда никогда на ней нѣтъ.

Ва́фтрудниръ сказалъ:

Отвѣть-же, пришлецъ,—разъ желаешь ты стоя,
Га́гнрадръ, тягаться со мной: 17
Какъ долъ тотъ зовутъ, гдѣ сойдутся для боя
Сильные боги и Суртръ?

Óдинъ сказалъ:

Равнина та Ви́гридръ зовется, гдѣ схватятся
Сильные боги и Суртръ; 18

14, I Ґри́мфакси—„съ гривою, покрытою инеемъ"; поэтическій образъ, вѣроятно вызванный картиною холодныхъ утренниковъ—послѣ ночи на землѣ оказывается иней, упадавшій съ гривы коня ночи.

16, I Нигдѣ въ другомъ мѣстѣ не упоминается объ этой рѣкѣ.

17, III, IV При концѣ міра произойдетъ послѣдняя великая битва между богами и враждебными имъ носителями разрушительныхъ началъ. Тогда Суртръ поведетъ противъ боговъ огненное воинство изъ Муспелльсгейма, міра пламени.

18, I Ви́гридъ—„поле боя".

Идетъ на сто поприщъ пути во всѣ стороны
То мѣсто, гдѣ будетъ ихъ бой.

Ва́фтрудниръ сказалъ:
Разуменъ ты, странникъ! Сядь рядомъ съ хозяиномъ.
Посмотримъ, чья мудрость сильнѣй! 19
Залогомъ будь жизнь; кто закладъ проиграетъ,
Отвѣтитъ пускай головой.

О́динъ сказалъ:
Вотъ первый вопросъ,—говори, если знаешь,
Ва́фтрудниръ, дай мнѣ отвѣтъ: 20
Какъ небо съ землею возникли впервые,
Въ древнее время, мудрецъ-исполинъ?

Ва́фтрудниръ сказалъ:
Изъ И́мира тѣла земля была слѣплена;
А горы изъ толстыхъ костей; 21
Изъ черепа сдѣлано небо лучистое,
Изъ крови горячей—моря.

О́динъ сказалъ:
Второй вотъ вопросъ—говори, если знаешь,
Ва́фтрудниръ, дай мнѣ отвѣтъ: 22
Откуда явился надъ смертными мѣсяцъ
И солнце на небѣ дневномъ?

Ва́фтрудниръ сказалъ:
Ночному свѣтилу отецъ—Му́ндильфо̀ри,
Онъ самый и солнцу отецъ; 23

21, I И́ м и р ъ—древнѣйшій и самый громадный изъ исполиновъ; убивъ его, боги создали изъ его тѣла земной міръ, какъ описывается въ этой строфѣ.

23, I Значеніе имени „Му́ндильфо̀ри", равно какъ и его этимологія—

Обходятъ все небо они ежедневно,
И времени мѣру творятъ.

Óдинъ сказалъ:
Вотъ третій вопросъ—говорятъ, что мудрецъ ты!—
Вáфтрудниръ, дай мнѣ отвѣтъ: 24
Откуда надъ смертными день народился,
Мѣсяца смѣна и ночь?

Вáфтрудниръ сказалъ:
Отъ добраго Дéллингра день народился,
А ночи родитель былъ Норръ. 25
Устроили мѣсяца смѣну для смертныхъ
Боги святые, чтобъ время считать.

Óдинъ сказалъ:
Вотъ новый вопросъ—говорятъ, что мудрецъ ты!—
Вáфтрудниръ, дай мнѣ отвѣтъ: 26
Кто зиму и лѣто на свѣтъ произвелъ
Во владѣньяхъ могучихъ боговъ?

Вáфтрудниръ сказалъ:
Родитель зимы называется Вúндсвальръ,
И Свáсудръ былъ лѣта отецъ. 27

не ясны. Судя по характеру окончанія (foeri), это должно быть скорѣе прозвище, чѣмъ имя собственное. Никакихъ свѣдѣній не имѣется и о самой личности этого отца свѣтилъ: несомнѣнно лишь то, что онъ принадлежитъ къ числу свѣтлыхъ и благихъ началъ.

25, I, II Дéллингра причисляютъ къ богамъ. Норръ былъ исполинъ.

25, III Въ виду того, что у древнихъ германцевъ время считалось не днями, а ночами,—для нихъ въ особенности смѣны мѣсяца являлись естественною мѣрою времени.

27, I Вúндсвальръ отъ vindr—„вѣтеръ“, и svalr—„холодный“.

27, II Свáсудръ—добрый, ласковый.

Отъ нихъ появились два времени года
Во владѣньяхъ могучихъ боговъ.

О́динъ сказалъ:
Вотъ пятый вопросъ—говорятъ, что мудрецъ ты!—
Ва́фтрудниръ, дай мнѣ отвѣтъ: 28
Кто старше всѣхъ турсовъ—кто И́мира родичъ,
Что въ древніе дни сотворенъ?

Ва́фтрудниръ сказалъ:
Несчетные годы до міра земного
Бэ́ргэльмиръ былъ исполинъ; 29
Былъ Тру́дгэльмиръ древній отецъ того турса,
А́ургэльмиръ былъ его дѣдъ.

О́динъ сказалъ:
Шестой вотъ вопросъ—говорятъ, что мудрецъ ты!—
Ва́фтрудниръ, дай мнѣ отвѣтъ: 30
Откуда на свѣтъ появился тотъ А́ургэльмиръ,
Предокъ старѣйшій, скажи?

Ва́фтрудниръ сказалъ:
Изъ Э́ливага́ра по каплямъ текъ ядъ,
Онъ мерзъ, оплывая, и въ йо́туна выросъ: 31

27, III IV Восполненіе сдѣлано по смыслу, слѣдуя обыкновенному эддическому пріему (повтореніе вопроса въ отвѣтной репликѣ), но, какъ и вездѣ, безъ претензіи возстановить пропущенный стихъ. Въ данномъ случаѣ даже и со стороны содержанія возможно несовпаденіе съ изчезнувшимъ оригиналомъ. *С.*

29, II Бэ́ргэльмиръ—единственный изъ древнѣйшихъ исполиновъ, который не погибъ во время потопа. Когда всѣ прочіе исполины потонули въ крови И́мира (превратившейся въ море и затопившей міръ)—Бэ́ргэльмиръ спасся въ ладьѣ съ женою: отъ нихъ пошелъ новый родъ исполиновъ.

29, IV А́ургэльмиръ—прозваніе И́мира.

31, I Э́ливаа̀гаръ, „бурныя воды"—міровой потокъ, существовавшій раньше земли. Герингъ переводитъ это названіе такъ: „воды, поверхности

И всѣ мы отсюда пошли, исполины,—
Поэтому нравъ нашъ суровъ.

Óдинъ сказалъ:
Седьмой вотъ вопросъ—говорятъ, что мудрецъ ты!—
Вáфтруднирь, дай мнѣ отвѣтъ: 32
Какъ могъ исполинъ тотъ потомковъ имѣть,
Никогда не коснувшись жены?

Вáфтруднирь сказалъ:
Подъ мышками, молвятъ, у мудраго йóтуна
Сынъ народился и дочь; 33

которыхъ бьетъ ливень". Съ другой стороны, существуетъ предположеніе, что Э́ливаа́гаромъ называлось не что иное, какъ Млечный Путь. Отъ сопоставленія имени—въ толкованіи Геринга—съ внѣшнимъ видомъ Млечнаго Пути—возникаетъ своеобразный поэтическій образъ, заслуживающій быть отмѣченнымъ. *С.*

33 I, III Согласно одной изъ доктринъ оккультизма, древнія человѣческія расы, жившія за нѣсколько тысячелѣтій до первыхъ представителей позднѣйшаго человѣчества — эти древнѣйшія расы не имѣли двухъ раздѣльныхъ половъ: люди были двуполыя существа, и размножались посредствомъ самооплодотворенія. [Ср. сказаніе объ андрогинахъ въ „Пирѣ" Платона, рядъ старыхъ миѳовъ египет.-ассирійскихъ и т. д.]. Отголоски этого преданія отразились въ древнихъ разсказахъ — какъ въ разбираемомъ мѣстѣ Эдды, — повѣствующихъ о самооплодотворяющихся миѳическихъ существахъ. Современная наука, кстати, не представляетъ данныхъ, отвергающихъ возможность первичнаго гермафродизма человѣка. Напротивъ, многія наблюденія въ области эмбріологіи подтверждаютъ эту возможность.

См. сочин. Гвидо Листа, также: Dr. J. Lans-Liebefels, „Theozoologie". *С.*

Интересно, что и библейское преданіе заключаетъ вполнѣ ясное утвержденіе первичнаго гермафродизма человѣка: „И сотворилъ Богъ человѣка... мужчиною и женщиною сотворилъ ихъ" (К. Б. I, 27). Это древнѣйшее преданіе упоминается въ Книгѣ Бытія раньше позднѣйшаго преданія объ Адамѣ и независимо отъ него. Сохранился древній еврейскій текстъ, гласящій прямо: „Мужчина и женщина вначалѣ составляли одно тѣло... потомъ Богъ отдѣлилъ одинъ полъ отъ другого" (см. Micha Jos. bin Gorion, „Die Sagen der Juden"). *С.*

Съ ногою нога его сына на свѣтъ,
Шестиглаваго, произвели.

О́динъ сказалъ:
Восьмой вотъ вопросъ—говорятъ, что мудрецъ ты!—
Ва́фтрудниръ, дай мнѣ отвѣтъ: 34
Что знаешь древнѣйшее ты, что первѣйшее?
Все на свѣтѣ извѣстно тебѣ!

Ва́фтрудниръ сказалъ:
Несчетные годы до міра земного
Бэ́ргэльмиръ, турсъ, родился; 35
Первѣйшее было, что турсъ отъ потопа
Удачно укрылся въ ладьѣ.

О́динъ сказалъ:
Вопросъ вотъ девятый—ты мудрымъ зовешься—
Ва́фтрудниръ, дай мнѣ отвѣтъ: 36
Какъ вѣтеръ явился, волнующій воды,
Невидимый вѣчно для глазъ?

Ва́фтрудниръ сказалъ:
У края небеснаго Грэ́свельгръ сидитъ
Въ образѣ птицы-орла, исполинъ; 37
Крылами громадными движетъ онъ воздухъ—
И вѣтеръ надъ міромъ шумитъ.

33, IV У исполиновъ зачастую оказывается нѣсколько головъ.

35, III „турсъ"—Бэ́ргэльмиръ, который спасся отъ потопа въ ладьѣ. Всемірно распространенный миѳическій мотивъ, несомнѣнно связанный съ подлиннымъ геологическимъ эпизодомъ въ исторіи земного міра. (См. Введеніе.) *С.*

(37, 38). Въ текстѣ нѣтъ обозначенія пропуска между этими двумя строфами, но пропускъ здѣсь несомнѣнно имѣется: между разговоромъ о стихійныхъ исполинахъ и разговоромъ о богахъ—почти навѣрное были переходные вопросы. Мало вѣроятно, чтобы свои вопросы о богахъ О́динъ ex abrupto началъ съ Нйордра. *С.*

37, I „Грэ́свельгръ"—„Пожиратель труповъ".

Óдинъ сказалъ:

Десятый вопросъ—говори, если знаешь ты,
Вáфтрудниръ, сýдьбы боговъ: 38
Откуда богъ Нйордръ межъ другими богами
[Святилищъ имѣющій тысячу въ мірѣ],
Разъ онъ по рожденью не асъ?

Вáфтрудниръ сказалъ:

Онъ мудрыми силами созданъ, и посланъ
Заложникомъ изъ Ванагейма къ богамъ. 39
Когда же постигнетъ Властителей гибель—
Къ ванамъ вернется онъ вновь.

Одинъ сказалъ:

Вопросъ вотъ одиннадцатый—(если знаешь,
Вáфтрудниръ, дай мнѣ отвѣтъ): 40
Гдѣ храбрые въ бой каждый день собираются,
(Убитые въ битвахъ земныхъ)?

Вáфтрудниръ сказалъ:

Съ зарею на бой собираются храбрые
Во владѣньяхъ Владыки Побѣдъ. 41
Другъ друга убивъ, и, воскреснувъ, обратно
Для дружнаго пира въ Валґáллу спѣшатъ.

---

(39) Въ заложники Нйордръ попалъ послѣ войны асовъ съ ванами, и вернется къ послѣднимъ при кончинѣ міра.

(40) Восполненіе стрк. I и II принадлежитъ Вигфуссону; IV-ю я воспроизвожу по Герингу.

(41) Возрожденные въ селеніяхъ боговъ избранники Óдина, его воинство „эйнґеріаръ“, ежедневно выходятъ на бой изъ небесныхъ чертоговъ Властителя Ратей, который самъ ведетъ ихъ въ сраженье. Послѣ кровопролитной битвы, гдѣ они безстрашно истребляютъ другъ друга, Óдинъ исцѣляетъ ихъ раны и воскрешаетъ снова всѣхъ убитыхъ, и они дружно идутъ пировать въ его чертогъ, Валґáллу.

О́динъ сказалъ:

Вопросъ вотъ двѣнадцатый: какъ ты познаній
Столькихъ набрался, мудрецъ? 42
Всѣ руны ты знаешь про асовъ и йо́туновъ—
Правду про всѣхъ говоришь ты;
Турса умнѣй тебя нѣтъ.

Ва́фтрудниръ сказалъ:

Я знаю всѣ руны про асовъ и йо́туновъ,
Правду про всѣхъ говорю,— 43
Затѣмъ, что міры исходилъ въ своихъ странствіяхъ—
Всѣ девять міровъ, вплоть до Ни́фльхейма мрачнаго;
Я въ мірѣ былъ Смерти самой.

О́динъ сказалъ:

Я странствовалъ много, извѣдалъ я многое,
Асовъ я часто въ рѣчахъ побѣждалъ. 44
Скажи мнѣ, кто жить еще будетъ на свѣтѣ
Изъ смертныхъ, въ вѣкъ Страшной зимы?

Ва́фтрудниръ сказалъ:

Жива будетъ Лифъ и супругъ ея Ли́фтрасиръ,
Го́ддми́миръ пріютъ будетъ имъ. 45
Росою питаться спасенные станутъ,
Роса будетъ пищею всѣмъ.

42, III „Всѣ руны"—все что про нихъ написано, что имъ суждено на роду.

43, IV Всѣхъ міровъ девять во Вселенной.

43, V міръ Смерти, Хэль, изъ всѣхъ міровъ—наиболѣе трудно достижимый для живыхъ, даже для боговъ. Оттого исполинъ и упоминаетъ о немъ особо.

45, I Родоначальники будущаго непорочнаго людского племени. „Лифъ" значитъ „жизнь", а „Ли́фтрасиръ", приблизительно, „Борящійся за жизнь, Борецъ за жизнь".

45, II Ходдми́миръ—міровой ясень И́ггдрасиль.

Óдинъ сказалъ:

Я странствовалъ много, извѣдалъ я многое,
Асовъ я часто въ рѣчахъ побѣждалъ.— 46
Скажи мнѣ: свѣтъ новый зажжется ли въ небѣ,
Когда Волкъ сгубитъ солнца красу?

Вáфтруднирь сказалъ:

Родится у Áльфродуль дочь молодая—
Прежде, чѣмъ Волкъ ее жадный пожретъ; 47
Какъ мать, проходить будетъ дѣва надъ міромъ
Послѣ гибели славныхъ боговъ.

Óдинъ сказалъ:

Я странствовалъ много, извѣдалъ я многое,
Асовъ я часто въ рѣчахъ побѣждалъ. 48
Скажи, что за дѣвы парятъ надъ морями,
Мудрости вѣщей полны?

(Вáфтруднирь сказалъ:

Тѣ дѣвы приносятъ тройную защиту,
Моггтрáсира веси храня; 49
Являются къ людямъ на пользу и помощь,
Хоть турсовъ потомки онѣ.)

46, IV Волкъ Сколль, одинъ изъ сыновей волка Фéнрира, поглотитъ солнце передъ кончиною міра.

47, I Áльфродуль—солнце. Этимологія слова связана со свойствомъ солнечнаго свѣта губить подземныхъ карловъ, темныхъ альфовъ.

(48, 49) По мнѣнію большинства комментаторовъ, здѣсь имѣются въ виду Норны, дѣвы судьбы, опредѣляющія жребій людей. Но характеристика этихъ строфъ къ нимъ мало подходитъ. Рѣчь идетъ, повидимому, о заботливыхъ, благосклонныхъ къ людямъ существахъ—Норны же обыкновенно рисуются незнающими гнѣва и милости, безразлично дарующими, по волѣ судьбы, счастье и несчастье. Быть можетъ, здѣсь рѣчь идетъ о благихъ дисахъ, полубогиняхъ, покровительствующихъ рожденіямъ людей.

Въ разборъ запутаннаго вопроса объ имени и личности Моггтрáсира предпочтительнѣе здѣсь не вдаваться. *С.*

О́динъ сказалъ:
Я странствовалъ много, извѣдалъ я многое,
Асовъ я часто въ рѣчахъ побѣждалъ. 50
Кто асовъ наслѣдьемъ тогда овладѣетъ,
Какъ Суртра погаснетъ огонь?

Ва́фтрудниръ сказалъ:
Владѣть будутъ А́сгардомъ Ви́дарръ и Ва́ли,
Когда Суртра погаснетъ огонь. 51
И Мйо́льниръ имѣть будутъ Мо́ди и Ма́гни,
Молотъ Ви́нгнира вѣрно храня.

О́динъ сказалъ:
Я странствовалъ много, извѣдалъ я многое,
Асовъ я часто въ рѣчахъ побѣждалъ. 52
Скажи мнѣ, какъ кончится О́дина жизнь
Въ битвѣ послѣдней великихъ боговъ?

Ва́фтрудниръ сказалъ:
Живущихъ Отецъ будетъ Волкомъ растерзанъ,
Но Ви́дарръ отмститъ за него: 53
Онъ недругу надвое пасть раздеретъ,
И испуститъ чудовище духъ.

О́динъ сказалъ:
Я странствовалъ много, извѣдалъ я многое,
Асовъ я часто въ рѣчахъ побѣждалъ.— 54
Что сказано О́диномъ на ухо Бальдру,
Когда на кострѣ онъ безъ жизни лежалъ?

51, I Ви́дарръ и Ва́ли—асы, сыновья О́дина.

51, III Мо́ди и Ма́гни—сыновья Торра, которые унаслѣдуютъ его громовый молотъ въ возрожденномъ новомъ мірѣ.

53, I Волкъ Фе́нриръ, сынъ Ло́ки, пожретъ О́дина.

54, III Бальдръ, сынъ О́дина, лучшій изъ боговъ, предательски погубленный богомъ огня Ло́ки, былъ торжественно сожженъ богами на кострѣ.

По этому вопросу,—на который, очевидно, не можетъ отвѣтить никто

Ва́фтрудниръ сказалъ:

Никто не узнаетъ, что въ старые годы
Ты на ухо мертвому сыну сказалъ!
Тебѣ отвѣчалъ я, на смерть обреченный— 55
Про древнее время, про жребій боговъ.
Я съ О́диномъ въ знаньи дерзнулъ состязаться:
Всѣхъ въ свѣтѣ мудрѣе ты будешь вовѣкъ.

кромѣ самого О́дина,—Ва́фтрудниръ узнаетъ своего противника. Подобный личный характеръ послѣдняго рѣшающаго вопроса въ спорахъ такого типа — распространенный фольклорный мотивъ, встрѣчающійся въ сказкахъ различныхъ народовъ.

55, III Согласно условіямъ заклада, О́динъ имѣетъ право убить Ва́фтруднира, разъ тотъ не въ состояніи отвѣтить на вопросъ.

ОБЩІЯ ЗАМѢЧАНІЯ.

„Vafþrúþnismǫl“ — сохранилось полностью въ Codex Regius 2365; въ Codex Arnamagnaeanus — только частью. Строфы этой пѣсни приводятся въ Снорровой Эддѣ.

Подобно ряду другихъ пѣсенъ Эдды (Grimnismǫl, Alvissmǫl) эта пѣсня носитъ дидактическій характеръ. Темою служитъ довольно обычный фольклорный мотивъ: состязаніе въ мудрости двухъ собесѣдниковъ, побившихся объ закладъ цѣною жизни о томъ, кто одержитъ верхъ. Въ формѣ такого діалога (въ данномъ случаѣ между Óдиномъ и Вáфтруднировъ) авторъ пѣсни сообщаетъ, въ извѣстной гармонической послѣдовательности, цѣлый рядъ разнообразныхъ свѣдѣній о различныхъ мірахъ, ихъ обитателяхъ и судьбахъ.

Время происхожденія этой пѣсни относятъ (Могкъ) къ половинѣ X вѣка, какъ и „Прорицаніе Провидицы“. Существуетъ предположеніе (Мюлленгофъ), что „Рѣчи Вáфтруднира“ стоятъ въ непосредственной связи съ „Прорицаніемъ Провидицы“, при чемъ первое является сознательнымъ дополненіемъ послѣдняго (т.-е. прямо сочинено съ цѣлью его дополнить). Эта гипотеза (возможная впрочемъ лишь при допущеніи единоличнаго авторскаго творчества въ данной пѣсни) не опирается пока на достаточно вѣскія доказательства.

Время возникновенія пѣсни, а также и мѣсто ея происхожденія—Исландія—могутъ считаться прочно установленными.

Христіанскихъ вліяній въ ней не найдено.

РЕЧИ ГРИ́МНИРА

У конунга Ґра́удунгра было два сына; одного звали А́гнарръ, другого Гэ́йррёдръ. А́гнарру было десять зимъ, Гэ́йррёдру восемь зимъ отъ роду. Однажды случилось, что оба они выѣхали въ лодкѣ со своими рыболовными снарядами, чтобы удить; вѣтеръ вынесъ ихъ прочь, въ открытое море. Въ ночномъ мракѣ разбился ихъ челнъ близъ одного берега; они выбрались на сушу и нашли тамъ земледѣльца; у него они остались зимовать. Хозяйка приняла на свое попеченіе А́гнарра, хозяинъ же сталъ заботиться о Гэ́йррёдрѣ, и училъ его уму разуму. Когда наступила весна, земледѣлецъ далъ имъ лодку; и когда хозяева проводили къ берегу обоихъ, то хозяинъ поговорилъ тайно съ Гэ́йррёдромъ. Они получили попутный вѣтеръ, и прибыли къ пристани въ отцовской землѣ. Гэ́йррёдръ находился впереди въ лодкѣ. Онъ выскочилъ на берегъ, оттолкнулъ лодку [отъ берега] и крикнулъ: „Уплывай, и пусть злыя силы возьмутъ тебя!“ Лодку вынесло въ море. А Гэ́йррёдръ отправился къ [отцовскому] жилью, гдѣ его хорошо приняли. Отецъ его передъ тѣмъ померъ, и Гэ́йррёдръ былъ сдѣланъ конунгомъ, и сталъ прославленнымъ человѣкомъ.

О́динъ и Фриггъ однажды находились на престолѣ Ґли́дскйальфѣ и смотрѣли на всѣ міры. О́динъ сказалъ: „Видишь

---

7) „kot-bonda“ — мелкаго землевладѣльца, крестьянина.

16) Неизвѣстенъ точный смыслъ слова подлинника „Smyl“; предполагается, что оно означаетъ „злыя силы, чудовища“; во всякомъ случаѣ, въ словахъ Гэ́йррёдра заключается пожеланіе гибели брату.

21) Ґли́дскйальфъ — возвышенный престолъ въ чертогѣ О́дина, откуда можно видѣть все, что совершается повсюду въ мірахъ.

твоего питомца Áгнарра, какъ онъ въ пещерѣ производитъ на свѣтъ дѣтей съ великаншею? А Гэ́йррёдръ, мой питомецъ, сидитъ на королевствѣ въ своей землѣ". Фриггъ сказала: „Этотъ король такъ скупъ на угощеніе, что оставляетъ своихъ гостей голодать, если находитъ ихъ слишкомъ многочисленными". Óдинъ возразилъ, что это величайшая несправедливость, и тогда они [съ Фриггъ] побились объ закладъ насчетъ этого. Фриггъ послала къ Гэ́йррёдру прислужницу свою Фуллу, и поручила остеречь конунга отъ злыхъ умысловъ вѣдуна, который прибылъ въ его земли, и котораго легко узнать потому, что на него ни одна собака не лаетъ, какъ бы зла ни была. Что-бы Гэ́йррёдръ скупился съ гостями, это дѣйствительно была неправда; но онъ велѣлъ схватить подозрительнаго путника, на котораго не лаяли собаки. Пришелецъ былъ въ темномъ плащѣ и назвалъ себя Гри́мниръ; но больше ничего не сказалъ о себѣ, хотя его спрашивали. Конунгъ тогда велѣлъ его пытать, чтобы добиться рѣчей отъ него, и помѣстить его между двухъ огней: такъ сидѣлъ онъ восемь ночей.

У конунга Гэ́йррёдра былъ сынъ десяти годовъ отъ роду, названный Áгнарръ въ память брата конунга. Áгнарръ пришелъ къ Гри́мниру, принесъ ему полный рогъ напиться и сказалъ, что нехорошо дѣлаетъ конунгъ, пытая безвиннаго человѣка. Гри́мниръ выпилъ изъ принесеннаго рога,—огонь въ это время такъ близко подобрался къ нему, что одежда его тлѣла—и Гри́мниръ тогда заговорилъ:

---

1) Только здѣсь выясняется, такимъ образомъ, что подъ видомъ земледѣльца и жены его, позаботившихся о сыновьяхъ конунга Гра́удунгра, скрывался властитель боговъ Óдинъ и его жена Фриггъ.

16) „Гри́мниръ" — „Тайный", „Сокровенный", „Таящійся".

Жарко ты, пламя, жадно ты лижешь!
Огонь, отступи и не жги! 1
Тлѣетъ мой плащъ, хоть студить его пробую,
Мѣха волчьяго край обгорѣлъ.

Восемь ночей я провелъ здѣсь въ мученьяхъ,
Мнѣ напиться не подалъ никто— 2
Только А́гнарръ одинъ! И одинъ будетъ править
А́гнарръ, сынъ Гэ́йррёдра, въ готской странѣ.

Радуйся, А́гнарръ! Безмѣрною милостью
Даритъ тебя грозный Властитель бойцовъ: 3
Никогда за единый глотокъ награжденья
Не получишь столь славнаго ты!

Глаза мои видятъ священную землю
Отъ асовъ и альфовъ вблизи. 4
Будетъ Тру́дгеймъ служить обиталищемъ Торру,
Пока не настанетъ погибель богамъ.

Есть мѣсто по имени И́далиръ; Улльръ
Тамъ построилъ хоромы себѣ. 5

2, IV готская страна. Въ Эддѣ эпитетъ „готскій" примѣняется не къ однимъ только настоящимъ готамъ, а и вообще къ представителямъ болѣе южныхъ германскихъ племенъ (напр., къ бургундамъ).

Быть можетъ, здѣсь заключается указаніе на южное происхожденіе сказанія о Гэ́йррёдрѣ.

3, III награжденіе заключается не только въ томъ, что къ А́гнарру перейдетъ власть надъ отцовскими землями, но и — въ особенности — въ томъ, что О́динъ поучаетъ его высшей мудрости. Со слѣдующей строфы начинаются эти поученія — заповѣдныя свѣдѣнія обо всѣхъ мірахъ, сообщаемые О́диномъ сыну Гэ́йррёдра.

4, III Тру́дгеймъ, „міръ силы" — мѣстопребываніе могучаго бога громовъ, Торра. Оно называется также Тру́двангъ, „поле силы".

5, I „И́далиръ"—„долина тиссовъ". Изъ этого дерева обыкновенно дѣлались луки и (иногда) стрѣлы; а Улльръ, сынъ Сифъ (жены Торра)

Въ древнее время данъ асами Áльфгеймъ
Фрéиру былъ на зубокъ.

[Третій чертогъ есть; небесные боги
Покрыли его серебромъ. 6
Зовется онъ Вáласкйальфъ; асомъ воздвигнутъ онъ
Во дни, что минули давно.

[Зовется Сôквáбэкръ четвертый, гдѣ воды
Источника плещутъ вкругъ стѣнъ; 7
Изъ сосуда златого тамъ Óдинъ и Сага
Пьютъ каждый день ту струю.]

Вижу я Глáдсĥэймъ, гдѣ высится свѣтлый
Валĥáллы чертогъ золотой; 8
Ĥроптъ каждый день собираетъ тамъ храбрыхъ
Воителей, павшихъ въ бою.

отъ перваго брака — покровитель стрѣльбы изъ лука. Онъ также богъ охоты, бѣга на лыжахъ и ѣзды на саняхъ.

5, IV Древне-скандинавскому выраженію „tannfé“ — „зубной даръ“ — вполнѣ соотвѣтствуетъ русское „на зубокъ“. Было въ обычаѣ дарить что-нибудь младенцу, когда у него прорѣзывался первый зубъ.

Врядъ ли, однако, это надо понимать буквально по отношенію къ Фреиру, который родился не среди асовъ. *С.*

6, III асомъ—т.-е. Óдиномъ. Вáласкйальфъ—одинъ изъ его чертоговъ.

(7) Не совсѣмъ ясно, о какомъ чертогѣ идетъ рѣчь. Сага—отвлеченный миѳологическій образъ, фигурирующій только въ позднѣйшей (сравнительно) поэтической литературѣ, а не въ народныхъ вѣрованіяхъ,— Богиня мудрости, древнихъ повѣствованій „сагъ“. Въ этой строфѣ Сага, повидимому, заступаетъ мѣсто Фриггъ. Источникъ—по всей вѣроятности источникъ знанія, благодаря которому Óдинъ и его супруга узнаютъ о міровыхъ судьбахъ.

8, I Глáдсĥэймъ—дворъ Óдина.

8, III Ĥроптъ — Óдинъ, собирающій къ себѣ своихъ избранниковъ доблестныхъ бойцовъ, павшихъ въ сраженіи, приносимыхъ съ полей битвъ небесными воительницами валькиріями и возрождаемыхъ Óдиномъ въ селеніяхъ боговъ, гдѣ они проводятъ время въ боевыхъ потѣхахъ и пи-

Узнаю́тъ безъ труда приходящіе къ О́дину
Властителя славный чертогъ: 9
Крѣпкими копьями крыша подперта;
Кровля покрыта щитами златыми;
Брони на лавкахъ разложены сплошь.

Узнаю́тъ безъ труда приходящіе къ О́дину
Властителя славный чертогъ: 10
Волкъ тамъ повѣшенъ у западной двери;
Сверху паритъ тамъ орелъ.

[Три́мгеймъ обитель шестая; тамъ Тйа́цци
Жилъ прежде, силачъ исполинъ. 11
Ска́ди тамъ, свѣтлая бога невѣста,
Обитаетъ въ чертогѣ отца.

[Брэ́йдабликъ мѣсто седьмое: хоромы
Бальдръ тамъ построилъ себѣ. 12
Нѣтъ края въ мірахъ, гдѣ-бы такъ-же царила
Свобода отъ бѣдъ и злодѣйствъ.

рахъ въ Валга́ллѣ, и служатъ оружіемъ богамъ противъ ихъ враговъ, исполиновъ и чудовищъ.

10, III, IV Волкъ и орелъ—оба считались посвященными О́дину.

11, I Три́мгеймъ—„міръ шума“ (?).

11, II Ска́ди—дочь исполина Тйа́цци, жена морского бога Нйордра. Такъ какъ ни одинъ изъ супруговъ не желалъ окончательно покинуть свою родину, то было условлено, что часть года (зиму) Ска́ди будетъ проводить въ морскомъ царствѣ своего мужа, а другую часть (лѣто) онъ будетъ гостить у жены, въ наслѣдномъ владѣніи ея отца-исполина.

Такъ какъ Ска́ди принадлежитъ къ роду зимнихъ исполиновъ, представителей зимы, мороза,—то символика миѳа сводится къ слѣдующему. Зимою дочь исполиновъ хозяйничаетъ въ морѣ — и оно замерзаетъ, покрывается льдами и снѣгами. Лѣтомъ же водяной богъ поселяется въ горныхъ владѣніяхъ исполиновъ—и тамъ ледъ обращается въ воду, таютъ ледники, бѣгутъ потоки, и т. д.

12, II Бальдръ—сынъ О́дина, добрый весенній богъ мира и процвѣтанія; ничего недобраго не случаетс въ его владѣніяхъ.

[Ги́минбйоргъ мѣсто восьмое; Ге́ймда̀лльръ
Тамъ построилъ хоромы свои; 13
Въ домѣ удобномъ, тамъ съ радостнымъ духомъ
Пьетъ медъ искрометный хранитель боговъ.

[Въ Фо́лькванге́ Фре́йа рѣшаетъ прекрасная—
Гдѣ кому въ домѣ сидѣть. 14
Половину беретъ она воиновъ павшихъ,
Половину—Властитель побѣдъ.

[Гли́тниръ подпертъ золотыми столпами,
Серебромъ его кровля горитъ; 15
Фо́рсети тамъ пребываетъ въ то время,
Когда распри рѣшаетъ судомъ.

[Но́атунъ названо мѣсто, гдѣ Нйордромъ
Поставленъ просторный чертогъ; 16
Доблестный тамъ обитаетъ властитель
Въ славномъ жилищѣ своемъ.

13, I Ги́минбйоргъ—„небесная гора".

13, I Ге́ймда̀лльръ—небесный стражъ, охраняющій А́сгардъ, селеніе боговъ (отъ враждебныхъ богамъ исполиновъ).

14, I Фре́йа—богиня любви и красоты. Предполагаютъ, что строки III и IV ошибочно отнесены къ ней; онѣ могли бы скорѣй относиться къ Фриггъ. Но высказываемое здѣсь представленіе и вообще производитъ странное впечатлѣніе. Совершенно несогласно съ германскимъ духомъ, чтобы павшіе бойцы послѣ смерти поступали подъ власть богини, хотя бы и супруги бога битвъ.

Быть можетъ, здѣсь надо предположить какую-нибудь ускользающую отъ насъ метафору.

15, III Фо́рсети—одинъ изъ позднѣйшихъ миѳологическихъ образовъ, богъ справедливости и права, покровитель народнаго суда; сынъ Бальдра и Нанны. Въ первоначальномъ германскомъ пантеонѣ эта фигура отсутствуетъ; Бальдръ погибаетъ въ ранней юности бездѣтнымъ.

Однако Форсети не чисто поэтическая фикція (какъ Сага): культъ его доказанъ. Въ Эддѣ онъ нигдѣ, кромѣ этой пѣсни, не упоминается.

16, I Но́атунъ—морское царство бога Нйордра.

[Ви́ди, край Ви́дарра, пышной травою
И кустами густыми заросъ. 17
Витязь отважный съ коня тамъ соскочитъ,
Готовый отмстить за отца.

[Котелъ есть Э́льдх̆ри́мниръ; А́ндх̆ри́мниръ готовитъ
Въ немъ мягкое мясо и лакомый жиръ 18
Сэ́х̆ри́мнира вепря. Немногіе вѣдаютъ:
Что́ дается эйнх̆е́ріямъ ѣсть.

[Фрэ́ки и Ге́ри—тѣлами погибшихъ
Кормитъ прославленный Ратей Отецъ; 19
Самъ-же отъ вѣка князь А́сгарда, О́динъ
Питается только виномъ.

[Х̆у́гинъ и Му́нинъ надъ Ми́дгарда міромъ
Каждый день отправляются въ летъ. 20

17, I Ви́дарръ—сынъ О́дина, „молчаливый асъ", который въ послѣдней міровой битвѣ боговъ съ исполинами и чудовищами отомститъ за О́дина, т.-е. убьетъ волка Фе́нрира, послѣ того какъ чудовище поглотитъ О́дина.

„Видръ"—„лѣсъ"; сообразно этому „край Ви́дарра" заросъ кустами и травою.

17, III „Витязь". Подразумѣвается Видарръ.

18, I А́ндх̆ри́мниръ,—тотъ, кто во владѣніяхъ О́дина готовитъ пищу для обитателей Валх̆а́ллы. Больше о немъ ничего не сообщается.

18, III вепрь Сэ́х̆ри́мниръ обладаетъ чудеснымъ свойствомъ: послѣ того, какъ онъ изготовленъ и съѣденъ на пиру (гдѣ его всегда на всѣхъ хватаетъ, сколько бы ни было пирующихъ), онъ на другой день опять оказывается цѣлъ и оживаетъ, такъ что его снова убиваютъ и готовятъ.

19, I Фрэ́ки („Прожорливый") и Ге́ри („Жадный") — два волка О́дина, служащіе ему. Онъ отдаетъ имъ въ пищу тѣла людей, погибшихъ въ бою, но недостойныхъ Валх̆а́ллы.

19, IV Что О́динъ „питается только виномъ"—это очень позднее представленіе (вино не германскій напитокъ и только отъ другихъ народовъ попадало къ обитателямъ Скандинавіи): по всей вѣроятности оно всегда оставалось литературнымъ мотивомъ, а не народнымъ вѣрованьемъ.

20, I Х̆у́гинъ и Му́нинъ, два вѣщіе ворона О́дина, его гонцы, посланцы и развѣдчики. „Х̆у́гинъ" значитъ „Мысль", „Му́нинъ"—„Вос-

Я боюсь, что домой не воротится Ґу́гинъ;
Но за Му́нина я еще больше боюсь!]

Тунда воды шумятъ. И Тйо́двитнира рыба
Невредима, играетъ въ водахъ. 21
Въ бродъ переправиться трудно избранникамъ
Въ Валґа́ллу, по шумнымъ волнамъ.

Ва́льгриндъ рѣшетку зовутъ; охраняетъ
Святая святыя врата. 22
Та рѣшетка съ древнѣйшихъ вѣковъ возвышается—
Никому не извѣстно, какой тамъ замо́къ.

Пять сотенъ и сорокъ дверей запираютъ
Валґа́ллы великій чертогъ. 23
Восемь сотенъ воителей выйдутъ изъ каждой,
Когда противъ Волка пойдутъ.

поминаніе". Въ позднѣйшемъ представленіи неутомимый летъ этихъ двухъ вороновъ надъ міромъ—отражаетъ неустанную заботу и думу О́дина о мірѣ. „Два ворона сидятъ у него на плечахъ и говорятъ ему все, что происходитъ, что они видѣли и слышали" (Sn. Ed. Gylfag. 37).

21, I Тундъ—потокъ, окружающій селенія боговъ, черезъ который должны переправиться тѣ, кто идетъ въ Валґа́ллу.

— „Тйо́двитнира рыба". Значеніе этого стиха темно. Предполагается, что „Тйо́двитниръ" означаетъ „великій Волкъ" и относится къ тому волку Сколль, который поглотитъ, при кончинѣ міра, солнце. Послѣднее и подразумѣвается подъ „рыбой Тйо́двитнира", которая пока еще невредимо плаваетъ въ волнахъ потока, окружающаго Валґа́ллу, т.-е. въ воздухѣ.

21, III воды потока Тунда—какъ полагаютъ, воздухъ; избранники, отправляющіеся по смерти въ Валґа́ллу, не сами идутъ туда: ихъ несутъ по воздуху валькиріи. Боги же ѣдутъ въ Валґа́ллу по мосту Би́фростъ (радуга).

22, I „Ва́льгриндъ" — „врата павшихъ въ бою"—рѣшетчатыя ворота въ оградѣ селенія боговъ, противъ однихъ изъ вратъ Валґа́ллы (всего въ Валґа́ллѣ имѣется 540 входовъ); вѣроятно, противъ главныхъ.

23, IV „Когда противъ Волка пойдутъ", т.-е. когда настанетъ послѣдняя битва боговъ съ исполинами и чудовищами, въ томъ числѣ волкомъ Фе́нриромъ. Воинство О́дина, составляющееся изъ павшихъ въ бою геро-

[Пять сотенъ и сорокъ хоро́мъ помѣщаются
Въ жилищѣ по имени Би́льскирниръ; 24
Изъ всѣхъ мнѣ извѣстныхъ чертоговъ, просторнѣйшимъ
Владѣетъ мой доблестный сынъ.]

Ґе́йдрунъ коза есть у О́дина въ А́сгардѣ;
Ле́радра вѣтви гложетъ она. 25
Молокомъ отъ нея наполняются кубки;
Молоко ея—неизсякающій медъ.

евъ, достигнетъ, слѣдовательно, ко времени кончины міра числа 432.000. О мистическомъ значеніи этихъ и другихъ миѳологическихъ чиселъ см. интересныя данныя у Г. Листа (Das Geheimniß der Runen).

(24) Эта строфа, неожиданно перебивающая описаніе Валґа́ллы изображеніемъ жилища Торра, попала сюда случайно—вѣроятно, настоящее ея мѣсто въ первой части пѣсни, гдѣ вообще описываются обиталища различныхъ боговъ.

25, II Предполагается, что Ле́радръ—одно изъ названій мірового ясеня И́ггдрасиля. Но упоминаніе въ „Пѣс. о Фйольс.“ мало вяжется съ этимъ толкованіемъ.

(25) Несомнѣнно, что въ тогдашнемъ представленіи дѣло обстояло именно такъ: чудесная коза давала медъ вмѣсто молока. Отнюдь нельзя допустить, чтобы здѣсь имѣлась просто метафора, означающая, что молоко козы замѣняло медъ гостямъ О́дина. Для древнихъ германскихъ воителей была бы крайне непривлекательной мысль о пирѣ, гдѣ угощали бы молокомъ вмѣсто меда или пива. Характеренъ діалогъ въ повѣствованіи Снорри по поводу того, что́ пьютъ гости О́дина (Gylfag. 38):

„Га́нглери спросилъ: „Что пьютъ эйнґе́ріи? Вѣдь питья должно быть „въ Валґа́ллѣ такъ-же много, какъ и ѣды. Или тамъ пьютъ воду?“

„Гарръ сказалъ: „Чудно́ ты спрашиваешь! Неужели же О́динъ сталъ-бы „принимать у себя королей, ярловъ и другихъ могущественныхъ людей— „съ тѣмъ, чтобы давать имъ пить воду? Ручаюсь тебѣ, что многимъ изъ „тѣхъ, кто является въ Валґа́ллу, угощеніе водою показалось бы ку„пленнымъ слишкомъ дорогой цѣной — если-бъ тамъ не подавалось чего„нибудь получше, послѣ того какъ пришлось переносить смертельныя „страданія и раны!“

Для этихъ бойцовъ козье молоко въ видѣ угощенія было-бы немногимъ пріятнѣе воды. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что подъ медомъ, даваемымъ козою Ґе́йдрунъ, подразумѣвался какой-нибудь хмельной на-

Олень есть Э̀ йкти́рниръ у О́дина въ А́сгардѣ;
Ле́радра вѣтви гложетъ олень; 26
Влага льется съ роговъ его въ ключъ Ґвэ̀ргельми́ра,
Откуда всѣ рѣки текутъ.

Сиддъ и Виддъ, Сэ́кинъ и Э́кинъ
[Своль и Гу́ннтро, Фйормъ и Фи́мбольту́льръ],
Риннъ и Ри́нинанди, 27
Ги́дуль и Го́дуль, Го́муль и Ге́йрвимуль
Орошаютъ владѣнья боговъ;
[Тиннъ и Виннъ, Толль и Ґолль,
Гу́ннторинъ и Градъ.]

[Ви́на зовется одна; а другая
Вегсвиннъ; Тйоднума затѣмъ.
[Нитъ и Нотъ, Ноннъ и Ґроннъ, 28
Слиддъ и Ґриддъ, Сильгръ и Ильгръ,
Виддъ и Ванъ, Вондъ и Строндъ]
Гйолль и Лейптръ; всѣ тѣ рѣки бѣгутъ близъ боговъ
И низвергаются въ Ґэль.

питокъ—медъ или пиво,—подобный тѣмъ, какіе подавались на земныхъ пирахъ, только, разумѣется, лучшій. *С.*

26, I Э̀ йкти́рниръ—олень съ многовѣтвистыми рогами, съ которыхъ падаетъ на землю влага, питающая всѣ рѣки—считается олицетвореніемъ водоносной тучи.

26, III ключъ Ґвэ̀ргельми́ра находится въ подземномъ мірѣ, подъ однимъ изъ корней ясеня И́ггдрасиля.

(27) Слѣдуя примѣру Геринга, предпочитаю не приводить сложныхъ и спорныхъ толкованій всѣхъ этихъ именъ потоковъ и рѣкъ; тѣмъ болѣе, что нѣкоторыя изъ именъ до сихъ поръ еще и вовсе не удалось перевести.

Отмѣчу только названіе Ге́йрвимуль, этимологія котораго — отъ geir, копье—повидимому указываетъ на то, что дѣло идетъ объ одномъ изъ подземныхъ потоковъ, гдѣ среди льдовъ и остраго оружія плаваютъ умершіе преступники.

[Кормтъ и Ормтъ и Кэ́рлауга оба
Торру приходится въ бродъ перейти
Каждый разъ, какъ спѣшитъ онъ въ собраніе асовъ, 29
Къ мѣсту, гдѣ И́ггдрасиль ясень стоитъ.
Всѣ священныя воды кипятъ ~~въ~~ эту пору,
Мостъ боговъ пламенѣетъ огнемъ.

[Веселый, Блестящій, Сіяющій, Жилистый,
Среброхолкій и Быстробѣгъ,
Свѣтлоногій, Златой, Легконогъ, Златохолкій— 30
То коней имена —асовъ носятъ они.
Ежедневно на нихъ боги къ Ясеню ѣдутъ
Судъ править вѣча, вести свой совѣтъ.

[Три корня, растущихъ въ три разныя стороны,
И́ггдрасиль ясень пустилъ. 31
Ґэль подъ первымъ; другой—надъ землей исполиновъ;
Подъ третьимъ-же Ми́дгарда міръ.

. . . . . .

29, VI Неясно, почему мостъ боговъ пламенѣетъ, когда Торръ отправляется въ собраніе боговъ (только-ли въ это время?).

Очевидно, объясненія надо искать въ стихійной подкладкѣ миѳовъ; то, что происходитъ съ мостомъ боговъ—радугою—могло стоять въ связи съ мѣстонахожденіемъ Торра, божества грозы.

(30) Въ подлинникѣ имена коней идутъ въ слѣдующемъ порядкѣ:

Гладръ (Веселый), Гиллиръ (Золотой, золотисто-желтый), Глеръ (Блестящій), Скэйдбримиръ (Быстро бѣгущій), Сильфринтоппръ (съ серебряною холкою), Синиръ (Жилистый), Гисль (Сіяющій), Фальхофниръ (съ свѣтлыми копытами), Гулльтоппръ (съ золотою холкою) и Летфети (Легконогъ).

Если прибавить къ этому перечисленію Слéйпнира, коня О́дина, то окажутся перечисленными всѣ кони асовъ: ихъ одиннадцать. Асовъ считается двѣнадцать, но Торръ не имѣетъ коня—онъ всегда ѣздитъ на своей колесницѣ или идетъ пѣшій.

С.

[Рататоскръ называется бѣлка проворная,
Что по Ясеню вѣчно снуетъ; 32
Все, что скажетъ орелъ на вершинѣ, спѣшитъ она
Ни́ддхоггру передать у корней.

[Клонятъ тамъ выи четыре оленя,
Молодые побѣги ѣдятъ: 33
Да́инъ и Два́линнъ, Ду́нейрръ и Ди́ратроръ.

[Дурню на умъ не придетъ, сколько змѣевъ
Обитаетъ на Ясенѣ томъ. 34
Го́иннъ и Мо́иннъ, Гра́фви́тнира дѣти;
Гра́бакръ и Гра́фволлудръ;
Усыпатель, Свиватель—зеленыя вѣтви
Будутъ всегда объѣдать.]

---

(32) Бѣлка Рататоскръ—олицетвореніе вѣчно-дѣятельной вражды между хранителями и устроителями міра, богами, представителями которыхъ является орелъ, птица Одина,—и ихъ противниками, носителями разрушительныхъ силъ хаоса. Представитель послѣднихъ—драконъ Ни́ддхоггръ. Бѣлка поддерживаетъ распрю между враждующими сторонами тѣмъ, что, вѣчно снуя отъ одного къ другому, пересказываетъ Ни́ддхоггру всѣ враждебныя слова орла, а орлу все, что говоритъ о немъ дурного Ни́ддхоггръ (Gn. Ed.).

(33, 34) Предпочитаю воздержаться отъ перевода почти всѣхъ этихъ именъ, потому что комментаторы расходятся въ ихъ чтеніи и толкованіи; Герингомъ почти всѣ переводы приводятся подъ сомнѣніемъ. А главное—ихъ предполагаемая этимологія не представляетъ и особеннаго интереса. Нѣкоторыя имена (Два́линъ, Мо́инъ и др.) совпадаютъ съ именами карловъ.

Весь миѳъ поздняго происхожденія. Въ первоначальномъ представленіи только одинъ змѣй—Ни́ддхоггръ—гложетъ корни ясеня; олень тоже одинъ, или даже вовсе отсутствуетъ. Обиліе животныхъ на міровомъ Деревѣ—продуктъ позднѣйшей фантазіи.

Аллегорія миѳа понятна: непрестанная, упорная работа губительныхъ силъ, постепенно приводящихъ къ разрушенію міра.

34, V. Имена Усыпитель, Свиватель—оказываются въ послѣдней строфѣ въ числѣ названій Одина. Вѣроятно они въ одну изъ строфъ (либо въ 34, либо въ 54) попали по ошибкѣ.

[Люди не знаютъ, какъ Ясень великій
Много выноситъ невзгодъ: 35
Сверху гложетъ олень, увядаетъ пол-дерева,—
Корни—ѣстъ Ни́ддх̆оггръ драконъ.]

Х̆ристъ и Мистъ на пирахъ подаютъ мнѣ мой рогъ,
Скэ́ггольдъ и Ско́гуль; 36
Х̆ильдръ и Трудръ, Х̆локкъ и Х̆е́рфйотуръ,
Голль и Гейрону́ль,
Ра́ндгридъ и Ра́дгридъ и Ре́гинлейфъ—
Пиво въ Валх̆а́ллѣ разносятъ.

[Колесницу везутъ свѣтозарнаго солнца
А́львакръ и А́льсвитръ съ великимъ трудомъ. 37
Но желѣзомъ холоднымъ ихъ добрые асы
Защитили въ ихъ тяжкомъ пути.

---

(35) Ни въ одной космогоніи не рисуется такъ ярко, какъ въ германской, представленіе о вѣчныхъ разрушительныхъ процессахъ, которымъ подверженъ міръ. Все существующее носитъ въ себѣ начала распаденія: къ этому мотиву германскіе миѳы возвращаются съ трагическою настойчивостью, очень характерною для неумолимой прозорливости германскаго міровоззрѣнія, столь рано успѣвшаго разстаться съ наивною вѣрою въ нескончаемое существованіе земли. *С.*

(36) Имена валькирій, разносящихъ брагу въ Валх̆а́ллѣ, не всѣ поддаются переводу. Наиболѣе характерныя: Х̆ильдръ—„Бой“, Трудръ—„Сила“, Гейронуль—„Копьеносная“, Ра́ндгридъ—„Разрушительница щитовъ“.

(37) А́львакръ и А́льсвитръ—кони, везущіе колесницу солнца. Боги „снабдили ихъ холоднымъ желѣзомъ“, чтобы предохранить ихъ отъ испепеляющаго жара солнечныхъ лучей. Неясно, въ какой именно формѣ было устроено это предохраненіе.

Въ Снорровой Эддѣ сообщается, что боги помѣстили за конями два раздувальные мѣха, поддерживающіе прохладу.

Я склоняюсь къ тому мнѣнію, что „холодное желѣзо“ — не что иное, какъ тотъ же щитъ Сва́линнъ (желѣзный, въ такомъ случаѣ), о которомъ говорится въ слѣдующей строфѣ. „Сва́линнъ“ значитъ: „охлаждающій“ и назначеніе щита тождественно съ ролью этого „холоднаго желѣза“. *С.*

[Солнечный щитъ называется Сва́линнъ,
Богини чело онъ скрываетъ отъ глазъ; 38
Воды и горы огонь уничтожитъ,
Когда этотъ щитъ упадетъ.

[Чудовище Сколль за богинею гонится
Отъ желѣзнаго Лѣса, вослѣдъ. 39
Х̆ати, волкъ сильный, Х̆ро́твитнира сынъ,
Бѣжитъ передъ свѣтлой невѣстой небесъ.

[Боги создали землю изъ И́мира тѣла,
Шумящее море изъ крови его; 40
Изъ волосъ его лѣсъ, изъ костей его горы,
Изъ черепа—неба лучистую твердь.]

[Изъ рѣсницъ его мудрые боги съумѣли
Ми́дгардъ создать для людей. 41
Изъ мозговъ грозовыя зловѣщія тучи
Появились по волѣ боговъ.]

И Улльра и асовъ всѣхъ милость получитъ,
Кто первый коснется огня; 42

38, I „Сва́линнъ"—„охлаждающій".

(39) Чудовищные волки Сколль и Х̆ати, порожденія Фе́нрира, гонятся по небу за солнцемъ и мѣсяцемъ; когда настанетъ конецъ міра, они нагонятъ и поглотятъ оба свѣтила.

39, III Х̆ро́твитниръ—Фе́нриръ.

39, IV „невѣста небесъ"—богиня солнца, Су́нна. Х̆ати бѣжитъ передъ нею и позади мѣсяца.

(40) Эта строфа, описывающая сотвореніе міра изъ тѣла исполина И́мира, убитаго богами, случайно попала сюда, какъ и слѣдующая.

(42) Эта строфа относится непосредственно къ собесѣднику О́дина. Послѣдній обѣщаетъ милость Улльра и всѣхъ боговъ — тому, кто освободитъ его.

Откроется взгляду боговъ все жилище,
Какъ только котлы удалятъ.

[Въ древнее время корабль смастерили
Ски́ддбладниръ—И́вальди дѣти; 43
Лучшій въ свѣтѣ корабль для отважнаго Фре́ира,
Нйордра веселаго сына.

[Во вселенной всей лучшее дерево И́ггдрасиль;
Ски́ддбладниръ скорый—быстрѣйшій корабль;
О́динъ межъ асами высшій и лучшій; 44
Сле́йпниръ всѣхъ лучше средь сильныхъ коней,
Лучшій мостъ Би́фростъ, скальдъ лучшій Бра́ги,
Ґа́брокръ лучшій изъ кречетовъ, Гармръ лучшій песъ.]

Теперь меня видятъ всѣ боги небесные—
Недолго мнѣ помощи ждать: 45
Всѣ асы готовы ко мнѣ ниспуститься,
Явиться въ жилье короля,
На пиръ у стола короля.

Назывался я Тайнымъ и Странникомъ звался я,
Властелиномъ и Шлема Носителемъ, 46

Фраза о котлахъ неясна. Герингъ приводитъ слѣдующее объясненіе: подвѣшенные на перекладинѣ подъ крышей (какъ это обыкновенно дѣлалось) котлы мѣшаютъ видѣть сверху, съ неба (сквозь дымовое отверстіе или отверстія, очень просторныя въ древне-германскихъ жилищахъ) внутренность жилища, а слѣдовательно и О́дина. Когда котлы уберутъ, боги съ небесъ увидятъ О́дина и придутъ ему на помощь.

Въ общемъ, толкованіе этой строфы до сихъ поръ сомнительно.

43, II дѣти И́вальди—искусные карлы, сдѣлавшіе корабль Фре́ира.

44, IV Сле́йпниръ—восьминогій конь О́дина.

44, V Би́фростъ—небесный мостъ боговъ, радуга.

44, VI Гармръ — чудовищный песъ, сторожащій царство смерти. О кречетѣ Ґа́брокрѣ ничего неизвѣстно.

(46) Съ этой строфы начинается длинный перечень различныхъ именъ О́дина. Мнѣ показалось необходимымъ переводить эти имена уже въ са-

Стройнымъ, и Бурнымъ, Желаннымъ и Третьимъ,
Ослѣпителемъ Ратей и Высшимъ изъ всѣхъ.

Многоликимъ, Правдивымъ, Разгадчикомъ истины,
Разящимъ и Радостнымъ въ браняхъ; 47
Богомъ съ окомъ благимъ, Богомъ съ огненнымъ взоромъ,
Сокровеннымъ, Коварнымъ, Мѣняющимъ образы,
Многомудрымъ, Умѣлымъ въ обманѣ.

Длиннобородымъ, Разителемъ, Богомъ
Скрывшимъ подъ шляпой широкой чело;
Побѣды Отцомъ и Сраженій Отцомъ, 48
Кораблей Повелителемъ, Всадникомъ грознымъ,
Отцомъ называюсь я всѣхъ и всего.
Много именъ я имѣлъ и имѣю
Съ тѣхъ поръ, какъ хожу межъ людей.

момъ текстѣ (не въ примѣчаніяхъ, какъ это дѣлаетъ Герингъ). Приводить ихъ въ подлинномъ видѣ нѣтъ надобности, такъ какъ они ничего не говорили бы русскому читателю, а переводъ найденъ для каждаго изъ нихъ (за исключеніемъ одного) и въ переводѣ ихъ значеніе очень характерно, заслуживаетъ большого вниманія.

Въ толкованіи именъ я слѣдую Герингу, за исключеніемъ имени Тудръ, которое я перевожу не „Тонкій" (Der Dünne), а „Стройный". Имя „Удръ", переводъ котораго неизвѣстенъ, я передаю, руководясь тождественнымъ именемъ одной изъ дочерей Эгира, т.-е. морской волны; разумѣется, я этимъ предполагаю дать не переводъ, а лишь приблизительную замѣну непереведеннаго имени, оправдываемую стихійной природой Одина, и желательную мнѣ для того, чтобы не нарушать цѣльности перечня оставленіемъ одного имени въ подлинномъ видѣ. Имя Гримръ „Тайный" повторяется въ подлинникѣ въ двухъ мѣстахъ; я считаю это ошибкою и опускаю повтореніе. Въ перечнѣ именъ я не дѣлаю, во избѣжаніе лишняго осложненія, обозначеній позднѣйшихъ вставокъ.

С.

46, III Третій. Подъ этимъ именемъ скрывается Одинъ (въ Снорровой Эддѣ) въ діалогѣ Ганглери съ тремя богами, которые всѣ три являются образами одного Одина.

Назвался я Гри́мниромъ въ домѣ у Гэ́йррёдра,
Былъ Ялькромъ у Асмунда я.
Былъ я Волнъ Властелиномъ, корабль направляя, 49
Смуту Сѣявшимъ—въ тингѣ; въ бояхъ—Побѣдителемъ,
Повелитель Желаній и Вождь Громогласный,
Равный Высшему былъ я, Властитель Щита;
Чаръ Господиномъ и Сѣдобородымъ
У боговъ называли меня.

У Сокми́мира звался я Мудрымъ и Вѣщимъ,
И стараго турса тогда обманулъ; 50
Мидви́тнира сына, воителя сильнаго,
Побѣдилъ и убилъ я одинъ.

Гэ́йррёдръ, не въ мѣру напился ты пивомъ,
Охмелѣлъ ты себѣ на бѣду. 51
Въ Валх́а́ллѣ враги тебѣ всѣ, и самъ О́динъ;
Осужденъ ты—пощады не жди!

Не съумѣлъ ты вниманьемъ почтить мои рѣчи,
Въ заблужденье врагомъ ты введенъ; 52
Скоро увижу я кровью окрашеннымъ
Прежняго друга клинокъ.

Бранной сталью сраженный достанется Страшному;
Наступаетъ, король, твой конецъ. 53
Надъ тобою судъ Норнъ. Предъ тобою здѣсь О́динъ!
Если можешь, сюда подойди.

---

(50) Въ миѳахъ не сохранилось эпизода, къ которому относились эти слова.

52, IV Прежняго друга — Гэ́йррёдра, которому О́динъ раньше покровительствовалъ.

53, I Страшный (Yggr)—тоже одно изъ именъ О́дина.

53, III Норны—дѣвы судьбы, прядущія въ вѣчной нити участь всего живущаго.

Нынѣ Óдинъ мнѣ имя! И Страшнымъ я звался,
И Шумнымъ себя называлъ, 54
Бдителемъ, Ужасъ Вселяющимъ, Путникомъ,
Создателемъ, Богомъ боговъ;
Усыпатель, Свиватель,—и всѣ безъ изъятья,
Знаю, пошли отъ меня.

Король Гéйррóдръ сидѣлъ, держа на колѣняхъ мечъ, наполовину выдвинутый изъ ножонъ. Когда онъ услышалъ, что Óдинъ тутъ, — онъ вскочилъ, чтобы отвести Óдина отъ огня. Мечъ выскользнулъ у него и упалъ рукоятью внизъ; король споткнулся и упалъ и наткнулся на остріе меча, который поразилъ его на смерть. Тогда Óдинъ исчезъ. Áгнарръ же сталъ королемъ и правилъ долгое время.

54, V, VI Эта, немного неясная фраза, объясняется такъ: всѣ эти названія относятся ко мнѣ, а не къ отдѣльнымъ божествамъ.

ОБЩІЯ ЗАМѢЧАНІЯ.

„Рѣчи Гри́мнира“ имѣются цѣликомъ въ Codex Regius 2365 и также въ Codex Arnamagnaeanus 748. Многія строфы приводятся въ Снорровой Эддѣ, въ томъ числѣ съ измѣненіями перечень именъ (49. 50. 54.) „Рѣчи Гри́мнира“ принадлежатъ къ X вѣку; но къ болѣе позднему времени, чѣмъ „Прорицаніе Провидицы“ и „Рѣчи Ва́фтруднира“.

Вся стихотворная часть произведенія носитъ дидактическій характеръ, не свойственный примитивному народному творчеству. Зато сказочный мотивъ, на которомъ построена фабула, безспорно принадлежитъ этому творчеству, притомъ къ древнѣйшимъ его образцамъ. И здѣсь, какъ въ „Пѣсни о Ги́мирѣ“, поэтъ болѣе поздней эпохи использовалъ старыя миѳическія темы. Результатомъ этого творческаго пріема являются иногда внутреннія противорѣчія въ содержаніи: наивный старый миѳъ не оказывается на высотѣ тѣхъ миѳологическихъ воззрѣній, которыя авторъ высказываетъ устами своихъ дѣйствующихъ лицъ, въ данномъ случаѣ О́дина. Несомнѣнно, что тотъ О́динъ, чей образъ рисуется при чтеніи всѣхъ этихъ именъ, перечисляемыхъ Гри́мниромъ (Многомудрый, Высшій, Повелитель Желаній, Вѣщій, Отецъ всего, Богъ боговъ, и т. д.),—такой О́динъ не могъ стать жертвою столь первобытной хитрости и оказаться въ такомъ безпомощномъ положеніи,—какъ повѣствуетъ вступленіе.

Кромѣ того, въ текстѣ имѣются разновременныя позднѣйшія вставки, увеличивающія неровность стиля и построенія.

ПѢСНЬ ОБЪ А́ЛЬВИССѢ

Áльвиссъ сказалъ:

Скáмьи невѣстѣ пора убирать
Со мною въ дому у меня; 1
Вѣдомо всѣмъ, какъ спѣшилъ сватовствомъ я!—
Время намъ ѣхать домой.

Торръ сказалъ:

Чтó за пришлецъ тутъ? ужъ больно ты блѣденъ!
Съ трупами, что-ли, ты ночь пролежалъ? 2
Изъ великановъ ты, кажется, родомъ!—
Дочка моя не годится тебѣ.

Áльвиссъ сказалъ;

Áльвиссъ зовусь я, живу подъ землею.
Въ глубинѣ, подъ камнями, мой домъ. 3
Видѣть хочу колесницы Возницу;
Всякій данное слово блюди.

---

(1) Карло Áльвиссъ („Всезнающій") явился въ жилище Торра въ отсутствіи послѣдняго, свататься за его дочь. Жена громовника, Сифъ, согласилась и просватала дочь безъ вѣдома отца. Но Торръ, возвратившись домой, гдѣ онъ засталъ карла, не захотѣлъ признать заключеннаго безъ него договора. Чтобы избавиться отъ Áльвисса, онъ задержалъ его разспросами у себя въ жилищѣ до восхода солнца; такъ какъ солнечный свѣтъ обращаетъ карловъ въ камень, то застигнутый врасплохъ Áльвиссъ долженъ былъ погибнуть.—Этой миѳической фабулой авторъ пѣсни пользуется, чтобы вложить въ уста Áльвиссу длинный рядъ поэтическихъ описательныхъ эпитетовъ и антономазій.

1, I, II убирать скамьи—т.-е. исполнять обязанности хозяйки.

2, I „блѣденъ". Карлы блѣдны отъ жизни подъ землею, безъ солнца.

3, III Возница колесницы—Торръ, котораго Áльвиссъ не знаетъ въ лицо и не узнаётъ.

Торръ сказалъ:

Нéчего тутъ мнѣ блюсти! Какъ отецъ,
Выдать дочь—въ правѣ я лишь одинъ. 4
Дома я не былъ, когда вы рядили;
Безъ меня не отдастъ тебѣ дѣвы никто.

Áльвиссъ сказалъ:

Что за пришлецъ похваляется правомъ
Дивную дѣву не дать жениху? 5
Много бродягъ васъ! Тебя я не знаю—
Кто тебя, дурня, родилъ?

Торръ сказалъ:

Ви́нгторръ зовусь я, иду издалека,
Я Си́ддграни сильнаго сынъ. 6
Дочь за тебя не отдамъ никогда я;
Слова согласья не жди!

Áльвиссъ сказалъ:

Слово согласья хочу получить я,
И весело свадьбу сыграть; 7
Счастья лишусь я, лишившись красавицы,
Что горныхъ бѣлѣе снѣговъ.

Торръ сказалъ:

Дочь я отдамъ тебѣ въ жены, пожалуй,
Áльвиссъ, разумный мой гость,— 8
Если про каждый ты міръ мнѣ разскажешь
Все, о чемъ я узнать захочу.

6, I Ви́нгторръ—„Торръ-Метатель", т.-е. богъ, мечущій громовый молотъ. Одно изъ обычныхъ прозваній Торра.

6, II Си́ддграни—„долгобородый", Óдинъ.

Альвиссъ сказалъ:
Спрашивай, Ви́нгторръ, коль карла вопросами
Ты захотѣлъ испытать! 9
Девять міровъ исходилъ я не даромъ,
Всюду я все разузналъ.

Торръ сказалъ:
А́львиссъ, отвѣть! обо всемъ существующемъ
Знаешь, должно-быть, ты все: 10
Какъ называютъ просторную землю
Въ каждомъ изъ разныхъ міровъ?

А́львиссъ сказалъ:
Землею у смертныхъ, Долиной у асовъ,
Зовутъ ее ваны Путемъ; 11
Зеленою турсы, Цвѣтущею альфы,—
Для горнихъ боговъ она Лугъ.

Торръ сказалъ:
А́львиссъ, отвѣть! Обо всемъ существующемъ
Знаешь, должно-быть, ты все: 12
Какъ называется свѣтлое небо
Въ каждомъ изъ разныхъ міровъ?

А́львиссъ сказалъ:
Небо у смертныхъ, и Сводъ у боговъ;
Ваны зовутъ его Вѣтра Ткачемъ; 13
Йо́туны—Ве́рхомъ, и Кровлею—альфы,
Карлы—Покоемъ, что капли струитъ.

Торръ сказалъ:
А́львиссъ, отвѣть! Обо всемъ существующемъ
Знаешь, должно-быть, ты все; 14

---

(9) Нѣкоторые комментаторы считаютъ эту строфу позднѣйшей вставкой.

Мѣсяцъ какъ названъ, свѣтящій надъ смертными,
Въ каждомъ изъ разныхъ міровъ?

Áльвиссъ сказалъ:
Людямъ—Мѣсяцъ онъ; Мягкій Огонь у боговъ;
Для Ґэль онъ Несущееся Колесо; 15
Карлы Свѣтомъ зовутъ его, турсы Скитальцемъ,
Для альфовъ онъ—Счетчикъ временъ.

Торръ сказалъ:
Áльвиссъ, отвѣть! Обо всемъ существующемъ
Знаешь, должно-быть, ты все: 16
Какъ называется солнце всесвѣтлое
Въ каждомъ изъ разныхъ міровъ?

Áльвиссъ сказалъ:
Люди Солнцемъ зовутъ его, Сýнною боги,
Двáлинна Гибелью карлы зовутъ; 17
Альфы—Кругомъ златымъ; турсы—Свѣточемъ вѣчнымъ,
Асы Свѣтомъ чистѣйшимъ зовутъ.

Торръ сказалъ:
Áльвиссъ, отвѣть! Обо всемъ существующемъ
Знаешь, должно-быть, ты все: 18
Молви, какъ тучу зовутъ грозовую
Въ каждомъ изъ разныхъ міровъ?

Áльвиссъ сказалъ:
Люди—Тучею, боги—Надеждой на дождь,
Ваны—Игрушкой вѣтрóвъ; 19

17, II Двáлиннъ—имя карла. Солнце называется „гибелью Двáлинна“, потому что свѣтъ его губитъ карловъ. Самая этимологія имени связана съ этимъ представленіемъ; Dwalinn=„замѣшкавшійся“, „задержанный“ (на поверхности земли, гдѣ застигнутъ губящимъ его восходомъ солнца). *С.*

Альфы—Силою грозъ, турсы—Влаги носителемъ,
У Ґэль же зовутъ: Сокровеннаго Шлемъ.

Торръ сказалъ:
А́львиссъ, отвѣть! Обо всемъ существующемъ
Знаешь, должно-быть, ты все. 20
Вѣтеръ какъ названъ, всѣхъ дальше бывавшій,
Въ каждомъ изъ разныхъ міровъ?

А́львиссъ сказалъ:
Люди Вѣтромъ зовутъ, боги Сполоховѣемъ;
Ржунъ онъ зовется у высшихъ владыкъ; 21
Исполины Ревущимъ, а альфы—Шумящимъ,
У Ґэль его Бурнымъ зовутъ.

Торръ сказалъ:
А́львиссъ, отвѣть! Обо всемъ существующемъ
Знаешь, должно-быть, ты все. 22
Какъ называется воздухъ недвижный
Въ каждомъ изъ разныхъ міровъ?

А́львиссъ сказалъ:
Тишина у людей, Тишь волны у боговъ,
У вановъ зовется безвѣтріемъ онъ; 23
Дня Душою у альфовъ, Затишьемъ у турсовъ,
У карловъ—Спокойствіемъ дня.

Торръ сказалъ:
А́львиссъ, отвѣть! Обо всемъ существующемъ
Знаешь, должно-быть, ты все: 24

21, I Сполоховѣй—попытка передать „Voíoeƒr“ болѣе выразительнымъ словомъ чѣмъ „Полыхатель“.

21, II Ржунъ—отъ „ржать“. Въ подлинникѣ „gneggjoþ“.

Какъ называется море, путь смертныхъ,
Въ каждомъ изъ разныхъ міровъ?

Áльвиссъ сказалъ:
Люди Моремъ зовутъ его, Вóдами боги,
Ваны Волною зовутъ. 25
Турсы—рыбьею Родиной, Влагою альфы;
Для карловъ оно—Глубина.

Торръ сказалъ:
Áльвиссъ, отвѣть! Обо всемъ существующемъ
Знаешь, должно-быть, ты все: 26
Молви, какъ названъ огонь пламенѣющій
Въ каждомъ изъ разныхъ міровъ?

Áльвиссъ сказалъ:
Огонь у людей онъ, и Пламя у асовъ,
У вановъ зовется онъ Жаръ; 27
Пожиратель у турсовъ, у карловъ—Сжигающій,
Быстро Бѣгущій—у Ґэль.

Торръ сказалъ:
Áльвиссъ, отвѣть! Обо всемъ существующемъ
Знаешь, должно-быть, ты все: 28
Какъ густолиственный лѣсъ называется
Въ каждомъ изъ разныхъ міровъ?

Áльвиссъ сказалъ:
Люди Лѣсомъ зовутъ, боги Гривой полей,
У мертвыхъ зовутъ его Тиной долинъ; 29
Онъ для альфовъ—Вѣтвистый, для турсовъ онъ—Топливо,
Ваны дубравой назвали его.

Торръ сказалъ:
А́львиссъ, отвѣть! Обо всемъ существующемъ
Знаешь, должно-быть, ты все: 30
Ночь какъ зовется, отъ Норра рожденная,
Въ каждомъ изъ разныхъ міровъ?

А́львиссъ сказалъ:
Люди Ночью зовутъ ее, боги же Мглою,
И Покровомъ—владыки міровъ; 31
Альфы—Радостью сна, исполины—Безсвѣтіемъ,
Карлы зовутъ ее Матерью грезъ.

Торръ сказалъ:
А́львиссъ, отвѣть! Обо всемъ существующемъ
Знаешь, должно-быть, ты все: 32
Какъ полевые посѣвы зовутся
Въ каждомъ изъ разныхъ міровъ?

А́львиссъ сказалъ:
Нивы—у смертныхъ, Ростки—у боговъ,
Поросль—у вановъ названіе ихъ; 33
Выпасъ у йо́туновъ, Солодъ—у альфовъ,
Въ мірѣ у мертвыхъ—Камышъ.

Торръ сказалъ:
А́львиссъ, отвѣть! Обо всемъ существующемъ
Знаешь, должно-быть, ты все: 34
Какъ называютъ напитокъ живущихъ
Въ каждомъ изъ разныхъ міровъ?

А́львиссъ сказалъ:
Люди пивомъ зовутъ его, Брагою боги,
Варевомъ ваны зовутъ; 35

33, III Исполины не занимаются земледѣліемъ, а только скотоводствомъ; поэтому нивы для нихъ—только „выпасъ", пастбище.

Названъ Токомъ у турсовъ онъ, Медомъ у мертвыхъ,
Названъ Сокомъ у сѣмени Су́ттунгра онъ.

Торръ сказалъ:
Сроду не видѣлъ въ одной головѣ я
Столько познаній, какъ тутъ!
Но удалось провести мнѣ противника: 36
Карламъ смертельно дневное свѣтило,—
День теперь: солнце взошло!

35, IV „сѣмя Су́ттунгра"—исполины, т.-е. тѣ же турсы; здѣсь, какъ и во многихъ другихъ строфахъ, авторъ сбивается въ установленіи различныхъ категорій существъ, населяющихъ міры. См. Общ. Зам.

ОБЩІЯ ЗАМѢЧАНІЯ.

„Пѣснь объ Áльвиссѣ“ имѣется полностью въ Codex Regius, 2365. Отрывки ея приводятся въ Снорровой Эддѣ.

Эта пѣснь поздняго, исландскаго происхожденія; возможно, что она принадлежитъ христіанскому автору. Несомнѣнно, что послѣдній, при всѣхъ своихъ миѳологическихъ познаніяхъ, не твердъ въ миѳологической терминологіи; въ его перечисленіяхъ фигурируютъ: люди, боги, ваны, исполины, альфы и карлы; но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ боги видимо тождественны съ асами, въ другихъ они различаются, на ряду съ ними появляются еще какія-то верховныя силы (ginnregin), въ одной строфѣ „сыны Сýттунгра“, т.-е. „исполины“, упомянуты на ряду съ исполинами, т.-е. очевидно въ другомъ значеніи.

Построеніе пѣсни видимо искусственное: желаніе Торра задержать у себя карла до восхода солнца (свѣтъ котораго смертеленъ для карловъ) служитъ предлогомъ для стихотворнаго изложенія цѣлаго ряда метафорическихъ эпитетовъ, бывшихъ въ ходу у тогдашнихъ поэтовъ. Возможно, что какой-нибудь старый миѳъ и положенъ въ основу разсказа о сватовствѣ Áльвисса. Однако, съ миѳологическимъ образомъ Торра—прямодушнаго и простодушнаго—совершенно не вяжется присвоенная ему здѣсь роль хитреца, столь находчиво избавляющагося отъ непрошеннаго зятя; возможно, что первоначально преданіе относилось къ какому-нибудь другому богу, скорѣе всего—къ Óдину.

Форма стихотворенія красива, стиль художественъ и выдержанъ отъ начала до конца.

ИЗРЕЧЕНІЯ ВЫСОКАГО

I.

Прежде чѣмъ въ домъ ты войдешь, ко всѣмъ выходамъ
Хитро́ присмотрись, 1
Разузнай ихъ умно:
Никогда не извѣстно навѣрно, что гдѣ-нибудь
Въ домѣ твой врагъ не сидитъ.

Благо дающему! Гость входитъ въ горницу—
Пусть ему скажутъ, гдѣ сѣсть. 2
Тотъ мѣшкать не можетъ, кому свое счастье
Разыскивать надо съ огнемъ.

Огонь нуженъ гостю, что шелъ издалека,
Чьи колѣни застыли въ пути; 3
Ѣда и одежда нужны человѣку,
Если долго онъ брелъ по горамъ.

Гостю воды надо дать, чтобы вымыться,
И ручникъ, съ ласковымъ словомъ; 4
Самъ онъ понравиться пусть постарается,—
Если хочетъ быть позванъ опять.

Съ умомъ надо быть, отправляясь въ чужбину;
Дома всегде обойдешься легко. 5

Общ. Примѣч. Эта пѣснь представляетъ собою составившееся изъ разнородныхъ элементовъ собраніе изреченій. Указанія на этотъ счетъ— въ концѣ въ „Общихъ замѣчаніяхъ“.

2, III, IV Эти двѣ строки переводятся различными выраженіями, въ виду нѣкоторой неясности чтенія текста; но смыслъ въ различныхъ переводахъ одинъ и тотъ-же. Мнѣ представляется вѣроятнымъ, что обѣ первоначально не входили въ эту строфу; онѣ нарушаютъ ходъ мысли этой части пѣсни, вполнѣ конкретный и ясный. *С.*

Глупый предметомъ насмѣшекъ окажется,
Если средь умныхъ сидитъ.

Мудростью мужу хвалиться не слѣдуетъ,
Должно слѣдить за собой;
Кто разумно молчитъ—цѣлъ вернется въ отчизну, 6
Осторожный уйдетъ отъ бѣды.
Рѣдко найдешь себѣ друга надежнѣе,
Чѣмъ собственный опытный умъ.

На пиру, съ посторонними, гость осторожный
Долженъ чаще молчать, чѣмъ болтать. 7
Пусть будутъ и очи и уши на сторожѣ—
Такъ блюдетъ себя умный всегда.

[Счастливъ, кто славу и благо заслужитъ
Собственной силой себѣ.
Прокъ будетъ рѣдко отъ знаній и разума, 8
Что живутъ у другихъ въ головахъ.

[Счастливъ, кто въ жизни разсудкомъ и силой
Самъ себѣ можетъ помочь: 9
Часто совѣтъ былъ причиной несчастья,
Что въ груди у другого созрѣлъ.

[Лучшій запасъ на дорогу для странника—
Смысла запасъ и ума; 10
Всюду дороже онъ всякихъ сокровищъ,
И надежно поддержитъ въ бѣдѣ.

[Лучшій запасъ на дорогу для странника—
Смысла запасъ и ума. 11
А всѣхъ хуже тотъ дѣлаетъ, кто, до ухода
Пива напившись, пустится въ путь.

[Пользы для смертныхъ отъ пѣннаго пива
Меньше, чѣмъ многіе мнятъ; 12
Чѣмъ больше ты выпьешь, тѣмъ меньше ты можешь
Собственнымъ духомъ владѣть.

[Птица забвенья паритъ надъ пирами:
Разумъ у пьющаго крадетъ она. 13
Перья той птицы меня осѣняли,
Когда я у Гу́ннлодъ сидѣлъ.

[Былъ опьяненъ, отуманенъ былъ хмелемъ
Въ домѣ у мудраго Фйа́лара я. 14
Всѣхъ тотъ счастливѣй, кто съ яснымъ разсудкомъ
Съ пира прибудетъ къ себѣ.

[Сынъ королевскій долженъ быть сдержанъ,
Мудръ, и въ сраженіи смѣлъ; 15
Бодро и радостно вѣкъ проживи свой,
Встрѣть ты безъ трепета смерть!]

[Жить безъ конца помышляетъ трусливый
И отъ сраженій бѣжитъ; 16
Только щадить его старость не станетъ,
Если оружье не тронетъ его.]

Глупый въ гостяхъ некстати болтаетъ
Или не въ пору молчитъ; 17
Выпивъ, покажетъ онъ тотчасъ-же каждому,
Что мало ума у него.

13, IV Гу́ннлодъ—дочь того исполина, отъ котораго О́динъ хитростью добылъ волшебный медъ пѣснопѣнья. Звали этого исполина Су́ттунгръ; Фйа́ларъ (14)—повидимому, другое названіе того же лица.

Знаетъ лишь тотъ, что не разъ былъ въ дорогѣ
И далекó побывалъ— 18
Какъ разсуждать и вести себя долженъ
Мужъ съ настоящимъ умомъ.

Медъ пить ты можешь, но пей его въ мѣру;
Молчи, или дѣльныя рѣчи веди. 19
Никто не сочтетъ тебя неучемъ, если
Рано отправишься спать.

Кто до отвалу животъ набиваетъ,
Тотъ нерѣдко во вредъ себѣ ѣстъ: 20
Часто глумленье заслуживалъ глупый
По винѣ живота своего.

Знаютъ стадá, когда съ пастбища надо
Имъ возвращаться домой; 21
А человѣкъ неразумный не можетъ
За ѣдою предѣлъ соблюдать.

Злой человѣкъ, къ издѣвательству склонный,
Мастеръ высмѣивать всѣхъ; 22
А того онъ не знаетъ, что знать ему надо-бы:
Что и самъ съ недостатками онъ.

[Нóчи безъ сна неразумный проводитъ—
Мыслями мучитъ себя; 23
Усталымъ потомъ его утро застанетъ—
Онъ не сможетъ себѣ пособить.]

Безъ разбору, всѣхъ тѣхъ, кто ему улыбается,—
Считаетъ простакъ за друзей; 24
Замѣчать не желая, что часто заслуженно
Тѣ бранятъ его, кто поумнѣй.

Безъ разбору, всѣхъ тѣхъ, кто ему улыбается,—
Считаетъ простакъ за друзей. 25
Но на тингѣ народномъ сторонниковъ врядъ-ли
Въ своемъ дѣлѣ онъ много найдетъ.

Неразумный увѣренъ, что все ему вѣдомо,
Пока онъ не спрошенъ никѣмъ; 26
А стóитъ съ вопросомъ къ нему обратиться—
Не умѣетъ онъ молвить двухъ словъ.

При людяхъ молчать неразумному слѣдуетъ,
Такъ лучше ему и другимъ. 27
Никто не замѣтитъ, что смысла въ немъ мало,
Пока онъ не станетъ болтать;
Никто не узнаетъ, что толку въ немъ нѣтъ,
Пока не раскроетъ онъ ротъ.

Мудрымъ считается тотъ, кто умѣетъ
Дѣльно отвѣтить и дѣльно спросить. 28
Вѣсъ навсегда у людей получаетъ
То, что въ уста переходитъ изъ устъ.

Кто молчать не умѣетъ, тотъ также не сможетъ
Разумнаго слова сказать; 29
Часто случалось, что смертный несчастье
На себя навлекалъ языкомъ.

Никого не язви ядовитой насмѣшкой,
Хотя-бы и съ кубкомъ въ рукахъ! 30
Напрасно иной себя мнитъ всѣхъ умнѣе,—
Покуда никѣмъ не задѣтъ.

---

25. III тингъ—народное собраніе, вѣче

Доволенъ, когда въ разговорѣ онъ вывернется,
Надъ гостемъ смѣявшійся гость. 31
А о томъ не помыслитъ онъ, скóлькихъ, быть-можетъ,
Издѣваясь, враговъ наживетъ.

Другъ друга порой на пирахъ задираютъ
Дружные даже мужи; 32
Въ этомъ всегда будетъ поводъ къ раздорамъ:
Гостю врагомъ станетъ гость.

Дома съ утра закусить долженъ всякій
Прежде, чѣмъ въ гости идти; 33
А не то станетъ молча жевать, какъ животное—
Слова не скажетъ ни съ кѣмъ.

[Путь дологъ къ тому, съ кѣмъ всегда не въ ладахъ ты,
Хотя-бы онъ пóдъ бокомъ жилъ. 34
А къ другу повсюду дорога короткая,
Какъ жилье ни далёко его.]

Уходи, когда слѣдуетъ; слишкомъ ужъ много
Въ тѣхъ-же мѣстахъ не гости. 35
Надоѣдать можетъ дружба, что долго
Въ домѣ сидитъ у другихъ.

Свой домъ всего лучше, хоть будь невеликъ онъ:
Въ своемъ домѣ ты самъ господинъ. 36
Пара козъ во дворѣ и плетеная кровля—
Все пріятнѣй, чѣмъ ѣсть у другихъ.

Свой домъ всего лучше, хоть будь невеликъ онъ:
Въ своемъ домѣ ты самъ господинъ! 37
Съ израненнымъ сердцемъ тотъ скоро окажется,
Кто долженъ подачками жить.

[Отъ своего ты оружья въ дорогѣ
Не отходи ни на шагъ; 38
Никогда неизвѣстно, какъ скоро нуждаться
Будешь въ копьѣ ты своемъ.]

Тратить не бойся добро, что добудешь:
Счастья не скóпитъ, кто скупъ! 39
Что для друга хранишь ты, забрать можетъ недругъ;
Ненадежны надежды людей.

Нигдѣ не найдешь ты дарящаго съ радостью,
Кто и самъ бы дарамъ не былъ радъ; 40
Бываетъ пріятно давать человѣку—
Даръ пріятно въ обмѣнъ принимать.

Другу оружье дари и одежду,
Въ прокъ и на радость очамъ; 41
При взаимныхъ дарахъ будетъ прочною дружба,
Если рокъ не нарушитъ ее.

[Другу плати за пріязнь ты пріязнью,
Даромъ на даръ отвѣчай. 42
Но умѣй заплатить за насмѣшку насмѣшкой,
И обманомъ воздать за обманъ.]

Другу плати за пріязнь ты пріязнью,
Дружелюбенъ къ друзьямъ его будь. 43
Дѣлать другомъ себѣ никогда ты не долженъ
Того, кто бы другъ былъ врагу твоему.

Если друга обрѣлъ ты, ему довѣряешь,
И добра себѣ ждешь отъ него— 44
Открывай ему душу, и дѣлай подарки;
Чаще его посѣщай.

Если вызвалъ знакомецъ твое недовѣрье,
Ты же добраго ждалъ отъ него— 45
На словахъ будь привѣтливъ, и скрой подозрѣнья,
И обманомъ воздай за обманъ.

Если ждешь ты вражды отъ знакомца, и думаешь,
Что съ тобою не искрененъ онъ,— 46
Будь съ нимъ ласковъ вдвойнѣ, затаи непріязнь ты:
На притворство притворствомъ отвѣть.

Въ молодые года́ я одинъ путешествовалъ.
Заблудился надолго я разъ: 47
Богачомъ себя счелъ я, съ другимъ повстрѣчавшись;
Человѣка оплотъ—человѣкъ.

[Всѣхъ счастливѣй живетъ тотъ, кто щедръ и отваженъ;
Отъ заботъ всѣхъ свободнѣе онъ:— 48
Вѣчный страхъ отравляетъ всѣ радости труса;
Нѣтъ отрады для скряги въ дарахъ.]

[Навѣсилъ на два деревянныхъ болвана
Я когда-то одежды свои: 49
Въ одеждахъ они на людей походили.
Ни во что́ того ставятъ, кто нагъ.]

Съ дерева лыко сдираютъ въ деревнѣ—
Погибаетъ ободранный стволъ: 50
Таковъ человѣкъ, если всѣми покинутъ,—
Лучше ему и не жить.

У друзей ненадежныхъ пять дней пламенѣетъ
Ярче огня ихъ пріязнь; 51
На шестое же утро огонь тотъ угаснетъ
И любовь пропадетъ безъ слѣда.

Цѣненъ не долженъ быть даръ непремѣнно;
И малымъ заслужишь хвалу. 52
Хлѣба кускомъ и глоткомъ въ моемъ кубкѣ
Я друга не разъ добывалъ.

[Мало песку въ маломъ морѣ имѣется,
Мало ума у людей; 53
Но не владѣютъ и равнымъ всѣ разумомъ—
Есть различіе всюду у всѣхъ.

[Въ мѣру быть мудрымъ для смертныхъ умѣстно,
Многаго лучше не знать. 54
Въ свѣтѣ всѣхъ краше живется такому,
Кто свѣдущъ довольно во всемъ.]

[Въ мѣру быть мудрымъ для смертныхъ умѣстно,
Многаго лучше не знать; 55
Рѣдко тотъ радостенъ сердцемъ, чей разумъ
Больше, чѣмъ надо, узналъ.

[Въ мѣру быть мудрымъ для смертныхъ умѣстно,
Многаго лучше не знать. 56
Знать ты не долженъ удѣлъ твой грядущій—
Или забудешь въ заботѣ покой.]

Головня отъ другой головни зажигается;
Искра отъ искры горитъ. 57
Человѣкъ по словамъ человѣку извѣстенъ;
По молчанью—негодный къ рѣчамъ.

Спозаранку вставай, собираясь у недруга
Голову снять, иль добро отобрать; 58
Лежачему волку добычи не будетъ;
Кто сидитъ, не одержитъ побѣдъ.

Пусть рано встаетъ тотъ, кто бѣденъ рабочими,
И берется за дѣло съ утра. 59
Кто спать будетъ поздно—проспитъ свою выгоду;
Кто не медлитъ—полъ-клада возьметъ.

Сколько для кровли драни потребно,
Надо хозяину знать. 60
Пусть знаетъ онъ, много-ли въ мѣсяцъ и въ зиму
Дровъ въ его домѣ сгоритъ.

Будь сытъ и опрятенъ, на тингъ собираясь,
Нарядным же можешь не быть. 61
Не стыдись башмаковъ ты, какіе найдутся,
Ни штановъ; ни коня, если есть,—
Хоть во всемъ томъ немного цѣны.

Клювъ разѣваетъ и голову вѣшаетъ,
Пролетѣвъ черезъ древнее море, орелъ; 62
Въ толпѣ незнакомой таковъ тотъ безпомощный,
У кого поручителей нѣтъ.

Спросить и отвѣтить съ умомъ пусть умѣетъ,
Кто мудрымъ желаетъ прослыть. 63
Одному довѣряйся; не двумъ одновременно.
Что вѣдаютъ трое—то знаетъ весь свѣтъ.

Кто смѣлъ и уменъ, свою мощь тотъ умѣренно
Въ дѣло пускаетъ всегда. 64
Съ отважнымъ столкнувшись, иной убѣждается,
Что самъ не храбрѣйшій изъ всѣхъ.

59, IV полъ-клада, т.-е. половину того клада, который достался бы тебѣ цѣликомъ, если бы ты не зѣвалъ.

Будь остороженъ ты въ дѣлѣ и въ рѣчи,
* Людямъ съ оглядкою вѣрь.* 65
За лишнее слово случается часто
Жестоко платиться потомъ.

Я къ людямъ не разъ слишкомъ рано являлся,
И опаздывалъ въ гости къ другимъ; 66
Пиво выпито было—иль вовсе не сварено.
Кто не милъ, тотъ всегда невпопадъ.

Я знаю, что могъ бы ко многимъ быть позванъ
Съ тѣмъ, что-бъ въ гостяхъ не поѣсть; 67
Или если бы въ домъ я доставилъ два окорока,
За то, что меня угостили однимъ.

Лучшее благо огонь для живущихъ
И солнца сіяющій свѣтъ; 68
Затѣмъ, если Рокъ позволяетъ, здоровье
И безпорочная жизнь.

Нѣтъ вполнѣ обездоленныхъ, даже межъ хворыми.
Этотъ сыну растущему радъ; 69
У иного родня, у другого богатство,
Тотъ въ доблестномъ дѣлѣ отраду найдетъ.

Жить всегда лучше, чѣмъ мертвымъ лежать;
Кто живъ, тому можно помочь. 70
Я видѣлъ костеръ, богачу приготовленный—
Трупъ его ждалъ у воротъ.

65, II Дополнено по смыслу.

67, III, IV Герингъ немного иначе переводитъ двѣ заключительныя строки. Буквальный смыслъ подлинника здѣсь несовсѣмъ ясенъ; мнѣ представляется мое толкованіе,—наиболѣе близкимъ къ точному значенію текста. С.

Пастухомъ будь безрукій; кто хромъ, можетъ ѣздить;
Можетъ сражаться глухой. 71
Въ слѣпомъ больше проку, чѣмъ въ прахѣ сгорѣвшаго:
Ни на что́ не пригоденъ мертвецъ.

Сынъ—это счастье, будь даже рожденъ онъ
Поздно, по смерти отца. 72
Лишь тогда на могильномъ курганѣ есть памятникъ,
Если ставятъ потомки его.

[Для боя двоимъ надо быть. Языкъ твой убійца твоей головы.
Гдѣ рукавъ, тамъ я жду кулака. 73
Кто съ запасомъ хорошимъ, ждетъ ночи безъ страха.
Поперечныя снасти короче продольныхъ.
Часто ночью осенней погода мѣняется;
За́ пять дней много разъ перемѣнится вѣтеръ,
Больше еще перемѣнится въ мѣсяцъ.]

Кто не свѣдущъ ни въ чемъ, тотъ не знаетъ, какъ часто
Богатство туманитъ умы. 74
Одинъ богатѣетъ, другой-же нуждается;—
Ни заслугъ ни вины въ этомъ нѣтъ.

Фи́тйунгра видѣлъ сыновъ я въ довольствѣ;
Ходятъ по́ міру нынче они. 75
Вмигъ улетучиться можетъ достатокъ,—
Коварнѣйшій въ свѣтѣ онъ другъ.

Сгинетъ богатство, умрутъ твои родичи,
Самъ ты умрешь въ свой чередъ; 76

---

(73) Интерполлированный въ пѣсню рядъ пословицъ.
73, IV Переносный смыслъ этого изреченія неясенъ.
75, I Фи́тйунгръ — „жирный“, „упитанный“; богатей.

Можетъ одно лишь безсмертнымъ быть въ мірѣ —
Слава великихъ заслугъ.

Сгинетъ богатство, умрутъ твои родичи,
Самъ ты умрешь въ свой чередъ; 77
Только одно будетъ жить безконечно —
Память о славныхъ дѣлахъ.

Правду вѣщаютъ священныя руны,
Что въ селеньяхъ боговъ создались, 78
Что Вѣщимъ начертаны, высшимъ изъ скальдовъ:
Молчаніе лучше всѣхъ благъ.

. . . . . .

[Если золотомъ станетъ богатъ неразумный,
Иль красавицей будетъ любимъ — 79
Въ немъ спѣси прибудетъ, ума-жъ не прибавится;
Мимо людей онъ надувшись пойдетъ.

[Дня не хвали раньше вечера; женщины раньше сожженія;
Оружья, пока не испробовалъ; дѣвъ, пока замужъ не выданы. 80
Ледъ похвали, коли выдержалъ; пиво, коль выпито.

[Деревья руби на вѣтру; при вѣтрѣ попутномъ будь въ морѣ;
Съ милой впотьмахъ будь: глазъ много у дня. 81

78, III Вѣщій — Óдинъ.

(78) Мюлленгофъ не безъ основанія видитъ въ этой строфѣ юмористическій элементъ: банальная житейская истина заключенія не соотвѣтствуетъ торжественному вступленію.

(79—82) Собраніе пословицъ и практическихъ совѣтовъ; въ текстѣ — позднѣйшая вставка.

80, I „сожженіе“ здѣсь означаетъ, конечно, не казнь, а просто погребеніе. Смыслъ пословицы: „Не хвали женщины прежде, чѣмъ пройдетъ вся ея жизнь“.

Служитъ судно для плаванья, щитъ для защиты;
Лезвіе—что-бъ разить; для лобзаній красавица.]

Пей пиво въ теплѣ; бѣгай по́ льду на лыжахъ.
Ржавымъ мечъ покупай, а коня—не упитаннымъ 82
Конь жить долженъ подъ кровомъ, а песъ во дворѣ.]

II.

Дѣвы словамъ довѣрять ты не долженъ,
Женскія рѣчи за правду считать. 83
Въ колесѣ было создано женское сердце:
Постоянства не можетъ въ немъ быть.

[Непрочному луку, горящему пламени,
Голодному волку, воронѣ крикливой, 84
Кабану, что захрюкалъ, соснѣ безъ корней,
Волнѣ въ часъ прилива, котлу закипѣвшему;

[Летящей стрѣлѣ и водамъ ниспадающимъ,
Льду, что сталъ за́ ночь, ползучей змѣѣ, 85
Обломкамъ меча и на ложѣ невѣсты рѣчамъ;
Ласкамъ медвѣдя и слову сыновъ королевскихъ;

[Хворой скотинѣ, рабу самовольному, 86
Чаровницы привѣту, сраженному недругу,
Братоубійцѣ, въ дорогѣ съ нимъ встрѣтившись,
Полусгорѣвшимъ хоромамъ, коню 87
—Безъ одной лишь ноги, онъ ужъ больше не годенъ!—
Всему этому, помни, нельзя довѣрять.

---

82. II Мечъ надо покупать испробованный, надежный.

(83) Съ этой строфы начинается эпизодическая часть пѣсни, описывающая два любовныя приключенія О́дина (II — съ дочерью Би́ллингра, III—съ Гу́ннлодъ, хранительницею меда пѣсни.)

[Всходамъ не радуйся раннимъ до времени;
Сыномъ, пока онъ дитя, не гордись; 88
Нужно вёдро для всходовъ, разсудокъ для сына—
То и другое Рокъ дастъ не всегда.]

Коварной довѣриться женщинѣ—то же
Что пó льду поѣхать съ конемъ неподкованнымъ, 89
Двухлѣтнимъ, норовистымъ, плохо объѣзженнымъ,
Или пó морю бурному плыть безъ руля,
Иль, на мерзлыхъ скалáхъ, лань руками ловить.

Правъ я въ томъ, что скажу, зная женъ и мужей:
И къ женщинамъ лживы мужи. 90
Тотъ злой умыселъ прячетъ, чьи рѣчи всѣхъ краше.
Умнѣйшихъ обманетъ иной.

[Льстивою рѣчью, дарами богатыми
Добивайся отъ дѣвы любви. 91
Восхваляй лучезарную прелесть прекрасной—
Благосклонность заслужишь ея.]

Никогда не язви человѣка насмѣшкой
За то, что онъ жертва любви: 92
Волю мудраго можетъ краса отуманить,
Что сердцá не смутила глупцовъ.

Не осуждай никого за такое,
Что многимъ изъ насъ суждено: 93
Умнѣйшихъ людей безразсудными дѣлаетъ
Коварная сила любви.

[Знаешь ты лишь одинъ, чтó въ груди твоей скрыто,
Чтó тебѣ душу гнететъ; 94

Всѣхъ тому хуже, кто не находитъ
Радости больше ни въ чемъ.]

Извѣдалъ я муку любви, когда, милой
Дожидаясь, я долго сидѣлъ въ камышахъ. 95
Безпредѣльно любилъ я коварную дѣву—
И мнѣ не досталась она.

На постели засталъ я дочь Би́ллингра спящею,
Подобную солнцу красой; 96
Мнѣ казалось, что жребій ничтоженъ властителя,
Если дѣвою мнѣ не владѣть.

„Вечеромъ долженъ ты, О́динъ, явиться,
Чтобы ложе со мной раздѣлить; 97
Теперь же опасно—узнать могутъ многіе
То, что въ тайнѣ намъ надо хранить!“

И я, безразсудный, ушелъ отъ красавицы,
Въ жаждѣ блаженства дрожа; 98
Я лаской любви насладиться надѣялся
Съ нею ночною порой.

А ночью придя, я засталъ всѣхъ на сто́рожѣ,
Были всѣ въ сборѣ бойцы; 99
По огнямъ я зажженнымъ, по факеламъ жаркимъ
Неудачу свою угадалъ.

На разсвѣтѣ явился я снова въ жилище;
Домашніе спали теперь; 100

96, I О дочери Би́ллингра и обо всемъ этомъ эпизодѣ ничего не извѣстно изъ другихъ источниковъ.

А ея не увидѣлъ я въ спальной: привязана
На ложѣ собака была.

Нерѣдко бываетъ, что въ дѣвѣ прекрасной
Жестоко обманешься ты;
Въ томъ убѣдился я съ дочерью Би́ллингра, 101
Попытавшись ее обольстить.
Издѣвательствомъ умная дѣва отвѣтила,—
Ничего я у ней не достигъ.

III.

До́ма будь веселъ и съ гостемъ привѣтливъ;
Но заботься и самъ о себѣ.
Рѣчь и мысль изощряй, если мудрымъ слыть хочешь; 102
Слово дѣльное вспомнятъ всегда у людей.
Того назовутъ изъ болвановъ болваномъ,
Кто ни слова не можетъ сказать.

---

(103) Здѣсь разсказчикъ вспоминаетъ—отъ лица О́дина—о томъ, какъ послѣдній добылъ чудесный медъ пѣснопѣнья, волшебный напитокъ скальдовъ.

Послѣ войны асовъ съ ванами, обѣ враждовавшія стороны порѣшили для скрѣпленія мира совмѣстно создать живое существо. Ванами и асами и былъ тогда совмѣстно сотворенъ Ква́сиръ (этимологія неясна), мудрѣйшій и прекраснѣйшій человѣкъ. Злые темные карлы, обитающіе подъ землею, впослѣдствіи убили Ква́сира и собрали его кровь въ сосудъ О́дрёрирь, смѣшавъ ее съ пчелинымъ медомъ. Получившаяся такимъ образомъ жидкость имѣла чудесное свойство: въ ней заключался даръ пѣснопѣнья. Но пока „медъ пѣсни" находился во власти карловъ, его чудодѣйственная сила не проявлялась. Черезъ долгое время, сгубивъ хитростью одного великана, карлы принуждены были отдать волшебный медъ—на выкупъ—брату погибшаго, Су́ттунгру, грозившему имъ смертью, если не получитъ выкупа. Послѣ этого медъ пѣсни былъ у Су́ттунгра, и его хранила прекрасная дочь исполина Гу́ннлодъ. И во власти исполиновъ, медъ не осуществлялъ своего назначенія: исполинамъ, какъ и карламъ, чуждъ даръ пѣснопѣнья. О́динъ рѣшилъ добыть отъ исполиновъ медъ. Въ че-

Былъ у турса я стараго, здравъ я вернулся.
Промолчавъ тамъ—я былъ-бы ни съ чѣмъ. 103
Много вѣскихъ рѣчей говорилъ къ своей выгодѣ
Въ домѣ у Су́ттунгра я.

Въ камень ввинтилъ я искусной рукою
Ра́ти, мой крѣпкій буравъ. 104
Надо мной, подо мной могъ явиться мой недругъ;
Поплатиться я могъ головой.

ловѣчьемъ образѣ отправился онъ въ страну великановъ и явился къ брату Су́ттунгра, исполину Ба́уги, предварительно устроивъ такъ, что послѣдній лишился своихъ девятерыхъ работниковъ (О́динъ явился на поле, гдѣ они косили, и предложилъ поточить имъ косы; онъ сдѣлалъ это волшебнымъ точиломъ, дѣйствовавшимъ такъ быстро и чудесно, что всѣ они пожелали имѣть его, перессорились и перерѣзали другъ друга на смерть косами). Назвавшись Бо́льверкромъ, О́динъ предложилъ Ба́уги, что наймется къ нему въ услуженіе, съ тѣмъ чтобы получить въ награду того меда, что хранился у Су́ттунгра. Ба́уги отвѣтилъ, что только Су́ттунгръ распоряжается медомъ, но обѣщалъ повести къ нему Бо́льверкра, что и было сдѣлано, послѣ того какъ тотъ за одно лѣто справилъ всю работу девятерыхъ людей. Су́ттунгръ не захотѣлъ дать меду Бо́льверкру. Тогда О́динъ буравомъ Ра́ти просверлилъ отверстіе въ стѣнахъ каменной пещеры, гдѣ Гу́ннлодъ хранила заповѣдный медъ; принявъ образъ змѣи, онъ проникъ въ отверстіе. Въ пещерѣ, вновь принявъ видъ человѣка, онъ добился любви Гу́ннлодъ и пробылъ у нея три ночи. Отъ нея онъ получилъ медъ пѣсни, и она же помогла ему выбраться изъ пещеры, послѣ чего онъ, въ образѣ орла, полетѣлъ обратно въ селенія боговъ. Получивъ медъ, О́динъ получилъ волшебный даръ пѣснопѣнья. И отъ него, перваго и высшаго изъ скальдовъ, получаютъ этотъ даръ тѣ, кто слагаетъ пѣсни на землѣ. (Bragarödfur, 3, 4).

Впослѣдствіи въ скандинавскомъ пантеонѣ появился, кромѣ О́дина, спеціальный богъ пѣсни: Бра́ги.

103, I „старый турсъ"—мудрый исполинъ Ва́фтрудниръ (обоготворенный, небесный), къ которому О́динъ приходилъ состязаться съ нимъ въ познаніяхъ. Что именно объ этомъ лицѣ (см. „Рѣчи Ва́фтруднира") идетъ здѣсь рѣчь,—а не о Су́ттунгрѣ, какъ дальше,—подтверждается на мой взглядъ выраженіемъ „здравъ я вернулся", являющимся какъ бы антитезою напутствія Фриггъ въ названной пѣсни. Провожая О́дина въ путь къ исполину, Фриггъ говоритъ ему: „Здравымъ отправься, здравымъ вернись ты". (о. с. 4).

Гу́ннлодъ въ чертогѣ златомъ угостила
Медомъ завѣтнымъ меня;
Дѣвѣ воздалъ я недоброю долей 105
За преданность вѣрной души,
За любовь и заботу ея.

Насладился напиткомъ я, до́бытымъ хитростью.
Мало тому недоступно, кто мудръ! 106
Такъ О́дрёриръ въ А́сгардъ отъ турсовъ попалъ,
Въ чертогъ Властелина земли.

Сомнѣваюсь, чтобъ выбрался я невредимымъ
Изъ земли исполиновъ тогда 107
Безъ поддержки отъ Гу́ннлодъ, красавицы доброй,
Что лежала въ объятьяхъ моихъ.

Спозаранку на утро морозные турсы
Къ Гару въ жилище пришли 108
У Гара отвѣта просить:
„Въ чертоги боговъ возвратился-ли Бо́льверкръ
Или Су́ттунгромъ былъ онъ убитъ?“

На кольцѣ клялся О́динъ великою клятвой;—
Кто вѣру словамъ его дастъ? 109
Взялъ медъ онъ обманомъ у сильнаго Су́ттунгра,
И Гу́ннлодъ на горе обрекъ.

106, III Здѣсь „О́дрёриръ“ отнесено къ самому меду; въ другомъ мѣстѣ это названіе носитъ сосудъ, гдѣ медъ хранился.

108, I „морозные турсы“. Горные исполины и снѣговые, „морозные“, исполины,—повидимому, составляли двѣ категоріи.

109, I клятва на кольцѣ считалась особенно священною (на кольцѣ въ обычномъ смыслѣ слова, или на запястьи).

Въ данномъ случаѣ О́динъ, назвавшійся Бо́льверкромъ, по всей вѣроятности поклялся хозяину-исполину (заподозрившему его въ принадлежности къ ненавистному исполинамъ племени асовъ), что „Бо́льверкръ не асъ“ или что „ни одинъ изъ асовъ не зовется Бо́льверкръ“.

IV.

Пора говорить мнѣ съ высокаго мѣста.
У святого источника Урдръ
Стоялъ я въ молчаньи, стоялъ я и думалъ; 110
Гара словамъ я внималъ.
[Онъ руны открылъ мнѣ, совѣты давалъ мнѣ.
На порогѣ у Гара,
Въ чертогѣ у Гара,
Вотъ что я слышалъ тогда]:

Ло́ддфафниръ, слушай, послѣдуй совѣту!
Онъ прокъ принесетъ, если примешь его;
На пользу себѣ ты исполнишь его: 111
Среди ночи вставай—лишь гоняясь за недругомъ,
Или если идешь по нуждѣ.

Ло́ддфафниръ, слушай, послѣдуй совѣту!
Онъ прокъ принесетъ, если примешь его,
На пользу себѣ ты запомнишь его: 112
Никогда не дѣли съ чародѣйкою ложа,
Не ввѣряйся объятьямъ ея.

Такъ она околдуетъ тебя, что забудешь
Про собранье народа, про тингъ. 113
Отъ людей ты уйдешь, отъ ѣды отобьешься,
Отъ заботъ не спасетъ тебя сонъ.

Ло́ддфафниръ, слушай, послѣдуй совѣту!
Онъ прокъ принесетъ, если примешь его,
На пользу себѣ ты запомнишь его: 114

110, I Пѣвецъ собирается торжественно возвѣщать полученную имъ мудрость—въ собраніи, съ высокаго мѣста.

110, II Урдръ—первая изъ нормъ, дѣвъ судьбы: Прошедшее.

110, IV Гаръ—„Высокій“, названіе Ódина.

Беззаконно не долженъ для страсти запретной
Ты чужую жену соблазнять.

Ло́ддфафниръ, слушай, послѣдуй совѣту!
Онъ прокъ принесетъ, если примешь его;
На пользу себѣ ты запомнишь его: 115
По горамъ или бо́ромъ сбираясь въ дорогу,
Запасайся надолго ѣдой.

[Ло́ддфафниръ, слушай, послѣдуй совѣту!
Онъ прокъ принесетъ, если примешь его;
На пользу себѣ ты запомнишь его: 116
Человѣку недоброму бойся довѣриться,
Особливо въ несчастьи твоемъ.
На довѣрье дурной человѣкъ не отвѣтитъ
Другому добромъ никогда.]

[Я видѣлъ, какъ жертвой навѣта злой женщины
Сталъ мужъ, не имѣвшій вины за собой; 117
Злой языкъ нашепталъ клевету нечестивую,
И принесъ невиновному смерть.]

Ло́ддфафниръ, слушай, послѣдуй совѣту!
Онъ прокъ принесетъ, если примешь его,
На пользу себѣ ты запомнишь его. 118
Если друга имѣешь, кому довѣряешь,
Чаще его посѣщай:
Заростаютъ кустами и сорными травами
Тѣ дороги, гдѣ рѣдко идутъ.

Ло́ддфафниръ, слушай, послѣдуй совѣту!
Онъ прокъ принесетъ, если примешь его,
На пользу себѣ ты запомнишь его. 119
Коль знакомца нашелъ въ мудрыхъ рунахъ искуснаго,
Имъ прилежно учись, хоть всю жизнь.

Ло́ддфафниръ, слушай, послѣдуй совѣту!
Онъ прокъ принесетъ, если примешь его.
На пользу себѣ ты запомнишь его. 120
Если друга имѣешь, напраснымъ разрывомъ
Бойся ты дружбу губить.
Скорбь источитъ тебя, если некому станетъ
Довѣрить заботъ своихъ боль.

Ло́ддфафниръ, слушай, послѣдуй совѣту!
Онъ прокъ принесетъ, если примешь его;
На пользу себѣ ты запомнишь его: 121
Съ безтолковымъ болваномъ словесную распрю
Никогда и нигдѣ не веди.

Не бываетъ того, что-бъ дурной человѣкъ
Добромъ заплатилъ за добро; 122
Но всегда по заслугамъ воздастъ тебѣ добрый,—
Благомъ воздастъ за хвалу.

Та лишь дружба полна, гдѣ по правдѣ и прямо
Другу ты все говоришь. 123
Хуже всего съ своимъ другомъ быть скрытнымъ,
Отъ него свои мысли таить.

Ло́ддфафниръ, слушай, послѣдуй совѣту!
Онъ прокъ принесетъ, если примешь его:
На пользу себѣ ты запомнишь его. 124
Съ недостойнымъ противникомъ въ споръ не вступай ты.
Бываетъ, что въ схваткѣ достойный слабѣе;
Бываетъ, что силой богаче негодный.

Ло́ддфафниръ, слушай, послѣдуй совѣту!
Онъ прокъ принесетъ, если примешь его;
На пользу себѣ ты запомнишь его; 125
Башмаковъ не тачай и древковъ ты не дѣлай
Никому, какъ себѣ самому:

За худое древко, за башмакъ неудачный
Станутъ зла тебѣ люди желать.

Ло́ддфафниръ, слушай, послѣдуй совѣту!
Онъ прокъ принесетъ, если примешь его;
На пользу себѣ ты запомнишь его. 126
Кто тебя оскорбитъ—мсти тому за обиду,—
Безнаказанно зла не спускай.

Ло́ддфафниръ, слушай, послѣдуй совѣту!
Онъ прокъ принесетъ, если примешь его;
На пользу себѣ ты запомнишь его. 127
Ничему ты худому не радуйся духомъ
И въ хорошемъ отраду ищи.

Ло́ддфафниръ, слушай, послѣдуй совѣту!
Онъ прокъ принесетъ, если примешь его;
На пользу себѣ ты запомнишь его. 128
Никогда, среди битвы, наверхъ не гляди ты—
Поражаетъ нерѣдко безумье мужей!
Часто гибельны чары врага.

Ло́ддфафниръ, слушай, послѣдуй совѣту!
Онъ прокъ принесетъ, если примешь его,
На пользу себѣ ты запомнишь его. 129
Если ласки любовной добиться желаешь
Отъ любимой красавицы ты—

125, IV древковъ. Для копій.

128, IV Не совсѣмъ ясно, къ какой опасности относится это предостереженіе. Обыкновенно оно объясняется такъ: чары врага могутъ нагнать ошеломляющій страхъ на противника, если тотъ станетъ смотрѣть **вверхъ**.

Возможно, однако, что тутъ просто дается совѣтъ „не зѣвать по верхамъ“, а слѣдить за врагомъ, чтобы онъ не пустилъ въ ходъ чаръ.

Въ обѣщаньяхъ будь щедръ, и держи обѣщанья:
Даръ хорошій всѣ рады принять.

[Ло́ддфафниръ, слушай, послѣдуй совѣту!
Онъ прокъ принесетъ, если примешь его;
На пользу себѣ ты запомнишь его. 130
Остороженъ ты будь, но отъ страха свободенъ—
За пивомъ хмельнымъ и съ чужою женою;
А также—борясь противъ хитрыхъ воровъ.]

Ло́ддфафниръ, слушай, послѣдуй совѣту!
Онъ прокъ принесетъ, если примешь его,
На пользу себѣ ты исполнишь его. 131
Не глумись ты надъ гостемъ, не смѣйся надъ странникомъ,
Издалека пришедшимъ въ твой край.

Кто дома сидитъ, разобрать можетъ рѣдко
Странника сердце и нравъ. 132
И никто не хорошъ такъ, чтобъ быть безупречнымъ;
И никто такъ не дуренъ, чтобъ не было добраго въ немъ.

Ло́ддфафниръ, слушай, послѣдуй совѣту!
Онъ прокъ принесетъ, если примешь его;
На пользу себѣ ты запомнишь его.
Никогда надъ пѣвцомъ посѣдѣлымъ не смѣйся; 133
Цѣнность есть часто въ рѣчахъ стариковъ.
Часто мудрость исходитъ изъ сморщенной кожи,
Подобной мѣхамъ тѣмъ сухимъ, что висятъ
Со шкурами снятыми, съ кожами жесткими,
Межъ рубцовъ закопченныхъ качаясь.

Ло́ддфафниръ, слушай, послѣдуй совѣту!
Онъ прокъ принесетъ, если примешь его;
На пользу себѣ ты запомнишь его. 134

133, VII Сушившіеся мѣха, кожи, полотки, телячьи рубцы, и т. п. вѣшались надъ очагомъ.

Морщинистое лицо старика сравнивается со сморщенною сухою кожею.

Не гони со двора чужестранца сурово;
Дай ты путнику пищу и кровъ.

Перетрется засовъ, если вѣчно для всякаго
Долженъ ходить онъ взадъ и впередъ: 135
Не дари слишкомъ цѣннаго; дай хоть кольцо ты —
Что-бъ никто не желалъ тебѣ зла.

[Ло́ддфафниръ, слушай, послѣдуй совѣту!
Онъ прокъ принесетъ, если примешь его.
На пользу себѣ ты исполнишь его. 136
Если ты охмелѣлъ, исцѣляйся землею.
[Отъ земли хмель минуетъ, болѣзнь отъ огня,
Дубъ хорошъ для запора и колосъ отъ порчи,
Спорынья́ противъ грыжи, свѣтъ мѣсяца противъ падучей,
Выгонъ противъ чесотки скота, заговоръ отъ отравы],
Отъ влаги излѣчитъ земля.]

---

135 I, II Иными словами: на всякаго не напасешься услугъ и подарковъ. Слѣдуетъ съ разборомъ дѣлать одолженія и не давать зря слишкомъ многаго.

(136) Этотъ, довольно неумѣло вставленный въ пѣсню, перечень тогдашнихъ медицинскихъ средствъ не лишенъ интереса.

— IV Герингъ указываетъ, что въ южной Германіи существовало средство противъ опьяненія:—нюхать землю.

— VII Интересно, что спорынья и понынѣ считается у русскаго крестьянства хорошимъ внутреннимъ средствомъ: при трудныхъ родахъ и противъ грыжи.

— VI Что касается до дуба, то Герингъ ошибочно переводитъ „vip abbinde" противъ запора („die Eiche heilt Stuhlzwang"). Правда „vip" можетъ значить и „противъ", и „для", и „при", но въ данномъ случаѣ не можетъ быть никакого сомнѣнія, что рѣчь идетъ о средствѣ крѣпительномъ, а не наоборотъ, разъ дѣло касается дуба, т.-е. очевидно отвара дубовой коры или дубовыхъ листьевъ; то и другое будетъ несомнѣнно дѣйствительнымъ, и очень энергичнымъ средствомъ для запора (дуб. кисл.)

— VI Какимъ образомъ примѣнялись колосья отъ „порчи"—неясно. Быть можетъ, ихъ сжигали подъ головою „околдованнаго" человѣка.

— VII О связи луннаго свѣта съ падучей существовало издавна и еще существуетъ вѣрованье у различныхъ племенъ. (Старое названіе эпилепсіи: morbus lunaticus.)

С.

Всѣ Ґара слова возвѣстилъ я въ чертогѣ—
Полезныя людямъ, безъ пользы для племени
турсовъ. 137
Благо сказавшему! благо внимавшему!
Примѣни ихъ, узнавшій ихъ! Благо всѣмъ слы-
шавшимъ!

V.

Девять ночей я качался на деревѣ,
Подъ вѣтромъ повѣшенъ въ вѣтвяхъ,
Раненъ копьемъ, въ жертву Óдинъ отданъ— 138
Себѣ же—я самъ,
На деревѣ старомъ, растущемъ высоко
Отъ невѣдомыхъ міру корней.

Никто не давалъ мнѣ питья и питанія
Взглядъ направлялъ я къ землѣ. 139
Въ стенаніяхъ, руны вознесъ въ вышину я—
Долу упалъ я тогда.

[Меня научилъ девяти заклинаньямъ
Сынъ Бóльторна, Бэстли отецъ. 140

---

(138) Значеніе этой и послѣдующей строфы очень темно, и я предпочитаю не приводить здѣсь всѣхъ разнорѣчивыхъ и сложныхъ толкованій, вызванныхъ этими строфами: всѣ они слишкомъ неопредѣленны.

Съ несомнѣнностью явствуетъ изъ нихъ только одно: вѣщее знаніе рукъ, міровой мудрости и волшебствъ досталось Óдину путемъ великихъ добровольно перенесенныхъ страданій — какого-то тяжелаго жертвеннаго подвига, содержаніе котораго недостаточно выясняется изъ этого отрывка.

Дерево, о которомъ идетъ рѣчь—повидимому, міровой Ясень Йггдрасиль; предполагается, что съ этимъ миѳомъ связано и его названіе („Носившій Иггра"?). Но все это не выходитъ изъ области догадокъ, построенныхъ на шаткихъ основаніяхъ.

Расходящіяся съ „общепринятыми" взглядами, но логичныя и остроумныя толкованія этихъ строфъ см.: Guido List, Das Geheimniß der Runen.

(140) Эта строфа по ошибкѣ попала сюда изъ разсказа о медѣ пѣсни. Кто такой сынъ Бóльторна, неясно; возможно, что это Мимиръ, отъ котораго Óдинъ почерпнулъ часть своей мудрости.

И выпить я могъ заповѣднаго меда,
Ёдрэриръ я осушилъ.]

Сталъ я расти и познанія множить,
Здоровье и силы обрѣлъ. 141
Слово отъ слова на благо являлось,
Дѣло отъ дѣла рождалось чредой.

Руны найдешь ты, что въ дерево врѣзаны
Съ силой великой,
Съ силой цѣлебной. 142
Высшій Скальдъ ихъ окрасилъ, и боги ихъ создали,
И рѣзалъ тѣ руны властитель боговъ,—
Ёдинъ у асовъ и Два́инъ у альфовъ,
Два́линъ у карловъ, у йо́туновъ А́льсвиннъ;
Многія рѣзалъ и я.

Знаешь-ли, какъ надо рѣзать?
Знаешь-ли ты, какъ разгадывать?
Знаешь-ли, какъ надо красить?
Знаешь-ли, какъ вопрошать? 143
Знаешь-ли ты, какъ молиться?
Какъ приносить надо жертвы?

142, IV Высшій Скальдъ—Ёдинъ.

(142) Руны вырѣза́лись на прутьяхъ, на кусочкахъ дерева или коры, и послѣ покрывались (иногда) красящимъ веществомъ. Имъ приписывалась волшебная сила—при гаданьи и при различныхъ магическихъ дѣйствіяхъ. По мнѣнію большинства ученыхъ, тѣ волшебныя древнія руны, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь (и вообще въ пѣсняхъ Эдды фигурирующія руны), не тождественны съ тѣмъ, что впослѣдствіи стали называть рунами, т.-е. съ простыми письменами.

(143) Послѣ этой строфы пропускъ. Въ первоначальномъ текстѣ очевидно слѣдовали наставленія, касающіяся рунъ.

Нельзя не упомянуть о замѣчательной догадкѣ Г. Листа, нашедшаго въ послѣдующемъ перечнѣ заклятій (145—163) иносказательное описаніе всѣхъ 18-ти рунъ древняго алфавита вмѣстѣ съ символическимъ ихъ тол-

Знаешь-ли ты, какъ закласть?
Знаешь-ли, какъ сожигать?

Лучше совсѣмъ не молиться, чѣмъ жертвовать слишкомъ усердно:
Награжденій за жертву всѣ ждутъ. 144
Лучше вовсе не рѣзать, чѣмъ кровь лить безъ мѣры.

. . . . . .

[Такъ Тундръ начерталъ въ стародавніе годы.
Гдѣ вернулся въ свой край, тамъ поднялся онъ снова.]

VI.

Заклинанья я знаю, что людямъ невѣдомы,—
Даже знатнымъ и женамъ князей. 145
Имя первому: Помощь—помочь оно можетъ
Отъ обидъ, и скорбей, и заботъ.

И второе я знаю, тѣмъ людямъ полезное,
Что причастны искусству врачей. 146

. . . . . .

. . . . . .

Знаю третье я также, которымъ возможно
Врага волшебствомъ оковать: 147
Иступиться заставлю оружье противника,
Не сможетъ разить его мечъ.

Мнѣ извѣстно четвертое—если мнѣ свяжутъ
Гибкіе члены враги: 148

кованіемъ, и увлекательно доказывающаго свое положеніе изъ разбора текста. Доводы его достаточно убѣдительны, чтобы на эту теорію стоило обратить вниманіе спеціалистамъ. Guido List, Das Geheimniß der Runen.

144, V Тундръ — названіе Óдина.

Прошепчу я заклятье и буду свободенъ—
Узы снимутся съ рукъ
И веревки съ ногъ.

Знаю пятое я—противъ стрѣлъ легкоперыхъ,
Что недругъ направитъ на рать: 149
Какъ бы живо ни мчалась—стрѣлу задержу я,
Едва лишь увижу ее.

Шестое извѣстно мнѣ—противъ кореньевъ,
Которыми вздумаетъ врагъ мнѣ вредить: 150
Мой недругъ лихой, мою ненависть вызвавшій,
Пострадаетъ самъ раньше, чѣмъ я.

Мнѣ извѣстно седьмое—пожаръ имъ уйму я,
Если вспыхнетъ чертогъ, еще полный гостей; 151
Какъ ни силенъ огонь, я смогу загасить его,
Слово мощное противъ пожара скажу.

Мнѣ восьмое извѣстно—немалую пользу
Принесло бы всѣмъ людямъ оно: 152
Если распря межъ храбрыми вдругъ разгорится—
Можно имъ миръ водворить.

Мнѣ извѣстно девятое: въ морѣ шумящемъ
Мой корабль сохранитъ мнѣ оно. 153
Усмирю ворожбою я бѣшенство бури,
И вернется волнамъ тишина.

Мнѣ извѣстно десятое—вѣдьмамъ на гибель,
Что по воздуху мчатся въ ночи. 154

---

(154) Вѣдьмы, колдуньи, согласно повѣрію,—совершаютъ свои злодѣянія, принявъ чужой образъ. Распространено было представленіе, что вѣдьмъ и имъ подобныхъ существъ можно погубить, если удастся помѣшать имъ снова принять свой настоящій образъ. Возможно также, что здѣсь идетъ рѣчь объ эстеріоризаціи астральнаго тѣла. Тогда смыслъ ясенъ.

С.

Околдую ихъ такъ, что потомъ не вернуться
Имъ въ жилища свои
И въ обличья свои.

Я знаю одиннадцатое—для боя:
Я съ нимъ провожаю въ сраженье друзей.
Я въ щитъ прокричу предъ началомъ сраженья— 155
И здравыми храбрые прянутъ на брань,
Воротятся здравыми съ бранныхъ полей,
Всѣ безбѣдно прибудутъ домой.

Я знаю двѣнадцатое—что-бы снялся
Повѣшенный съ вѣтки мертвецъ: 156
Я чертить буду руны, ихъ рѣзать и красить—
И съ дерева мертвый сойдетъ,
И со мною начнетъ говорить.

Я знаю тринадцатое—оно нужно,
Когда освящаютъ младенца водой: 157
Заворожу я отъ смерти въ сраженьяхъ—
Сколько-бъ въ бой ни ходилъ онъ, въ бою не падетъ.

Я владѣю четырнадцатымъ: перечту я
Всѣхъ небесныхъ свободно, что-бъ людямъ ихъ знать.

155, III „въ щитъ“ (когда онъ былъ подходящей формы) вообще кричали и пѣли въ сраженіяхъ: боевой кличъ, боевыя пѣсни—при чемъ щитъ служилъ просто для усиленія звука. Возможно, что при какихъ-нибудь условіяхъ этому дѣйствію приписывалось и магическое значеніе.

157, II Обычай обливать младенца водой, давая ему имя—существовалъ у германцевъ уже въ глубокой древности, задолго до распространенія христіанства.

Имена назову я всѣхъ асовъ и альфовъ— 158
Это можетъ лишь мудрый имѣть.

. . . . . .

Я владѣю пятнадцатымъ; въ домѣ у Дéллингра
Пѣлъ его Тйóдрэриръ, карло искусный; 159
Асамъ мощь придавалъ онъ и карламъ отвагу,
Мудрость вѣщую богу боговъ.

Я владѣю шестнадцатымъ; имъ я склоняю
Равнодушную дѣву къ любви; 160
Околдую я чарами душу красавицы,
Измѣню ея помыслы всѣ.

[Я владѣю семнадцатымъ: имъ охраню я
Отъ измѣны красавицы милой себя. 161

. . . . . .

. . . . . .

[Всѣ семнадцать заклятій, что назвалъ я, Лóддфафниръ,
Будутъ вѣкъ неизвѣстны тебѣ; 162
Хоть на благо себѣ ты услышалъ-бы ихъ и на пользу запомнилъ,
На счастье себѣ научился-бы имъ.]

[Восемнадцатое я заклятье знаю,
Ни мужамъ я, ни женамъ о немъ не скажу. 163
Всѣхъ цѣннѣе то знанье, что знаешь одинъ ты:
Я этимъ завѣты свои заключу.
Той лишь развѣ откроюсь, съ кѣмъ ложе дѣлю,—
Или той, кто сестра мнѣ родная.]

159, I Дéллингръ—божество, отецъ Дня.
159, II О Тйóдрэрирѣ больше ничего не извѣстно.

ОБІЩІЯ ЗАМѢЧАНІЯ.

„Изреченія Высокаго“, имѣющіяся только въ Codex Regius 2365, представляютъ собою произведеніе собирательнаго характера, въ которомъ позднѣйшимъ составителемъ соединены въ одно цѣлое, по крайней мѣрѣ, шесть различныхъ пѣсенъ, а, быть можетъ, и больше. Несомнѣнно, что пѣсни эти имѣли первоначально самостоятельныя заглавія, при чемъ только одно изъ нихъ— надо думать, IV (быть можетъ, вмѣстѣ съ послѣдующимъ)—носило названіе „Hǫvamól“. Названіе это, по господствующему толкованію, должно быть переведено „Изреченія Высокаго“. Слово Har (родит. пад. Hǫva) переводится „Высшій“ или „Высокій“; хотя существуетъ и толкованіе, что слово это означаетъ „Одноокій“ [1]). Въ обоихъ случаяхъ, названіе это совершенно опредѣленно относится къ Одину. Послѣдній—не разъ говорящій о себѣ въ пѣсни отъ перваго лица,—въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже прямо называетъ себя.

Происхожденіе искусственнаго соединенія нѣсколькихъ пѣсенъ въ одну объясняется чрезвычайно просто: аналогичность содержанія—житейскія наставленія и афоризмы, отрывки религіозныхъ идей — побудило составителя связать другъ съ другомъ разныя по источникамъ и цѣнности произведенія, объединивъ ихъ общимъ заглавіемъ и, по всей вѣроятности, прибавивъ отъ себя нѣсколько связующихъ стиховъ. Но еще и до этого объединенія, въ каждой отдѣльной пѣсни уже имѣлся рядъ вставокъ (отдѣльныхъ стиховъ или цѣлыхъ строфъ), опять таки очень легко объяснимыхъ: когда дѣло касается старинныхъ изреченій и правилъ жизненной мудрости — тотъ, кто ихъ пишетъ или пересказываетъ, естественно бываетъ склоненъ присоединить подобныя изреченія одни къ другимъ, тамъ, гдѣ они представляются

---

[1]) На этотъ счетъ см. Моркъ, ст. 32.

ему подходящими. Въ старое время это являлось вполнѣ обычнымъ пріемомъ: подобный сборникъ изреченій былъ общимъ достояніемъ, и за пересказчикомъ подразумѣвалось право по-своему расширять и дополнять его. Конечно, именно въ виду такой свободы вставокъ для изслѣдователя не всегда легко бываетъ опредѣлить размѣры этихъ вставокъ, когда ничто въ ихъ содержаніи не указываетъ опредѣленно на какую-либо эпоху или обстановку; потому что именно въ подобномъ сборникѣ изреченій возможны переходы и сопоставленія, психологическая связь которыхъ, иногда ускользающая отъ позднѣйшаго читателя, могла быть одинаковой и у первобытнаго автора [1]) и первобытнаго составителя. Эту особенность мѣтко подчеркиваетъ Могкъ, которому я въ общемъ слѣдую въ настоящемъ разборѣ.

Въ тѣсной связи стоятъ три первыя части произведенія: первое собраніе изреченій и два эпизода изъ жизни Óдина. Если и мало вѣроятно, что эти части съ самаго начала фигурировали вмѣстѣ, то несомнѣнно, что онѣ соединены были издавна, гораздо раньше, чѣмъ къ нимъ прибавили все остальное. По мнѣнію Могка, II и III являются естественными иллюстраціями къ двумъ мотивамъ предшествующихъ изреченій.

Послѣднія вложены (вѣроятно, уже однимъ изъ первыхъ составителей) въ уста высшему Наставнику—Óдину. Óдинъ—богъ странствій и исканій, онъ Скиталецъ, онъ „Вéгтамръ", Привычный къ пути; обойдя множество странъ, онъ многое узналъ, онъ Многоопытный бóгъ. Исходя отсюда, ему вкладывается въ уста рядъ практическихъ завѣтовъ бывалаго, много видавшаго странника—прежде всего касательно требованій и принциповъ гостепріимства, а затѣмъ и по поводу человѣческихъ отношеній вообще. Могкъ мѣтко подчеркиваетъ въ этихъ завѣтахъ признаки здороваго мужественнаго міросозерцанія и типично-германскаго яркаго самосознанія; съ его

---

[1]) Конечно, объ „авторѣ" тутъ можно говорить только въ относительномъ смыслѣ. Врядъ ли даже первый авторъ подобнаго произведенія заполнялъ его изреченіями, исключительно принадлежавшими его личному творчеству. Скорѣе всего онъ являлся въ большей степени выразителемъ собирательной народной мудрости, нежели самостоятельнымъ мыслителемъ.

мнѣніемъ объ этической строгости этого міросозерцанія можно также согласиться, если признать позднѣйшею интерполляціею стофы 45 и 46. По поводу яркаго самосознанія отмѣчу мимоходомъ одну характерную черту: высокую цѣнность, придаваемую посмертной славѣ, памяти о славныхъ дѣлахъ:

Сгинетъ богатство, умрутъ твои родичи,
Самъ ты умрешь въ свой чередъ;
Можетъ одно лишь безсмертнымъ быть въ мірѣ—
Слава великихъ заслугъ.

Этотъ мотивъ не разъ звучитъ среди изреченій, вкладываемыхъ въ уста вѣщему наставнику (28, 72, 76, 77), и каждый разъ съ такою силою, которая выдѣляется среди спокойнаго тона большинства житейскихъ наставленій; видно, что тутъ высказывается крѣпкое, въ плоть и кровь вошедшее убѣжденіе. Выраженія эддическаго автора въ этомъ случаѣ поразительно напоминаютъ передачу того же мотива у могучаго позднѣйшаго поэта, единственнаго мірового поэта среди сыновъ средневѣковой Европы, въ жилахъ котораго несомнѣнно текла въ извѣстной мѣрѣ и германская кровь,—Данте [1]), его вдохновенныя слова о посмертной славѣ и страстныя напоминанія ушедшихъ изъ міра душъ, даже грѣшниковъ среди адскихъ мукъ, чтобы ихъ имена не предавались забвенію. Сильный, гордый духъ чуется, когда рѣчь идетъ о доблести и славѣ, въ этихъ завѣтахъ вдумчиваго стараго сѣвернаго бойца, такъ же какъ и въ безсмертныхъ словахъ великаго флорентинца на зарѣ Возрожденія. Оба эти вдохновенія взрощены эпохою яркаго, мощно развивающагося индивидуализма, свободнаго, энергичнаго самоопредѣленія человѣческой личности. Для мужественнаго міросозерцанія Hǫvamǫl характерно также отношеніе къ смерти: несмотря на то, что для языческаго мудреца она является худшимъ изъ золъ, что мертвый въ его глазахъ несчастнѣе всякаго живого несчастливца (69, 70, 71) — онъ требуетъ, чтобы человѣкъ без-

---

[1]) Фамилія Данте—Алигіери—несомнѣнно германскаго (лангобардскаго или готскаго) происхожденія, какъ показало современное изслѣдованіе. Она возникла либо изъ Altger, либо изъ Adalger — во всякомъ случаѣ изъ древняго германскаго имени. (См. F. X. Kraus. Dante).

боязненно могъ встрѣтить смерть, и съ презрѣніемъ отзывается о трусѣ, который самъ себѣ портитъ жизнь (15, 48). Высокій духъ чувствуется въ прекрасной строфѣ:

Сынъ королевскій долженъ быть сдержанъ,
Мудръ и въ сраженіяхъ смѣлъ.
Бодро и радостно вѣкъ свой живи ты,
Пока не возьметъ тебя смерть.
(15)

Вслѣдствіе многочисленныхъ вставокъ, не все содержаніе этой части Hǫvamǫ́l равноцѣнно; на ряду съ глубокими и привлекательными нравственными воззрѣніями оказываются иногда самыя обыденныя соображенія (впрочемъ всегда проникнутыя мѣткою наблюдательностью и здравымъ смысломъ), а подчасъ и продукты сомнительной житейской философіи (45, 46). Въ строфѣ 73, а также въ трехъ заключительныхъ строфахъ оказывается богатый подборъ пословицъ и поговорокъ, внесенныхъ сюда явно извнѣ, даже съ нарушеніемъ первоначальнаго ритма пѣсни.

Основное, освобожденное отъ интерполляціи содержаніе этой части Hǫvamǫ́l—носитъ отпечатокъ большой древности. Оно считается возникшимъ въ Норвегіи, притомъ въ раннюю пору — въ IX вѣкѣ. По мнѣнію Могка, нѣкоторые отрывки (I) являются едва ли не древнѣйшими изъ всѣхъ сохранившихся памятниковъ древне-скандинавской поэзіи. Позднѣйшіе элементы въ этой пѣсни относятся къ X, XI, быть можетъ, даже къ XII вѣку [1]).

Переходя къ эпизодамъ II и III части, нельзя не отмѣтить вмѣстѣ съ Могкомъ ощутительной перемѣны тона. Въ этихъ разсказахъ о двухъ любовныхъ приключеніяхъ Óдина—изъ которыхъ въ одномъ онъ оказался обманутымъ, въ другомъ обманщикомъ—нарушенъ серьезный тонъ изреченій первой части, звучитъ мѣстами нѣсколько тяжеловатый юморъ (98); на ряду съ тонкою психологическою наблюдательностью—послѣ такихъ глубокихъ словъ какъ въ строфѣ 92,—бросается въ глаза мало привлекательное легкомысліе и еще менѣе привлекательная проповѣдь своекорыстнаго лукавства (90, 91, 105, 106, 109). Въ общемъ

1) См. Мюлленгофъ. Müllenhof „Deutscher Altertums-Kunde".

обѣ эти пѣсни—II и III—производятъ довольно непріятное впечатлѣніе [1]). И это впечатлѣніе получается не отъ грубости образовъ—извѣстная здоровая грубость всегда присуща старой народной поэзіи и нисколько ей не вредитъ—а отъ низости нравственнаго уровня, чувствующагося въ передачѣ обоихъ эпизодовъ. „Лукавая дѣва" во II и лукавый Óдинъ въ III — вполнѣ достойны другъ друга и не особенно располагаютъ къ себѣ. Но, въ данномъ случаѣ поговорка примѣнима буквально: изъ пѣсни слова не выкинешь.

Встрѣчались и такіе типы, были и такіе элементы въ жизни древне-германскаго духа; и если знакомство съ ними представляетъ мало художественно-привлекательнаго, то съ культурно-исторической стороны они далеко не лишены интереса.

Послѣ части III начинается вторая половина Hǫvamǫ́l, совершенно независимая отъ первой, и сама состоящая изъ трехъ разнородныхъ составныхъ частей: Изреченій Лóддфафнира, Перечня рунъ и Перечня заклятій.

Я не вижу необходимости приводить здѣсь разнорѣчивыя мнѣнія о взаимоотношеніи этихъ трехъ частей. Отмѣчу только, что ихъ считаютъ почти съ несомнѣнностью произведеніями разныхъ авторовъ, соединенными вмѣстѣ позднѣйшимъ составителемъ, вѣроятно, дополнившимъ ихъ нѣсколькими строфами собственнаго сочиненія. Въ Изреченіяхъ Лóддфафнира впервые оказывается ссылка на Гара, какъ на перваго возвѣстителя передаваемой мудрости. Эта (IV) часть по внѣшнему построенію напоминаетъ первую: сборникъ изреченій. Но характеръ ея иной. Общій тонъ нѣсколько пессимистичнѣе: изобилуютъ предостереженія противъ дурныхъ людей и коварныхъ женщинъ, противъ лживыхъ друзей, противъ неосто-

---

[1]) Надо только удивляться, съ какимъ художественнымъ тактомъ, безъ всякой искусственности отстраняющимъ все несимпатичное, съ какою (хочется почти сказать: геніальною) чуткостью сумѣлъ использовать ихъ современный поэтъ Феликсъ Данъ; въ особенности II—въ своей прелестной миѳологической новеллѣ „Odhin's Rache".

Миѳъ о Гуннлодъ использованъ очень удачно, хотя съ большой свободой, и поэтомъ-композиторомъ Корнеліусомъ въ его необычайно красивой по формѣ оперѣ „Gunnlöd", проникнутой, несмотря на легкій налетъ романтизма, глубокимъ пониманіемъ духа германскихъ миѳовъ. (Музыка и текстъ Корнеліуса; издана въ обработкѣ Бауснерна).

рожныхъ споровъ съ глупцами и т. д. Къ предостереженіямъ поэтъ вообще постоянно возвращается. Предостереженія противъ человѣческой лживости, глупости и злобы даютъ основной тонъ всему произведенію. На ряду съ этимъ замѣтно, какъ будто, болѣе тонкое психологическое пониманіе, болѣе развитое представленіе о человѣческихъ отношеніяхъ. Есть прекрасныя строки о дружбѣ (120, 123), видимо вышедшія изъ чуткой, тонко развитой души; но не чувствуется такой цѣльности и силы, какъ въ нѣкоторыхъ афоризмахъ первой части. Съ другой стороны, болѣе замѣтна неровность тона, видимо обусловленная позднѣйшими вставками и передѣлками. Рядомъ съ тонкими психологическими черточками попадаются архаическія предостереженія противъ колдовства (112, 128) и примитивныя житейскія наставленія (111). Въ комбинаціяхъ этихъ разнородныхъ элементовъ изслѣдователямъ пока еще не удается разобраться, не всѣ сходятся въ томъ, что считать интерполяціей и къ какой порѣ ее отнести. Несомнѣнно, однако, что все произведеніе создалось гораздо позднѣе первой части и очевидно въ Исландіи.

Въ очень неясныхъ и различно толкуемыхъ строфахъ 138—141 передается недоговоренно и сбивчиво до сихъ поръ опредѣленно не истолкованный миѳъ объ Óдинѣ, повидимому относящійся къ тому, какъ онъ, первый обладатель рунъ, самъ узналъ и постигъ ихъ. За этимъ, какъ указываетъ Могкъ, долженъ бы слѣдовать перечень рунъ (Rûnatal), подобный слѣдующему затѣмъ перечню заклятій, волшебныхъ пѣснопѣній (Lióþatal). Но первый почти цѣликомъ утраченъ; отъ него осталось только нѣсколько стиховъ (142 — 143). На мѣсто продолженія попалъ, повидимому, совершенно посторонній отрывокъ относящійся къ почитанію боговъ. Въ этомъ отрывкѣ, однако, есть замѣчательные стихи — начало 144 строфы. Если эта строфа вѣрно читается, то высказываемый въ ней взглядъ на жертвоприношенія заслуживаетъ большого вниманія; это взглядъ, который во всѣ времена оказывался возвышеннымъ и рѣдкимъ—все равно, относился ли онъ къ языческому или къ христіанскому богопочитанію:

„Лучше совсѣмъ не молиться, чѣмъ жертвовать слишкомъ усердно:
Награжденій за жертву всѣ ждутъ.“

Затѣмъ слѣдуетъ перечень заклинаній. Согласно общепринятому взгляду, въ этой части текста утрачено главное—самый текстъ заклятій—и остались лишь, такъ-сказать, поэтическіе комментаріи къ нимъ.

Я рѣшаюсь здѣсь категорически высказаться противъ этого установившагося мнѣнія—послѣ знакомства съ неоднократно упоминаемымъ мною трудомъ Гвидо Листа „Das Geheimnis der Runen“, который высказываетъ и доказываетъ съ подавляющею убѣдительностью, въ особенности для знакомаго съ оригиналомъ Эдды читателя,—что перечень заклинаній дѣйствительно заключается въ соотвѣтствующихъ строфахъ пѣсни, съ полнымъ ихъ содержаніемъ и толкованіемъ: только уясняется это изъ разсмотрѣнія эзотерическаго текста пѣсни, являющейся, какъ и „Прор. пров.“ однимъ изъ заповѣдныхъ, вполнѣ доступнымъ только древнимъ посвященнымъ, откровеній древне-сѣверной мистики.

Но разсмотрѣніе текста съ этой стороны составляетъ громадную и сложную задачу, не входящую въ рамки настоящаго труда; здѣсь я лишь считаю долгомъ напомнить еще разъ объ этой, сознательно оставляемой мною здѣсь въ сторонѣ, области. Ей посвященъ будетъ мною спеціальный, готовящійся къ печати, трудъ „Тайная Эдда“; до выхода его могу указать читателю лишь на названное и другія сочиненія Гвидо Листа (см. Лит. указ.), такъ какъ на русскомъ языкѣ по вопросу о древне-сѣверныхъ герметическихъ ученіяхъ не имѣется ничего, ни оригинальнаго, ни переводнаго.

Имя Лоддфафнира всплываетъ въ предпослѣдней строфѣ, приписываемой послѣднему составителю, объединившему три различныя произведенія и желавшему указать, что и послѣдняя часть относится тоже къ Лоддфафниру.

Интересенъ своеобразный мягкій лиризмъ заключительной строфы, гдѣ вѣщій мудрецъ говоритъ о послѣднемъ извѣстномъ ему заклятіи; этого заклятія онъ не назоветъ никому на свѣтѣ.

Той лишь развѣ откроюсь, съ кѣмъ ложе дѣлю;
Или той, кто сестра мнѣ родная.

Мнѣ не представляется нужнымъ вдаваться здѣсь въ болѣе подробный анализъ „Изрѣченій Высокаго“ [1]). Въ особенно распространенномъ комментаріи эта пѣснь не нуждается; послѣ всего вышесказаннаго читатель самъ безъ труда разберется въ ея основныхъ элементахъ.

Сравнительно бѣдная миѳологическими мотивами, она даетъ очень много съ культурно-исторической точки зрѣнія, освѣщая рядъ сторонъ въ психологіи и міросозерцаніи древне-сѣвернаго міра и заключая въ себѣ богатѣйшій бытовой матеріалъ, ярко обрисовывая множество чертъ въ домашнемъ, общественномъ и племенномъ существованіи современниковъ этихъ „Изреченій“.

---

[1]) Обстоятельный и чуткій научный разборъ этой пѣсни (и ряда другихъ) имѣется у Мюлленгофа.

СКАЗАНІЕ О РИГѢ.

Въ древнихъ сагахъ разсказывается, что одинъ изъ асовъ, который назывался Ґе́ймда́лльръ, шелъ однажды своею дорогою по морскому берегу и пришелъ къ жилью, и назвался (тамъ) Ригъ.

Объ этомъ сложена слѣдующая пѣсня.

Въ древнее время, зеленой дорогой,
Асъ шелъ достойный, премудрый и старый— 1
Доблестный Ригъ, неустанный ходокъ.

. . . . . .

Только въ позднѣйшей прозаической прибавкѣ сказано, что асъ, о которомъ идетъ (1) рѣчь—именно Ґеймда́лльръ. Почти всѣ комментаторы считаютъ это указаніе правильнымъ. Однако, напр., Могкъ держится того мнѣнія, что этотъ асъ — не Ґеймда́лльръ, а О́динъ; и нельзя не признать, что въ пользу этого взгляда говоритъ многое: прежде всего самое описаніе мудраго, стараго странника; затѣмъ его роль наставника во всякой мудрости, рунахъ и чарахъ, и т. д.

Самое имя Ригъ — кельтское слово, означающее „король". Я считаю умѣстнымъ сохранять и кельтское написаніе слова: Righ (не прибавляя на концѣ скандинавское „r").

Во всякомъ случаѣ, сказаніе повѣствуетъ о томъ, какъ одинъ изъ боговъ, побывавъ на землѣ, послѣдовательно положилъ начало тремъ сословіямъ: рабовъ, свободныхъ земледѣльцевъ и благородныхъ ярловъ, и какъ отъ ярловъ пошла впослѣдствіи королевская власть.

„Сказаніе" это — позднее, проникнутое извѣстною искусственностью, чуждою народному творчеству, и по идеѣ мало подходитъ къ свободолюбивому и патріархальному складу жизни древнихъ скандинавовъ, гдѣ вовсе не существовало рѣзкихъ преградъ между сословіями и были возможны самыя простыя отношенія между королемъ и любымъ пахаремъ, даже въ такія времена и при такихъ короляхъ, которые отличались большимъ самовластіемъ. (См. саги о Ґаральдрѣ Ґардради).

Согласно обычному толкованію, авторъ этого произведенія имѣлъ въ виду прославленіе королевской власти; и, вѣроятно, въ лицѣ опредѣленной династіи. Утрата конца пѣсни не позволяетъ въ точности

Долго онъ шелъ серединой дороги;
Прибылъ къ жилью онъ съ дверями открытыми. 2
Въ домъ онъ вошелъ. Былъ огонь въ очагѣ.
Двое супруговъ сидѣли тамъ рядомъ

. . . . . .

Прадѣдъ съ Прабабкой въ старинныхъ одеждахъ.

. . . . . .

Странникъ хозяевъ училъ уму-разуму. 3
Ригъ въ серединѣ жилища сидѣлъ,
Слѣва и справа сидѣли супруги.

. . . . . .

Хлѣбъ принесла имъ Прабабка къ обѣду,
Съ толстою коркою, грубый, съ мякиною; 4
Снѣди другія достала потомъ,
Миску съ похлебкой на столъ подала.

выяснить, кто являлся главнымъ объектомъ возвеличенія автора. Послѣдній во всякомъ случаѣ стремился показать, что всѣ сословія, особливо же королевское достоинство, обязаны своимъ происхожденіемъ божескому вмѣшательству. Возможно, однако, вопреки единогласному мнѣнію комментаторовъ, иное толкованіе—эзотерическое [не исключающее перваго, какъ и во всѣхъ мистическихъ аллегоріяхъ древняго эпоса, гдѣ общедоступная экзотерическая оболочка миѳа никогда не является случайной выдумкой, а лишь заключаетъ истину такъ сказать низшаго разряда, за которою одни посвященные видѣли важнѣйшій смыслъ повѣствованія], а именно, что здѣсь идетъ рѣчь объ основаніи не различныхъ соловій, а различныхъ степеней посвященія, на которыя подраздѣлялись причастники высшей, мистической древней религіозной общины. См. Общ. замѣч. *С.*

(2) Возможно, что пропускъ въ этомъ мѣстѣ текста нѣсколько болѣе двухъ помѣченныхъ строкъ.

2, VI. Въ виду вполнѣ опредѣленнаго значенія, которое имѣютъ въ этой пѣсни имена родоначальниковъ человѣческихъ сословій (Прадѣдъ и Прабабка, Дѣдъ и Бабка, Отецъ и Мать), является болѣе умѣстнымъ переводить эти имена въ самомъ текстѣ.

3, I „училъ уму-разуму“ — представляется мнѣ наиболѣе подходящею передачей своеобразнаго выраженія подлинника: „kunne þeim róþ at segja“. *С.*

Странникъ хозяевъ училъ уму-разуму.
Скоро онъ всталъ; на покой всѣ отправились. 5
Ригъ посерёдкѣ улегся на ложѣ;
Справа и слѣва супруги легли.

Пробылъ у нихъ онъ три дня и три ночи;
Послѣ отправился сызнова въ путь. 6
День шелъ за днемъ, девять мѣсяцевъ минуло.

Сынъ у Прабабки родился тогда—
Волосомъ черный и съ желтою кожею; 7
Былъ онъ водой орошенъ по обычаю,
Сына родители нáзвали Трэль.

Кожа была на рукахъ его сморщена,
Жилисты ноги, суставы въ узлахъ; 8
Былъ онъ сутулый, съ лицомъ некрасивымъ,
Съ грубыми пальцами, съ толстыми пятками.

Сталъ подростать онъ, здоровъ былъ и крѣпокъ;
Силъ набрался́ и трудился по дóму. 9
Лыко сталъ плесть онъ, и связывать вѣники,
Къ дому носилъ онъ валежникъ весь день.

Какъ-то зашла къ нимъ бродячая дѣвушка
—Вся загорѣлая, въ шрамахъ ступни, 10
Съ носомъ приплюснутымъ; Тиръ ее звали.

7, II черные волосы и желтая кожа — признаки не-германскаго происхожденія—были обыкновенными отличительными чертами рабовъ, т.-е. военноплѣнныхъ, захваченныхъ во время войнъ съ сосѣдними не-германскими народностями. (По большей части, очевидно, монгольской расы—финны, лапландцы и т. д.)

7, III Орошеніе водою младенца, когда ему давалось имя — древній (языческій) германскій обрядъ.

7, IV Трэль — рабъ.

10, 3 Тиръ — рабыня, невольница.

Въ домѣ сидѣла бродячая дѣвушка,—
Сѣлъ съ нею рядомъ хозяина сынъ. 11
Дружно болтали, другъ другу понравились;
Спать стали вмѣстѣ. И минули мѣсяцы.

Дѣти рождались у Трэля и Тиръ,
Ихъ сыновей звали Фйо́снирь и Ґреймръ, 12
Ке́фсиръ и Фу́льниръ, Кле́гги и Клурръ,
Ди́гральди, Ґо́свиръ, Друмбръ и Дротръ,
[Лѐггйальди, Лутръ. Всѣ поля удобряли,
Козъ стерегли они, изгородь строили,
Торфъ собирали, свиней разводили.]

Зва́лись ихъ дочери Дру́мба и Ку́мба,
О́кквинка́льфа и А́рэ́ннéфйа, 13
Исья и А́мбэттъ и Э́йкентйа́сна,
То́тругйфйа и Тро́нубэ́йна:
Отсюда пошло все сословье рабовъ.

Дальше шелъ Ригъ по дорогѣ широкой.
Прибылъ къ жилью онъ съ дверями открытыми; 14
Въ домъ онъ вошелъ; былъ огонь въ очагѣ;
Бабка и Дѣдъ были дома владѣльцами.

---

(12) Я не перевожу въ текстѣ именъ сыновей Трэля потому, что не для каждаго изъ нихъ установленъ точный переводъ. Особеннаго значенія они, въ отдѣльности, не имѣютъ. Важно только отмѣтить, что всѣ такъ или иначе связаны съ признаками рабскаго сословія: „Смуглый“ (Ґо́свиръ) „Согбенный“ (Лутръ) „Хлѣвникъ“ (Фйо́снирь) и т. д. Посѣщеніе Ригомъ первой пары супруговъ положило начало существованію рабовъ.

(13) Имена дочерей аналогичны по своему значенію именамъ сыновей, они также указываютъ на рабское сословіе „Служанка“ (А́мбэттъ), „Одѣтая въ тряпье“ (Тотругйфйа), „Обрубокъ“ (Дру́мба).

Дѣломъ хозяева заняты были.
Дѣдъ самъ трудился надъ ткацкимъ станкомъ:
—Кудри на лбу, борода вся расчесана;
Платье безъ складокъ; и ларь былъ въ углу.

Бабка съ куделью сидѣла, работала;
Ловко пряла она лёнъ для одеждъ. 16
—Лента надъ лбомъ, грудь нарядно повязана,
Шея въ платкѣ, на плечахъ были пряжки.

Странникъ хозяевъ училъ уму-разуму.
{Ригъ въ серединѣ жилища сидѣлъ, 17
Слѣва и справа усѣлись супруги.}

Вынесла Бабка имъ хлѣбъ для обѣда,
Мягкій и чистый, сквозь сито просѣянный. 18
Много на столъ она кушаній ставила;
Лучшее блюдо тамъ было телятина.

Странникъ хозяевъ училъ уму-разуму.
Скоро онъ всталъ; на покой всѣ отправились. 19
Ригъ посерёдкѣ улегся на ложѣ;
Справа и слѣва супруги легли.

Пробылъ у нихъ онъ три дня и три ночи;
Послѣ отправился въ путь свой опять. 20
День шелъ за днемъ, девять мѣсяцевъ минуло.

15, IV „Платье безъ складокъ“—т.-е. хорошо скроенное и хорошо сшитое. Ларь въ углу свидѣтельствуетъ о достаткѣ.

18, II Пропускъ въ текстѣ, возстановляемый мною по смыслу (въ духѣ остальныхъ аналогичныхъ антитезъ) на основаніи стрф. 4.

Сынъ народился у Бабки; водою
Облитъ онъ былъ, названъ Карломъ, спелёнанъ; 21
Русъ былъ онъ, красенъ, съ живыми глазами.

. . . . . .

Сталъ подростать онъ, здоровъ былъ и крѣпокъ.
Дѣлалъ плуги онъ, быковъ запрягалъ, 22
Ставилъ постройки и стойла просторныя,
Поле пахалъ и телѣги сколачивалъ.

Карлу невѣсту во дворъ привезли,
Въ платьѣ изъ мѣха, съ ключами у пояса, 23
Въ брачномъ покровѣ; звалась она Сноръ.
[Бракъ заключенъ былъ, подáрены кóльца].
Вмѣстѣ супруги свой дворъ завели.

Дѣти рождались у дружныхъ супруговъ.
Ґальръ, Дренгръ и Ґольдръ сыновья назывались, 24
Тэгнъ, Смидръ и Брейдъ, Бýнндиннскэ́гги и Бóнди,
Бýи и Бóди, Брáттскэггръ и Сэ́ггръ.

21, II Карлъ — древнее названіе свободнаго земледѣльца.

21, III „красенъ"—въ буквальномъ смыслѣ (не вмѣсто „красивъ"), въ подлинникѣ: „...raufan ok rjóðan". Имѣется въ виду красноватый, грубый цвѣтъ кожи. *С.*

(23) Карлъ, представитель свободнаго сословія земледѣльцевъ, заключаетъ бракъ по народнымъ германскимъ обычаямъ, съ соблюденіемъ извѣстныхъ установленныхъ обрядовъ,— что не могло имѣть мѣсто по отношенію къ Трэлю; иноплеменники-рабы естественно исключались изъ германскихъ правовыхъ отношеній. Прибавленная впослѣдствіи стрк. 4 еще дополняетъ и подчеркиваетъ это представленіе — упоминаніемъ о брачномъ обмѣнѣ кольцами. *С.*

23, IV Сноръ — „сноха".

(24) Имена сыновей имѣютъ опять прямое отношеніе къ представляемому ими сословію: Бýи — „земледѣлецъ", „пахарь", Бóнди — тоже, Смидръ — занимающійся ремесломъ, и т. д.

Дочери Карла и Сноръ назывались,
Снотъ, Брудръ и Сва́нни, Сва́рри и Спра́кки, 25
Флйодъ, Спрундъ и Вифъ, Фэ́йма и Ри́стилль.
Отсюда пошли земледѣльцы свободные.

Дальше шелъ Ригъ по дорогѣ широкой.
Прибылъ къ хоромамъ съ дверями на полдень 26
Незапертыми; кольцо было въ двери.
Въ домъ онъ вошелъ; полъ соломой былъ застланъ.

Рядомъ сидѣли тамъ Мать и Отецъ,
Ласково въ очи другъ другу смотрѣли. 27
Мужъ тетиву себѣ прочную вилъ,
Стрѣлы точилъ, лукъ рѣзьбой украшалъ.

Мать улыбалась, любуясь собою,
Платье свое, рукава оправляла, 28
Поясъ, повязку,—съ монистой на шеѣ,
Въ длинной одеждѣ съ узорами синими.
[Брови блестящѣе, груди свѣтлѣе,
Шея бѣлѣе холоднаго снѣга.]

Странникъ хозяевъ училъ уму-разуму.
Ригъ въ серединѣ жилища сидѣлъ, 29
Слѣва и справа усѣлись супруги.

мена дочерей—частью обыкновенныя обозначенія жены и хозяйки: Флйодъ—„Госпожа“, Снотъ—тоже, Вифъ—женщина, и т. д., частью эпитеты, указывающіе на независимое сословіе: Сва́нни—„Гордая“, Спра́кки—„Надменная“, „Спрундъ“—„Горделивая“, и т. д.

28, I, II Въ богатомъ жильѣ знатнаго человѣка хозяйка не принуждена все время работать; у нея есть досугъ полюбоваться собой и своимъ нарядомъ.

Скатерть съ разводами вынула Мать,
Столъ она тонкою тканью накрыла. 30
Послѣ блиновъ принесла она плоскихъ—
Бѣлыхъ, пшеничныхъ, на столъ ихъ поставила.

Полныя были блюда еще поданы,
Посеребренныя, — столъ весь заставленъ—
Мясомъ и саломъ, и птицею жареной; 31
Чаши съ виномъ серебромъ всѣ горѣли.
Пили, болтали; часъ поздній насталъ.

Странникъ хозяевъ училъ уму-разуму.
Скоро онъ всталъ; на покой всѣ отправились. 32
Ригъ посерёдкѣ улегся на ложѣ,
Справа и слѣва супруги легли.

Пробылъ у нихъ онъ три дня и три ночи;
Послѣ отправился въ путь свой опять. 33
День шелъ за днемъ, девять мѣсяцевъ минуло.

Мать родила; сына въ шелкъ завернула;
Облитъ водой былъ онъ, названъ былъ Ярломъ. 34
Бѣлъ онъ лицомъ былъ и волосомъ свѣтелъ;
Молніей очи сверкали змѣиныя.

Сталъ подростать онъ въ просторномъ чертогѣ.
Щитъ и копье онъ держать научился, 35
Луки сгибать, тетивы къ нимъ привязывать,
Стрѣлы готовить и копья метать,
Плавать въ волнахъ и съ мечемъ управляться.

34, II Ярлъ — знатный вождь (впослѣдствіи иногда — королевскій намѣстникъ).

34, IV змѣиныя. Эпитетъ употребленъ въ похвальномъ смыслѣ: блестящіе, умные глаза.

Ригъ къ нему вышелъ изъ лѣса зеленаго,
Съ нимъ говорилъ, обучалъ его рунамъ;
Сыномъ признавъ, своимъ именемъ назвалъ. 36
Ригъ подарилъ ему земли наслѣдныя,
Земли наслѣдныя, старый чертогъ.

[. . . . . .
. . . . . .
Ѣхалъ онъ лѣсомъ обратно во мракѣ, 37
Прибылъ, по скаламъ замерзшимъ, домой.]

[Мечъ подымалъ онъ, щитомъ закрывался,
Ко́пья металъ, погонялъ онъ коня. 38
Распри онъ велъ и поля окровавилъ;
Храбрыхъ разилъ, добывалъ себѣ землю.]
Онъ восемнадцать дворовъ пріобрѣлъ.

Щедро дарилъ онъ окольнымъ сокровища—
Быстрыхъ коней, дорогіе уборы; 39
Золото сѣялъ, запястья дѣлилъ.

Выслалъ онъ сватовъ дорогою водною;
Къ Ге́рсиру скоро послы его прибыли. 40
Дочь его, бѣлая, съ тонкими пальцами,
Стройная, умная, Э́ртой звалась.

Къ Ярлу во дворъ привезли бѣлолицую,
Въ брачномъ нарядѣ, и бракъ былъ отпразднованъ. 41

36, IV, V Повтореніе въ оригиналѣ.

(37) По всей вѣроятности, пропускъ больше чѣмъ половина строфы. Возможно, что шла рѣчь о какомъ-то новомъ пути, совершенномъ избраннымъ сыномъ Рига. Но возстановить пробѣлъ невозможно. *С.*

38, V Вмѣстѣ съ Сіймонсомъ, отношу эту строку къ строф. 38; другіе начинаютъ ею 39. *С.*

40, II Ге́рсиръ—названіе ярла, управлявшаго цѣлою областью (Gau нѣм.).

Зажили въ свѣтлыхъ хоромахъ супруги;
Счастливо жили, и дѣти рождались.

Старшій былъ Буръ, а второй звался Барнъ;
Áдаль и Йодъ, Моргъ и Áрфи—ихъ братья; 42
Нúдйунгръ и Сонръ, Нидръ, Свейннъ и Кундръ.
Младшимъ былъ Конръ. Научились всѣ скоро
Съ ловкостью плавать, въ тавлеи играть.

Ярла росли сыновья. Стали юноши
Дѣлать щиты и коней объѣзжать, 43
Копья кидать и оружье выдѣлывать.

Младшій же, Конръ, былъ и въ рунахъ искусенъ,—
Руны зналъ вѣщія, съ вѣчною силой; 44
Могъ защитить онъ въ сраженьи мужей,
Мечъ затупить могъ и море утишить.

Птичій онъ говоръ разгадывать могъ,
Пламя, и воду, и боль заговаривать. 45
. . . . . .
Силу имѣлъ онъ восьми человѣкъ.

Въ мудрости рунъ съ нимъ Ярлъ Ригъ состязался,
И побѣжденъ былъ отецъ и наставникъ: 46
Конръ получилъ отъ учителя право
Ригомъ назваться и руны хранить.

Конръ проѣзжалъ разъ болотомъ и лѣсомъ;
Птицъ онъ ловилъ, тетеву онъ спускалъ. 47

---

(42) Имена не заключаютъ въ себѣ ничего характернаго—кромѣ имени младшаго сына, Конръ. Авторъ видимо связываетъ уже съ его именемъ и придаваемымъ ему эпитетомъ „молодой"—свою основную тенденцію, характеризуя въ его лицѣ носителя королевской власти: konr + ungr—конунгъ, король.

Крикнула съ вѣтки ворона охотнику:
„Конръ молодой, что ты птицъ ловишь здѣсь?

„Было-бы лучше коней погонять,
. 48
. . . . . .
Въ путь поспѣщить и врага уничтожить.

„Данра и Данпра богаты владѣнья,
Земли ихъ лучше наслѣдій твоихъ; 49
Правятъ искусно они кораблями,
Въ битвѣ отважны, въ оружіи свѣдущи“.
. . . . . .

48, IV восполнено по смыслу.

49, I Данръ и Данпръ. Несомнѣнно подразумѣваются датскіе вожди. Утраченный конецъ пѣсни очевидно повѣствовалъ о томъ, какъ Конръ завоевалъ ихъ земли и, женившись на дочери датскаго вождя, сталъ первымъ датскимъ конунгомъ, королемъ.

ОБЩІЯ ЗАМѢЧАНІЯ.

„Сказаніе о Ригѣ“ сохранилось только въ Codex Wormianus Sn. Ed. (242), причемъ конецъ его оказывается утраченнымъ.

Могкъ считаетъ это произведеніе не норвежскимъ по происхожденію, а занесеннымъ изъ Даніи, основываясь на замѣтной тенденціи возвеличенія королевской власти, притомъ именно въ лицѣ датскаго короля [1]). Время его возникновенія позднее, но въ точности не установлено.

Миѳологическіе элементы въ немъ не играютъ существенной роли. Слѣдуетъ отмѣтить, что распространенный взглядъ на тождество личности Рига и Ґеймда́лльра имѣетъ своихъ противниковъ—между прочимъ въ лицѣ Могка, довольно убѣдительно защищающаго предположеніе, что подъ Ригомъ подразумѣвался не Ґеймда́лльръ, а О́динъ [2]). Нельзя отрицать, что характеристика Рига въ началѣ пѣсни дѣйствительно въ высшей степени подходитъ къ О́дину [3]) и, напротивъ, не заключаетъ въ себѣ ничего характернаго для Ґеймда́лльра.

Съ художественной стороны сказаніе не представляетъ особеннаго интереса; зато въ немъ заключается богатѣйшій культурно-историческій матеріалъ. Яркое и живое, мѣстами очень подробное изображеніе быта всѣхъ сословій, послѣдовательно выступающихъ въ повѣствованіи, заслуживаетъ большого вниманія и позволяетъ возсоздать довольно полную картину тогдашней повседневной жизни. Считаю необходимымъ здѣсь вкратцѣ высказать лично мой взглядъ на эту пѣснь—до сихъ поръ, сколько

---

[1]) Могкъ, ст. 47.

[2]) ibid. ст. 48. Прозаическій текстъ въ данномъ случаѣ не имѣетъ значенія; какъ во всѣхъ другихъ пѣсняхъ, онъ является позднѣйшимъ прибавленіемъ пересказчика.

[3]) „Асъ достойный, премудрый и старый“. Въ особенности „неустанный ходокъ“. Аналогичное значеніе имѣетъ роль Рига, какъ наставника въ высшей мудрости, рунахъ, чарахъ и т. д.

мнѣ извѣстно, этотъ взглядъ не встрѣчается ни у одного изъ комментаторовъ Эдды,—между тѣмъ онъ естественно возникаетъ изъ внимательнаго сопоставленія ея текста съ тѣмъ, что̀ извѣстно о древне-сѣверныхъ герметическихъ ученіяхъ. Мнѣ представляется возможнымъ (не говорю: несомнѣннымъ, но весьма вѣроятнымъ), что и „Сказаніе о Ригѣ", подобно „Прор. Пров." и „Изр. Выс."—заключаетъ, наряду съ прямымъ экзотерическимъ смысломъ „для толпы" (не обманнымъ, а достовѣрнымъ смысломъ; лишь не являющимся на дѣлѣ главнымъ содержаніемъ пѣсни) — скрытый смыслъ эзотерическій, доступный лишь древнимъ посвященнымъ мистическаго Сообщества Одина (на которое аллегорически намекаютъ эпическія упоминанія о его „избранномъ воинствѣ"). Въ данномъ случаѣ, сокровенное содержаніе пѣсни составляетъ вовсе не установленіе сословій людского общества, но учрежденіе различныхъ степеней посвященія, на которыя раздѣляются всѣ участники каждаго мистическаго братства. Во всѣ времена и во всемъ мірѣ — число основныхъ степеней: 3. (Четвертую группу, низшую, составляютъ стоящія внѣ посвященія лица, соотвѣтствующія „рабамъ" въ соціальной аллегоріи этой пѣсни). Замѣчу кстати, что названіе „королевскаго" или „царскаго" достоинства, какъ обозначеніе высшей (относительно 2-хъ первыхъ) степени посвященія—является также общепринятымъ въ мистической терминологіи всѣхъ временъ; оно удержалось также, напр., у Розенкрейцеровъ и Масоновъ. Размѣры и задачи настоящаго комментарія исключаютъ возможность остановиться здѣсь на изложеніи и обоснованіи этого толкованія данной пѣсни—какъ иносказательнаго изображенія установленія высшимъ духовнымъ Руководителемъ (О́диномъ, а не Ґеймда́лльромъ) основныхъ степеней посвященія среди людей. Но мнѣ представляется необходимымъ, во всякомъ случаѣ, указать на возможность такого толкованія—повторяю, высказываемаго здѣсь впервые. Читателю, знакомому съ герметическими ученіями и ихъ литературой, это указаніе даетъ въ руки нить, которая позволитъ ему отчасти самому прослѣдить въ текстѣ пѣсни элементы, натолкнувшіе меня на эту догадку. (Такъ, напр., ясная для каждаго, знакомаго съ мистической сим-

великою, аллегорія характернаго образа: божественнаго гостя, покоящагося на ложѣ между двумя супругами; и т. п.). Подробное обоснованіе и изложеніе моего взгляда въ данномъ случаѣ—какъ и касательно всѣхъ остальныхъ, обладающихъ двойнымъ (экзотерическимъ и эзотерическимъ) содержаніемъ, пѣсенъ Эдды, прежде всего „Прор. пров.“ и „Изр. Выс.“—дано будетъ въ моемъ, подготовляемомъ въ настоящее время къ печати, спеціальномъ трудѣ: „Тайная Эдда“, составляющемъ разборъ эддическаго эпоса съ точки зрѣнія древне-сѣверной герметической науки и религіи—области, донынѣ ни разу даже не затронутой въ русской, переводной или оригинальной, литературѣ.

ПѢСНЬ О ГИНДЛѢ.

Фрéйа сказала:

Дѣва, проснись! Пробудись ты, подруга!
Ґи́ндла, сестрица, въ пещерѣ живущая! 1
Черна теперь ночь; ѣхать надобно намъ
Къ Валґа́ллѣ священной, къ чертогамъ боговъ.

Ратей Отца мы попросимъ о милости;
Къ храбрымъ онъ щедръ на дары: 2
Далъ Гéрмодру шлемъ онъ и крѣпкую броню,
Мощный далъ Си́гмундру мечъ.

---

(1) Фабула пѣсни такова. Молодой витязь О́ттаръ изъ Ґордаланда, пользующійся благосклонностью богини Фрéйи, прибѣгнулъ къ ней за помощью въ трудномъ дѣлѣ: онъ побился объ закладъ со своимъ соратникомъ А́нгантиромъ о томъ, чей родъ знатнѣе и древнѣе. Мольбами и жертвами О́ттаръ добился отъ Фрéйи согласія доставить ему побѣду въ спорѣ. Фрéйа волшебствомъ превращаетъ О́ттара въ златошерстаго вепря Ґильдисвини (подобнаго тому, который имѣлся у Фрéира) и ѣдетъ верхомъ на немъ къ жилищу вѣщей исполинши Ґиндлы, отъ которой она хочетъ услышать перечисленіе всѣхъ древнихъ родовъ и славныхъ героевъ, которымъ О́ттаръ приходится родичемъ. (Съ тѣмъ, чтобы О́ттаръ на другой день могъ, въ спорѣ съ А́нгантиромъ, пересказать все слышанное) Фрéйа будитъ исполиншу отъ сна и зоветъ ее съ собою въ Валґа́ллу, чтобы тамъ, на священномъ мѣстѣ, повѣдать ей свою мудрость.

Несовсѣмъ понятно, почему Ґиндлѣ надо для этого ѣхать въ Валґа́ллу; быть можетъ, Фрéйа, скрывающая отъ исполинши, что О́ттаръ находится съ нею, хочетъ увѣрить Ґи́ндлу, что она должна говорить для собравшихся въ Валґа́ллѣ боговъ, а не для одной Фрéйи. Быть можетъ, Фрéйа просто хочетъ выманить исполиншу изъ ея жилища, чтобы она оказалась въ ея власти и впослѣдствіи была принуждена исполнить другую ея просьбу: дать О́ттару волшебнаго „памятнаго пива“—чтобы онъ запомнилъ и могъ использовать полученныя знанія.

2, III Гéрмодръ—воинственный богъ, сынъ О́дина.

2, IV Си́гмундръ—витязь, которому покровительствовалъ О́динъ: отецъ величайшаго изъ героевъ, Си́гурдра.

[Тому дастъ побѣду, другому богатство,
Иному дастъ мудрость и мѣткость въ рѣчахъ; 3
Скальду даръ пѣсни, пловцу вѣтръ попутный,
Мощное мужество смѣлымъ бойцамъ].

Буйнаго Торра мольбами и жертвами
Склоню я, чтобъ милостивъ былъ онъ къ тебѣ. 4
. . . . . .
Хоть онъ и не жалуетъ женъ исполиновъ.

Проворнаго волка изъ стойла ты выведи;
Съ тобой я поѣду на вепрѣ моемъ. 5

Ґи́ндла сказала:
Мало годенъ твой вепрь для дороги къ богамъ!
Мнѣ жъ лихого коня утруждать не охота. [1]

Провести меня хочешь ты, хитрая Фре́йа!
По глазамъ твоимъ вижу, обманъ ты замыслила. 6
Здѣсь твой милый съ тобою: дорогою мертвыхъ
Направляется О́ттаръ, сынъ И́ннстейна юный.

3, 4, V—VIII Объ умилостивленіи Торра упоминается особо, такъ какъ среди боговъ онъ — главный врагъ и истребитель исполиновъ, уже отъ одного ихъ вида приходящій въ ярость и готовый разить, не разбирая, великановъ и великаншъ. (Ср. „ . о Путн.“ Общ. Зам. Также „Ск. о .“, 41).

5, IV Исполинши и колдуньи ѣздятъ на волкахъ. Своего волка Ґи́ндла и называетъ „лихимъ конемъ“.

6, III дорогою мертвыхъ—т.-е. въ Валґа́ллу, куда бойцы попадаютъ только по смерти.

---

[1]) Надо оговорить поправку Бугге „golt minu“, вслѣдствіе которой нужно относить эти 2 стиха къ рѣчи Фре́йи. У Геринга—какъ здѣсь.

Фре́йа сказала:

Бредишь ты, Ґи́ндла! Во снѣ ты, должно быть,
Мнѣ говоришь, что мой милый со мною. 7
Здѣсь вѣдь только мой вепрь съ золотою щетиною—
Ги́льдисви́ни, скакунъ мой, что карлы искусные
Да́иннъ и На́бби когда-то мнѣ сдѣлали.

. . . . . .

Время съ сѣделъ сойти намъ; въ чертогѣ мы сядемъ;
Будемъ рѣчи вести о мужахъ благородныхъ, 8
О томъ, какъ повелся ихъ родъ отъ боговъ.

. . . . . .

Объ великій закладъ межъ собою побились
А́нгантиръ сильный и О́ттаръ, сынъ И́ннстейна; 9
Я на помощь приду молодому воителю,
Что-бъ досталось ему все наслѣдье отцовъ.

Алтарь изъ камней для меня онъ поставилъ;
— Въ стекло, отъ огня, переплавился камень,— 10
Много разъ онъ окрашенъ былъ жертвенной кровью;
Пре́данъ былъ и́здавна О́ттаръ богинямъ.

Разскажи мнѣ теперь о земныхъ племенахъ,
Перечти въ каждомъ родѣ потомковъ и предковъ:

---

(7) Послѣ этой строфы очевидно слѣдовало сообщеніе о томъ, какъ Фре́йа и Ґи́ндла отправились въ путь.

(8) Герингъ объясняетъ эту строфу такъ: Фре́йа и ея спутница прибыли къ Валґа́ллѣ и сходятъ со своихъ скакуновъ, чтобы начать поучительную бесѣду.

Другое толкованіе см. у Могка.

9, IV наслѣдіе отцовъ, очевидно, должно было достаться выигравшему закладъ.

10, II Жертвы приносилъ такъ обильно и часто, что отъ жертвеннаго огня расплавились камни алтаря.

[Кто Скйо́льдунговъ сынъ, кто Ски́льфингамъ родичъ, 11
Кто изъ О́длинговъ рода, изъ И́льфинговъ кто?]
Кто владѣльцемъ простымъ, кто отъ знатныхъ родился,
Кто отпрыскъ отъ племени избранныхъ въ Ми́дгардѣ?

Ґи́ндла сказала:

И́ннстейнъ на свѣтъ произвелъ тебя, О́ттаръ.
Отецъ тому И́ннстейну—Старый былъ Альфръ. 12
Альфръ сыномъ былъ Ульфра, Ульфръ—Сэ́фари сыномъ,
А Сэ́фари—Свана, что прозванъ былъ Краснымъ.

Я знаю, что бракъ заключилъ твой отецъ
Со жрицею Ґле́дисъ, украшенной золотомъ; 13
Отцомъ ей былъ Фро́ди, а матерью Фріу́адъ,
Прославленъ и древенъ былъ весь ея родъ.

[Былъ нѣкогда А́ли сильнѣйшимъ изъ витязей.
А раньше былъ Ґа́льфданръ изъ Скйо́льдунговъ лучшій; 14
Прославленъ въ бояхъ былъ воитель великій,
По свѣту далеко молва о немъ шла].

ри помощи Эймундра, мощнаго мужа,
Холоднымъ булатомъ осилилъ онъ Си́ггтригра: 15
Женился на А́льмвейгъ онъ, доблестной дѣвѣ,
И было у нихъ восемнадцать дѣтей].

---

(12) Съ этой строфы начинается длинный рядъ генеалогическихъ свѣдѣній, которыми устанавливается родство между О́ттаромъ и чуть ли не всѣми прославленными героями и властителями древне-скандинавскихъ преданій.

Подробно разбирать эти свѣдѣнія я не вижу надобности, такъ какъ судьба того или иного изъ упоминаемыхъ лицъ не имѣетъ, въ сущности, никакого отношенія къ „Пѣсни о Ґи́ндлѣ“.

Довольно обстоятельныя указанія имѣются у Геринга въ нѣмецкомъ переводѣ Эдды, ст. 117—126.

[Оттуда всѣ Скйо́льдунги, Ски́льфинги тоже,
Оттуда всѣ И́льфинги, также и О́длинги. 16
Сословье владѣльцевъ наслѣдныхъ и знатные,
Всѣхъ избранныхъ въ Ми́дгардѣ племя великое].
[И сродни ты имъ всѣмъ, неразумный ты О́ттаръ!]

Ґи́льдигудръ матерью Фріундъ была.
Родители Ґи́льдигудръ—Сва́ва и Сэ́конунгъ. 17
Сродни тебѣ всѣ, неразумный ты О́ттаръ!
Важно знать тебѣ много—слушать желаешь ты?

[Дагръ Тору взялъ въ жены. Мужей знаменитыхъ
Славная витязей мать родила: 18
Сыны ея Фра́дмарръ и Гирдръ, оба Фрэ́ки,
Амръ и Йо́сурмаръ и Старый Альфръ.
(Еще много я знаю—желаешь ты слушать?)]

Былъ Ке́тиль мужъ Ґи́льдигудръ, Кли́ппа наслѣдникъ.
Былъ онъ отцомъ твоей бабки по матери. 19
Въ прежніе дни еще Фро́ди и Ка́ри
Жили; былъ Ґо́альфръ отъ Ґильдръ рожденъ.

Помянуть еще надо мнѣ На́нну, дочь Но́ккви.
Ея сына женѣ—братъ родной твой отецъ. 20

16, II Изъ И́льфинговъ родомъ былъ славный герой Ге́льги.

16, V Всѣ обращенія къ О́ттару считаются позднѣйшими прибавками, такъ какъ по первоначальной концепціи сказанія Ґи́ндла не знаетъ, что О́ттаръ слышитъ ея слова. Вообще въ этой части несомнѣнно много интерполляцій — кромѣ достовѣрно установленныхъ (обозначенныхъ мною въ текстѣ, по обыкновенію, скобками). Читатель долженъ все время имѣть въ виду, что вся эта пѣснь, благодаря обилію вставокъ и пропусковъ, границы которыхъ поддаются лишь приблизительному опредѣленію—представляетъ собою произведеніе совершенно искаженное, очень далекое отъ первоначальнаго древняго подлинника. *С.*

20, II Не удалось избѣгнуть неясности въ построеніи фразы. Смыслъ таковъ: „твой отецъ—родной братъ жены ея сына“.

Многолюденъ ихъ родъ, еще многихъ я знаю;
Ты всѣмъ имъ сродни, неразумный ты Óттаръ!

Былъ Йсульфру, Óсульфру Óльмодръ отцомъ;
И Скýргильдръ, Скéккиля дочь, назову. 21
Со всѣми ты кровными узами связанъ,
Ты всѣмъ имъ сродни, неразумный ты Óттаръ!

Гримръ суровый и Гýннарръ, Стѣна по прозванью,
Тóриръ, Щитъ крѣпкій, и Ульфръ, Жадный Волкъ,— 22
Знаю я всѣхъ, и Брóдда и Гóрви;
Грóльфу служили тѣ витязи старому.

Ґéрвардъ и Ґйóрвардъ, Ґрани и Áнгантиръ,
Бýи, Брáми, и Ґáддинги оба; 23
Бáрри и Тиндръ, также Тúрфингръ и Рéфниръ.
[Сродни тебѣ всѣ, неразумный ты Óттаръ!]

Родились на востокѣ берсéркеры, въ Большѣ,
На свѣтъ произвелъ ихъ отъ Эйфуры Áрнгримръ; 24
Вездѣ они, дикіе, сѣяли гибель,
Пожаромъ прошли по землѣ и морямъ.
[Сродни ты имъ всѣмъ, неразумный ты Óттаръ!]

Всѣ погибли, богамъ принесенные въ жертву,
Они, молодые сыны Йóрмунрéкра; 25
Былъ въ родствѣ съ нимъ—запомни слова мои!—Сúгурдръ,
Изъ мужей самый славный; имъ Фáфниръ сраженъ.

23, I Восполнено Мунхомъ на основаніи перечня сыновъ Арнгримра въ другихъ источникахъ.

25, II Йормунрекръ—историческое лицо, готскій король Эрманарихъ. Саги рисуютъ его (неизвѣстно, на основаніи ли дѣйствительныхъ фактовъ) безпощаднымъ кровожаднымъ тираномъ, губившимъ своихъ близкихъ, между прочимъ, казнившимъ своего сына Рандвэра.—Одно сказаніе повѣствуетъ о томъ, какъ погибли по винѣ злого совѣтника Йормунрекра всѣ его сыновья.

25, IV Фáфниръ—исполинскій драконъ, котораго убилъ Сúгурдръ, славнѣйшій изъ героевъ.

Изъ Вельсунговъ родомъ былъ Сигмундра сынъ;
Изъ племени Ґраудунга Ґиордисъ была. 26
Родился изъ племени Одлинговъ Эйлими.
[Сродни ты имъ всѣмъ, неразумный ты Оттаръ!]

Былъ Гьюкки родителемъ Ґогни и Ґуннара,
И Гудрунъ тѣмъ братьямъ родная сестра. 27
Но Гуттормръ родился на свѣтъ не отъ Гьюкки,
Хоть третьимъ онъ братомъ считался въ семьѣ.
[Сродни ты имъ всѣмъ, неразумный ты Оттаръ!]

Изъ рожденныхъ отъ Ґвэды всѣхъ лучше былъ Ґаки;
Дочерью Ґиорвардра Ґвэда была. 28
. . . . . .
. . . . . .

Ґрорекра сыномъ былъ Ґаральдръ, Зубъ боя,
Сѣятель колецъ, рожденный отъ Аудъ.
Мудрая Аудъ была дочерью Ивара; 29

26, I, II сынъ Сигмундра—Сигурдръ; Гиордисъ—его мать.

(27) Съ родомъ Гьюкки вступилъ въ родство Сигурдръ.

27, III Гуттормръ, рожденный женою Гьюкки, былъ не сыномъ его, а пасынкомъ.

По другой версіи сказанія не Гуттормръ, а Ґогни былъ иного происхожденія, чѣмъ остальныя дѣти Гьюкки: его произвелъ на свѣтъ темный духъ, чарами завладѣвшій, во время сна, женою Гьюкки. (Сага о Тидрекрѣ). Въ обѣихъ версіяхъ тотъ же основной мотивъ: потомкомъ темнаго духа является убійца Сигурдра [по однимъ варіантамъ—Ґогни, по другимъ — Гуттормръ], прекраснѣйшаго олицетворенія свѣтлыхъ началъ — величайшей чистоты и доблести, воплотившихся въ славнѣйшемъ изъ героевъ. Судьбы всѣхъ поименованныхъ лицъ разсказываются въ циклѣ пѣсенъ о Сигурдрѣ.

29, I Зубъ боя—Hildetan—прозваніе.

29, II Сѣятель колецъ — вождь, конунгъ, раздающій кольца приближеннымъ. Кольца по большей части замѣняли монету. „Сѣять кольца“—означало быть щедрымъ съ воинами, съ дружиною.

Ра́ндвэру Ра́дбадръ родителемъ былъ.
[Сродни ты имъ всѣмъ, неразумный ты О́ттаръ!]

. . . . . .

[Одиннадцать асовъ въ живыхъ оставалось:
Готовъ былъ для Бальдра костеръ погребальный.
Не медля отмстилъ за умершаго Ва́ли 30
И брата убійцу храбрецъ умертвилъ.
(Сродни ты имъ всѣмъ, неразумный ты Оттаръ!)

[Ба́льдра отецъ былъ наслѣдникомъ Бо́ра...
. 31
. . . . . .
. . . . . .

[Фре́иръ взялъ въ жены дочь Ги́мира, Гердръ,—
А́урбо́да ее родила исполину. 32

---

(30) Отсюда начинается вставка изъ другой пѣсни, не относящейся сюда. По аналогіи сюжета съ „Прорицаніемъ Провидицы" ее иногда называютъ „краткою Vǫluspǫ".

30, I О томъ, что асовъ всего 12—упоминается неоднократно. Однако при подсчетѣ всѣхъ тѣхъ, кого называютъ асами, оказывается ихъ бо́льшее число.

Вѣроятно, къ старому миѳологическому представленію о 12 асахъ прибавились впослѣдствіи божества иного происхожденія. Частью это опредѣленно извѣстно. Такъ, водяной богъ Нйордръ и дѣти его, Фре́иръ и Фре́йа—неоднократно упоминаемые въ качествѣ асовъ—по происхожденію принадлежатъ къ Ванамъ. Ло́ки, также причисляемый къ асамъ, связанъ съ ними не родствомъ, а лишь союзомъ съ О́диномъ—являясь одинаково чуждымъ и асамъ и ванамъ (и исполинамъ) порожденіемъ извѣчнаго Хаоса. Такъ или иначе, общее число боговъ было болѣе 12—повидимому 18, либо 27; во всякомъ случаѣ, одно изъ мистическихъ чиселъ, разлагаемыхъ на 9 и 6. То же имѣетъ мѣсто и во всѣхъ міровыхъ космогоніяхъ.

31, I отецъ Бальдра, наслѣдникъ Бо́ра—О́динъ.

32, IV Скади, дочь Тиа́цци, впослѣдствіи стала женой бога морей Нйордра.

И Тиа́цци былъ сынъ исполиньяго племени—
Турсъ необузданный, Ска́ди отецъ.

[(Ты немало узналъ; еще больше скажу я.)
(Много знать тебѣ надо—желаешь ли слушать?) 33

. . . . . .

[Родились у Гри́мнира Гро́стйофръ и Гейдръ. 34

[Отъ Ви́дольфа въ свѣтѣ явились провидицы,
Отъ Ви́льмейда племя волхвовъ повелось; 35
Изъ рода Сва́ртгофди пошли чародѣи,
Изъ племени И́мира всѣ исполины.

[(Ты немало узналъ, еще больше скажу я.) 36
(Много знать тебѣ надо—желаешь ли слушать?)

Народился одинъ въ стародавнюю пору
Воитель могучій изъ рода боговъ: 37
Девять тогда исполиншъ породили
Храбраго бога у края земли.

Родила его Гйальпъ, родила его Грейпъ,
Э́йргйафа, Э́йстла родили его, 38
А́нгейа, У́льфрунъ родили его,
Имдръ родила, И́сарнса́кса и А́тла.

[Питала взроставшаго сила земная,
Кровь вепря, и воды морей ледяныя]. 39

(34, 35) Въ этихъ и въ послѣдующихъ строфахъ много неяснаго.

(39) Геймда́лльръ, небесный стражъ боговъ, сынъ О́дина и девяти исполиншъ.

Это происхожденіе Геймда́лльра принадлежитъ къ до сихъ поръ темнымъ миѳологическимъ вопросамъ. Матери его—по всей видимости, морскія волны. Имена ихъ, не всѣ съ несомнѣнностью переводимыя,—частью, во всякомъ случаѣ, указываютъ на связь съ морскою стихіею („Бурнобѣгущая“, „Шумящая“, „Грозная“ и т. д.).

[Народился одинъ благороднѣе всѣхъ—
Питала взроставшаго сила земная— 40
Изъ всѣхъ повелителей самый онъ лучшій,
Со всѣми онъ семьями въ кровномъ родствѣ.

[(Ты немало узналъ; еще больше скажу я.)
(Много знать тебѣ надо—желаешь ли слушать?) 41

[Отъ Áнгрбóды и Лóки родился Волкъ Фéнриръ;
И родилъ Лóки Слéйпнира отъ Свáдильфари. 42
Всѣхъ чудовищъ страшнѣй порожденье ужасное,
Что на свѣтъ произвелъ еще Бúлейптра братъ.

[Полусоженное женское сердце
Лóки нашелъ подъ углями, и съѣлъ; 43
Плодъ зáчалъ Лоптръ отъ проклятой жены—
И отсюда пошли всѣ чудовища злыя.

. . . . . .

[Къ самому небу вздымается море,
Заливаетъ всѣ земли—и воздухъ мертвѣетъ; 44
Вьюги снѣжныя воютъ, и вихрь ледяной:
Близится гибель великихъ боговъ.

---

(40) Неясно, о комъ идетъ рѣчь.

42, III страшнѣе всѣхъ чудовищъ—несомнѣнно, великій міровой Йормунгандръ, котораго также родила отъ Лóки Ангрбóда; третьимъ дѣтищемъ этого брака была Гэль—Смерть.

О Бúлейптрѣ, братѣ Лóки, нѣтъ болѣе подробныхъ свѣдѣній.

(43) Неизвѣстно, къ какому миѳу относится эта довольно темная строфа. Если принятое чтеніе текста вѣрно, то изъ него во всякомъ случаѣ слѣдуетъ, что Локи, забеременѣвъ отъ съѣденнаго имъ женскаго сердца, произвелъ на свѣтъ одно или нѣсколько чудовищъ, отъ которыхъ потомъ пошли „всѣ“ остальныя.

Едва ли однако по мысли автора дѣйствительно отъ Лóки пошли всѣ чудовища безъ исключенія. Напр., Нúддгоггръ, повидимому, не въ родствѣ съ нимъ.

(44) Здѣсь отрывокъ изъ описанія кончины міра.

Но богъ еще будетъ съ великою мощью—
Имя его я не смѣю назвать. 15
Немногіе знаютъ, что дальше настанетъ
Послѣ боя послѣдняго О́дина съ Волкомъ.]

. . . . . .

Фре́йа сказала:

Сохраняющимъ знанія памятнымъ пивомъ
Дай напиться ты вепрю теперь моему. 16
Чтобъ на третій онъ день эти рѣчи всѣ помнилъ—
Какъ свой родъ вспоминать станутъ О́ттаръ и А́нгантиръ.

Ҕи́ндла сказала:

Уходи отъ меня! Отдохнуть собираюсь я.
Ничего не получишь ты, спать я хочу! 17
По ночамъ ты, дружокъ, за мужами гоняешься—
Какъ торопится Ге́йдрунъ къ козламъ, похотливая.

Одръ любовникъ твой былъ; и немало другихъ
Твой подолъ задираютъ, чтобъ быть между бедеръ. 18
По ночамъ ты, дружокъ, за мужами гоняешься.

45, I Въ этой строфѣ видятъ вліяніе христіанскихъ идей. На мой взглядъ, ошибочно; такъ какъ сопоставленіе съ нѣкоторыми строфами Vǫluspǫ и Hǫvamǫl указываетъ на прямую связь этихъ и аналогичныхъ намековъ на основные мотивы оккультнаго текста Эдды—продукта древней мистики до-христіанской и продолжавшей существовать въ по-христіанское время среди сѣверныхъ посвященныхъ О́дина [См. G. List. Die Rita der Ario-Germanen, и др. S. Лит. указ.]. *С.*

47, IV Ге́йдрунъ—коза въ селеніяхъ боговъ.

48, I Одръ—стихійное божество, возлюбленный Фре́йи.

48, II Въ передачѣ этой строки переводчику справедливо могутъ поставить въ упрекъ крайнюю рѣзкость, быть можетъ даже бо́льшую, чѣмъ въ подлинникѣ. Но, не сумѣвъ найти буквальной передачи послѣдняго [текстъ пѣсни таковъ: „Skutosk ſer fleire und fyrer Skyrto"], я руководился здѣсь, какъ и всегда, убѣжденіемъ, что грубая прямота выраженія нетолько ближе къ духу первобытнаго эпоса, но и несравненно менѣе непріятна—здоровому воображеніемъ читателю,—нежели смягченная или „модернизированная" двусмысленность. *С.*

Фре́йа сказала:

Окружу исполиншу я пламенемъ жаркимъ,
Невредимою ты не вернешься въ свой домъ. 49

. . . . . .

. . . . . .

Ґи́ндла сказала:

Вижу я пламя, земля закурилась—
Съ жизнью разстаться не хочетъ никто! 50
Возьми же напитокъ для О́ттара памятный;
Пусть онъ, какъ ядомъ, отравится имъ!

Фре́йа сказала:

Не накличетъ бѣды твое злобное слово,
Хоть зла и желаешь ты, дочь исполиновъ! 51
Всѣхъ великихъ боговъ умолю я за О́ттара,
И счастливцу на пользу напитокъ пойдетъ.

49, I Предполагается, что „жаркое пламя"—только метафорическое обозначеніе занимающейся зари, грозящей великаншѣ гибелью, если она не вернется въ свой домъ до восхода солнца, которое нѣкоторыхъ (повидимому не всѣхъ) исполиновъ, какъ и карловъ, обращаетъ въ камень.

Но возможно, что въ старомъ сказаніи угрозу Фре́йи надо просто понимать буквально.

ОБЩІЯ ЗАМѢЧАНІЯ.

Полностью „Пѣснь о Ґи́ндлѣ“ имѣется только въ Flateyjarbók 1105 (и отсутствуетъ, слѣдовательно, въ обоихъ главныхъ спискахъ Эдды). Въ Снорровой Эддѣ есть цитаты изъ нея.

Это произведеніе дошло до насъ въ сильно испорченномъ видѣ, съ крупными и запутанными интерполляціями. Прежде всего въ него внесенъ позднѣйшимъ переписчикомъ большой отрывокъ не имѣющей сюда никакого отношенія пѣсни, извѣстной подъ заглавіемъ „Краткой Vǫluspǫ́“ и заключающей въ себѣ различныя миѳологическія свѣдѣнія. Эта пѣснь, по всей вѣроятности, старѣе „Пѣсни о Ґи́ндлѣ“ и связана съ нею совершенно некстати (стрф. 35—45).

Самая „Пѣснь о Ґи́ндлѣ“—какъ видно изъ языка, пріемовъ и изъ самаго содержанія (показывающаго, что цѣлый рядъ миѳовъ, время распространенія которыхъ приблизительно извѣстно, существовалъ уже до нея и использованъ авторомъ)—очень поздняго происхожденія, быть можетъ XII вѣка, и сложилась въ Исландіи, хотя и на темы норвежскихъ сагъ. (Таково мнѣніе Могка).

Очень возможно, что авторъ былъ уже христіанинъ, для котораго миѳологическіе образы являлись только литературнымъ матеріаломъ.

Искусственность построенія—вставленная въ рамки миѳа генеалогическая энциклопедія — также говоритъ въ пользу поздняго происхожденія пѣсни.

ПѢСНЬ О СВИ́ПДАГРѢ.

I.

Заклинанія Провидицы Гро́а.

Свиндагръ сказалъ:

Гро́а, проснись! Пробудись ты, родимая!
Въ мірѣ у мертвыхъ услышь меня, мать! 1
Вспомни, какъ мнѣ ты велѣла за помощью
На курганъ твой могильный идти.

Гро́а сказала:

Чѣмъ удрученъ ты, сынокъ мой единственный?
Въ чемъ приключилась печаль? 2
Что ты зовешь меня, прахомъ покрытую,
Чуждую весямъ живыхъ?

Свиндагръ сказалъ:

Злая жена, что съ отцомъ дѣлитъ ложе,
Зла мнѣ желая, велитъ 3
Путь розыскать, всѣмъ живущимъ невѣдомый:
На поиски Мэнглодъ идти.

---

(1) Свиндагръ („Быстрый День") еще въ раннемъ дѣтствѣ помолвленъ съ красавицею Мэнглодъ. Оба они растутъ вдали другъ отъ друга. Мать Свиндагра, вѣщая мудрая Гро́а, умерла, когда онъ былъ еще ребенкомъ; передъ смертью она ему сказала, чтобы онъ пришелъ къ ея могильному кургану и вызвалъ ее изъ могилы, если ему понадобится ея помощь. Между тѣмъ, отецъ Свиндагра взялъ себѣ въ жены другую женщину, которая не любитъ своего пасынка и посылаетъ его, еще очень юнаго (вѣроятно пятнадцати лѣтъ) на поиски Мэнглодъ—надѣясь, что онъ при этомъ погибнетъ, такъ какъ ему неизвѣстно, какъ найти дорогу къ невѣстѣ и какъ преодолѣть всевозможныя препятствія, ожидающія его на пути.

Свиндагръ, вспомнивъ наставленіе матери, вызываетъ ее изъ могилы.

3, II „Злая жена"—мачиха Свиндагра.

Гро́а сказала:

Дологъ твой путь—и опасный, и дальній—
Но держится дольше любовь! 4
Доблестенъ будь—и желанное сбудется,
Если не врагъ тебѣ Рокъ.

Свипдагръ сказалъ:

Чарами мощными, мать моя мудрая,
Сына въ пути защити, 5
Чтобъ не погибнуть мнѣ въ странствіи трудномъ
Съ дѣтствомъ недавно простясь.

Гро́а сказала:

Слушай же первое слово заклятія—
Ранъ его принялъ отъ Риндъ: 6
Чѣмъ удрученъ, то съ плеча отряхни ты;
Самъ себя, сильный, спаси.

Слушай второе—вездѣ оно странника
Въ тяжкомъ пути защититъ: 7
Урдръ окружи тебя крѣпкой оградой
Всюду, куда ни пойдешь.

Третье внимай—съ нимъ избѣгнешь безбѣдно
Грозной свирѣпости рѣкъ: 8
Горнъ пусть и Рудръ въ міръ подземный направятся;
Сохни, изсякни, волна.

Слушай четвертое—если отважнаго
Недруги станутъ тѣснить:

6, II Риндъ—мать бога Вали; Ранъ—быть можетъ, прозваніе послѣдняго.

7, III Урдръ—одна изъ Норнъ, вѣщихъ дѣвъ судьбы.

8, III Горнъ и Рудръ—имена потоковъ.

Долженъ ихъ духъ тебѣ сдѣлаться дружнымъ,
Къ миру стремиться съ тобой.

Пятое слово пою я—отъ плѣна
Будешь свободенъ ты съ нимъ: 10
Слово заклятья на члены положено—
Узы спадутъ съ твоихъ рукъ.
[Снимется вервіе съ ногъ.]

Слушай шестое—коль въ морѣ шумящемъ
Буря застигнетъ тебя: 11
Вѣтры и воды почтутъ твою волю,
Берегъ найдешь, невредимъ.

Слушай седьмое—не сможетъ вредить тебѣ
Грозная стужа въ горахъ: 12
Крѣпкій морозъ твоей кожи не тронетъ,
Членовъ твоихъ не скуетъ.

Вотъ заклинанье восьмое—чтобъ ночью
Былъ безопасенъ твой путь: 13
Вѣдьма тебѣ волшебствомъ неживая
Не повредитъ никогда.

---

(13) Особенно опасными считались уже умершія колдуньи, по ночамъ выходящія изъ могилъ, чтобы вредить людямъ.

Въ текстѣ стоитъ слово kristen—которое, если только чтеніе его правильно, означаетъ христіанская женщина. Такое выраженіе возможно, такъ какъ первымъ представителямъ христіанства языческое населеніе Исландіи относилось съ понятною подозрительностью; и разъ вѣра въ колдуній и вѣдьмъ была общераспространенною, не удивительно, что христіанскія вѣдьмы считались особенно опасными.

Многими предполагается здѣсь описка въ рукописи, различно возстановляемая; но общій смыслъ остается тотъ же.

Слушай девятое—сможешь о мудрости
Въ споръ съ исполиномъ вступить: 14
Мыслей уму, и устамъ краснорѣчья
Много пусть будетъ дано.

Въ путь свой ступай ты теперь и не бойся;
Будь тебѣ въ радость любовь! 15
Вѣщихъ заклятій слова я пропѣла,
Стоя на камнѣ святомъ.

Пѣснь эту помни, носи ее въ сердцѣ—
Матери мертвой завѣтъ: 16
Счастье всю жизнь провожать тебя станетъ,
Если онъ будетъ съ тобой.

(6—15) Эти десять строфъ несомнѣнно заключаютъ, помимо прямого значенія, оккультный смыслъ [какъ и Runatal въ Hǫvamǫl], опредѣленно связанный съ эдической мистикой. Но разсмотрѣніе этой стороны невозможно въ настоящихъ примѣчаніяхъ, изъ которыхъ я сознательно и устраняю всякое соприкосновеніе съ данною областью, какъ задачу, требующую особаго труда и выходящую за предѣлы этого комментарія. Интересующагося герметической стороной текста этой пѣсни (и вообще Эдды) отсылаю еще разъ [впредь до выхода моей спеціальной работы по этому вопросу] къ сочиненіямъ Гвидо Листа (См. Лит. указ.).

С. Свириденко.

15, IV На могильныхъ курганахъ обыкновенно находились большіе камни.

II.

Пѣснь о Фйо́льсвидрѣ.

На гору быстро къ жилью исполина
Юноша дерзкій всходилъ. 1

Сви́пдагръ сказалъ:
Что за уродъ во дворѣ тутъ на стражѣ,
Что жаркимъ огнемъ окруженъ?

Фйо́льсвидръ сказалъ:
Кто ты, незванный? Чего ты здѣсь ищешь?
Что тебѣ надо, наглецъ? 2
Прочь отправляйся сырою дорогою!
Здѣсь будешь встрѣченъ, какъ врагъ.

Сви́пдагръ сказалъ:
Что за уродъ во дворѣ тутъ на стражѣ,
Бранью честящій гостей?

Фйо́льсвидръ сказалъ:
Добраго здѣсь не дождешься пріема; 3
Можешь домой уходить.
Фйо́льсвидръ зовусь я; умомъ я извѣстенъ;
На угощенья не щедръ. 4
Гостя во дворъ не впущу я незваннаго;
Въ лѣсъ отправляйся къ волкамъ!

---

(1) Въ подлинникѣ другой порядокъ строкъ: III, IV; I, II.

1, IV Обычный эпическій образъ: дворъ Мэ́нглодъ окруженъ огнемъ (ср. „Пѣснь о Ски́рнирѣ", циклъ пѣсенъ о Си́гурдрѣ).

4, I Фйо́льсвидръ — „Многомудрый", „Многознающій".

Свипдагръ сказалъ:

Тотъ, кто увидѣлъ хоромы прекрасныя,
Неохотно уходитъ отъ нихъ. 3
Блещутъ въ чертогѣ столбы золотые—
Я хотѣлъ-бы здѣсь отдыхъ найти.

Фиольсвидръ сказалъ:

Мальчикъ, отвѣть мнѣ: какъ звался отецъ твой?
Кто ты и чей, отвѣчай! 6

Свипдагръ сказалъ:

Холодъ мнѣ имя, отецъ мой былъ Стужа;
Самъ онъ Мороза былъ сынъ.
Фиольсвидръ, отвѣть мнѣ и правду повѣдай—
Вотъ что мнѣ надо узнать: 7
Чей это край и хоромы высокія,
Гдѣ золота столько блеститъ?

Фиольсвидръ сказалъ:

Мэнглодъ зовется рожденная матерью
Отъ сына Свафртòрина здѣсь.
Дѣва владѣетъ страной и чертогомъ,
Гдѣ золота столько блеститъ.

---

(6) Отвѣты Свипдагра Герингъ объясняетъ тѣмъ, что онъ хочетъ выдать себя, находясь въ странѣ исполиновъ, тоже за потомка исполиновъ, властителей зимы и холода.

Мнѣ кажется, что здѣсь надо видѣть просто наивную хитрость—юноша старается придумать что-нибудь, возможно болѣе непохожее на настоящія имена, свое и своего отца, напоминающія о солнцѣ и теплѣ. Его имя переводится „Быстрый день", отца его звали Сольбйартъ „Сіяющій какъ солнце". *С.*

8, II Свафртòринъ, слѣдовательно, дѣдъ Мэнглодъ по отцу. Имена ея родителей остаются неизвѣстны.

10, III Сами ворота въ силу своего волшебнаго устройства схватятъ и удержатъ попытавшагося снять ихъ. Таково общепринятое чтеніе текста. Возможно, однако — и мнѣ это представляется вѣроятнѣе [ибо кому же понадобится снимать съ петлей ворота въ чужомъ домѣ?], что слова

Сви́пдагръ сказалъ:

Фйо́льсвидръ, отвѣть мнѣ и правду повѣдай,—
Вотъ что мнѣ надо узнать: 9
Что за ворота здѣсь? Входа опаснѣе
Не видали въ предѣлахъ боговъ.

Фйо́льсвидръ сказалъ;

Тру́мгйолль имъ имя; ихъ строили трое
Карловъ искусныхъ, Со́льбли́нди сыновъ; 10
Схваченъ и скованъ окажется ими,
Кто попытается съ петель ихъ снять.

Сви́пдагръ сказалъ:

Фйо́льсвидръ, отвѣть мнѣ и правду повѣдай—
Вотъ что мнѣ надо узнать: 11
Что за стѣна здѣсь? Устройства прочнѣе
Не видали въ предѣлахъ боговъ.

Фйо́льсвидръ сказалъ:

Га́тстропниръ имя ей; тѣломъ Ле́йрбри́мира
Стѣну я эту мостилъ; 12
Крѣпко стоитъ она, будетъ стоять здѣсь,
Покуда не треснетъ земля пополамъ.

стража относятся къ тому, кто попытается сдвинуть ворота на петляхъ—т.-е., попросту, растворить ихъ. Иначе слишкомъ гиперболичны слова героя объ „опасности" этого входа: вѣдь нѣтъ же никакой надобности, чтобы войти, снимать съ петлей двери или ворота. Въ моихъ глазахъ, стихъ 10, III, IV означаетъ, что волшебныя ворота схватятъ каждаго, кто попробуетъ самовольно отворить ихъ, чтобы войти.

С.

12, I Лейрбри́миръ—„глиняный исполинъ"; по всей вѣроятности, въ данномъ случаѣ просто метафора, обозначающая глину. Возможно, однако, что рѣчь идетъ и о какомъ-нибудь реальномъ существѣ. Въ сказаніи о боѣ Торра съ Грунгни́ромъ тоже идетъ рѣчь о глиняномъ исполинѣ—живомъ и чудовищнаго роста, но робкомъ (Мо́ккурка́льфи).

Свипдагръ сказалъ:

Фиольсвидръ, отвѣть мнѣ и правду повѣдай—
Вотъ что мнѣ надо узнать: 13
Какъ называютъ вѣтвистое Дерево,
Весь осѣнившее міръ?

Фиольсвидръ сказалъ:

Мимамейдръ ясень зовется; изъ смертныхъ
Не знаетъ никто его тайныхъ корней. 14
Люди не знаютъ, что смерть причинитъ ему:
Ни сталь, ни огонь не погубятъ его.

[Свипдагръ сказалъ:

Фиольсвидръ, отвѣть мнѣ и правду повѣдай—
Вотъ что мнѣ надо узнать: 15
Что же конецъ причинитъ тому Дереву,
Разъ Ясень не сгубятъ ни сталь, ни огонь?]

. . . . . .

---

14. Мимамейдръ—„Дерево Мимира"—одно изъ названій мірового ясеня Иггдрасиля, изъ-подъ корней котораго вытекаетъ ключъ Мимира, дающій мудрость.

(15) Послѣ этой строфы пропускъ, по крайней мѣрѣ, въ 2 строфы: утраченъ отвѣтъ Фиольсвидра на 15 и вопросъ Свипдагра, на который отвѣчаетъ слѣдующая реплика. (16).

Но по всей вѣроятности потеряно гораздо больше, чѣмъ 2 строфы.

Далеко не несомнѣнно, чтобы въ 16 рѣчь шла все еще о Ясенѣ; можетъ быть, дѣло касается уже совершенно другого дерева. Если же говорится дѣйствительно о міровомъ Ясенѣ, символизирующемъ совокупность человѣческихъ судебъ въ послѣдовательныхъ воплощеніяхъ—то подъ „плодами" повидимому подразумѣвается личная „карма" имѣющаго родиться существа. Знакомые съ оккультными ученіями читатели могутъ воспользоваться даваемымъ здѣсь мною указаніемъ для уясненія себѣ этой строфы. Для общедоступнаго разъясненія затрагиваемаго здѣсь вопроса—я не располагаю мѣстомъ въ данномъ комментаріи (См. G. List. o. c.).

Ясно, во всякомъ случаѣ, что всѣ ближайшія строфы, какъ и эта, относятся не только къ прямому предмету діалога Свипдагра и таинственнаго Стража, но имѣютъ общеміровое, космогоническое значеніе. Почему-то это обычно не отмѣчается комментаторами. *С.*

[Фйо́льсвидръ сказалъ:
Въ жаркое пламя плоды пусть положатъ,
Если женщинѣ трудно рожать: 16
Выйдетъ наружу, что было внутри—
Такъ дерево властно надъ тѣломъ людей.]

Сви́пдагръ сказалъ:
Фйо́льсвидръ, отвѣть мнѣ и правду повѣдай—
Вотъ что мнѣ надо узнать: 17
Какъ тотъ пѣтухъ, золотой весь, зовется,
Что всѣхъ выше на вѣткахъ сидитъ?

Фйо́льсвидръ сказалъ:
Ви́дофниръ птица зовется блестящая,
Ей Ми́мамейдръ служитъ жильемъ; 18
Много заботъ непрестанныхъ доставилъ
Синма́рѣ и Су́ртру пѣтухъ золотой.

Сви́пдагръ сказалъ:
Фйо́льсвидръ, отвѣть мнѣ и правду повѣдай—
Вотъ что мнѣ надо узнать: 19
Какъ называются псы, что близъ дома
Съ жадною пастью кружатъ?

Фйо́льсвидръ сказалъ:
Гэ́ри и Ги́фръ эти псы называются,
Разъ тебѣ надобно знать. 20
Сильны, свирѣпы, стеречь они станутъ
Домъ до кончины боровъ.

18, I Ви́дофниръ, вѣроятно, тождественъ съ пѣтухомъ Гуллинкамби, пѣніе котораго будитъ обитателей Валха́ллы.

18, IV Суртръ—исполинъ изъ огненнаго міра Му́спелля. Синма́ра, повидимому, жена его. У нея хранится оружіе, которымъ можетъ быть убитъ Ви́дофниръ.

20, I Гэ́ри и Гифръ. Оба имени означаютъ „жадный". Гэ́ри зовутъ также одного изъ волковъ Одина.

Свипдагръ сказалъ:

Фйо́льсвидръ, отвѣть мнѣ и правду повѣдай—
Вотъ что мнѣ надо узнать: 21
Въ часъ, когда спятъ они—можетъ ли смѣлый
Тайно пробраться въ чертогъ?

Фйо́льсвидръ сказалъ:

Оба они чередуются отдыхомъ
Съ тѣхъ поръ какъ на стражѣ двора: 22
Ночью спитъ первый, а днемъ спитъ другой.
Въ двери никто не пройдетъ.

Свипдагръ сказалъ:

Фйо́льсвидръ, отвѣть мнѣ и правду повѣдай—
Вотъ что мнѣ надо узнать: 23
Можно иль нѣтъ прикормить ихъ приманкою,
Пока ѣсть они станутъ—войти?

Фйо́льсвидръ сказалъ:

Можно изъ тѣла златого Видо́фнира
Сдѣлать два вкусныхъ жаркихъ: 24
Псовъ прикормить только ими возможно,
Пока ѣсть они станутъ—пройти.

Свипдагръ сказалъ:

Фйо́льсвидръ, отвѣть мнѣ и правду повѣдай—
Вотъ что мнѣ надо узнать:
Есть ли оружье въ мірахъ, отъ котораго
Ви́дофниръ свѣтлый умретъ?

Фйо́льсвидръ сказалъ:

Ле́ватейнъ мечъ тотъ зовется; ковалъ его
Лоптръ волшебствомъ, въ мірѣ Смерти самой; 26
Въ ларь онъ желѣзный положенъ Синма́рою,
Девять затворовъ на немъ.

26, II Лоптръ—богъ Ло́ки.

Сви́пдагръ сказалъ:

Фйо́льсвидръ, отвѣть мнѣ и правду повѣдай—
Вотъ что мнѣ надо узнать: 27
Тотъ, кто достать этотъ мечъ попытается—
Вернется ли снова назадъ?

Фйо́льсвидръ сказалъ:

Тотъ, кто достать этотъ мечъ попытается,
Снова вернется назадъ— 28
Если онъ нѣчто, немногимъ доступное,
Доставитъ богинѣ колецъ золотыхъ.

Сви́пдагръ сказалъ:

Фйо́льсвидръ, отвѣть мнѣ и правду повѣдай—
Вотъ что мнѣ надо узнать: 29
Есть ли у смертныхъ сокровище рѣдкое,
Что Синма́ра за мечъ свой возьметъ?

Фйо́льсвидръ сказалъ:

Серпъ золотой принести ты Синма́рѣ—
Видо́фнира птицы перо; 30
Это перо подари исполиншѣ—
Мечъ ты получишь въ обмѣнъ.

28, IV богиня золотыхъ колецъ. Скальдическая метафора, означающая „женщину“.

(30) Тутъ выступаетъ сказочный мотивъ, реально изображающій невозможность проникнуть къ Мэ́нглодъ для всякаго, исключая того единственнаго, который предназначенъ стать ей мужемъ. Отъ всякаго, кромѣ Сви́пдагра (какъ окажется впослѣдствіи), дворъ охраняютъ псы, которыхъ можно прикормить только мясомъ Ви́дофнира; послѣдняго нельзя убить ничѣмъ, кромѣ меча Ле́ватейна, а этотъ мечъ можно получить только въ обмѣнъ на перо (убитаго) Ви́дофнира—т.-е. оказывается безвыходный кругъ.

Свипдагръ сказалъ:

Фйо́льсвидръ, отвѣть мнѣ и правду повѣдай—
Вотъ что мнѣ надо узнать: 31
Какъ называютъ чертогъ этотъ свѣтлый,
Хранимый волшебнымъ огнемъ?

Фйо́льсвидръ сказалъ:

Лиръ называютъ чертогъ этотъ свѣтлый,
На копьяхъ вращается онъ. 32
Лишь по наслышкѣ провѣдали люди
Про роскошь огромныхъ хоро́мъ.

Свипдагръ сказалъ:

Фйо́льсвидръ, отвѣть мнѣ и правду повѣдай—
Вотъ что мнѣ надо узнать: 33
Кто этотъ дворъ ослѣпительный вымостилъ,
Такъ, что горитъ онъ какъ жаръ?

Фйо́льсвидръ сказалъ:

У́ни и И́ри, Вэ́гдразиль и Я́ри,
Ба́рри и Де́ллингръ и Варъ, 34
До́ри мостилъ его, О́ри мостилъ его,
Ло́ки лукавый мостилъ.

Свипдагръ сказалъ:

Фйо́льсвидръ, отвѣть мнѣ и правду повѣдай—
Вотъ что мнѣ надо узнать: 35
Какъ эту гору зовутъ, гдѣ невѣста,
Дивная дѣва, сидитъ?

---

(34) Изъ асовъ, такимъ образомъ, участвовалъ въ постройкѣ двора только Ло́ки; Де́ллингра иногда тоже причисляютъ къ асамъ. Остальныя имена—имена карловъ. Всѣ отвѣты Фйо́льсвидра относятся, опять-таки, нетолько къ устройству чертога Мэ́нглодъ, но и къ тайнамъ устроенія Вселенной. Ло́ки въ данномъ случаѣ — представитель Хаоса. *С.*

Фйо́льсвидръ сказалъ:

Ли́фйабергъ имя ея; исцѣляетъ
От болѣзней и ранъ та гора; 36
Женщина съ тяжкомъ недугомъ излечится,
До вершины дошедши ея.

Сви́пдагръ сказалъ:

Фйо́льсвидръ, отвѣть мнѣ и правду повѣдай—
Вотъ что мнѣ надо узнать: 37
Какъ прозываются дѣвы, сидящія
Мирно близъ Мэ́нглодъ, у ногъ госпожи?

Фйо́льсвидръ сказалъ:

Глифъ имя первой, Глифтра́са вторая,
Третью же Тйо́дворъ зовутъ; 38
Аурбода, Фридръ, Бйортъ и Блейкъ, Блидъ и Э́иръ—
Вотъ этихъ дѣвъ имена.

Сви́пдагръ сказалъ:

Фйо́льсвидръ, отвѣть мнѣ и правду повѣдай—
Вотъ что мнѣ надо узнать: 39
Всѣмъ ли даруютъ поддержку тѣ дѣвы
При жертвахъ, съ мольбой противъ бѣдъ?

Фйо́льсвидръ сказалъ:

Всѣмъ эти дѣвы поддержку даруютъ,
Жертвенникъ жаркій храня; 40
Смѣлымъ бойцамъ помогаютъ въ невзгодѣ
Эти свѣтлыя дѣвы всегда.

---

(36) Что мѣстопребываніе Мэ́нглодъ—гора Ли́фйабергъ, „гора жизни", „гора исцѣленія",—указываетъ на то, что въ первоначальномъ представленіи Мэ́нглодъ могла быть благою богинею, покровительствующею людямъ.

На это же указываютъ функціи ея прислужницъ, одаренныхъ высшимъ могуществомъ.

Свипдагръ сказалъ:

Фиольсвидръ, отвѣть мнѣ и правду повѣдай—
Вотъ что мнѣ надо узнать: 41
Есть ли межъ смертными мужъ, что у Мэнглодъ
Будетъ въ объятьяхъ лежать?

Фиольсвидръ сказалъ:

Мужа межъ смертными нѣтъ, что у Мэнглодъ
Будетъ въ объятьяхъ лежать— 42
Кромѣ единаго: свѣтлаго Свипдагра;
Ей онъ женихъ искони.

Свипдагръ сказалъ:

Двери раскрой, отопри ты ворота!
Свипдагръ стоитъ предъ тобой. 43
Къ Мэнглодъ спѣши, и спроси у красавицы:
Хочетъ ли быть мнѣ женой.

Фиольсвидръ (пошелъ къ Мэнглодъ и) сказалъ:

Мэнглодъ, послушай! Явился къ намъ витязь.
Гостя ты встрѣть поскорѣй; 44
Псы къ нему ластятся, дворъ самъ открылся—
Свипдагръ навѣрное онъ.

Мэнглодъ сказала:

Пусть тебѣ вороны выклюютъ очи
Высоко на позорномъ суку— 45
Если солгалъ ты, что гость мой желанный
Прибылъ ко мнѣ наконецъ.

(Мэнглодъ вышла къ Свипдагру и сказала:)

Прибылъ отколь ты? какою дорогою?
Имя скажи мнѣ свое. 46
Родъ назови, чтобъ могла я увѣриться—
Мой ты женихъ или нѣтъ.

45, II Т.-е. на суку, гдѣ тебя повѣсягъ.

Сви́пдагръ сказалъ:

Сви́пдагръ зовусь я, и Со́льбйартъ отецъ мой;
Шелъ я—вонъ тамъ, одинокимъ путемъ. 17
Урдъ приговору никто не противится—
Сбудется воля Судьбы.

Мэ́нглодъ сказала:

Витязь, привѣтъ тебѣ! Въ домъ мой войди ты,
Вѣрной невѣсты прими поцѣлуй! 18
Сердцемъ ликуетъ въ часъ радостной встрѣчи
Всякій, кто сильно любилъ.

Долго сидѣла я здѣсь на вершинѣ,
Долго я здѣсь дожидалась тебя; 49
Кончены скорби, сбылося желанье:
Сви́пдагръ явился ко мнѣ!

Я по любви твоей здѣсь тосковала
Такъ же давно, какъ по мнѣ ты грустилъ; 50
Часъ наступилъ, и теперь я съ тобою—
Вѣчное счастье насъ ждетъ!

---

(49) Эта строфа характерно напоминаетъ привѣтственныя слова, которыми, въ аналогичномъ эпизодѣ сказаній о Си́гурдрѣ, встрѣчаетъ его на вершинѣ горы пробужденная героемъ невѣста-валькирія — Брингильда (Siprdrifumǫl).

ОБЩІЯ ЗАМѢЧАНІЯ.

„Пѣсни о Свипдагрѣ“ нѣтъ ни въ одномъ изъ списковъ на пергаментѣ, а только въ позднихъ рукописяхъ на бумагѣ. Она принадлежитъ исландской поэзіи конца X вѣка, хотя фигурирующіе въ ней миѳическіе и фольклорные элементы исходятъ изъ глубочайшей древности.

Что Gróagaldr и Fjolsvinnsmǫ́l дѣйствительно представляютъ собою одно произведеніе, при чемъ второе является непосредственнымъ продолженіемъ перваго—это достаточно явствуетъ изъ содержанія, въ частности уже изъ начальныхъ строкъ второй пѣсни; вѣроятно, обѣ пѣсни принадлежали и одному автору.

Авторъ этотъ несомнѣнно язычникъ, даже если надо считать неправильнымъ то чтеніе текста, при которомъ, въ 13 строфѣ Gróogaldr, идетъ рѣчь о „причиняющихъ вредъ христіанскихъ вѣдьмахъ“. И помимо этого все произведеніе проникнуто опредѣленнымъ и яркимъ языческимъ духомъ.

Часто указываютъ, что „Пѣснь о Свипдагрѣ“ составляетъ переходъ отъ миѳологическихъ пѣсенъ къ героическимъ. Главнымъ дѣйствующимъ лицомъ ея является не богъ, а земной герой, еще сохранившій въ себѣ черты стихійнаго (солнечнаго) божества, но съ вполнѣ опредѣленнымъ человѣчнымъ обликомъ, отчасти уже воплощающимъ идеальный типъ германскаго героическаго эпоса: онъ напоминаетъ Сигурдра своимъ беззаботнымъ безстрашіемъ, своею юношескою заносчивостью при встрѣчѣ съ Фйо́льсвидромъ, своею радостною увѣренностью въ побѣдѣ. Наивная хитрость, съ какою Свипдагръ старается скрыть свое имя и происхожденіе, напоминаетъ подобную же попытку Сигурдра назваться вымышленнымъ именемъ на вопросъ Фа́фнира (Пѣснь о Фа́фнирѣ, 2). Съ другой стороны образъ и личность Фйо́льсвидра, дидактическій характеръ его бесѣды съ Свипдагромъ—замѣтно примыкаютъ къ миѳологическому эпосу. Фабула построена на томъ же фольклорномъ мотивѣ, отголоски котораго имѣются въ „Пѣсни о Скир-

нирѣ“ и которому наиболѣе яркое воплощеніе дано въ циклѣ пѣсенъ о Си́гурдрѣ: герой, послѣ далекаго странствія, преодолѣвъ преграды, которыя лишь онъ одинъ изъ всѣхъ живущихъ призванъ преодолѣть—находитъ наконецъ отъ вѣка предназначенную ему и съ любовью ожидающую его невѣсту.

Общій многимъ народамъ фольклорный мотивъ надо видѣть и въ обращеніи Сви́пдагра къ умершей матери за помощью и совѣтомъ. Аналогичные моменты есть въ рядѣ сказаній и пѣсенъ.

За исключеніемъ нѣсколькихъ неясныхъ, очень запутанныхъ и спорныхъ (вѣроятно, сильно испорченныхъ переписчиками) строкъ въ „Пѣсни о Фйо́льсвидрѣ“, и самой личности послѣдняго, остающейся до сихъ поръ загадочной [1]) — замыселъ поэта развивается просто и стройно.

Несмотря на позднее происхожденіе „Пѣснь о Сви́пдагрѣ“— одна изъ лучшихъ пѣсенъ Эдды.

Тема разработана естественно и художественно, образы ярки и прекрасны, въ лирическихъ мѣстахъ угадывается творчество настоящаго поэта, прозорливаго и глубоко-чувствующаго духа. Поразительно хороши прощальныя слова матери, напутствующей своего Сви́пдагра въ трудное странствіе за прекрасной далекой невѣстой (15, 16):

Въ путь свой ступай ты теперь и не бойся;
Будь тебѣ въ радость любовь!..
Вѣщихъ заклятій слова я пропѣла,
Стоя на камнѣ святомъ.

Пѣснь эту помни, носи ее въ сердцѣ—
Матери мертвой завѣтъ;
Счастье всю жизнь провожать тебя станетъ,
Если онъ будетъ съ тобой.

И яркій, богатый лиризмъ звучитъ въ первыхъ обѣтахъ любви, которыми обмѣниваются на горной вершинѣ Сви́пдагръ и Мэ́нглодъ, изначала предназначенные другъ другу, долго любившіе и наконецъ соединенные судьбою.

---

[1]) Я считаю, что здѣсь не мѣсто вдаваться въ подробный разборъ спорнаго вопроса о личности Фйо́льсвидра и въ частности отстаивать мое личное предположеніе на этотъ счетъ. Только напоминаю еще разъ объ эзотерической подкладкѣ всего діалога и связи его съ тайными космогоническими ученіями эддическихъ авторовъ. *С.*

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Введеніе 3
Предисловіе къ русскому переводу 35

КНИГА ПЕРВАЯ.

(Пѣсни о божествахъ).

1. Прорицаніе Провидицы (Vǫluspǫ́) 91
   Общія замѣчанія 113
2. Пѣснь о Путникѣ (Vegtamskviþa) 123
   Общія замѣчанія 130
3. Пѣснь о Тримрѣ (Þrymskviþa) 139
   Общія замѣчанія 149
4. Пѣснь о Ги́мирѣ (Hymeskviþa) 151
   Общія замѣчанія 164
5. Словесная распря Ло́ки (Lokasenna) 167
   Общія замѣчанія 189
6. Сказъ о Га́рбардрѣ (Hárbarþsljóþ) 201
   Общія замѣчанія 214
7. Пѣснь о Ски́рнирѣ (Skirnesmǫ́l) 219
   Общія замѣчанія 231
8. Рѣчи Ва́фтруднира (Vafþrúþnesmǫ́l) 233
   Общія замѣчанія 249
9. Рѣчи Гри́мнира (Grimnesmǫ́l) 251
   Общія замѣчанія 271
10. Пѣснь объ А́львиссѣ (Alvíssmǫ́l) 273
    Общія замѣчанія 283
11. Изреченія Высокаго (Hǫ́vamǫ́l) 285
    Общія замѣчанія 318
12. Сказаніе о Ригѣ (Rígsþula) 327
    Общія замѣчанія 340
13. Пѣснь о Ги́ндлѣ (Hyndloljód) 343
    Общія замѣчанія 357
14. Пѣснь о Сви́пдагрѣ (Svipdagsmǫ́l):
    I. Заклинанія Провидицы Гро́а (Gróogaldr) 361
    II. Пѣснь о Фйо́льсвидрѣ (Fjǫlsvinnsmǫ́l) 365
    Общія замѣчанія 376